ДБ ТРИ
20 ВЕКА
Т67 -2-
М. 1912 г.

ТРИ ВЕКА.

ТРИ ВѢКА.

Россія отъ Смуты до нашего времени.

Историческій сборникъ подъ редакціей В. В. Каллаша.

ТОМЪ II.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Фундаментальная Библиотека К. У. Т. В.
ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
947 Т. 67
DB 20 T67
9(47) „17" т. 67

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ:

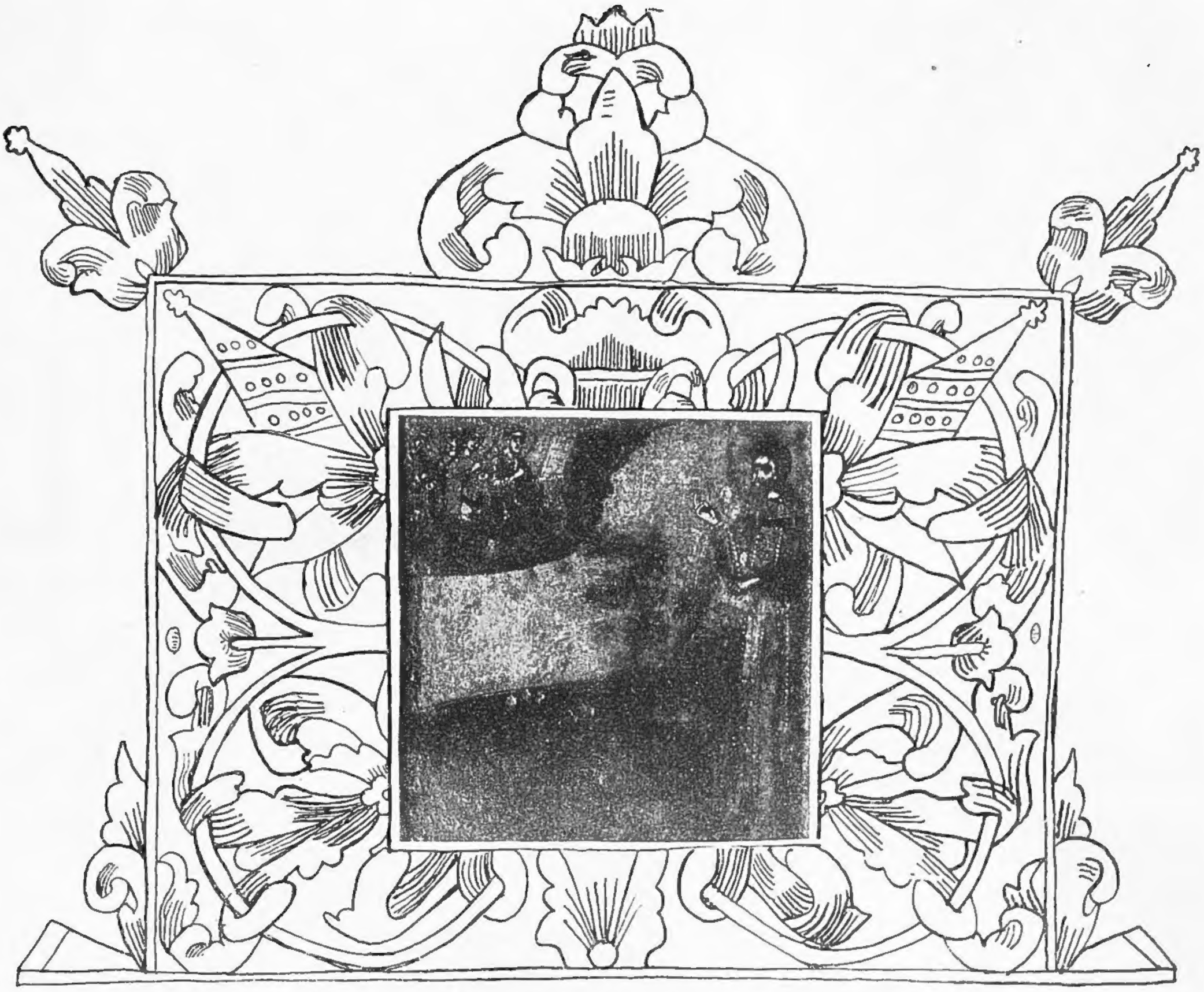
проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, пр.-доц. М. А. Поліевктовъ, И. И. Поповъ, пр.-доц. А. Е. Пѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. В. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій и др.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
528437

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1912.

XVII ѣкъ.

Вторая половина



Протопопъ Аввакумъ (старообрядческая икона).

Реформа Никона и происхожденіе раскола.

По преданію, государь, Никона, бывшаго патріарха, и по новоизложеннымъ ево книгамъ проповѣдуютъ намъ нынѣ ево, Никоновы ученицы, новую, незнамую вѣру... ея же вѣры не точію мы, но и прадѣды и отцы наши до настатія Никонона патріаршества и до сего времени и слухомъ не слыхали, а въ коемъ православіи прародители твои государевы скончались и многіе святые отцы и чудотворцы наши Зосима и Саватій, и Германъ, и Филиппъ митрополитъ угодили Богу, и ту истинную нашу православную вѣру они похулили, и весь церковный чинъ и уставъ

нарушили“. Такъ писали царю Алексѣю монахи Соловецкаго монастыря въ 1667 году, передъ началомъ знаменитаго соловецкаго бунта. Эти строки, вышедшія изъ-подъ пера самихъ дѣятелей и мучениковъ такъ называемаго раскола, порождаютъ въ нашемъ умѣ немало недоразумѣній. Мы привыкли думать, что расколъ произошелъ оттого, что часть невѣжественнаго русскаго духовенства XVII вѣка не захотѣла принять богослужебныхъ книгъ, исправленныхъ патріархомъ Никономъ; что за попами-раскольниками пошла слѣдомъ темная народная масса, и что знамя раскола поднимали, искренно или неискренно, также всѣ тѣ, кто не былъ доволенъ тогдашнимъ общественнымъ и государственнымъ строемъ, всяческіе „воры“, употребляя ходячій терминъ XVII вѣка. Но слова соловецкой челобитной говорятъ о введеніи Никономъ новой вѣры, до тѣхъ поръ невѣдомой, и объ уничтоженіи старой вѣры, истинной и православной, соблюдая которую угодили Богу русскіе святые чудотворцы и благочестивые предшественники царя Алексѣя. Соловецкая челобитная утверждаетъ противоположность двухъ вѣръ; и если мы вдумаемся въ судьбу старообрядцевъ, если мы вспомнимъ безконечныя гоненія, воздвигнутыя преемникомъ Никона на старообрядцевъ, если мы учтемъ современное положеніе старообрядчества, какъ самостоятельной, независимой отъ государства церкви, со своими учрежденіями, своей іерархіей, своимъ культомъ, своею идеологіей и своими печатными органами,—мы почувствуемъ, что соловецкая челобитная, вѣроятно, имѣла право противополагать вѣру вѣрѣ, оцѣнивать реформу Никона, какъ введеніе новой вѣры и уничтоженіе старой. Когда же мы изслѣдуемъ состояніе русской религіи и церкви передъ реформою Никона и сравнимъ результаты нашего изслѣдованія съ тѣмъ, что сдѣлалъ Никонъ, мы поймемъ смыслъ противоположенія старой и новой вѣры и поймемъ церковные корни раскола.

Для рядового русскаго XVI—XVII вѣковъ, такъ же какъ и для всякаго иного религіознаго человѣка, религія была необходима и важна, прежде всего, какъ практическая мудрость. Религія должна была научить человѣка, что ему нужно дѣлать, чтобы жить съ таинственнымъ міромъ въ ладу, и какъ привлекать къ себѣ его симпатіи и покровительство. Крестьянинъ ждалъ отъ божества урожая, дождя во время засухи, солнца во время холоднаго ненастья; посадскій человѣкъ ждалъ отъ своего покровителя-святого удачи и прибыли въ торговлѣ и разоренія своихъ конкурентовъ; бояринъ или князь смотрѣли на религію уже не только, какъ на средство собственнаго спасенія, но какъ на орудіе власти, дававшее имъ возможность чрезъ представителей клира держать на лишней привязи черный народъ. Въ вѣрѣ нашихъ предковъ сохранялись, поэтому, представленія, унаслѣдованныя отъ сѣдой славянской старины, кажущіяся намъ теперь дикими, но для того времени имѣвшія реальную, жизненную силу; изъ христіанскихъ воззрѣній были наиболѣе жизненными и широко распространенными тѣ, которыя отвѣчали религіознымъ по-

требностямъ тогдашняго общества и могли быть приноровлены къ старому міровоззрѣнію. Культъ мертвыхъ, имѣвшій такую силу въ дохристіанскую эпоху, сохранился, какъ видно изъ жалобъ Стоглава, въ неприкосновенности до второй половины XVI вѣка. Въ Троицкую субботу поминали родителей, сначала изъявляя свою скорбь горькимъ плачемъ и причитаніемъ, а потомъ увеселяя мертвецовъ пѣснями скомороховъ, игрою на гудкахъ; съ прежнимъ веселіемъ справлялись оргіи русалій на Иванову ночь, съ мистическимъ омовеніемъ въ рѣкахъ, съ безпорядочнымъ половымъ смѣшеніемъ парней и дѣвушекъ—„и бываетъ отрокомъ осквернение и дѣвамъ растлѣніе“. Продолжали жить и „навіи великъ день“ и весеннее поминовеніе усопшихъ въ Великій четвергъ, когда рано утромъ палили солому и кликали мертвыхъ. Вѣра въ единеніе мертвыхъ съ живыми и въ огромное практическое значеніе культа мертвыхъ была неискоренима и поддерживалась клиромъ; Стоглавъ сдѣлалъ строгое постановленіе, чтобы священники удерживали своихъ прихожанъ отъ „бѣсовскихъ игръ“ и „богомерзкихъ дѣлъ“, и чтобы сами священники не слѣдовали примѣру прихожанъ, но врядъ ли эти увѣщанія могли возымѣть какія-либо серьезныя послѣдствія. Анимистическія представленія слишкомъ глубоко вкоренились даже въ умы тогдашняго духовенства, и оно донесло ихъ вплоть до XIX вѣка: въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ священники принимаютъ участіе въ „дзядахъ“, какъ называются тамъ поминовенныя празднества, служатъ заупокойныя обѣдни, получаютъ въ свою пользу жертвы мертвецамъ и участвуютъ въ поминовенныхъ пирахъ, на которыхъ къ мертвецамъ обращаются съ такой молитвенной формулой: „нехай со святыми почиваютъ, а намъ хлѣба-соли засылаютъ“. Культъ мертвыхъ былъ однимъ изъ проявленій своеобразной религіозности XVI—XXII вѣка и притомъ такимъ, которое повторялось періодически, не было постояннымъ, повседневнымъ культомъ. Между тѣмъ сношенія съ божествомъ требовались ежедневно тысячами случаевъ повседневной жизни. Эту потребность удовлетворяли нѣкоторыя стороны христіанскаго культа, наиболѣе соотвѣтствовавшія тогдашней соціальной обстановкѣ и міровоззрѣнію тогдашняго общества. Оно искало близкаго бога, который былъ бы всегда, во всякое время и безъ особыхъ трудовъ доступенъ просьбамъ вѣрующаго. Христіанскіе культы иконъ и святыхъ были именно такими культами. Икона—самый распространенный объектъ культа. Русскій XIV—XVII вѣка, начиная съ простого человѣка и кончая царемъ, молится только передъ иконой, другой способъ молитвы для него непонятенъ; иностранцы, бывавшіе въ русскихъ церквахъ той эпохи во время богослуженія, видѣли тамъ непостижимую для иностраннаго наблюдателя картину молящихся, обращенныхъ въ различныя стороны и стоящихъ каждый передъ своей иконой. Для тогдашняго общества икона была подлинным фетишемъ, она видитъ и слышитъ, живетъ и чувствуетъ; ее одѣваютъ въ золотыя и серебряныя ризы, ставятъ передъ ней восковыя свѣчи съ за-

лѣпленными туда деньгами. Въ отплату за всѣ подобныя заботы икона должна была помогать ея владѣльцу, и если она не выполняла своего долга, ея хозяинъ въ правѣ былъ отказать ей въ дальнѣйшемъ культѣ. Намъ извѣстны любопытные случаи этого рода, разсказываемые иностранцами. Въ 1611 г., во время взятія Новгорода шведами, когда городъ былъ подожженъ, одинъ новгородецъ молился домашней иконѣ св. Николая, чтобы она уберегла его домъ отъ пожара. Но когда домъ все-таки загорѣлся, онъ бросилъ икону въ огонь со словами: „ты не хотѣла помочь мнѣ, теперь помоги себѣ самой“. Поэтому обращалось особенное вниманіе на изготовленіе иконъ. Постановленія Стоглава относительно иконописанія особенно характерны. „Не всѣмъ человѣкомъ иконописцемъ быти“, говоритъ Стоглавъ, „но только тѣмъ, кому откроетъ Богъ ученіе иконнаго письма“. Иконописецъ отъ Бога получаетъ талантъ иконописанія и не долженъ скрывать этотъ столь важный для людей талантъ, иначе ему будетъ грозить мука вѣчная; жизнь вести долженъ иконописецъ самую чистую, „жити въ постѣ и въ молитвѣ и воздержаніи со смиренномудріемъ“, даже по возможности не жениться. Образовалась извѣстная традиція, извѣстная школа письма; икона только тогда считалась святою, когда была написана „по образу и по подобію, по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ и знаменовати съ добрыхъ образцовъ“. Сосудъ благодати, какимъ считалась икона, могъ быть изготовленъ только по особому внушенію отъ Бога живописцемъ, котораго за это предписывалось „бречи (беречь) и почитати паче простыхъ человѣкъ“.

Другой культъ, чрезвычайно распространенный и отчасти совпадавшій съ культомъ иконъ, былъ культъ святыхъ. Рукописное житіе Прокопія Устюжскаго приводитъ любопытный списокъ русскихъ святыхъ-покровителей отдѣльныхъ городовъ и мѣстностей; такіе святые являются стражами, хранителями и заступниками своихъ городовъ, называемыхъ „отчинами“ соотвѣтствующихъ святыхъ. Если культъ иконъ былъ, по преимуществу, домашнимъ и частнымъ культомъ, то культъ святыхъ былъ общественнымъ, политическимъ культомъ. Московскіе князья, собиравшіе удѣлы, такъ и смотрѣли на культы мѣстныхъ святыхъ. Присоединяя удѣлъ, они переносили мощи мѣстнаго святого-покровителя или мѣстную икону-покровительницу въ Москву и ставили у себя, въ Кремлѣ; старинный иконостасъ Успенскаго собора представляетъ изъ себя своего рода иконописную лѣтопись собиранія удѣловъ вокругъ Москвы. Политическое объединеніе вокругъ Москвы завершилось формальной канонизаціей большинства мѣстныхъ святыхъ, произведенной на соборахъ 1547 и 1549 годовъ: мѣстные патроны были возведены въ рангъ всероссійскихъ святыхъ, съ централизаціей ихъ культа въ Москвѣ.

Описанный характеръ русскихъ вѣрованій XIV—XVII вѣковъ опредѣлилъ собою и характеръ отправленія культа. Въ крестьянской средѣ съ попами конкурировали вѣдуны и колдуны, и чтобы выдержать конкуренцію

съ послѣдними, представителямъ клира приходилось перенимать у нихъ „волхованія и чарованія всякія... ворожбы дѣля (для), и порчи дѣля, и болѣзни дѣля, и прожитка дѣля, гдѣ бы сыту быти“. Иначе и нельзя было. Отъ отправителей культа требовалось знаніе магическихъ обычаевъ и формулъ, способныхъ оказать максимальное дѣйствіе на божество, умѣніе угодить ему, чтобы получить отъ него взамѣнъ извѣстныя блага. Въ крестьянской средѣ, гдѣ въ XVII вѣкѣ жили еще не только анимистическія представленія, но живьемъ сохранялись и старинные культы березки, домового, водя-

Русское богослуженіе (по Герберштейну).

ного, а мѣстами даже Перуна и Хорса, которымъ „подкладывались требы“, священникъ могъ прожить своею профессіей, только пройдя всю науку волхвовъ. Въ городской и боярской средѣ, на верхахъ тогдашняго общества, христіанскій культъ пустилъ болѣе глубокіе корни, но и тутъ вниманіе было обращено не на то, на что учатъ обращать вниманіе официальные богословы. Центръ тяжести христіанскаго византійскаго культа лежитъ въ отправленіи общественнаго богослуженія, сконцентрированнаго вокругъ евхаристіи, основной службы, связанной съ догматомъ искупленія. Но идея эта совершенно не была понятна тогдашнему высшему обществу. Въ бого-

служеніи главное значеніе придавалось точному, безъ всякихъ пропусковъ, чтенію и пѣнію всего положеннаго по чину; формуламъ и обрядамъ богослуженія придавалось магическое значеніе, независимо отъ того, въ какомъ порядкѣ они слѣдовали. Формула пѣнія аллилуіи считалась великой сокровенной тайной; Стоглавый соборъ установилъ догматъ двоенія аллилуіи. Порядокъ хожденія крестнымъ ходомъ также считался „великимъ премудрымъ догматомъ“: тотъ же соборъ установилъ, что магическое дѣйствіе имѣетъ крестный ходъ только тогда, когда онъ идетъ по солнцу, а не противъ солнца. Двоеперстіе (крестное знаменіе двумя перстами) также считалось великой тайной, обладающей магической силой; всякое иное сложеніе пальцевъ при крестномъ знаменіи и при благословеніи считалось грѣхомъ, и грѣхомъ смертнымъ. „Аще ли кто двема персты не благословляетъ, якоже и Христосъ (на иконахъ стараго письма) или не воображаетъ (изображаетъ) крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ“, говоритъ Стоглавъ. Существовали правила, сколько нужно было читать про себя молитвъ во время богослуженія, чтобы спастись, и наставленія, какъ уберечь въ себѣ благодать, входящую въ человѣка во время причащенія или отъ прикладыванія ко кресту, мощамъ или иконѣ: нельзя мыться послѣ причастія въ банѣ, а приложившись, надо нѣкоторое время удерживать въ себѣ духъ, „губъ не раскрываючи“. На почвѣ такого формальнаго благочестія выросло своеобразное многогласіе: такъ какъ службы были длинны и утомительны, а пропусковъ не полагалось, то, чтобы пропѣть и прочитать возможно скорѣе все положенное по уставу, нѣсколько причетниковъ одновременно пѣли и читали молитвы и псалмы: одинъ—одно, другой—другое. Молящіеся же, придавая всю силу именно формуламъ, держали себя въ церквахъ, какъ на базарѣ, и стояли въ церквахъ въ тафьяхъ и шапкахъ, громко разговаривали и сквернословили; попы совершали богослуженіе въ пьяномъ видѣ, заводили между собою ругань и драки, „даже до кровопролитія“.

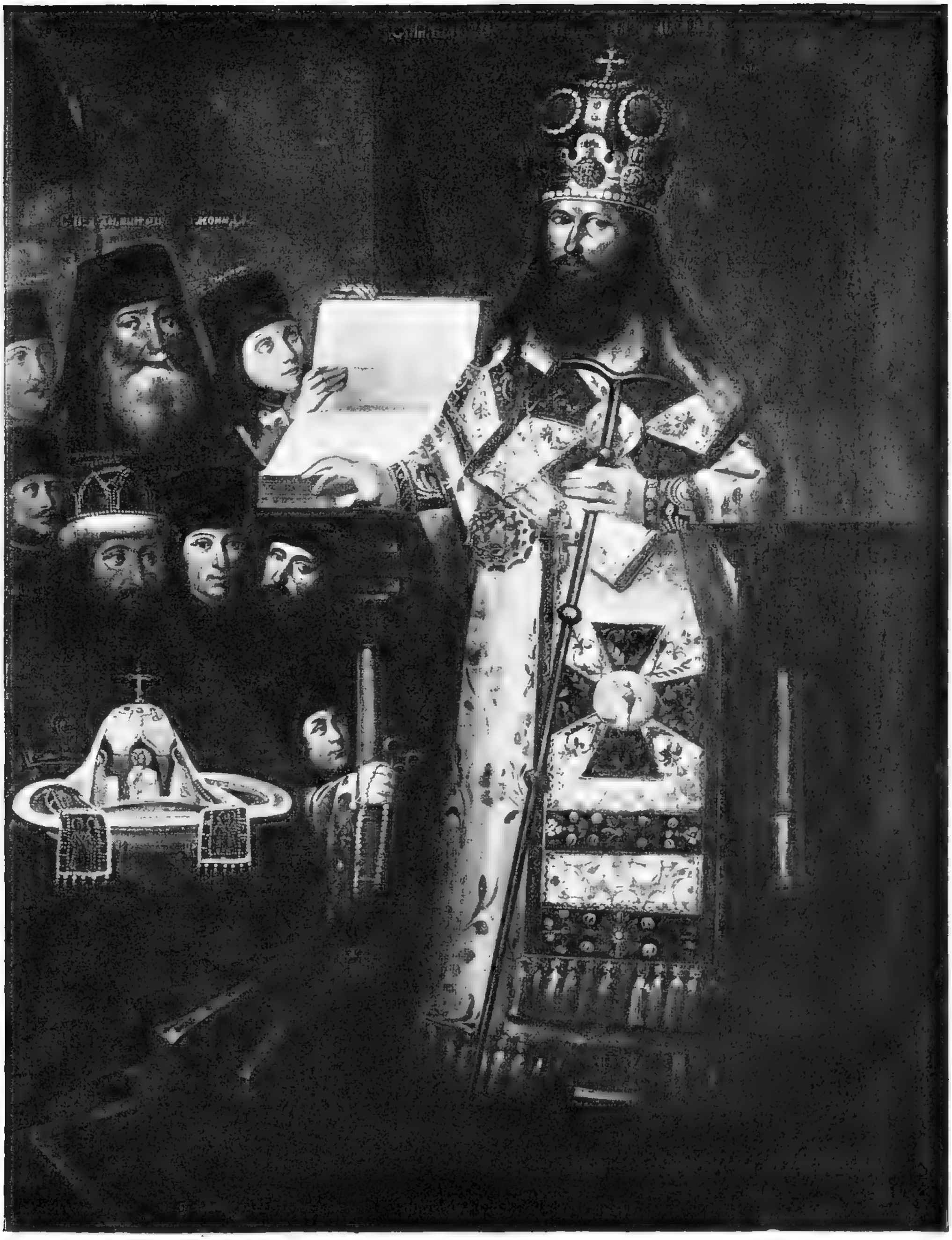
Организація церковнаго управленія до XVII вѣка была сколкомъ съ феодальной организаціи тогдашняго государства. Во главѣ стоялъ митрополитъ, а съ конца XVI вѣка патріархъ, выбиравшійся соборомъ архіереевъ, при чемъ выборы были простой формальностью, такъ какъ кандидата указывалъ обыкновенно царь. Управленіе патріарха заключалось въ томъ же, въ чемъ заключалось вообще управленіе тогдашней Руси: въ сборѣ патріаршихъ пошлинъ, спеціальныхъ и судебныхъ, и въ управленіи вотчинами и монастырями, отписанными на патріарха. При такомъ взглядѣ на управленіе, патріархи мало заботились о дѣйствительной зависимости отъ нихъ подчиненнаго клира. Назначеніе на епископскія должности зависѣло ранѣе отъ мѣстныхъ князей, позднѣе—отъ царя; въ своемъ управленіи епископатъ преслѣдовалъ тѣ же цѣли и задачи, что и патріархъ. Заботясь, прежде всего, о правильномъ поступленіи пошлинъ, епископы считали въ порядкѣ вещей,

что освобождающіяся священническія мѣста замѣщаются по выбору прихожанъ. Выборный попъ, поставленный крестьянами, или нанятый попъ, приставленный бояриномъ или купцомъ къ своей домашней церкви, гдѣ стояла икона—покровительница дома (такія церкви были тогда почти во всякомъ большомъ домѣ), зависѣли прежде всего отъ своихъ прихожанъ и отъ своего хозяина; если епископъ правильно получалъ свою десятину, онъ въ дѣла такого попа не вмѣшивался. Такая чисто феодальная постановка церковной организаціи вполнѣ соотвѣтствовала реальнымъ условіямъ жизни тогдашняго общества; но она же способствовала весьма низкому уровню низшаго клира и величайшей распущенности высшаго клира. Низшій клиръ былъ малограмотенъ или совсѣмъ безграмотенъ, учился службамъ со слуху, и теперешняя поговорка „началъ за здравіе, кончилъ за упокой“ тогда была частой дѣйствительностью. Богатые люди трактовали своихъ домашнихъ поповъ, какъ своихъ холоповъ, нерѣдко били ихъ „смертнымъ боемъ“; крестьяне страдали отъ поборовъ своихъ поповъ. Низшій клиръ, однако, былъ въ послѣднемъ отношеніи только блѣдной копіей высшаго клира. „Игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша со мірскими женами и дѣвицами содружатися; а попове оставльше учительство и возлюбиша обѣдни часто служить и кадило отъ грабленія и блуда на жертву Богу приносити“, пишетъ анонимный обличитель церковныхъ нравовъ XVII вѣка. А нѣкій инокъ Авраамій прибавляетъ: „и радуются архіереи, одѣющеся въ брачныя цвѣтныя одѣянія, яко женихи... скипетры въ рукахъ позлащени имуще, воцаритися надъ людьми хотяще“. При такомъ устройствѣ церковной организаціи церковные верхи совершенно слились съ свѣтскими верхами удѣльнаго общества, а низы были въ полномъ подчиненіи у боярства и посадскихъ людей, сельское же духовенство и по происхожденію и по хозяйственному положенію слилось со своей крестьянской паствой.

Къ началу XVII вѣка, однако, общее положеніе значительно измѣнилось. Старая боярская аристократія сошла со сцены, а съ нею вмѣстѣ отошли въ область преданій политическія вольности феодаловъ XIII—XVI вѣковъ. Новое дворянство, вынесшее на своихъ плечахъ Смуту и организовавшее единое Московское государство, въ которомъ уже не было мѣста феодальнымъ центробѣжнымъ силамъ, не могло мириться съ положеніемъ церкви, какъ государства въ государствѣ. Ибо, несмотря на зависимость высшаго клира отъ свѣтской власти, церковь сохраняла еще за собой судебные и пошлинные иммунитеты, сохраняла за собою огромныя владѣнія, уходившія изъ-подъ общегосударственнаго тягла. Неудержимымъ ходомъ развитія церковь обречена была на быстрое превращеніе въ instrumentum въ рукахъ дворянскаго государства. XVII вѣкъ наполненъ реформаторскими попытками, направленными именно къ этой цѣли. Съ одной стороны, государство мало-по-малу уничтожало остатки феодальныхъ привилегій церкви. Наиболѣе

важные акты въ этомъ направленіи были изданы при царѣ Алексѣѣ. Соборное уложеніе переписало на царя слободы изъ духовныхъ бѣломѣстцевъ, и затѣмъ былъ учрежденъ Монастырскій приказъ, состоявшій исключительно изъ свѣтскихъ чиновниковъ и существенно ограничившій судебныя функціи церкви: онъ долженъ былъ давать судъ по всякимъ гражданскимъ искамъ на всѣхъ іерарховъ, монастырскихъ властей, поповъ, церковный причтъ, и на всѣхъ вообще церковныхъ людей и крестьянъ. Съ другой стороны, правительство хотѣло реформировать церковь, дабы она стала единымъ стройнымъ цѣлымъ, послушно исполняющимъ велѣнія свыше. Для этого нужно было ввести іерархическое соподчиненіе всѣхъ степеней клира, существовавшее только формально, и очистить церковные нравы поднятіемъ церковной дисциплины и исправленіемъ всего того, что казалось инороднымъ наростомъ на тѣлѣ церковнаго ученія и церковной практики. Эти реформаціонные планы получили крутое и быстрое осуществленіе въ патріаршество Никона и привели къ церковному расколу.

Когда Никонъ принималъ власть, идеи церковной реформы уже вполнѣ созрѣли въ кружкѣ соборныхъ протопоповъ, близкихъ къ царю Алексѣю. Во главѣ кружка стоялъ царскій духовникъ, Стефанъ Вонифатьевъ, и это обстоятельство даетъ возможность предположить, что идеи кружка раздѣлялись и царемъ; въ составѣ кружка было нѣсколько будущихъ видныхъ дѣятелей раскола, въ томъ числѣ Іоаннъ Нероновъ. Кружокъ стремился реорганизовать церковь сверху, избавивъ епископатъ отъ недостойныхъ представителей, очистивъ культъ отъ такихъ явныхъ несообразностей, какъ многогласіе и двоевѣріе; очищенный епископатъ долженъ былъ стать истиннымъ верховнымъ руководителемъ церкви, въ видѣ „собора истиннаго“, состоящаго при патріархѣ и составленнаго изъ епископовъ, священниковъ и мірянъ. Кружокъ дѣйствовалъ посредствомъ замѣщенія освобождающихся епископскихъ вакансій своими людьми, а общую церковную реформу откладывалъ до того момента, когда ему удастся возвести на патріаршій престолъ своего человѣка, вмѣсто патріарха Іосифа, не рѣшавшагося покончить даже съ многогласіемъ. Событія, однако, показали, что тактика ревнителей была ошибочна. Она стояла въ противорѣчіи съ существомъ тогдашней церковной организаціи, ибо епископатъ тогда не могъ быть лучше, чѣмъ онъ былъ; его нравственный уровень зависѣлъ отъ самыхъ условій положенія князя церкви, создававшихъ шаблонъ „волковъ несытыхъ“. Она стояла въ противорѣчіи съ тенденціями дворянскаго государства, для котораго исправленіе Церкви нужно было въ цѣляхъ порабощенія ея, а не для того, чтобы придать ей бо́льшую и притомъ соборную самостоятельность. Она, наконецъ, не принимала въ разсчетъ жестокой оппозиціи епископату со стороны сельскаго духовенства, разореннаго поборами патріарха и епископовъ и только и мечтавшаго о томъ, какъ бы свергнуть иго князей церкви. Все противорѣчіе тактики и плановъ кружка тенден-



Патріархъ Никонъ съ клиромъ. Изъ альбома *Солнцева.*

ціямъ времени обнаружилось сразу, когда кружку удалось, наконецъ, провести на мѣсто патріарха „своего друга“, новгородскаго архіепископа Никона. Никонъ приступилъ сейчасъ же къ реформамъ, но реформы были не тѣ и не въ томъ духѣ, какой былъ желателенъ ревнителямъ, и оттолкнули ихъ въ станъ горячихъ противниковъ реформы.

Никонъ имѣлъ совершенно иныя представленія о реформѣ. Онъ ничего не имѣлъ противъ исправленія церковной нравственности и очищенія культа, но на этомъ и кончалось его согласіе съ кружкомъ Вонифатьева. Исправленіе организаціи церкви Никонъ видѣлъ въ проведеніи строгаго единовластія патріарха, не завпсящаго отъ царя, напротивъ, возвышающагося надъ нимъ, ибо священство, по мнѣнію Никона, выше царства. Правда, эта идея стояла также въ полномъ противорѣчіи съ тенденціями государства, стремившагося опоясаться сразу и духовнымъ и матеріальнымъ мечомъ, и привела Никона къ катастрофѣ, къ лишенію сана и къ суду. Но зато Никонъ провелъ другую мѣру,—мѣру, имѣвшую также объединительный характеръ. Эта мѣра заключалась въ исправленіи вѣры и культа и во введеніи единообразія въ томъ и въ другомъ. Она давала новое содержаніе новой церкви и дала возможность сразу раздѣлаться со всѣми элементами церкви, заявлявшими какую бы то ни было претензію на самостоятельность.

Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ (портретъ-икона въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ). По старинной гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцовскій музей).

Когда Никонъ принималъ власть, уже было начато то дѣло, которое теперь приходилось ему кончать. Возведя въ рангъ всероссійскихъ святыхъ мѣстныхъ патроновъ, Стоглавъ сдѣлалъ объединительное дѣло только наполовину. Церковь стала единой, но въ единой церкви долженъ былъ быть и единый культъ. Между тѣмъ за исключеніемъ трехъ главныхъ догматовъ, установленныхъ Стоглавомъ, двоеперстія, двоенія аллилуіи и хожденія посолонь, въ остальномъ церковные чины разнились другъ отъ друга. Въ каждой мѣстности была своя традиція совершенія культа, записанная въ мѣстныхъ „харатей-

ныхъ“ богослужебныхъ книгахъ и освященная именами мѣстныхъ угодниковъ. Главныхъ традицій было двѣ: соловецкая, восходившая къ Зосимѣ и Савватію, которые при помощи культа по мѣстному чину угодили Богу и совершили „многая преславная чудеса“, и московская, восходившая къ митрополитамъ Петру, Іонѣ и Филиппу, также угодившимъ Богу при помощи опредѣленныхъ „законовъ“, давшихъ имъ даръ чудотворенія и изгнанія бѣсовъ. Были другія традиціи, напр., новгородская; всѣ онѣ создались благодаря рукописному способу размноженія богослужебныхъ книгъ. Но положеніе оказалось еще болѣе сложнымъ, когда восточные патріархи, частенько пріѣзжавшіе въ XVII вѣкѣ въ Москву за милостыней, стали указывать, что русскіе чины отличаются не только другъ отъ друга, но очень сильно расходятся съ греческими чинами. Эти указанія рѣшили дѣло. Нельзя было потерпѣть, чтобы русская церковь, преемница византійской церкви, попавшей подъ иго агарянъ, имѣла неправильные и различные богослужебные чины. Такъ какъ нельзя было принять за образецъ какой-либо русскій чинъ, то оставалось сдѣлать лишь одно: взять за образецъ греческій чинъ и по нему исправить всѣ русскіе чины, опять вернуться къ тому источнику, откуда Русь получила христіанскую вѣру. И Никонъ рѣшительно и быстро принялся за дѣло. Сынъ своего времени, онъ ничѣмъ не отличался по міровоззрѣнію отъ окружающихъ. Для него всѣ „великія церковныя потребы“, весь центръ тяжести вѣры и культа лежалъ именно въ магической обрядности, и исправленіемъ ея, введеніемъ правильной чистой греческой обрядности, онъ искренно хотѣлъ очистить вѣру и улучшить способы угожденія божеству. Какъ мы увидимъ, противники его стояли на той же почвѣ, но только предпочитали „вѣру“, освященную и оправданную русскими святыми.

Ходъ исправленія, принятый Никономъ, только способствовалъ разрыву между старой вѣрой и новымъ единообразіемъ. Дѣло въ томъ, что за семь вѣковъ, прошедшихъ со времени принятія Русью христіанства до эпохи Никона, греческій чинъ предполагался неизмѣннымъ, а русскій—измѣнившимся. Между тѣмъ отношеніе было какъ разъ обратное. За исключеніемъ мелкихъ варіантовъ, русскій богослужебный чинъ сохранялся свято и нерушимо, какъ онъ былъ принятъ въ X вѣкѣ отъ Византіи; греческій же чинъ измѣнился, и весьма существеннымъ образомъ. И когда невѣжественные справщики Никона стали исправлять русскія богослужебныя книги, слѣдуя греческимъ, венеціанскимъ печатнымъ изданіямъ и лишь изрѣдка заглядывая въ немногочисленныя греческія рукописи, притомъ расходившіяся другъ съ другомъ, стали получаться неожиданные результаты. Двоеперстіе, которое было принято въ Греціи въ X вѣкѣ, замѣнилось троеперстіемъ, вошедшимъ въ Греціи въ употребленіе лишь въ XII вѣкѣ; всѣ богослужебные чины стали короче, при чемъ оказались выброшены многія пѣснопѣнія и формулы, которымъ придавался особенно магическій характеръ. Нѣкоторыя службы,

Лебедевъ и Богатовъ. Боярыня Морозова посѣщаетъ протопопа Аввакума въ заключеніи.

ранѣе совершавшіяся отдѣльно, были соединены вмѣстѣ, напримѣръ, девятый часъ и вечерня; литургія вся передѣлана: на проскомидіи вмѣсто семи просфоръ пять, въ литургіи оглашенной и литургіи вѣрныхъ измѣненъ весь чинъ сокращеніями и перестановками. Измѣненъ текстъ Символа вѣры: во второмъ членѣ уничтоженъ азъ (рожденна, *а* несотворенна) и въ восьмомъ исключено слово „истиннаго“. Сугубую аллилуію справщики Никона замѣнили „трегубой“, хожденіе въ крестныхъ ходахъ установили не посолонь, а противъ солнца. Имя Іисусъ, которому также присваивали магическую силу, какъ „спасенному“ (спасительному) имени, было исправлено въ Іисусъ. Два соборныхъ попа изъ прежняго кружка, Лазарь и Никита (Пустосвятъ), имѣли терпѣніе пересмотрѣть и свѣрить новыя книги со старыми, и въ результатѣ оказалось вотъ что: „нынѣшніе мудрецы не мало что, но много, не оставиша бо во всѣхъ книгахъ ни одного слова, еже бы не перемѣнити или не преложити, и гордо хвалящеся глаголютъ, яко нынѣ обрѣтохомъ вѣру, нынѣ исправихомъ вся“. И Никонъ былъ, дѣйствительно, убѣжденъ, что онъ обрѣлъ новую вѣру, и вѣру правильную. Ему казалось, что достаточнымъ залогомъ было его распоряженіе положить въ основу исправленія древнія харатейныя славянскія и греческія книги; воспользоваться печатными изданіями онъ разрѣшилъ только въ видѣ подспорья, а контролировать справщиковъ не могъ. А справщики, помимо того, что перемѣнили весь чинъ сообразно съ греческимъ чиномъ XVII вѣка, сдѣлали эту работу еще такъ небрежно, что не свѣрили новыя книги другъ съ другомъ, допустили и въ нихъ разночтенія и варіанты, и этимъ еще болѣе повредили введенію никоновскаго единообразія.

Реформы сами по себѣ были непріемлемы для огромной части тогдашняго духовенства, въ особенности бѣлаго. Помимо того, что онѣ вводили „новую незнамую вѣру“, онѣ практически были трудно исполнимы для многихъ клириковъ XVII вѣка. Мы уже знаемъ, что многіе попы были неграмотны, учились службамъ со слуха: переучиваться по новымъ книгамъ, предлагавшимъ совершенно новые чины, было невозможно. Опредѣленно это затрудненіе выражено въ соловецкой челобитной: „а которые мы священницы и діаконы маломочны и грамотѣ ненавычны... по новымъ книгамъ служебникомъ намъ чернецомъ, коснымъ и непереимчивымъ сколко ни учитца, а не навыкнуть“. Далѣе, самый характеръ реформатора и способъ проведенія реформы были ненавистны тогдашнему низшему клиру. Съ самаго вступленія Никона на патріаршій престолъ начались жалобы на его гордыню и корыстолюбіе. Для него ничего не стоило, напримѣръ, приказать собрать со всѣхъ церквей Московскаго государства 500 головъ лошадей и преспокойно разослать ихъ по своимъ вотчинамъ; онъ ввелъ новый окладъ патріаршей пошлины, повысивъ ее до такихъ предѣловъ, что „татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше“, и требовалъ экстренныхъ взносовъ на затѣянную имъ постройку „мнимаго“ Новаго Іерусалима и другихъ мо-

настырей. О его гордомъ и жестокомъ обращеніи съ клириками, пріѣзжавшими въ Москву по дѣламъ, ходили негодующіе разсказы. Въ проведеніи своей реформы Никонъ стѣснялся такъ же мало. Первою его мѣрою, еще до опубликованія новыхъ книгъ, было публичное проклятіе двоеперстниковъ; затѣмъ послѣдовало публичное надругательство надъ иконами не греческаго письма: имъ Никонъ публично выкалывалъ глаза и разбивалъ ихъ. Только усиленный ропотъ и жалобы царя заставили его созвать соборы 1654 и 1656 годовъ. Но на этихъ соборахъ вопросъ былъ въ сущности предрѣшенъ. Царь былъ всецѣло за своего „собиннаго друга“, Никона, на его же сторонѣ стояло большинство епископата; наконецъ, главный его козырь заключался въ поддержкѣ восточныхъ патріарховъ. Соборы подтвердили правильность предпринятыхъ Никономъ реформъ и приравняли двуперстниковъ къ еретикамъ—несторіанамъ. Никонъ жестоко расправился со своими противниками. Единственный епископъ, ставшій за старую вѣру, Павелъ Коломенскій, былъ заточенъ въ Палеостровскій монастырь, а протопопы, въ томъ числѣ Аввакумъ, были отправлены въ ссылку. Новыя книги печатались съ лихорадочною быстротою и разсылались по церквамъ и монастырямъ съ приказаніемъ служить отнынѣ согласно изложеннымъ въ нихъ чинамъ.

Но профессіональный клиръ не могъ сдаться безъ борьбы. Для множества его представителей принятіе новыхъ книгъ означало принятіе новой вѣры и гибель своей души; съ другой стороны, фактически старый клиръ былъ неспособенъ служить по новымъ книгамъ, и борьба за старую вѣру превращалась въ борьбу за свое собственное существованіе. На первомъ планѣ борьбы сторонники старой вѣры поставили ея апологію. Обстоятельства складывались, какъ будто, благопріятно для такого выступленія. Какъ разъ послѣ собора 1656 г. между патріархомъ и царемъ начинается охлажденіе, вызванное папистскими вожделѣніями Никона; этимъ охлажденіемъ спѣшили воспользоваться всѣ недовольные политикой Никона элементы. Апологія направлялась именно къ царю, въ формѣ челобитныхъ, разбиравшихъ основанія и содержаніе реформы, защищавшихъ правильность старой обрядности и полемизировавшихъ съ офиціальнымъ изданіемъ Никона „Скрижаль“, защищавшимъ реформу. За короткій промежутокъ времени до 1665 года накопилась цѣлая литература такихъ челобитныхъ, составленныхъ отдѣльными клириками: Лазаремъ, Никитою, Нероновымъ, и учрежденіями (нѣсколько челобитныхъ Соловецкаго монастыря). Эта литература однообразна по содержанію; она вскрываетъ совершенную однородность міровоззрѣнія ея авторовъ, оперировавшихъ однимъ и тѣмъ же арсеналомъ доказательствъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, челобитныя проникнуты искренностью и глубиною убѣжденія и обнаруживаютъ обширную эрудицію ихъ авторовъ. Защита старой обрядности базировалась на доказанности ея спасительнаго и богоугоднаго дѣйствія и на канонизаціи основныхъ „законовъ“ богоугожденія Стогла-

вымъ соборомъ: двоеперстія, трисоставнаго осьмиконечнаго креста, двоенія аллилуія и т. д. Далѣе, переходя отъ защиты къ нападенію, авторы челобитныхъ доказываютъ, что новыя книги не исправляютъ чина, но вводятъ совершенно новый чинъ. Въ этомъ пунктѣ авторы челобитныхъ занимаютъ совершенно неприступную позицію, ибо даже бѣглое сличеніе старыхъ книгъ съ новыми устанавливаетъ этотъ фактъ съ полной очевидностью. Отсюда для авторовъ челобитныхъ съ полной очевидностью слѣдовало, что Никонъ вводитъ „новую незнамую вѣру“ взамѣнъ прежней „христіанской вѣры“. Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ этой новой вѣры, авторы челобитныхъ дѣлаютъ открытія, противъ которыхъ трудно было что-либо возражать церковнику XVII вѣка. Источники новой вѣры—греческіе; но официальное изданіе московской патріаршей каѳедры „Книга о вѣрѣ“, появившееся незадолго до Никона, объявило уже греческую вѣру съ XV вѣка „испроказившеюся“ вслѣдствіе принятія уніи на Флорентійскомъ соборѣ и турецкаго порабощенія. Книги же, съ которыхъ никоновскіе справщики правили русскія богослужебныя книги, были не старыми, но новыми, появившимися послѣ „порчи“ греческой вѣры, и притомъ были напечатаны въ Римѣ, „Венеціи“ и „Парыжѣ“, а потому проникнуты „лютымъ еретическимъ зельемъ“, внесеннымъ латинянами и лютеранами. Получился отъ исправленій Никона не просто новый переводъ съ греческаго богослужебныхъ молитвъ, но произведена замѣна старыхъ богоугодныхъ русскихъ чиновъ еретическими латинскими чинами.

Выводъ былъ ясенъ: подъ предлогомъ церковныхъ исправленій, Никонъ хочетъ уничтожить чистое православіе на Руси и замѣнить его ересями „всѣхъ еретиковъ отъ вѣка“, пользуясь потворствомъ царя и съ помощью явныхъ греческихъ еретиковъ, какъ грекъ Арсеній или малороссійскіе ученые. Челобитныя стараются раскрыть глаза царю и побудить его „христолюбивымъ тщаніемъ“ очистить „церковную ниву“.

Охлажденіе между царемъ и патріархомъ, дѣйствительно, на нѣкоторое время пріостановило осуществленіе реформы. Были даже возвращены изъ ссылки нѣкоторые ярые сторонники старой вѣры, какъ, напримѣръ, Аввакумъ, Лазарь и Нероновъ. Но ссора царя съ Никономъ, какъ частный случай, не могла остановить окончательно реформы. Напротивъ, въ это время сразу обозначились нѣкоторыя основныя черты раскола, превращавшія его изъ чисто-профессіональной оппозиціи стараго клира въ широкое революціонное движеніе противъ московскаго правительства; къ старой вѣрѣ примѣшалось сейчасъ же и „воровство“, какъ выражались на языкѣ XVII вѣка. Сельское духовенство, плоть отъ плоти крестьянства, было выразителемъ его религіозной идеологіи и тѣсно съ нимъ связано. Между тѣмъ только что передъ реформами Никона дворянское правительство нанесло послѣдній ударъ крестьянству, прикрѣпивъ его Уложеніемъ 1649 года окончательно къ землѣ. Вслѣдъ за этой мѣрой, на крестьянство посыпались, какъ изъ

Милорадовичъ. Аввакумъ въ Даурiи.

рога изобилія, другія бѣдствія. Въ 1654 году, какъ разъ одновременно съ указомъ Никона о троеперстіи и съ первымъ соборомъ по вопросу объ исправленіи книгъ и обрядовъ, прошла страшная моровая язва, истребившая въ нѣкоторыхъ селеніяхъ все населеніе поголовно, а слѣдующіе два года, 1655 и 1656, были голодными годами,—и въ то же время была разослана первая партія новопечатныхъ книгъ; въ довершеніе паники, появились на небѣ „хвостатая звѣзда“ и „кровавые столпы“. Сейчасъ же среди сельскаго клира появились такіе „суемудренники“, которые связали небесныя и атмосферическія знаменія съ земными дѣйствіями царя и патріарха. „Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Всевышній фіалъ ярости своея грѣхъ ради нашихъ; и за то всеблагій творецъ родъ человѣческій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы, волка Никона“. Въ крестьянской средѣ пошли волненія; казалось, что открытъ ключъ ко всѣмъ „кабаламъ“ и „мучительствамъ“, идущимъ изъ Москвы. Все дѣло въ томъ, что приближается конецъ міра, и антихристъ уже пришелъ, „двурожный звѣрь“, одинъ рогъ—царь, другой—Никонъ; и царь, и патріархъ, и всѣ власти поклонились антихристу и слѣдуютъ за нимъ. Антихристъ пришелъ въ міръ и воцарился въ Москвѣ. Это говорилъ уже не какой-нибудь мелкій сельскій попъ, а самъ Аввакумъ, пламенный защитникъ старой вѣры, ея пророкъ и народный герой. Въ такой оцѣнкѣ дѣйствій царя и патріарха „воровство“ было уже налицо, и главнымъ „воромъ“ оказывался Аввакумъ, только что было обласканный въ Москвѣ. Его сейчасъ же сослали въ Мезень, а потомъ въ Пустозерскъ.

Но если крестьянство только еще волновалось, то въ одномъ пунктѣ, гдѣ сошлись случайно всѣ соціальные элементы раскола, въ отвѣтъ на предложеніе принять Никонову реформу начался открытый бунтъ. Соловецкая обитель была типичнымъ обломкомъ удѣльнаго феодализма. Она сохраняла свои иммунитеты и выборность должностныхъ лицъ; ея настоятель былъ главою настоящаго укрѣпленнаго бурга съ многочисленнымъ свѣтскимъ вассалитетомъ, а его сеньеріальная власть распространялась на весь Поморскій край. За дальностью разстоянія, и вслѣдствіе передового положенія обители, какъ опорнаго пункта противъ возможныхъ нападеній съ сѣвера, самостоятельность Соловецкой обители не подвергалась ограниченію. Традиціи удѣльныхъ вольностей свято сохранялись въ обители; но московское правительство, кромѣ того, само наполняло кары соловецкихъ обителей людьми, родственными имъ по духу. Туда ссылались опальные бояре, остатки прежняго боярства, вожди крестьянскихъ и казацкихъ возстаній, а послѣ собора 1656 года туда было сослано около 100 человѣкъ „Аввакумовыхъ и Лазаревыхъ учениковъ“ изъ среды клира. Въ 1658 году въ монастырь были присланы новопечатныя книги; монахи собрались на черный соборъ, который рѣшительно высказался противъ того,

Литовченко. Сокольничьи царя Алексѣя Михайловича.

Музей Императора Александра III.

Шимоваткo. Сокурник Гавра
Ул. Чекханова III
Ул. Чекханова III

чтобы „служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ“. Книги спрятали въ казенную палату, а богослуженіе продолжали править по старому обряду. Изъ Москвы тогда прислали своего игумена Варѳоломея, назначеннаго помимо монастырскихъ выборовъ. Монахи отправили тогда царю челобитную, перечисляя „вины“ Варѳоломея и прося его замѣнить другимъ, по выбору монастыря, а затѣмъ, не дожидаясь царскаго указа, самовольно отставили отъ игуменства Варѳоломея и поставили на его мѣсто бывшаго саввинскаго архимандрита Никанора. Это было прямое неповиновеніе. Агенты московскаго правительства доносили царю, что въ монастырѣ стало неспокойно: монахи, заодно со ссыльными, „мятежи чинятъ и воровскія письма составливаютъ“, а въ числѣ руководителей всей фронды называли, между прочимъ, ссыльнаго князя Михайлу Львова. Эти событія въ Соловецкомъ монастырѣ грозили превратиться въ настоящій бунтъ.

Правительство царя Алексѣя почувствовало, что старая вѣра начинаетъ становиться лозунгомъ его принципіальныхъ враговъ. „Новая вѣра“ при такихъ условіяхъ превращалась изъ личнаго дѣла Никона въ дѣло московскаго правительства. И въ то время, какъ разочарованный во всѣхъ своихъ чаяніяхъ Никонъ постепенно охладѣвалъ и къ своей реформѣ и сталъ уже говаривать, что „обои де (книги и старопечатныя и новопечатныя) добры, все де равно, по какимъ хочешь, по такимъ и служишь“, царское правительство постепенно приходило къ мысли, что защита „новой вѣры“ требуется прежде всего интересами дворянскаго государства. И созванный въ 1666 году по царскому указу соборъ изъ десяти епископовъ для суда надъ Никономъ и для окончательнаго рѣшенія вопроса о церковной реформѣ осудилъ Никона, какъ патріарха, но официально призналъ, что реформа Никона не есть его личное дѣло, а дѣло царя, государства и церкви. Соборъ призналъ православными всѣхъ греческихъ патріарховъ и всѣ греческія богослужебныя книги. Новоисправленныя книги и новые обряды должны были быть приняты безпрекословно всею русскою церковью; всѣ же, кто „не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему Освященному Собору“, были объявлены проклятыми вѣчно „съ Іудою предателемъ и съ распявшими Христа жидовѣ, и со Аріемъ, и со прочими проклятыми еретиками“. Соборъ разсмотрѣлъ дѣла всѣхъ вождей „старой вѣры“ и сослалъ нераскаянныхъ Аввакума, Лазаря и Ѳедора въ Пустозерскъ, а другихъ—въ болѣе близкія мѣста. Такимъ образомъ, старая вѣра была официально и окончательно осуждена и приравнена къ „воровству“; царь, въ свою очередь, обнажилъ мечъ матеріальный и издалъ въ 1666—1667 г. нѣсколько указовъ, коими воеводамъ предписывалось разыскивать раскольниковъ и подвергать ихъ „царскимъ сирѣчь казненіямъ по градскимъ законамъ“. Съ этого момента начинается открытая кровавая борьба государства и церкви со всѣми элементами старой вѣры.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
528437

Фундаментальная Библиотека

Профессіональная оппозиція, оппозиція клира одна, безъ союза съ паствой, была безсильна. Она быстро сходитъ на-нѣтъ, сливаясь съ могучими соціальными движеніями, выкидывающими знамя старой вѣры. Посадское духовенство, державшееся старой вѣры, еще могло сохранить за собою мѣста, такъ какъ оно опиралось на вліятельное посадское населеніе; сельское же духовенство должно было либо принять новыя книги, либо уйти вслѣдъ за бѣжавшими отъ крѣпостной кабалы крестьянами. Послѣднее и произошло, и во второй половинѣ XVII вѣка въ сельскихъ приходахъ появляется множество новыхъ поповъ, ставленниковъ и вѣрныхъ слугъ помѣщиковъ-никоніанъ. Старая вѣра, однако, не могла быть уничтожена. Въ теченіе конца XVII в. она прошла длинный путь, преломляясь такъ или иначе чрезъ ту среду, въ которую она попадала и которая выставляла ее своимъ знаменемъ. Можно сказать, что конецъ царствованія Алексѣя и царствованія его преемниковъ вплоть до двоевластія Петра и Іоанна прошли подъ знакомъ старовѣрческой революціи. Въ ней приняли участіе, съ одной стороны, обломки старины, осужденные на исчезновеніе, въ родѣ остатковъ боярства и стрѣлецкаго войска, съ другой стороны, элементы, закрѣпощенные и эксплуатируемые дворянскимъ государствомъ, посадское и крестьянское сословія.

Первая буря разразилась въ Соловецкомъ монастырѣ. На соборѣ 1666—1667 гг. были осуждены нѣкоторые старцы, оговоренные въ доносахъ царю, и въ монастырь былъ отправленъ новый игуменъ изъ Москвы съ приказомъ ввести новопечатныя книги. Монахи поняли это назначеніе, какъ объявленіе войны. Игумена Сергія, присланнаго изъ Москвы, игуменомъ не признали, дали ему келью, какъ простому монаху, а царю отправили челобитную, ставившую такой ультиматумъ: „не вели, государь, больши того къ намъ учителей присылати напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней нашей православной вѣры премѣнить, и вели, государь, на насъ мечъ свой прислать царскій, и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ въ оное безмятежное и вѣчное житіе“. Въ отвѣтъ на это царь рѣшилъ покончить съ монастыремъ. Всѣ „вотчинныя села и деревни, соляные и всякіе промыслы, и на Москвѣ и на городахъ дворы“ были отписаны на государя, а въ монастырь былъ отправленъ сильный отрядъ стрѣльцовъ съ предписаньемъ взять монастырь блокадой, но не приступомъ, очевидно, изъ страха передъ патронами монастыря, соловецкими „чюдотворцами“. Такъ началось знаменитое „стояніе за вѣру“ соловецкихъ монаховъ,—цѣлая эпопея, давшая начало старообрядческой легендѣ и народной пѣснѣ. Въ послѣдней царь изображается страстнымъ врагомъ старой вѣры, хочетъ, чтобы монахи „стару вѣру порушили, нову вѣру полюбили“, и не сразу находитъ исполнителей своей воли на такое нечестивое дѣло. Дѣйствительность была, однако, иная, и нашлись усердные и жестокіе палачи для монастыря.

Когда царскіе стрѣльцы показались подъ стѣнами Соловецкаго монастыря, его обитатели были готовы къ упорной оборонѣ. Силы защитниковъ обители состояли, кромѣ монастырскихъ вассаловъ, еще изъ многочисленныхъ казаковъ, сподвижниковъ Стеньки Разина, укрывшихся въ монастырѣ послѣ подавленія его возстанія. Эти „бѣльцы“ и захватили въ свои руки власть надъ монастыремъ и придали строю монастырской жизни революціонно-сектантскій характеръ. Въ самомъ началѣ осады монастыря былъ созванъ совѣтъ, на которомъ „воры сотники“ предложили прекратить молитву за

Казни соловецкихъ иноковъ. По старинной старообрядческой картинѣ.

царя, на томъ основаніи, что онъ заставляетъ принять „печать антихриста“, т.-е. троеперстіе; іеромонаховъ, не желавшихъ подчиниться этому постановленію, арестовали и посадили въ тюрьму, гдѣ не давали даже воды и хлѣба, а затѣмъ вообще бѣльцы перестали обращаться къ священникамъ, перестали исповѣдываться и причащаться, умершихъ хоронили безъ отпѣванія. Вслѣдствіе всего этого между бѣльцами и монахами начались раздоры, которые и помогли царскому войску овладѣть обителью. Среди монаховъ нашелся перебѣжчикъ, который провелъ стрѣльцовъ черезъ отверзтіе въ стѣнѣ, зама-

скированное камнями. Выборный игуменъ монастыря Никаноръ и нѣкоторые другіе предполагаемые вожаки возстанія были казнены, а прочая братья разослана по разнымъ монастырямъ; на мѣсто ея были переведены монахи изъ Москвы. Цитадель старой вѣры пала. Разгромъ былъ полный, и описаніе его въ народной пѣснѣ, вѣроятно, недалеко отъ истины:

А войска ужъ подступили,
Монастырь-етъ разорили,
Трудниковъ всѣхъ полонили,
Въ ледъ живыми погрузили,
Всѣ иконы пороняли,
Всѣ сосуды перемяли,
Стары книги перервали
И въ огонь всѣ пометали...

Въ соловецкомъ бунтѣ выступили въ союзѣ почти всѣ соціальные элементы раскола: фрондирующіе остатки стараго боярства, профессіональный клиръ и „воры“-казаки, т.-е. бѣглые крестьяне. Послѣ соловецкаго бунта движенія во имя старой вѣры принимаютъ характеръ затяжного кризиса. Поэтому удобнѣе ихъ разсматривать въ соціальномъ разрѣзѣ, разбивъ на проявленія посадскаго, стрѣлецкаго и крестьянскаго раскола. Въ каждой изъ этихъ трехъ категорій расколъ принималъ своеобразную форму, „старая вѣра“ понималась специфическимъ образомъ. Первое и самое планомѣрное проявленіе раскола мы наблюдаемъ въ посадской средѣ.

Было немало условій, толкавшихъ посадскую купеческую массу въ оппозицію дворянскому государству. Былое посадское самоуправленіе „міромъ“ отошло въ область преданій, и города были отданы на разореніе царскимъ воеводамъ—кормленщикамъ, отъ которыхъ горожане „обнищали и оскудѣли до конца“; кормя воеводъ, посадское населеніе наполняло государеву казну „запросными сборами“ и несло цѣлый рядъ натуральныхъ службъ и повинностей, также разорявшихъ массу посадскаго населенія. Требуя несенія непосильнаго тягла, государство въ то же время не распредѣляло его равномѣрно; нѣкоторые слои городского населенія, напримѣръ, гости, получавшіе царскія монополіи въ родѣ кабацкихъ откуповъ, и торгово-промышленные люди владычныхъ слободъ пользовались цѣлымъ рядомъ податныхъ льготъ. Помимо того, дворянское правительство царя Алексѣя уничтожало свободу торговой конкуренціи. Торговля всѣми главнѣйшими предметами русскаго отпуска за границу была объявлена царской монополіей, передававшейся въ руки немногихъ именитыхъ гостей; лично заинтересованный въ прибыляхъ этой торговли, царь Алексѣй предоставлялъ большія льготы и привилегіи „англійскимъ нѣмцамъ“, опутавшимъ благодаря этому все Московское государство сѣтью своихъ торговыхъ конторъ и агентовъ. Въ результатѣ купцы жалуются, что всѣми торгами, которыми искони они торговали, завла-

дѣли гости—англичане; въ челобитной, поданной царю Алексѣю на совѣтѣ 1648 года, купцы молятъ царя: „не дай намъ, природнымъ своимъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ жить въ вѣчной нищетѣ и скудости“, и выражаютъ пожеланіе, чтобы „всѣ были въ тяглѣ и въ свободѣ или въ въ льготахъ вмѣстѣ равно... чтобъ во всемъ народѣ мятежа и розни не было“. Посадскій купецъ XVII вѣка ненавидѣлъ иностранцевъ не менѣе, чѣмъ воеводъ; онъ былъ крайнимъ націоналистомъ, и когда московское правительство стало распространять новую вѣру, проникнутую „папежскою, лютерскою и кальвинскою ересью, мерзкою Богу“, многіе посадскіе люди безъ всякихъ колебаній заявляли: „уставлена новая вѣра, велятъ кланяться болванамъ, носить нѣмецкое платье, брить бороды, выдавать русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ“,—и пошли въ расколъ.

Первоначально посадскій расколъ проявился въ мирной формѣ. Когда стали распространяться никоновы „затѣйки и новины“, многіе купцы перестали посѣщать общественныя богослуженія въ приходскихъ церквахъ и организовали домашній культъ, примѣнительно къ старымъ обычаямъ. Мы уже знаемъ, какъ былъ распространенъ обычай устраивать домашнія церкви; теперь всѣ, у кого была матеріальная возможность, стали устраивать такія церкви у себя въ домахъ и нанимать вдовыхъ священниковъ, которымъ по тогдашнимъ правиламъ не давалось приходовъ. Такихъ церквей съ домашними попами появилось немало и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посадскіе люди, наравнѣ съ клириками, державшимися старой вѣры, дѣятельно принялись за пропаганду старой вѣры. Лѣтопись раскола называетъ много именъ такихъ апостоловъ старообрядчества изъ среды посадскихъ людей, составившихъ своимъ „нелѣпостнымъ словомъ“ для старой вѣры „богатый и преизобильный плодъ“. Послѣ собора 1666—67 годовъ, когда были приняты жестокія мѣры противъ сторонниковъ старой вѣры, посадское старообрядчество принуждено было уже таиться или эмигрировать. Въ 1669 году произошла первая купеческая эмиграція изъ Москвы. Двѣнадцать семействъ прихожанъ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ не захотѣли больше оставаться въ новомъ „Вавилонѣ“ и во главѣ съ своимъ попомъ Кузьмой выселились за польско-литовскую границу, въ Стародубье. Тамъ, подлѣ селенія Понуровки, около рѣчки Ревны, образовалась первая колонія московскихъ пуританъ. Въ то же время начали складываться нѣкоторые элементы идеологіи посадскаго старообрядчества, положившіе начало солидарной организаціи и взаимопомощи посадскихъ старообрядцевъ. Сторонники старой вѣры—это новый Израиль; они въ борьбѣ съ никоніанами должны приходить другу на помощь, выкупать другъ друга изъ темницы, помогать въ кризисахъ и т. д. Изъ этихъ ростковъ выросло впослѣдствіи много стройныхъ организацій, благодаря которымъ посадское старообрядчество стало могучей торгово-промышленной силой.

Время шло, и посадскіе люди, оставшіеся на родинѣ, выжидали удобнаго случая выступить открыто противъ „антихристова“ государства и осуществить свои вожделѣнія. Такой моментъ, по ихъ мнѣнію, насталъ, когда со смертью несчастнаго Ѳедора Алексѣевича зашатался московскій престолъ. Орудіемъ переворота было стрѣлецкое войско, которое Софья подняла противъ тогдашняго правительства. Стрѣльцы были уже давно недовольны сокращеніемъ своихъ льготъ и штатовъ и явнымъ предпочтеніемъ, какое правительство оказывало передъ ними наемнымъ иностраннымъ полкамъ и русскимъ полкамъ иноземнаго строя, и чувствовали, что близится моментъ ихъ окончательнаго упраздненія. Поэтому они охотно стали за Софью и провели ее въ правительницы, при чемъ на ея сторону стала вся посадская Москва. Но услуга была оказана не даромъ. Тотчасъ же послѣ переворота, 15 мая, Софьѣ была подана челобитная отъ стрѣльцовъ, гостей и торговыхъ сотенъ на бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, а вслѣдъ за тѣмъ въ стрѣлецкихъ полкахъ началась усиленная агитація за возстановленіе старой вѣры. Правительство Софьи оказалось въ рукахъ народа и принуждено было уступить. Получивъ новую челобитную о томъ, чтобы патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за что они старую вѣру возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру, Софья принуждена была допустить знаменитыя „пренія о вѣрѣ“ въ Грановитой палатѣ 5 іюля 1682 года. Но пренія о вѣрѣ были только прологомъ къ цѣлому плану революціоннаго преобразованія московскаго государства подъ знаменемъ „старой вѣры“. Когда началась агитація за старую вѣру, предводитель стрѣлецкаго войска, Хованскій, задумалъ свергнуть правительство Софьи и сѣсть на престолъ Романовыхъ, опираясь на всѣ недовольные элементы Московскаго государства. Онъ щедро раздавалъ обѣщанія налѣво и направо. Посадскимъ людямъ онъ обѣщалъ уничтоженіе воеводъ и приказныхъ людей и возстановленіе старой вѣры; стрѣльцамъ и бѣглымъ холопамъ и крестьянамъ, которыхъ стрѣльцы охотно принимали въ свою среду, онъ обѣщалъ утвердить отмѣну кабалъ въ Холопскомъ приказѣ и сохранить нѣкоторые казацкіе обычаи, введенные въ стрѣлецкомъ войскѣ во время майскаго переворота. Правительство Софьи смутно подозрѣвало заговоръ и чувствовало, что оно сидитъ на пороховомъ ящикѣ; опасаясь за свою безопасность, Софья съ обоими царями уѣхала изъ Москвы и принуждена была обратиться за помощью къ дворянству. Въ то время, какъ медленно собиралось дворянское ополченіе, чтобы взять мятежную Москву, планъ Хованскаго вслѣдствіе доноса одного изъ стрѣльцовъ раскрылся, и тогда, какъ только собралось дворянское ополченіе, Софья энергичными мѣрами подавила возстаніе въ зародышѣ. Хованскій былъ казненъ, Софья вернулась въ Москву, и въ 1685 году былъ изданъ новый указъ противъ сторонниковъ старой вѣры, только что снова показавшихъ свое значеніе, какъ серьезной революціонной силы. Знаменитыя двѣ-

Милорадовичъ. Черный соборъ.

надцать статей этого указа предписываютъ жечь въ срубѣ за хулу на церковь, за распространеніе мятежа, за подговоръ къ самосожженію, за возвращеніе въ расколъ послѣ покаянія; казнить смертью перекрещивающихъ въ старую вѣру; бить кнутомъ и ссылать тайныхъ раскольниковъ и укрывателей. Этотъ указъ знаменовалъ окончательное крушеніе надеждъ на возстановленіе старой вѣры. Дворянское государство осталось вѣрно себѣ и пошло безпощадно противъ старой вѣры. Ея адептамъ приходилось теперь или подчиниться „антихристу“, какимъ для нихъ было московское правительство, или уйти. Подчиниться было невозможно; и вотъ начинается усиленная эмиграція всѣхъ зажиточныхъ элементовъ старообрядчества за границу. „За рубежомъ древлее благочестіе въ ослабѣ“, писали изъ Стародубья. И на этотъ призывъ громадныя толпы старообрядцевъ двинулись въ Польшу, Швецію, Прусію, Турцію, за Кавказъ. Только одна организація основалась въ предѣлахъ московскаго государства, Выгорѣцкая община; но она пріютилась на крайнемъ сѣверѣ, въ дремучей тайгѣ, гдѣ приходилось завоевывать жизнь самыми тяжелыми трудами. Въ новыхъ общинахъ старообрядцы устраивались по старому обычаю міромъ, со старостами „по выбору“ и въ культѣ свято соблюдали обряды старой вѣры.

Одновременно съ этими движеніями въ верхахъ московскаго общества назрѣвала крестьянская реформація. На почвѣ крестьянства расколъ далъ въ XVII в. наиболѣе обильные и своеобразные всходы. Вся крестьянская жизнь, весь ея укладъ, всѣ правовыя или, вѣрнѣе, безправныя нормы, въ которыхъ жило крестьянство XVII вѣка, толкали крестьянъ на путь вражды къ дворянскому государству. Однимъ изъ проявленій этой вражды былъ бунтъ Разина; замиреніе его не уничтожило, конечно, крестьянскаго недовольства, но заставило крестьянъ искать новыхъ путей для выраженія своей оппозиціи. Мы видѣли уже, какая благопріятная почва создалась для оппозиціи именно подъ религіознымъ флагомъ. Когда старая вѣра стала въ положеніе преслѣдуемой и гонимой святыни, крестьянство стало сейчасъ же на ея сторону и выработало своеобразную идеологію, въ которой старая вѣра, какъ ее понимали профессіоналы, преобразовалась до неузнаваемости. Поэтому мы имѣемъ право говорить не только о крестьянскомъ расколѣ, но и о подлинной крестьянской реформаціи XVII вѣка.

По своему общему тону эта реформація была мистико-дуалистическая, по своимъ чаяніямъ — эсхатологическая. Основная ея идея заключается въ томъ, что міръ попалъ во власть темныхъ силъ, лежитъ во злѣ. „Градскіе закопы“ всѣ истреблены, „соборъ вѣрныхъ“ разсѣянъ, а на „сѣдалищѣ власти“ возсѣли „сластолюбцы, лихоимцы и немилосердные“. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ всего стараго гражданскаго обихода уничтожается, какъ говорили народные проповѣдники, и старая вѣра; и то и другое шло изъ одной и той же Москвы, отъ одного и того же царя и патріарха. Но разъ зло воцарилось въ

Мясоѣдовъ. Самосожженіе. Третьяковская галлерея.

мірѣ, оно должно было имѣть реальную персонификацію. Крестьянское міровоззрѣніе не было отвлеченнымъ, но оставалось попрежнему насквозь анимистичнымъ; идея зла для него не существовала, оно искало реальнаго носителя зла. Народные проповѣдники изъ сельскихъ и городскихъ клириковъ назвали такого реальнаго носителя зла антихристомъ и отождествили его, какъ мы знаемъ, съ царемъ и Никономъ. „Антихристовъ страхъ міръ устрашилъ“; антихристъ пришелъ въ міръ и воцарился въ Москвѣ. Антихристъ—это нечистая троица, состоящая изъ змія, звѣря и лживаго пророка: змій—дьяволъ, звѣрь—царь, лживый пророкъ—патріархъ.

Антихристова идеологія была нечужда и посадскому расколу; и посадскіе люди, уходя изъ Московскаго государства, говорили, что уходятъ отъ антихриста. Но для посадскаго раскола Московское государство было антихристовымъ въ боевомъ, а не въ эсхатологическомъ смыслѣ: себя посадскіе старообрядцы считали адептами истинной христіанской вѣры и, поскольку государство ихъ гнало, оно и было для нихъ антихристовымъ; свои зарубежныя организаціи они разсчитывали не на смерть, а на жизнь и благоденствіе. Антихристъ крестьянской реформаціи, наоборотъ, понимался въ эсхатологическомъ смыслѣ. Антихристова идеологія не только объясняла крестьянству смыслъ происходящихъ событій, но и давала надежду на скорое избавленіе. Крестьянство жадно внимало выкладкамъ своихъ церковныхъ пророковъ на тему о томъ, что пришествіе антихриста означаетъ близость конца міра и страшнаго суда. По готовому вычисленію „Книги о вѣрѣ“ антихристъ долженъ былъ явиться въ 1666 году. Годъ этотъ какъ разъ совпалъ съ годомъ собора, официально осудившаго старую вѣру. А по разсчету Апокалипсиса, антихристъ будетъ царствовать только три года, а потомъ будетъ ввержетъ въ геенну огненную вмѣстѣ со всѣми своими приспными. Значитъ, остается подождать только еще три года, до 1669 года. И подобно своимъ западноевропейскимъ собратьямъ въ 1000 году, когда въ Западной Европѣ также ожидали второго пришествія, крестьянство стало готовиться къ кончинѣ міра.

Иноки Корнилій и Виталій. По старинной старообрядческой картинѣ.

Съ 1668 г., предъ лицомъ кончины міра, крестьяне забросили поля и полевыя работы, и съ начала 1669 года, на Пасхѣ котораго ждали второго пришествія, началась повальная паника. Крестьяне уходили въ лѣса, бросая свои дома на произволъ судьбы, или дѣлали себѣ гробы, ложились въ нихъ и „запощевались“, т.-е. умирали голодною смертью; исповѣдывались другъ у друга и пѣли другъ надъ другомъ заупокоïныя службы. По деревнямъ, по лѣсамъ, по болотамъ неслась заунывная, жуткая пѣсня:

Древянъ гробъ сосновенъ,
Ради мене строенъ,
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангели вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.

И когда мертвые возстанутъ изъ гробовъ, получатъ они воздаяніе по дѣламъ своимъ; зло будетъ уничтожено, и гонимые „нищіе“ получатъ блаженство. Любимый народный проповѣдникъ, пророкъ народной реформаціи, Аввакумъ разсказывалъ, каково будетъ на томъ свѣтѣ грѣшному царю и его приснымъ, и какую награду получатъ вѣрныя чада Христа и Аввакума. „Въ огнѣ здѣсь небольшое время потерпѣть—аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ“—и попадетъ прямо въ рай, уготованный для Аввакума и его послѣдователей. Въ райскомъ селеніи приготовлены великолѣпныя жилища и палаты, а въ нихъ столы, застланные бѣлыми скатертями и уставленные всякими „брашнами“; и до того тамъ „умильно“, что и изобразить нельзя. Туда и попадутъ всѣ, кто изнемогалъ на землѣ, у кого, подобно святымъ на иконахъ, „лице, и руцѣ, и нозѣ, и вся чувства тончава и изможда отъ поста и труда и великія находящія имъ скорби“. А „толстобрюхіе“ никоніяне не пролѣзутъ въ рай, но вмѣстѣ съ царемъ попадутъ въ адъ и будутъ тамъ „ревѣть“ въ огненномъ жупелѣ: любили они вино и медъ пить, жареныхъ гусей, лебедей и рафленыхъ куръ ѣсть, — и получатъ на томъ свѣтѣ вмѣсто этихъ лакомствъ „жару по горло“. И когда никоніане пойдутъ послѣ страшнаго суда въ адъ, вѣрные будутъ подгонять ихъ: „отдастъ Христосъ всѣхъ васъ, собакъ, подъ начало“. Картины были настолько соблазнительны, что крестьянство было охвачено точно экстазомъ. И отъ экстаза оно не сразу очнулось даже тогда, когда 1669 годъ прошелъ благополучно, не принеся съ собою конца свѣта и оставивъ по себѣ только глубокое хозяйственное разореніе крестьянъ и ихъ господъ.

Эсхатологическія упованія были настолько жизненны, что неисполненіе пророчества нисколько не повліяло на уменьшеніе авторитета пророковъ. Напротивъ, крестьянство сейчасъ же повѣрило, что произошла простая ошибка въ разсчетѣ, и что „послѣдній чортъ еще не бывалъ“. Сообразили, что нужно считать не со дня рожденія Іисуса, а со дня его воскресенія,

Суриковъ. Боярыня Морозова. Третьяковская галлерея.

нужно было накинуть еще 33 года и ждать второго пришествія въ 1702 г., а появленія антихриста—въ 1699. Отсрочка на 33 года—срокъ немалый. За этотъ срокъ общее положеніе крестьянства ухудшилось еще болѣе, и потому почва для эсхатологической идеологіи оставалась попрежнему благопріятной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ за этотъ срокъ успѣли назрѣть и выясниться основные элементы культа и жизни крестьянскихъ старовѣровъ, придавшіе крестьянскому старовѣрческому быту характеръ примитивной и мрачной жестокости.

Пока второе пришествіе и страшный судъ казались совсѣмъ близкими, крестьянство не заботилось о завтрашнемъ днѣ: завтра могла затрубить ангельская труба, и могъ прійти конецъ всѣмъ земнымъ заботамъ. Теперь приходилось подумать о томъ, какъ прожить остающійся до пришествія антихристова болѣе или менѣе значительный срокъ. Способъ былъ найденъ въ видѣ стараго средства, хорошо знакомаго крестьянству еще съ начала XVII в.: нужно было бѣжать отъ антихриста въ лѣса и въ пустыни; „внѣ лѣсовъ нынѣ царство антихристово“. Это бѣгство было своего рода планомѣрнымъ колонизаціоннымъ потокомъ, въ главѣ котораго шли „чернецы“ съ немногими развѣдчиками. Въ глухой лѣсной тайгѣ, среди непроходимыхъ болотъ находили островокъ твердой земли и строили тамъ „скитъ“, базу для колонистовъ-бѣглецовъ, съ тайниками, амбарами, поварнями и со всякими запасами на случай прихода слугъ антихриста. Такіе скиты потомъ превращались въ цѣлыя селенія, „мѣста звѣропастьственныя населяхуся“ гонимыми вѣрными; колонизація охватила собою огромные районы рѣки Керженца, въ нижегородскомъ заволожьѣ, лѣса Пріуралья, Стародубья и тайгу Поморья. На новыхъ мѣстахъ переселенцы не заводили прочнаго хозяйственнаго обихода; при обширности пустыхъ незанятыхъ пространствъ было легко удовлетвориться требуемымъ идеологіей временнымъ хозяйственнымъ укладомъ, съ преобладаніемъ добывающей промышленности. Бѣглый крестьянинъ становился кочевымъ охотникомъ, и „антихристъ“ не могъ поразить его хозяйственнымъ кризисомъ, если внезапно сгонялъ съ мѣста. На официальномъ языкѣ скитниковъ такъ и звали „бродягами, гуляющими и бездомовыми людьми“.

Періодъ отсрочки заставилъ крестьянство подумать и надъ устройствомъ религіознаго быта. Полное ожиданій страшное трехлѣтіе (1666—1669 гг.) могло пройти безъ регулярнаго культа; тогда крестьянство удовлетворялось голымъ отрицаніемъ новой вѣры и столь же голымъ признаніемъ старой вѣры. Теперь нельзя было обойтись ни безъ опредѣленной идеологіи, ни безъ опредѣленнаго культа. Въ началѣ статьи мы уже видѣли, что такое представляла изъ себя народная религія до половины XVII вѣка. Это была смѣсь стараго славянскаго анимизма и вѣдовства съ нѣкоторыми элементами христіанства, унаслѣдованными христіанствомъ изъ восточныхъ и античныхъ религій. Въ этомъ кровномъ родствѣ стариннаго анимизма съ дохристіанской стариной

и былъ центръ тяжести крестьянской старой вѣры. Крестьянству были чужды книжническіе споры старовѣрческихъ профессіоналовъ съ никоніанскими профессіоналами; оно мало интересовалось старымъ обрядовымъ христіанскимъ культомъ, столь ревниво оберегавшимся посадскими людьми. Оно поняло только, что та вѣра, которую хотятъ навязать правительственные опекуны въ лицѣ новыхъ поповъ, ставленниковъ никоніанъ, есть антихристова вѣра, и, уходя, устраивало культъ и вѣрило по-своему. Ставъ полнымъ хозяиномъ религіознаго быта, крестьянство вернулось къ примитивнымъ формамъ религіи и культа, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ примитивному хозяйственному быту новыхъ скитовъ. Откровеніе, заключенное въ книгахъ, хотя бы въ самыхъ старыхъ, для него болѣе не существовало; откровеніе стало духовнымъ, получалось посредствомъ шаманскаго камланья. Возродились „бѣсованія“, „хожденія по кругу“ съ новой силой; никогда, въ сущности, не умиравшія, они теперь стали обычнымъ способомъ привлеченія „духа“. Культъ также упростился до крайности и тамъ, гдѣ съ бѣглыми оказывались попы, строились часовни и служились молебны, вечерни и часы, конечно, безъ поминанія царя. Но попы были далеко не вездѣ; только Керженецъ могъ похвалиться обиліемъ бѣглыхъ „чернецовъ“, профессіональныхъ отправителей культа, а Стародубье, Поморье и Пріуралье обходились почти совсѣмъ безъ поповъ. Въ этихъ мѣстностяхъ культъ получилъ вполнѣ сектантскій характеръ, совершенно еретическій даже съ точки зрѣнія старой вѣры. Совершителями его были тѣ же пророки и пророчицы, которые получали откровенія посредствомъ хожденія по кругу. „Дѣвки“ причащали изюмомъ, „пророки“ крестили дѣтей и перекрещивали въ „Ерданѣ“ (т.-е. въ какой-нибудь чистой рѣкѣ) взрослыхъ, чтобы смыть съ нихъ печать антихристову. Вмѣсто церковнаго брака довольствовались простымъ благословеніемъ, а иногда обходились и безъ послѣдняго: „нѣсть грѣхъ плотское совокупленіе по согласію“. Крестьянская „старая вѣра“ однимъ концомъ упиралась въ самую старинную анимистическую древность; но за это другимъ концомъ она уже глядѣла въ будущее, въ новую сектантскую идеологію, расцвѣтающую пышнымъ цвѣтомъ въ половинѣ XVIII вѣка. Въ обрядахъ и идеяхъ крестьянскихъ старовѣровъ ранней эпохи раскола уже даны всѣ элементы будущаго бѣгунства и хлыстовства.

Но одна черта, самая ужасная черта крестьянской реформаціи XVII в., налагаетъ на нее своеобразный отпечатокъ, отличающій ее и отъ предшествующей формы крестьянской вѣры и отъ ея послѣдующихъ трансформацій. Это идеологія и практика самосожженій. Было бы не совсѣмъ правильно объяснять это кошмарное явленіе только нежеланіемъ бѣглецовъ отдаться въ руки антихриста, бросившагося въ погоню за бѣжавшимъ тяглецомъ. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что раскольники часто сжигались на виду у настигавшихъ ихъ правительственныхъ отрядовъ и говорили, что лучше добро-

вольно сгорѣть и принять мученическій вѣнецъ, чѣмъ горѣть отъ руки палачей, слугъ антихриста. Но далеко не всѣ самосожженія происходили при такихъ обстоятельствахъ, и идеологія ихъ оказывается гораздо сложнѣе.

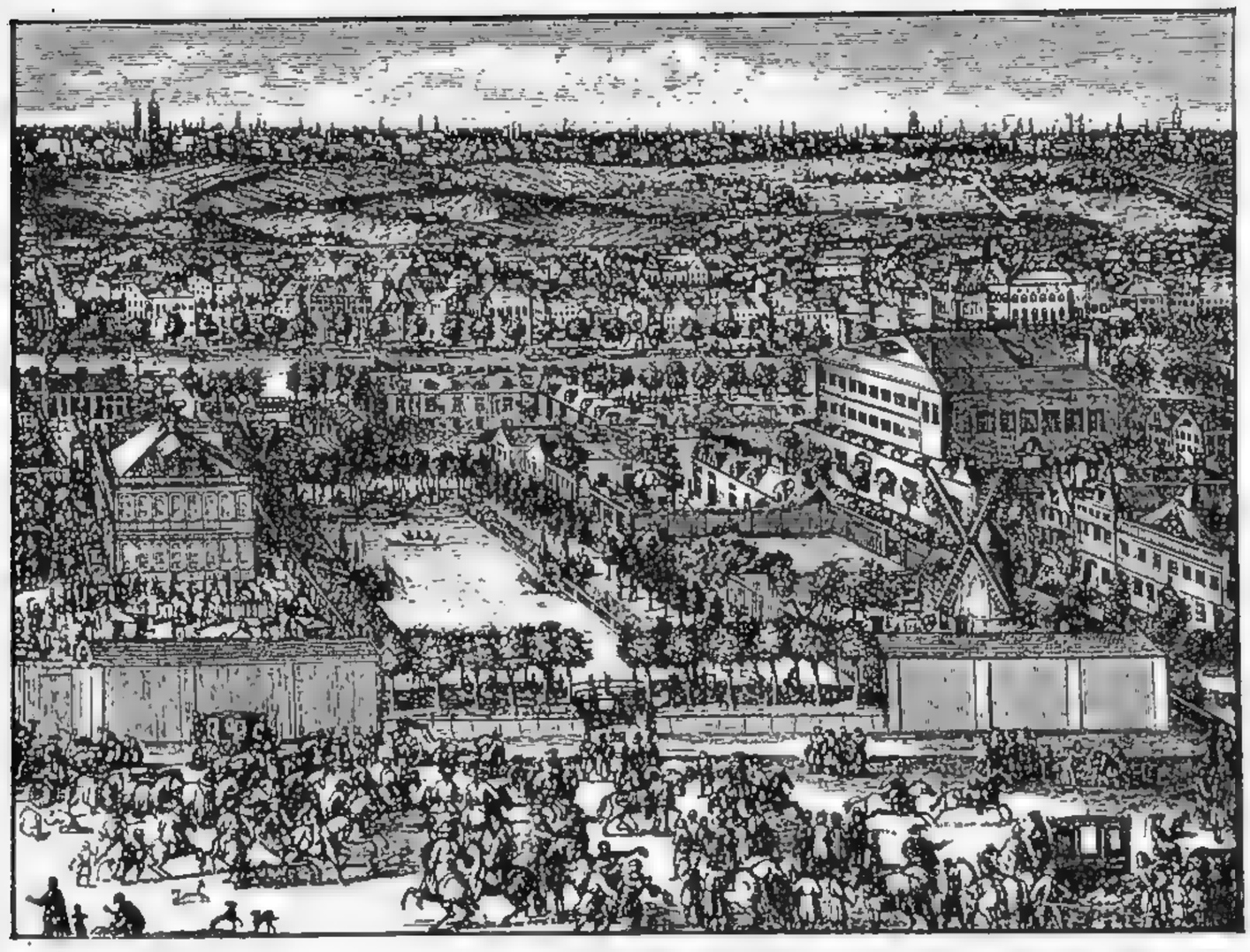
Самосожженіе связано съ идеей раздвоенія міра и воцаренія въ немъ зла. Тотъ, кто хочетъ спастись, уходитъ изъ міра антихриста; но этого недостаточно, ибо онъ, живя въ мірѣ, запятналъ себя общеніемъ съ антихристомъ, несетъ на себѣ отпечатокъ грѣха. Для того, чтобы спастись, чтобы получить лучшую долю послѣ близкаго уже страшнаго суда, надо очиститься совсѣмъ отъ всякихъ слѣдовъ злого царства. Крещеніе въ „Ерданѣ“ было однимъ изъ средствъ такого очищенія, но и оно не вполнѣ достигало цѣли. Для полученія вѣнца мученическаго необходимо было принять „второе неоскверняемое крещеніе огнемъ“. Значеніе этого крещенія было раскрыто еще Аввакумомъ. Самосожженіе необходимо, чтобы „не погибнуть злѣ духомъ своимъ“; оно имѣетъ полную силу только тогда, когда совершается „своею волею“, „самоохотно“. Вслѣдъ за Аввакумомъ, развивавшимъ теорію самосожженій въ своихъ посланіяхъ, появились спеціальные проповѣдники самосожженія на Тоболѣ, въ Олонецкомъ краѣ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ всѣ почти самосожженія, или „гари“, какъ ихъ тогда называли, являются добровольными искупительными актами, безъ всякой связи съ гоненіями и преслѣдованіями „антихриста“. Въ эти годы еще правительство не снаряжало такихъ экспедицій и облавъ на бѣжавшаго тяглеца, какъ послѣ 1685 года, когда уходъ крестьянъ сталъ грознымъ явленіемъ, сулившимъ окончательно разорить помѣщичье хозяйство и государеву казну. Когда Петръ началъ въ широкихъ размѣрахъ практиковать сыскъ бѣглыхъ раскольниковъ и разорять ихъ лѣсныя пристанища, то самосожженія получили новую силу. Кромѣ религіознаго освященія, они давали въ руки практическое орудіе борьбы съ „антихристомъ“, были своего рода ultimum refugium; „антихристу“ не доставалась ни одна „душа“, но всѣ, на его глазахъ, добровольно переселялись въ уготованный для нихъ Аввакумовъ рай. Окутанная дымомъ гари, вступаетъ крестьянская реформація въ XVIII вѣкъ, и долго еще надъ нею продолжаетъ стоять этотъ огненный туманъ, усиливаясь и сгущаясь въ варварскую эпоху бироновщины и ослабѣвая въ вѣкъ Елизаветы.

Эсхатологическая реформація была пассивной формой сопротивленія крестьянства подъ знаменемъ старой вѣры. Но какъ посадское старообрядчество не ограничилось „нелѣпостными“ словами и домашними церквами, а попробовало во время Хованщины вступить съ „новой вѣрой“ въ вооруженный бой, такъ и на крестьянской почвѣ расколъ далъ тоже „воровскіе“ побѣги. Лѣсная „густыня“ была не единственнымъ мѣстомъ пристанища для бѣжавшаго крестьянина. Казацкій Донъ, издавна бывшій землей обѣтованной для бѣглаго люда, въ семидесятыхъ годахъ XVII в. „возсіялъ и преподобными

отцами наполнился“. „Преподобные отцы“ настроили по рѣкамъ Чири, Хопру и Медвѣдицѣ скиты, вскорѣ наполнившіеся бѣглецами изъ внутренней Россіи, и повели дѣятельную агитацію за старую вѣру въ казацкой средѣ. Казацкая голытьба оказалась очень податливой на эту пропаганду; напротивъ, домовитые казаки сразу же объявили „преподобныхъ отцовъ“ ворами и выдали наиболѣе дѣятельныхъ московскому правительству, но не могли этимъ предупредить казацко-раскольничьихъ бунтовъ. Начиная съ 1686 года, на Дону возникаетъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ такихъ бунтовъ, въ которыхъ знамя старой вѣры пріобрѣтаетъ опять-таки своеобразную окраску. Идеологія остается эсхатологической, но принимаетъ революціонный характеръ. Одновременно со вторымъ пришествіемъ должны прійти на помощь Іисусу и его вѣрные: силы небесныя соединятся съ казаками, и произойдетъ поголовное истребленіе властей, а Москва будетъ разрушена. На мѣстѣ же стараго антихристова царства будетъ устроено новое мессіаническое царство, въ которомъ не будетъ ни притѣсненій, ни неравенства, но всѣ будутъ „по созданію божію“ братья. Такимъ образомъ, эсхатологическая проповѣдь „преподобныхъ отцовъ“ претворилась въ казацкомъ сознаніи въ революціонно-мессіаническую идеологію. „Старая вѣра“ еще разъ перемѣнила цвѣтъ, обратившись въ лозунгъ коммунистическаго религіознаго переворота.

Таково было происхожденіе и первыя проявленія того великаго движенія въ XVII вѣкѣ, которое принято называть расколомъ. Въ немъ переплелись нити самыхъ разнообразныхъ общественныхъ теченій, самыхъ различныхъ по времени и по содержанію религіозныхъ идеологій. Мы видимъ теперь, что противоположеніе старой вѣры и новой вѣры было правильно; но мы понимаемъ также, что насильственное разрушеніе старой вѣры, предпринятое Никономъ, разбудило и привело въ движеніе всѣ силы, оппозиціонныя дворянскому государству XVII вѣка. Это обстоятельство рѣшило судьбу новой вѣры. Изъ личной затѣи Никона она стала дѣломъ государства и лозунгомъ дворянской Россіи; какъ понималась и во что претворилась новая вѣра, становится уже вопросомъ второстепенной важности. Въ то же время старая вѣра, ставъ лозунгомъ всевозможныхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ движеній, потеряла свою индивидуальность, какую она имѣла въ представленіяхъ профессіоналовъ, сохранивъ лишь общую черту своей противоположности „антихристову“ государству. Въ XVIII вѣкѣ всѣ теченія раскола, намѣтившіяся въ XVII вѣкѣ, окончательно дифференцируются и идутъ уже каждое своей дорогой.

П. Пикольскій.



Нѣмецкая слобода. По гравюрѣ де-Витта.

Западное вліяніе въ Московскомъ государствѣ.

тошло въ область преданій то время, когда находились историки, рѣзко переламывавшіе линію развитія русскаго народа на двѣ половины, изъ которыхъ одна, до-петровская Русь, представлялась чисто-самобытною, внѣ всякаго органическаго проникновенія духомъ западной культуры, какъ полная противоположность Россіи со времени Петра Великаго, когда-де жизнь русскаго народа насильственно была выведена изъ родныхъ береговъ и потекла по чуждому ей руслу, искусственно сдѣланному по нѣмецкимъ чертежамъ.

Всесторонняя разработка архивныхъ матеріаловъ XVII в. разсѣяла эту слишкомъ безпочвенную концепцію, и за слишкомъ переоцѣненнымъ западничествомъ Петра открылся спокойный и ровный путь постепеннаго проникновенія въ русскую жизнь началъ западной культуры въ ея матеріальныхъ и духовныхъ проявленіяхъ. Реставрирована богатая бытовая обстановка съ явнымъ штемпелемъ западнаго происхожденія; зазвучали яркія рѣчи угасшихъ страстей, вызванныхъ вторженіемъ въ Домостроевское міросозерцаніе новыхъ понятій, незнакомыхъ образовъ и переживаній. Но для насъ эта бытовая обстановка такъ же мало раскрываетъ существенныя стороны западнаго вліянія, какъ дошедшія до насъ горячія рѣчи недостаточно объ-

ективно рисуютъ связанныя съ западнымъ вліяніемъ переживанія разныхъ слоевъ русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, въ палатахъ московскаго царя, въ пріемной его боярина мы видимъ цымбалы, нѣмецкіе органы, драгоцѣнныя статуэтки и бездѣлушки—явный знакъ проникновенія въ домашній обиходъ русскаго человѣка западныхъ средствъ удовлетворенія эстетическихъ запросовъ русской души... Стѣны царскихъ, патріаршихъ и боярскихъ палатъ украшены картинами „съ живства“, живописными „парсунами“ такъ же, какъ въ избахъ низшихъ классовъ можно было встрѣтить „фряжскіе“ и нѣмецкіе „потѣшные листы“, самое названіе, происхожденіе и содержаніе которыхъ не даютъ сомнѣваться, что ими вносилась въ Домостроевскую атмосферу дыханіе западной жизни; но больше этого ничего не говорятъ намъ эти цымбалы, живописныя парсуны и фряжскіе листы. На нихъ и тѣни нѣтъ тѣхъ обрядовыхъ сомнѣній, традиціонной боязни новшествъ и борьбы съ Домостроевскими „прещеніями“, которыя предшествовали рѣшенію москвича ввести въ домашній обиходъ волны музыкальныхъ звуковъ, вызывающихъ совсѣмъ иныя настроенія, чѣмъ тѣ, которыя зарождались въ Домостроевской атмосферѣ, пропитанной лампаднымъ масломъ, клубами ладана и монотоннымъ исполненіемъ механически затверженныхъ молитвъ и покаянныхъ вздоховъ; не отпечатлѣлись на нихъ переживанія, сопровождавшія рѣшеніе повѣсить рядомъ съ безстрастными, застывшими въ суровыхъ позахъ ликами святыхъ живописные портреты и картины, по живости лицъ и позы, „потѣшности“ сценъ и яркости красокъ составлявшіе слишкомъ замѣтный и оскорбительный контрастъ для освященныхъ иконъ и связаннаго съ ними поклоненія.

Если предметы съ западнымъ штемпелемъ ничего не говорятъ о томъ, какъ, подъ ихъ воздѣйствіемъ, преодолѣвалъ въ себѣ старую закваску нашъ предокъ, то, съ другой стороны, дошедшія до насъ рѣчи и сцены, характерныя для этихъ переживаній, слишкомъ индивидуальны и немногочисленны, чтобы въ нихъ мы могли найти полное и вѣрное отраженіе чувствъ и мыслей всѣхъ тѣхъ элементовъ, которыхъ такъ или иначе захлестнули волны западныхъ вліяній. Съ одной стороны, мы видимъ, какъ отдѣльныя лица испытываютъ жажду западной культуры, трепетно отыскивая ее въ ночныхъ бесѣдахъ съ иностранцами при глухо закрытыхъ дверяхъ (кн. Голицынъ), въ опасномъ для себя и близкихъ бѣгствѣ за границу (сынъ Ордына-Нащокина), которое вызвано было тѣмъ, что человѣкъ, тронутый западнымъ вѣяніемъ, чувствовалъ себя на родинѣ, какъ въ пустынѣ: „на Москвѣ людей нѣтъ—все людъ глупый, жить не съ кѣмъ“, говорилъ ранній западникъ, кн. Ив. Хворостининъ.

Съ другой стороны, раздаются возгласы, проклинающіе „прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный“, объявляющіе, что „богомерзостенъ предъ Богомъ всякъ, любяй геометрію“, и такіе возгласы слышатся не только отъ человѣка, который ставитъ себѣ въ заслугу, что „эллинскихъ борзостей не

текохъ, риторскихъ астрономъ не читахъ, съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ“,—такіе сами не знали, что отрицали; но, наряду съ ними, встрѣчаются лица, какъ, напр., Лучка Голосовъ, которые сами изучали латынь и познакомились съ западной мудростью; тѣмъ не менѣе они поднимаютъ знамя возстанія противъ этой западной стихіи: „Знать латинскій языкъ не для чего, и многія въ немъ ереси... Впредь учиться никакъ не хочу: кто по-латыни ни учился, тотъ съ праваго пути совратился...“

И тѣ и другія выраженія отношеній къ Западу представляются намъ крайностями отдѣльныхъ лицъ и едва ли могутъ считаться за типичное отношеніе къ западной культурѣ безмолвныхъ массъ, втихомолку, можетъ-быть, незамѣтно для самихъ себя, проникавшихся повѣявшимъ съ Запада воздухомъ.

Гораздо продуктивнѣе будетъ для констатированія западнаго вліянія въ широкихъ размѣрахъ остановиться на выясненіи такихъ проводниковъ его, какъ торговыя, военныя и дипломатическія сношенія съ Западомъ, развитіе колоній иностранцевъ въ Москвѣ и другихъ русскихъ центрахъ, просвѣтительная дѣятельность южно-русскихъ выходцевъ — „нехаевъ“, какъ ихъ въ то время называли, распространеніе иностранной и переводной литературы.

Царь Алексѣй Михайловичъ.
По старинной нѣмецкой гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцовскій музей).

Нѣкоторые изъ этихъ путей распространенія западной культуры въ Россіи имѣютъ свое начало по ту сторону смутнаго времени и такимъ образомъ приковываютъ къ себѣ вниманіе въ качествѣ длительныхъ проводниковъ западной культуры. Къ числу ихъ относится прежде всего торговля.

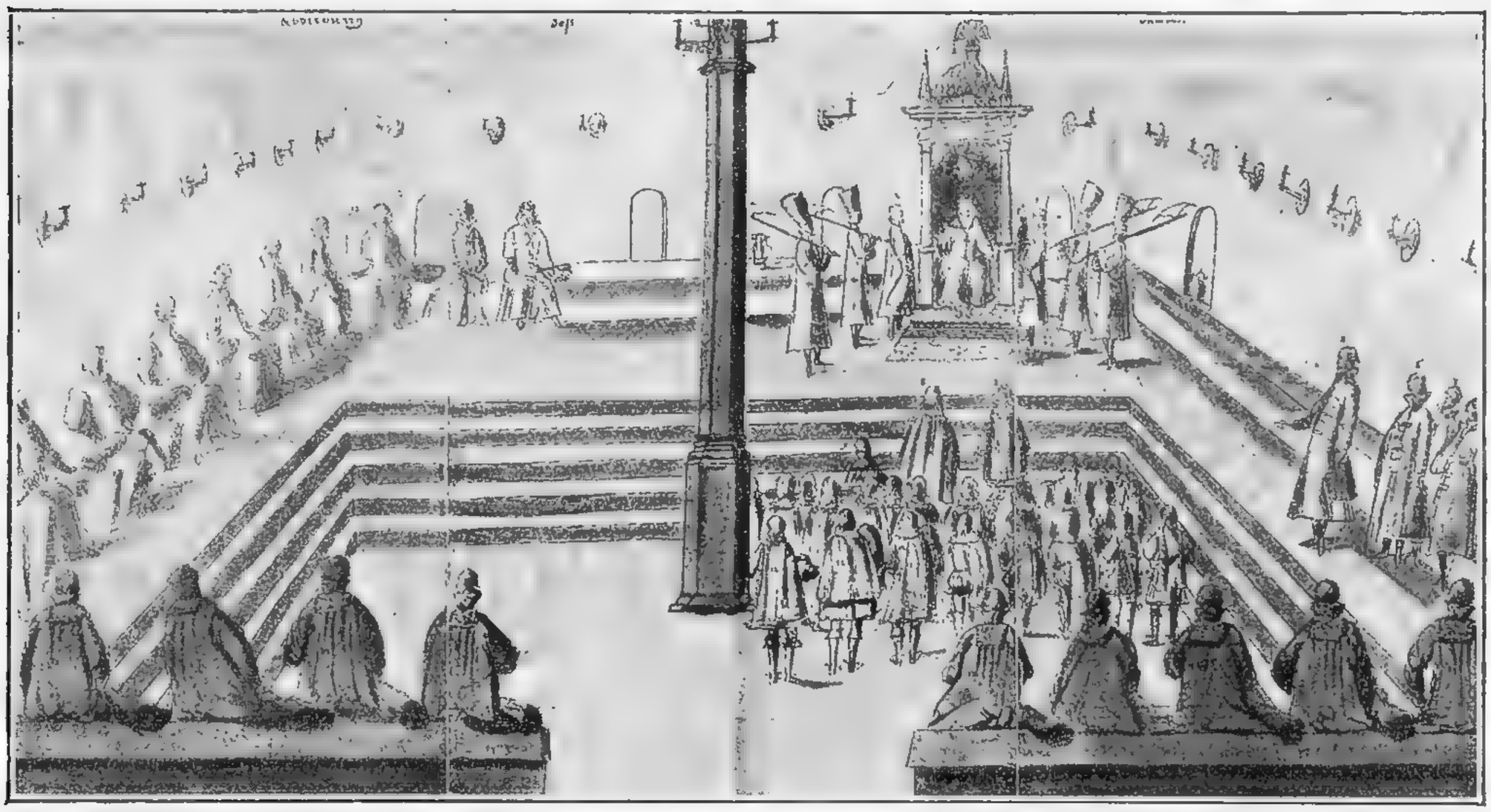
I.

При объединеніи сѣверо-восточной Руси подъ властью Москвы пали Новгородъ и Псковъ, эти главные органы матеріальнаго и духовнаго общенія Удѣльной Руси съ Западной Европой. У вотчинниковъ „всеа Русіи“ голова кружилась при разборѣ доставшихся имъ пестрыхъ наслѣдствъ отъ удѣльнаго порядка. Поэтому дѣдъ и отецъ Грознаго не могли удѣлять много вниманія опредѣленію своихъ отношеній къ торговой Западной Европѣ, и только съ половины XVI в. начинаютъ налаживаться разстроившіяся за это время связи.

Само московское правительство теперь ищетъ дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ западными государствами. Съ каждымъ пятидесятилѣтіемъ составъ иноземныхъ торговыхъ людей усложняется представителями все новыхъ и новыхъ народностей. До средины XVI в. завсегдатаями русскихъ рынковъ были польскіе и литовскіе купцы; въ слѣдующее пятидесятилѣтіе мы видимъ оживленное участіе въ русской торговлѣ англійской компаніи и шведскихъ купцовъ; въ то же время возстанавливаются торговыя сношенія съ ливонскимъ и германскимъ купечествомъ, для котораго были отведены спеціальные рынки въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ слѣдующее затѣмъ пятидесятилѣтіе мы видимъ свободную торговлю по всей Россіи польскаго, нѣмецкаго, голландскаго, шведскаго, англійскаго, датскаго и ганзейскаго купечества, которое конкурируетъ и интригуетъ при московскомъ дворѣ и развиваетъ свою дѣятельность настолько, что московское правительство должно было пойти навстрѣчу неотступнымъ просьбамъ русскихъ торговыхъ людей, жаловавшихся на разорительную конкуренцію и льготы, предоставленныя иноземцамъ, особенно англійскому купечеству.

Торговыя компаніи разныхъ западныхъ государствъ, получивши у московскаго правительства право на торговлю по Руси, сейчасъ же стремились обзаводиться своими конторами и постоянными складочными пунктами для своихъ товаровъ въ важныхъ торговыхъ городахъ, главнымъ образомъ по воднымъ системамъ путей. Такъ, по Двинской системѣ англійское и голландское купечество имѣло свои склады и конторы въ гавани св. Николая, при устьѣ Сѣв. Двины, въ Архангельскѣ, Холмогорахъ и Вологдѣ. На Волжской системѣ такимъ же значеніемъ пользовались Москва, Молога, Ярославль и Астрахань. Во второй половинѣ XVI в. возстанавливается торговое значеніе для иностранной торговли Новгорода и Пскова въ Прибалтійскомъ краѣ.

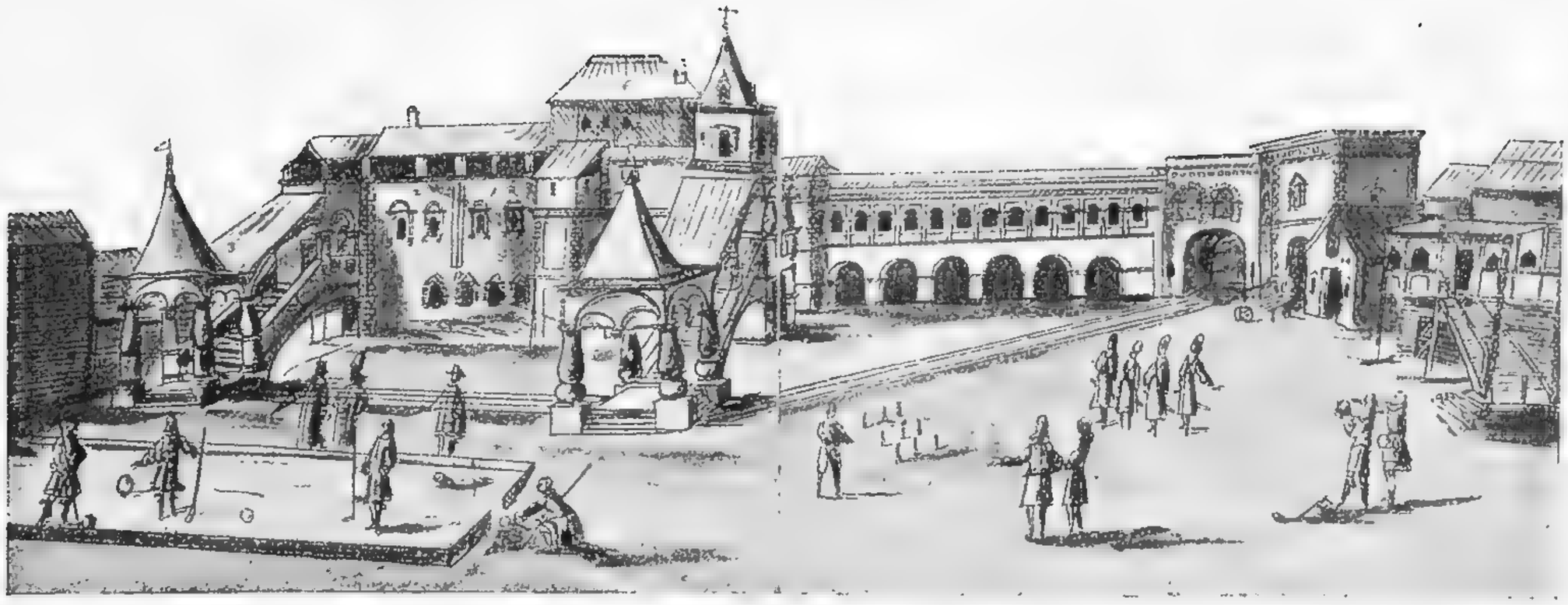
По предписанію инструкціи англійской компаніи своимъ агентамъ, послѣдніе строили для себя и всѣхъ своихъ людей нѣсколько домовъ съ магазинами, погребами и другими службами и строго смотрѣли, чтобы никто изъ служителей не ночевалъ внѣ агентскаго дома безъ позволенія. Англійское купечество, видимо, подолгу заживалось въ названныхъ пунктахъ. Это видно изъ того, что въ концѣ XVI в. въ Вологдѣ и Холмогорахъ многіе англійскіе купцы имѣли собственную землю и прекрасные дома. Судить о количествѣ представителей той или другой торговой компаніи иноземнаго купечества можно, напр., по сообщенію Невиля, будто въ одномъ Архангельскѣ голландцы держали 200 агентовъ.



Аудіенція иностраннымъ посламъ. (Изъ альбома Мейерберга).

Изъ торговыхъ портовъ иностранцы развозили свои товары водными путями въ Вологду, Ярославль, Москву и другіе города, поспѣшая туда къ ярмарочнымъ днямъ. По Сѣверной Двинѣ, Волгѣ и Окѣ съ ихъ притоками ходило множество товарныхъ насадовъ и струговъ, принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, вологжанамъ, но были и барки, принадлежавшія англійской компаніи. Не замирала иноземная торговля и зимою. По словамъ Невиля, агенты голландскаго купечества изъ Архангельска саннымъ путемъ ѣздили въ Москву и другіе города для закупки русскихъ товаровъ.

Мы подробно остановились на обзорѣ формъ и размѣровъ торговаго общенія Руси XVI—XVII в. съ иноземцами, чтобъ воочію убѣдиться, какъ торговля ставила русскихъ людей вплотную къ иноземцамъ, разбрасывав-



Посольскій дворъ. (Изъ альбома Мейерберга).

шимся по всей Руси, и къ предметамъ ихъ торговли. Проводимая этимъ путемъ культура носила, главнымъ образомъ, матеріальный характеръ. Это ясно изъ указанія предметовъ потребленія иностранныхъ товаровъ какъ государствомъ и верхними слоями русскаго общества, такъ и его низами.

Проф. Ключевскій приводитъ перечень товаровъ по счету, представленному англійской компаніей московскому двору.

„Въ 1574 году взято было у англійскихъ купцовъ для царя 12 пудовъ сахару, по 8 рублей пудъ, и 200 стопъ бумаги, по 20 алт. стопа; въ 1576 г. взято мѣди на 1082 рубля, въ слѣдующемъ году взято сукна разныхъ сортовъ нѣсколько кусковъ; въ 1580 г. взято свинцу на 267 рублей, 15 кусковъ толстаго сукна на 210 рублей. Въ 1557 г. компанія отправила въ Россію 4 корабля съ товарами, между которыми было 25 тюковъ толстаго сукна, одинъ тюкъ фіолетоваго и одинъ алаго, 40 тюковъ бумажной матеріи, 518 кусковъ гемпширской каразеи, именно 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 корпчневой и 2 желтой и 9 бочекъ олова. Изъ письма компаніи къ агентамъ отъ 1560 г. узнаемъ, что она посылала въ Россію бастръ, изюмъ, черносливъ и миндаль. Англичане привозили въ Россію оружіе и лошадиную сбрую. Горсей пишетъ, что онъ закупалъ въ Англіи для царя львовъ, позолоченныя алебарды, пистоли, ружья и другое оружіе, разныя аптекарскія снадобья, органы, клавикорды и другіе музыкальные инструменты; кармипъ, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; въ 1585 г. онъ накупилъ такихъ вещей на 4.000 ливровъ“.

Подобные же предметы роскоши потреблялись и высшими слоями московскаго общества. По извѣстіямъ XVII в. голландскіе и англійскіе купцы черезъ Архангельскъ развозили по русскимъ городамъ пряные коренья, сахаръ, шафранъ, соленыя сельди, вина, разныя ткани, голландскія сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкеты, мѣдь, свинецъ,

олово, серебро, золото, тафту, бархатъ, парчу, шерстяные и бумажные чулки, жемчугъ, алмазы и другіе предметы роскоши (Ibid.).

Часть этихъ заграничныхъ товаровъ, несомнѣнно, перепадала и на долю зажиточныхъ слоевъ крестьянства, которое при случаѣ не прочь было богато и пестро разукрасить наряды своихъ женъ. Особенно это справедливо относительно сѣверныхъ крестьянъ, среди которыхъ встрѣчались сравнительно богатые люди. До насъ дошло нѣсколько описей крестьянскаго имущества, отдаваемаго въ „коробьяхъ“ на храненіе. Такъ, въ одномъ изъ такихъ коробовъ, принадлежавшихъ крестьянину Сольвычегодскаго уѣзда Михайлѣ Попову, было: „однорядка женская, сукно-лундышъ съ нарядомъ, цѣна 10 рублей съ полтиной, да двѣ сукни распашныя, обѣ сукно аглинское свѣтло-зеленое съ нарядомъ цѣна 9 руб.“. И это не единичная опись крестьянскаго имущества, состоявшаго между прочимъ изъ заморскихъ драгоцѣнностей [1]).

Приведенный перечень иноземныхъ товаровъ показываетъ, что привозимыя заграничныя издѣлія за немногими исключеніями (оружіе, олово, сельди, ножи и нѣкоторыя „безлѣпицы“) едва ли были по карману широкимъ слоямъ русскаго народа. Дорогіе предметы роскоши находили своихъ потребителей среди боярства, дьяковъ, дворянъ да развѣ еще среди зажиточнаго купечества и рѣдко крестьянства, да и то скорѣе сѣвернаго, промышленнаго. Въ этихъ слояхъ и нужно искать тѣхъ переворотовъ и вліяній, которыя вносились въ домашній обиходъ заморскими диковинками и роскошью, поскольку послѣднія способны вызвать рядъ необычныхъ мыслей и чувствъ въ душѣ, сложившейся подъ вліяніемъ Домостроевскаго уклада. Широкимъ слоямъ русскаго народа, соприкасавшимся съ этими товарами, поскольку имъ приходилось переносить и перевозить ихъ въ тюкахъ да дивоваться издали, когда товары эти выставлялись на прилавкахъ, иноземная торговля, за рѣдкими исключеніями, давала столько же, сколько глазѣнье на разряженный кортежъ торжественно проѣзжавшаго мимо посольства. Намъ скажутъ, что торговля не молчаливая процессія, и иноземцы не прочь были поговорить со словоохотливыми проводниками и обывателями изъ русскихъ. Конечно, изрѣдка такимъ путемъ обмѣнъ культуръ совершался, и, какъ увидимъ, имѣлъ свое глубокое вліяніе на нѣкоторыхъ русскихъ людей даже не изъ руководящихъ только классовъ, какъ иногда воровскимъ образомъ или въ видѣ рѣдкаго подарка въ рукахъ простолюдина появлялась иноземная диковинка, недоступная его средствамъ; но этотъ путь былъ двойною контрабандой. О стремленіяхъ русскаго правительства и духовенства оградить душу русскаго отъ иноземныхъ обычаевъ мы уже говорили. Но и купцы иностранные не были вольны всякій разъ,

---

[1]) Описи приведены въ книгѣ М. М. Богословскаго, «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.», 148—152 стр.

когда имъ хотѣлось вступать въ собесѣдованія и особенно въ культурные споры съ русскими. Агентамъ англійскихъ компаній инструкціями послѣднихъ опредѣленно заказывалось „остерегаться, чтобы никакой законъ русскій, ни религіозный, ни гражданскій, не былъ нарушенъ ни ими, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ англичанъ... чтобы все происходило покойно“ и т. д

II.

Но вліяніе Западной Европы на Русь не исчерпывалось его молчаливыми фабрикатами и осторожными распространителями ихъ. Западъ пришелъ въ самую Москву во всей обстановкѣ своего обихода — своихъ храмовъ, школъ, забавъ и мастерскихъ въ видѣ нѣмецкой колоніи, этого микрокосма Западной Европы, вторгшагося въ самый центръ Московіи, какъ музей наглядныхъ пособій, экспонаты и пріемы производства котораго тѣмъ неотразимѣе бросались въ глаза, чѣмъ рѣзче окружавшая его бытовая атмосфера отличалась отъ Домостроевскаго уклада жизни. Этотъ проводникъ западной культуры, по крайней мѣрѣ для Москвы, былъ старымъ спутникомъ ея развитія. Уже при Герберштейнѣ, бывшемъ въ Россіи въ царствованіе Грознаго, въ Москвѣ было „1500 чел. пѣхоты изъ литовцевъ и другихъ иностранцевъ, стекшихся изъ разныхъ мѣстъ. Князь имѣетъ пушечныхъ литейщиковъ изъ нѣмцевъ и итальянцевъ, которые, кромѣ пищалей, льютъ пушки, также ядра и пули такого же рода, какія употребляютъ и наши государи“ (Герберш.). Къ этимъ „изстариннымъ“ представителямъ Запада, можно сказать, ежегодно приливали все новыя и новыя волны иностранцевъ, отсылавшихъ въ Москвѣ постоянныхъ колонистовъ. Однихъ протестантскихъ семействъ въ бытность въ Москвѣ Олеарія (1634—6 гг.) было болѣе 1000. Въ это же время иноземные вожди кондотьеровъ въ родѣ полковника Леслп тысячами приводили наемныхъ солдатъ изъ Западной Европы, впрочемъ, только на время войны.

По своему національному составу, это были англичане, австрійцы, шведы, лпвонскіе и прусскіе нѣмцы, французы, голландцы, итальянцы, литовцы и поляки. Иностранные писатели о Россіи даютъ подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ этихъ иноземцевъ въ Россіи. Шлейзингъ (XVII в.) разсказываетъ: „Большая часть европейцевъ въ Россіи и притомъ знатнѣйшіе—нѣмцы; поэтому русскіе называютъ нѣмцами всѣхъ иностранцевъ, хотя между ними есть голландцы, англичане, французы и другіе. Нѣмцы —въ большинствѣ офицеры, другіе лейбъ-медики, художники, ремесленники. За исключеніемъ купцовъ и ремесленниковъ, всѣ они состоятъ на царской службѣ. Въ обществѣ офицеровъ замѣтно различіе: одни изъ нихъ называются старыми, другіе—новыми нѣмцами. Старые нѣмцы родились въ Россіи поколѣніи въ третьемъ и хотя бы были хорошаго про-

исхожденія, однако нѣмецкая кровь въ нихъ испортилась; большею частью они съ русскими манерами, ходятъ въ русскомъ платьѣ и очень плохи въ военномъ дѣлѣ. Для лучшихъ офицеровъ эти несчастныя залетныя птицы—точно колючки на глазу,—такъ они имъ непріятны“. Знатные и способные иноземцы переселялись въ Москву, окружая себя спеціалистами, чтобы тѣмъ прочнѣе цѣлымъ кустомъ пустить корни въ Московіи. Такъ, полковникъ Лесли прибылъ въ Россію съ шестью слугами и привезъ съ собою двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ, пушечнаго мастера, дѣлавшаго кожаныя пушки, другого мастера, вырабатывавшаго золотые атласы, бархатъ и кружева, прапорщика и одного писаря-австрійца.

Московское правительство само хлопотало чрезъ своихъ повѣренныхъ о вывозѣ изъ Западной Европы разныхъ мастеровъ. Такъ, въ 1660 г. Алексѣй Михайловичъ поручилъ англичанину Ивану Гебдону выслать въ Россію инженеровъ, артиллеристовъ, минеровъ, архитекторовъ, скульпторовъ, „которые бы умѣли на дереве и на камени всякие фряские рѣзи здѣлать“, а также „стекольныхъ мастеровъ“[1]).

Многіе изъ иноземцевъ были разсѣяны по разнымъ городамъ Руси. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ сдѣлали перепись иноземныхъ начальниковъ, жившихъ въ Сѣвскѣ и другихъ ближайшихъ городахъ и державшихся своихъ вѣроисповѣданій. Въ вѣдѣніи Иноземнаго приказа такихъ нашлось 383 человѣка; многіе изъ нихъ были съ женами и дѣтьми. Но центромъ жизни иноземцевъ была Нѣмецкая слобода въ Москвѣ, называвшаяся иначе Кокуемъ, составлявшая пятую часть Москвы. Она состояла изъ деревянныхъ домиковъ нѣмецкой архитектуры.

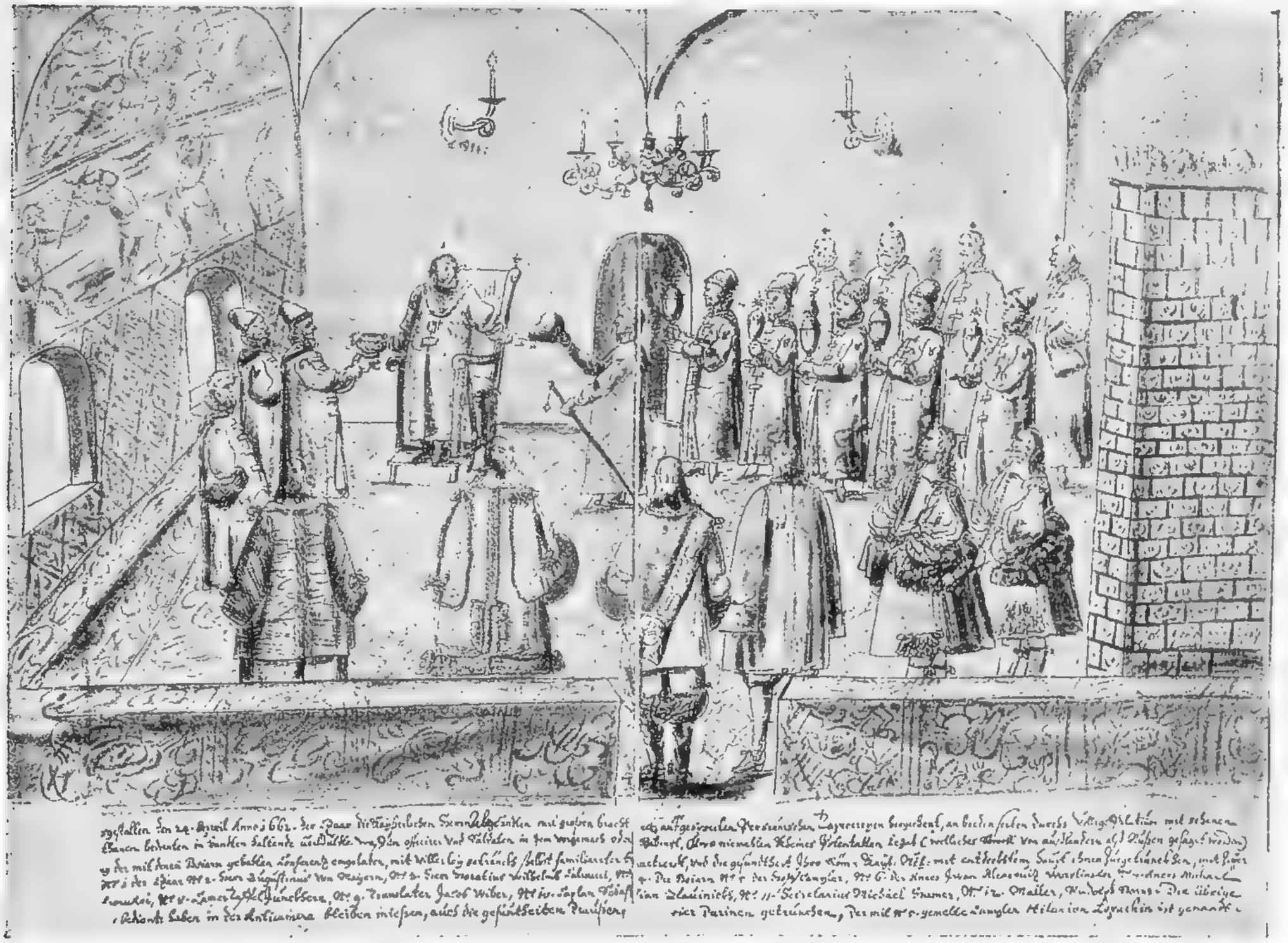
Таннеръ передаетъ слышанные имъ въ Москвѣ разсказы о возникновеніи этой слободы. Когда иноземные солдаты и мастера, привлеченные въ Москву, не могли мирно ужиться съ москвичами въ самомъ городѣ, ихъ поселили за Москвой-рѣкой, въ слободѣ Наливкахъ. Но иноземцамъ и тамъ не дали покоя: москвичи постоянно кололи имъ глаза названіемъ ихъ новаго мѣстожительства, упрекая ихъ въ пьянствѣ; чтобъ избавиться отъ насмѣшекъ и оскорбленій, иноземцы выпросили у царя позволеніе поселиться въ другомъ мѣстѣ, подлѣ города. Здѣсь они построили нѣсколько красивыхъ деревянныхъ домиковъ, и это новое поселеніе названо было Нѣмецкою слободою, которая, по словамъ Таннера, вполнѣ имѣла видъ и устройство маленькаго нѣмецкаго города. Незадолго до пріѣзда Олеарія, туда же переселены были, вслѣдствіе разныхъ непріятностей, иноземные купцы и офицеры, жившіе прежде въ Бѣлгородѣ (часть Москвы за Китай-городомъ). Олеарій разсказываетъ, что жены иноземныхъ купцовъ, не желая уступить женамъ иноземныхъ офицеровъ, которыя большею частью были

---

[1]) Проф. И. Я. Гурляндъ, «Иванъ Гебдонъ, комиссаріусъ и резидентъ», стр. 46—49.

Рябушкинъ. Московскія женщины XVII в. Третьяковская галлерея.

прежде служанками, однажды подрались съ послѣдними въ лютеранской церкви, находившейся въ Бѣлгородѣ, вслѣдствіе чего патріархъ приказалъ перенести ихъ церковь въ Скородомъ. Къ этому присоединились и другія непріятности. Чтобы не подвергаться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны москвичей, иноземцы, по словамъ Олеарія, стали одѣваться по-русски; но патріархъ, замѣтивъ при одномъ церковномъ торжествѣ, что иноземцы, вмѣшавшись въ толпу русскихъ, непочтительно относятся къ обрядамъ



Въ царскихъ палатахъ. (Изъ альбома Мейерберга).

православной церкви (не снимали шапокъ предъ патріархомъ во время крестныхъ ходовъ), испросилъ у государя указъ, чтобы иностранцы ходили въ своемъ, а не русскомъ платьѣ. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большимъ насмѣшкамъ и обидамъ со стороны русскихъ, и чтобъ избавиться отъ этого, выселились, съ разрѣшенія царя, изъ города и основали особое предмѣстье, Иноземную слободу, подлѣ старой Нѣмецкой, съ которой она скоро и слилась въ одно предмѣстье“. (Ключевскій, „Сказанія иностранцевъ“).

Хотя иноземцы и пользовались свободой вѣроисповѣданія, но не всѣ: московское правительство было терпимо только къ протестантамъ и кальви-

нистамъ. Первые имѣли въ слободѣ два храма, вторые—одинъ. Но въ Москвѣ, особенно послѣ смутнаго времени, совершенно не терпѣли католиковъ.

Если въ числѣ приведенныхъ изъ-за границы солдатъ оказывался католикъ, его немедленно выпроваживали на казенный счетъ за рубежъ. О полной терпимости къ протестантамъ со стороны правительства, а тѣмъ болѣе—московскаго населенія тоже не можетъ быть рѣчи. Мы уже видѣли, какъ ихъ переводили изъ одной части Москвы въ другую. Не одинъ разъ погромно жгли ихъ слободу и срывали до основанія храмы. Нѣмцевъ на улицахъ сопровождали насмѣшливыми возгласами: „Нѣмецъ, (к) шишъ на Кукуй!“, а мальчишки не прочь были пустить вдогонку и камень. Особенно тяжелыя минуты переживали заурядные жители Нѣмецкой слободы въ годины Смуты.

Многіе не выдерживали своей обособленности въ морѣ русской стихіи, и отчасти изъ желанія избавиться отъ этого гнета или вслѣдствіе привычки къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, а чаще изъ желанія получше устроиться, принимали православіе, и это тѣмъ болѣе, что московское правительство щедро награждало „перекрестовъ“ жалованьемъ и службой, видя въ переходѣ въ православіе иноземцевъ не только „торжество православія“, но и государственную пользу, такъ какъ „обратившіїся“ мастеръ или офицеръ изъ иноземца превращался въ своего: путь для него на родину тѣмъ самымъ былъ прегражденъ, какъ боязнью насмѣшекъ и преслѣдованія на родинѣ за измѣну вѣрѣ, такъ и въ силу прямого перехода вмѣстѣ съ православіемъ въ подданство московскому государю. „Которые изъ некрещеныхъ нѣмцевъ,—писалъ въ 1629 г. Михаилъ Ѳедоровичъ воеводамъ въ Новгородъ,—похотятъ креститься въ нашу православную вѣру греческаго закона... и вы бы тѣхъ крещеныхъ (правильнѣе „перекрещенныхъ“) нѣмцевъ въ свою землю отпускать не велѣли, а сказали бы то имъ до крещенія, что имъ отпуску съ нашей стороны не будетъ, а присылали бы такихъ, крестя, къ намъ къ Москвѣ или велѣли имъ быть въ Новгородѣ, кто къ кому пойдетъ по своей волѣ“. Число „перекрестовъ“ въ царствованіе Алексѣя Михайловича стало столь велико, что прежнее щедрое жалованье имъ было понижено, и установилась устойчивая такса. Въ видахъ большаго удобства, обратившіеся обыкновенно отдѣлялись отъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Если часть ихъ по полученіи награды и продолжала держаться своего языка, обычаевъ и жить въ Нѣмецкой слободѣ, то большинство поселялось между природными русскими, или же въ отдѣльныхъ слободахъ. Подъ Москвой изъ такихъ перекрещенцевъ составилось нѣсколько слободъ: одна, Басманная—рядомъ съ Нѣмецкой слободой; другая, Польская—на противоположной сторонѣ Москвы. Эти многочисленные перекресты очень часто вступали въ браки съ русскими и такимъ образомъ входили во

всемъ своемъ культурномъ объемѣ въ русскую стихію, растворяясь въ неї и въ свою очередь сообщая еї, можетъ-быть, вопреки волѣ, если не ярко выраженныя своїства своеї культуры, то, по крайнеї мѣрѣ, возможность примиренія, тѣснаго общенія съ этоїї культурноїї атмосфероїї, которая, конечно, не снималась въ перекрестѣ „банею пакибытія“.

Яркимъ примѣромъ подобнаго проникновенія въ домашнїй обиходъ западныхъ бытовыхъ условій чрезъ браки съ иноземцами является біографія Артамона Сергѣевича Матвѣева. Его исключительное „западничество“, давшее ему въ глазахъ народа имя „отца и друга нѣмцевъ“, въ значительноїї степени объясняется тѣмъ, что онъ былъ женатъ на шотландкѣ Гамильтонъ, которая была свободна отъ традиціонныхъ предразсудковъ русскихъ боярынь и боярышень: не даромъ западникъ Ртищевъ уходилъ изъ дому въ келью, чтобъ тамъ отводить свою душу въ бесѣдахъ съ „нехаями“, а домъ Матвѣева превратился въ великосвѣтскій салонъ, гдѣ легко и свободно дѣлились научными свѣдѣніями, интересовались разными художествами и развлекались невиданными въ русской средѣ удовольствіями. Извѣстно, что сила вліянія этоїї „западнической“ семьи перекатилась за стѣны царскаго терема, особенно когда въ него вошла полноправною хозяйкою царица Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанная въ семьѣ Матвѣева.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.
По старинной франц. гравюрѣ.

Но иноземныї островъ, стиснутыї московской стихіеї, давалъ послѣдней свою окраску не только въ видѣ растворявшихся въ неї отторгнутыхъ отъ этого мірка элементовъ: сами московскіе люди массами входили въ эту московскую „заграницу“ и выходили изъ нея не безъ новыхъ навыковъ, чувствъ и представленіїй. Мы не говоримъ уже о многочисленноїї прислугѣ изъ русскихъ, обслуживавшеї за жалованье нужды жителеї Нѣмецкоїї, Басманноїї и Польскоїї слободъ. Характерно сообщеніе Таннера, что иноземцы одѣвали въ нѣмецкое платье своихъ служапокъ изъ татарокъ и русскихъ. Послѣ Смуты отъ иноземныхъ мастеровъ требовали, какъ обязательнаго условія, выучки своему ремеслу и искусству приставленныхъ къ нимъ подмастерьевъ изъ русскихъ. А поучиться было чему у московскихъ нѣмцевъ въ XVII вѣкѣ.

Близъ Нѣмецкоїї слободы находились три завода—стеклянный, желѣзоплавильный и бумажный. При царѣ Михаилѣ на Поганомъ прудѣ при р. Неглинноїї былъ заводъ, на которомъ иноземными мастерами, при сотрудничествѣ русскихъ, отливались пушки и колокола. Голландскіїї купецъ Андреї Виніусъ и гамбургскіїї Марселисъ получили право на устройство

чугуно-плавильныхъ, желѣзо-дѣлательныхъ и оружейныхъ заводовъ близъ Тулы и по рѣкамъ Шекснѣ, Костромѣ и Вагѣ. О размѣрахъ этой заводской промышленности можно судить по сообщенію Невилля, будто доходы отъ желѣзныхъ рудниковъ въ XVII в. равнялись 50 тысячамъ рублей.

Помимо крупныхъ заводовъ на Москвѣ, какъ и въ провинціи, было множество частныхъ мастерскихъ, иноземцы-мастера которыхъ выписывались съ обязательнымъ условіемъ—„нашего бъ государства люди то ремесло переняли“. И русскіе люди, дѣйствительно, перенимали, не на радость иноземнымъ учителямъ.

Олеаріи прямо свидѣтельствуетъ, что русскіе ремесленники очень способны къ разнымъ ремесламъ, легко перенимаютъ все, что увидятъ у нѣмцевъ, и въ немного лѣтъ они научились и переняли у послѣднихъ много такого, чего прежде совсѣмъ и не знали. „Особенно удивили меня,—говоритъ Олеаріи,—русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ теперь серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ искусствомъ и изяществомъ, что не уступаютъ въ томъ нисколько нѣмцамъ“.

Поэтому даетъ Олеаріи соотечественникамъ нѣсколько запоздалый совѣтъ,—если кто въ какомъ-нибудь ремеслѣ обладаетъ особеннымъ знаніемъ или пріемомъ, которымъ хотѣлъ бы пользоваться только онъ одинъ, то онъ не долженъ показывать своего искусства ни одному изъ русскихъ. Такъ вначалѣ и поступилъ знаменитый литейный мастеръ Гансъ Фалькъ, который требовалъ, чтобы во время отливки имъ и выдѣлки значительнѣйшихъ пушекъ и другихъ предметовъ русскіе подмастерья оставляли его одного и уходили прочь. Теперь, впрочемъ, русскіе уже сами умѣютъ лить большія пушки и колокола.

Такъ не безъ зависти учитывали иноземцы плоды ими же привитой западной культуры.

Особенно способными учениками нѣмцевъ оказались русскіе въ книгопечатномъ дѣлѣ. Теперь почти съ несомнѣнностью можно утверждать, что первымъ „мастеромъ печатнаго дѣла на Руси“ былъ любекскій типографщикъ Варѳоломей Готанъ, который въ концѣ XV в. „поставлялъ великому князю книги“ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Устроенная затѣмъ при Иванѣ IV типографія была оборудована чисто русскими мастерами, въ числѣ которыхъ были печатники, граверы, мастера, умѣвшіе дѣлать „матрицы“ и „формы словолитныя“. Оборудованіе типографіи не только стало подъ силу русскимъ мастерамъ печатнаго дѣла въ предѣлахъ Россіи, но они распространили типографіи славянскаго шрифта и въ сосѣднемъ Литовско-русскомъ государствѣ. Въ какую просвѣтительную силу превратилась типографія въ рукахъ русскихъ мастеровъ, видно хотя бы изъ краткаго обзора изданій печатнаго двора за три первыя царствованія Романовыхъ.

За 75 лѣтъ (отъ 1614 по 1689 г.) государевъ печатный дворъ выпустилъ, по самой скромной регистраціи, 472 изданія, которыя по царствова-

ніямъ распредѣляются такъ: при Михаилѣ Ѳедоровичѣ за 32 г. было выпущено 180 изд. (въ среднемъ по 5, 6 изд. въ годъ); при Алексѣѣ Михайловичѣ 187 изд. въ теченіе 31 года (по 6 въ годъ), и въ тринадцатилѣтнее царствованіе Ѳедора Алексѣевича 105 изд. только церковнаго содержанія. Съ каждымъ царствованіемъ замѣтно усиливается и разнообразіе содержанія книгъ, напечатанныхъ въ московской типографіи.

Такъ, уже при Алексѣѣ Михайловичѣ печатный дворъ, помимо церкви, начинаетъ обслуживать потребности просвѣщенія, законодательства и военнаго строя.

Не менѣе замѣтны были результаты иноземной науки въ военномъ дѣлѣ. Побѣдоносныя въ стычкахъ съ азіатскими толпами, русскія войска „конны и оружны“ часто терпѣли пораженія отъ обученныхъ западному строю войскъ сосѣднихъ государствъ, и это обстоятельство побудило московское правительство крѣпко призадуматься надъ организаціей своихъ военныхъ силъ. Начиная съ Василія III, отца Грознаго, на помощь русскимъ коннымъ ополченіямъ приманимали иноземную пѣхоту съ артиллеріей, больше для острастки азіатамъ, чѣмъ для дѣйствій противъ западныхъ враговъ.

Послѣ смутнаго времени, московское правительство не скупится на расходы и тысячами приглашаетъ иноземныхъ обученныхъ „огненному бою“ солдатъ на подмогу своимъ инвалиднымъ ополченіямъ помѣщиковъ. Но позорная неудача подъ Смоленскомъ разочаровала московское правительство въ наемныхъ иноземныхъ „регементахъ“, тѣмъ болѣе, что сами полковники, командовавшіе иноземными полками, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ. Правительство, разувѣрившись въ иноземныхъ солдатахъ, не потеряло вѣры въ силу иноземнаго строя, и отъ системы найма иноземныхъ „регементовъ“ перешло къ обученію своихъ воиновъ „огненному бою“. Еще до Смоленской неудачи, когда „Лесли съ товарищами устраивалъ своимъ полкамъ различныя экзерсиціи, русскіе воеводы наблюдали и старались примѣнять къ своимъ полкамъ“ (Цвѣтаевъ).

Послѣ же Смоленскаго похода, правительство стало приглашать иноземныхъ генераловъ, полковниковъ, офицеровъ и вообще людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ на болѣе продолжительный срокъ уже въ качествѣ инструкторовъ.

Успѣхи Алексѣя Михайловича въ борьбѣ съ прежними побѣдоносными соперниками на западной границѣ оправдали разумность предпринятой формы использованія иноземнаго опыта.

По росписи ратнымъ людямъ 1681 г. показано полковъ иноземнаго строя 63, численностью до 90 тыс. Командовали всѣми этими полками, за исключеніемъ трехъ, иноземные офицеры. Любопытно отмѣтить, что „нашего государства люди то ремесло переняли“ не только практически, подъ команду иноземныхъ инструкторовъ, но, видимо, многіе интересовались и теоріей военнаго искусства. Объ этомъ говоритъ нахожденіе въ перечняхъ

книгъ частныхъ библіотекъ любопытныхъ экземпляровъ съ характерными въ этомъ отношенія названіями. Таковъ переводъ съ латинскаго „О случаяхъ военныхъ“ Юлія Фронтина, сенатора римскаго; „Совѣтъ воинскій“ Бартоша Папроцкаго (переводъ съ польскаго). Извѣстно также, что по приказу Василія Шуйскаго (1606 г.) Анисимомъ Михайловымъ начатъ былъ переводъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ „О пушечныхъ и иныхъ разныхъ ратныхъ дѣлахъ и мастерствахъ“, каковой былъ законченъ въ 1621 г.; при царѣ Михаилѣ былъ составленъ, а при его сынѣ напечатанъ (1647 г.) уставъ для обученія ратныхъ людей иностранному строю подъ заглавіемъ: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“.

По старинной французской гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго (Румянцовскій музей).

Повидимому, книги эти переводились и издавались на русскомъ языкѣ не безъ правительственной иниціативы. По крайней мѣрѣ, въ числѣ порученій, данныхъ въ 1660 г. Алексѣемъ Михайловичемъ англичанину Ивану Гебдону, находимъ любопытное требованіе книгъ воинскаго устава, фортификаціи, артиллеріи и др., въ чемъ, такимъ образомъ, Алексѣй Михайловичъ упредилъ своего сына.

III.

Но ни однимъ практическимъ „перенятіямъ“ и теоретическимъ „хитростямъ“ въ области промышленности и военнаго дѣла служила источникомъ Нѣмецкая слобода. У русскихъ было дѣлу время и потѣхѣ — часъ, и въ послѣднемъ случаѣ иноземная колонія въ Москвѣ могла научить русскаго человѣка удовлетворять своимъ эстетическимъ запросамъ въ формахъ культурнаго Запада. Въ этомъ отношеніи не послѣднюю роль сыграла школа Нѣмецкой слободы. Въ книгѣ Д. Цвѣтаева „Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ“ по документамъ изучена судьба этого перваго свѣточа западно-европейской образованности въ русской столицѣ. Судьба нѣмецкой школы была тѣсно связана съ

измѣненіями въ жизни самой колоніи: она переносилась, разрушалась вмѣстѣ съ храмомъ, при которомъ была построена, и свѣтила не только для иноземцевъ, но и для русскихъ.

Это была элементарная школа, преподавателями въ которую приглашались образованныя лица, дѣлавшіяся потомъ пасторами при киркахъ.

Направленіе ея, какъ и другихъ духовно-просвѣтительныхъ учрежденій на Западѣ, нужно думать, было церковное, судя по преподавателямъ и особенно по письму Саксенъ-Готскаго герцога Эрнеста Благочестиваго, который, субсидируя ее значительными суммами, высказывалъ такія пожеланія: „Если вы не обучите юношество христіанству, то все христіанское у васъ потеряно. Подумайте только, какъ трудно потомъ увѣрить стараго человѣка въ вѣчномъ благѣ, котораго онъ никогда не видалъ и о которомъ никогда не слыхалъ“.

Эта школа не замыкалась въ узкомъ кругѣ заучиванія наизусть Псалтиря и молитвослова, но знакомила учениковъ съ естественными, математическими, юридическими и филологическими науками.

Занимались ли въ этой школѣ разучиваніемъ мистерій, какъ то было очень принято въ это время на Западѣ, утверждать положительно нѣтъ прямыхъ данныхъ; но то обстоятельство, что изъ этой именно школы вышелъ первый русскій театръ, заставляетъ думать, что неспроста Алексѣй Михаиловичъ взялъ подъ свое матеріальное покровительство экономически падавшую школу и къ ней именно обратился для организаціи придворнаго спектакля.

Иноземныя потѣхи исподволь, по задворкамъ крадучись, проникали въ закрытыя отъ взоровъ заурядныхъ подданныхъ хоромы благочестивыхъ московскихъ царей, особенно новой династіи.

Михаилъ Ѳедоровичъ, для поднятія престижа своей династіи—извѣстно, его долго сосѣди называли въ официальныхъ граматахъ уменьшительнымъ именемъ,—не прочь былъ обзавестись родствомъ съ иноземными „потентатами“ и обставить свой дворъ по образцу иностранныхъ. А при иностранныхъ дворахъ водились потѣхи, имѣвшія мало общаго съ драками придворныхъ карликовъ и остротами лейбъ-шутовъ.

Русскіе послы въ наивныхъ выраженіяхъ доносили московскому двору о тѣхъ „пречудныхъ зрѣлищахъ“, которыми ихъ „тѣшили“ иноземные государи. Донесенія эти говорятъ о той ступени развитія авторовъ, когда зрителю оказываются доступны только зрительныя впечатлѣнія отъ декораціи, да и то не настолько, чтобъ чрезъ нихъ уловить смыслъ „дѣйства“

И вполнѣ естественно: людямъ, воспитавшимъ свои эстетическіе вкусы на дудкахъ, сопѣлкахъ и потѣшныхъ выходкахъ скомороховъ въ „харяхъ“, да на кукольныхъ комедіяхъ, не подъ силу было освоиться съ „согласною мусикіей“ цымбалъ и органовъ и проникнуть въ смыслъ аллегорическихъ

„дѣйствъ“ флорентійскаго театра, въ которыхъ миѳологическій элементъ перемѣшивался съ чуждою русскимъ дѣйствительностью. И намъ представляется вполнѣ естественнымъ проникновеніе въ русскую среду эстетическихъ развлеченій Запада не въ сложныхъ сочетаніяхъ театральнаго искусства, какъ оно въ то время расцвѣло на Западѣ, а по частямъ и притомъ въ пережитыхъ уже Западомъ формахъ библейской драматизаціи.

Съ начала XVII в. московскій дворъ тѣшился представленіями нѣмецкихъ фигляровъ, балансеровъ, фокусниковъ, отъ поры до времени наѣзжавшихъ въ Москву вмѣстѣ съ посольствами. У Михаила Ѳедоровича въ теченіе 10 лѣтъ состоялъ на официальной службѣ въ Потѣшной палатѣ канатный плясунъ, нѣмчинъ Ладыгинъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, человѣкѣ съ большимъ эстетическимъ чутьемъ, иноземное искусство, повидимому, принимаетъ болѣе постоянныя формы. При его дворѣ устраивается нѣчто въ родѣ постоянныхъ концертовъ военнаго оркестра. На это мы имѣемъ любопытное указаніе въ „пыточныхъ распросныхъ рѣчахъ“, отобранныхъ у лицъ, случайно попавшихъ въ руки сыщиковъ во время ареста участниковъ московскаго мятежа 1663 г. „Агѣева полку Шепелева сиповшикъ, иноземецъ полякъ Еремка Романовъ... говорилъ: іюля въ 23 день присланы они въ Коломенское съ товарищами 13 человѣкъ и тѣшили великаго государя и были всѣ у государева двора, а какъ де іюля въ 25 день пришли въ Коломенское гилевщики, и онъ пошелъ съ двора великаго государя въ село Коломенское купить огурцовъ, и его де поймали и посадили за караулъ“ [1]). При Алексѣѣ Михайловичѣ заведенъ былъ на Москвѣ первый придворный театръ. Обычно возникновеніе его приписывалось вліянію Матвѣева и его воспитанницѣ, Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, которая будто бы помогла набожному Алексѣю Михайловичу отрѣшиться отъ колебаній между „прещеніями церкви“ и эстетическими запросами его художественной натуры.

П. С. Тихонравовъ, П. О. Морозовъ и другіе изслѣдователи первоначальнаго русскаго театра эту мысль подкрѣпляютъ документальнымъ извѣстіемъ о томъ, что Алексѣй Михайловичъ только 15 мая 1672 г. поручилъ „пріятелю“ Артамона Матвѣева, фонъ-Стадену, „приговаривать... трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, да которые бы умѣли всякія комедіи строить“. Но проф. П. Я. Гурляндомъ напечатаны документы, которые заставляютъ отнести рѣшеніе Алексѣя Михайловича завести театръ въ Москвѣ на 12 лѣтъ раньше, чѣмъ это думали названные изслѣдователи, и такимъ образомъ мысль объ особенномъ вліяніи въ данномъ случаѣ Натальи Кирилловны сама собою отпадаетъ. Алексѣй Михайловичъ въ собственноручно написанномъ листѣ поручаетъ въ 1660 г. англичанину Ивану Гебдону, между про-

---

[1]) Матеріалы «О Московскихъ мятежахъ». Чт. Общ. Ист. и Др., 1890 г., III кн., 327 стр.

Легенда о протопопѣ Аввакумѣ.

По старинному старообрядческому пергаментному свитку.

Собственность Т-ва И. Д. Сытина. Воспроизводится въ первый разъ.

Иванов. Пріѣздъ иностранцевъ.

чимъ, выслать изъ нѣмецкихъ земель „мастеровъ комедію дѣлать“ [1]). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, удалось ли Гебдону исполнить это порученіе; но въ связи съ этимъ документомъ получаетъ особый смыслъ сообщеніе графа Карлейля, англійскаго посла, который въ описаніи своихъ поѣздокъ въ Россію разсказываетъ, что въ 1664 г. въ посольскомъ домѣ въ Москвѣ была представлена комедія, доставившая зрителямъ нѣсколько пріятныхъ часовъ [2]).

Но не этимъ профессіональнымъ „мастерамъ комедійнаго дѣла“ обязанъ русскій театръ своимъ происхожденіемъ: о результатахъ порученія Гебдона мы ничего не знаемъ, а хлопоты Фонъ-Стадена 1672 г. окончились неудачей, потому что приглашенные имъ мастера въ рѣшительный моментъ отказались: „опасны были о томъ, что ихъ задержатъ, для того: услышали они, что черепиннаго майстера и свирѣльщика не отпускаютъ; а писалъ тотъ свирѣльщикъ женѣ своей, что ему на Москвѣ не добро: грозятъ де ево кнутомъ бить и Сибирью“ [3]). Умѣлые исполнители воли Алексѣя Михайловича оказались все въ той же Нѣмецкой слободѣ. Въ 1672 г. Матвѣеву сообщали, что второй пасторъ Нѣмецкой слободы Іоганнъ Готфридъ Грегори можетъ сочинить и представить комедію. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно послѣдовалъ царскій указъ „иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Эсѳирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь“. Пасторъ Грегори взялся написать комедію, разучить ее въ школѣ и поставить при дворѣ... Слишкомъ 60 мальчиковъ, дѣти разныхъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, ученики нѣмецкой школы, около трехъ мѣсяцевъ разучивали ее по-нѣмецки и по-русски. Пастору пособляли занимавшіеся тогда преподаваніемъ въ школѣ Рингуберъ и русскій учитель Юрій Михайловъ; кулисы рисовалъ живописецъ Петръ Инглисъ; оркестръ составили органистъ Симонъ Гутовскій и „игрецъ“ Гасенкрухъ съ дворовыми музыкантами Матвѣева. Предназначавшаяся для спектакля „комедійная хоромина“, небольшая, но богато убранная, подъ наблюденіемъ Грегори была устроена неподалеку отъ слободы, въ селѣ Преображенскомъ, на государевомъ дворѣ. Представленіе состоялось 17 октября 1672 г. „Въ удивленіи имъ, царь смотрѣлъ цѣлыхъ десять часовъ, не вставая съ мѣста. Онъ выразилъ свою милость автору пьесы и сыну доктора Блюментроста, лучше всѣхъ другихъ исполнившему свою роль“. Такими чертами описываетъ впечатлѣніе, произведенное на государя первымъ представленіемъ, Рингуберъ, принимавшій въ постановкѣ пьесы непосредственное участіе. Начались „подношенія“ артистамъ: „Окольничей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ въ Ново-Нѣмецкую слободу къ магистру Готфриду въ

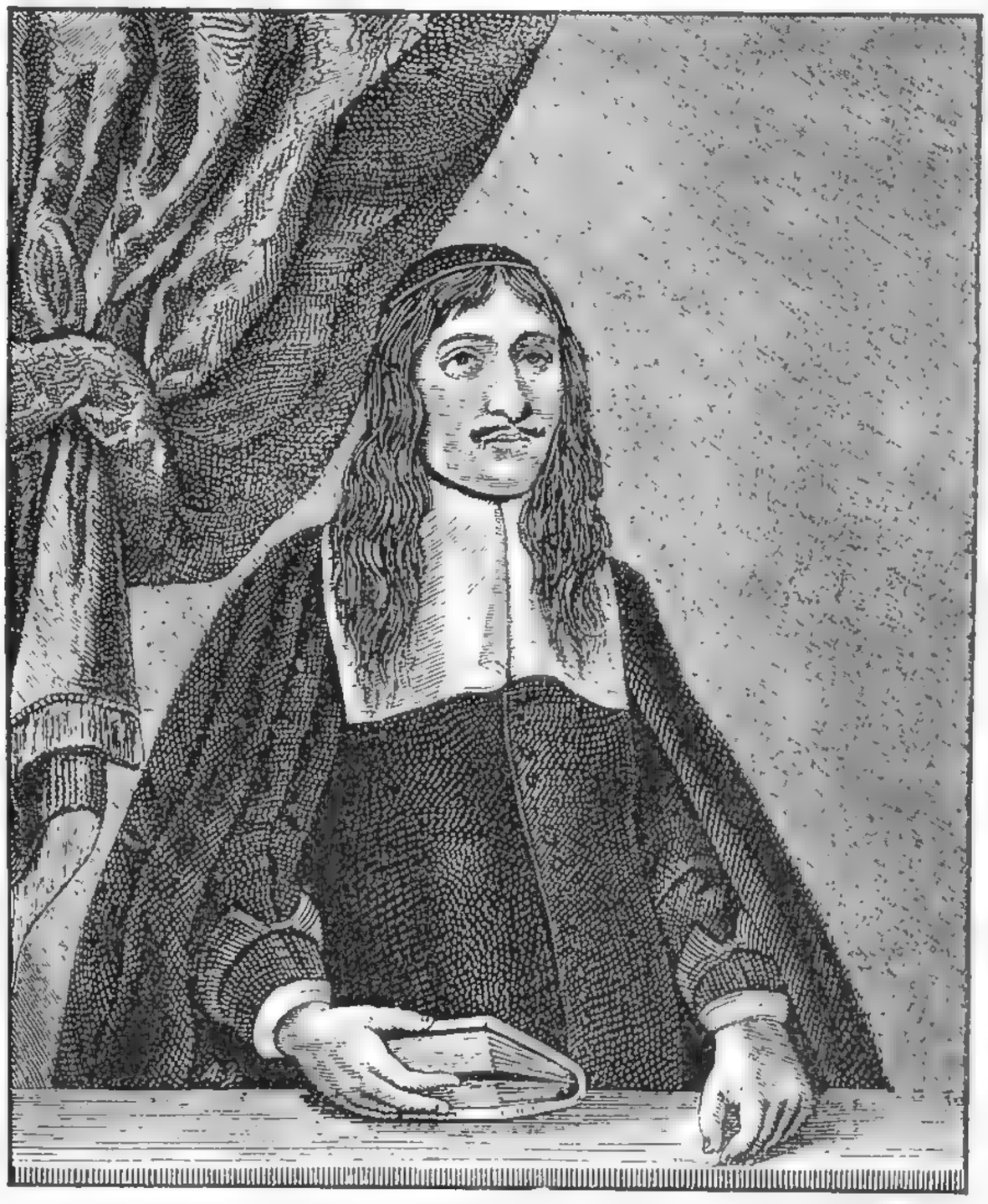
---

[1]) Op. cit., стр. 49.
[2]) Морозовъ, «Очерки изъ исторіи русской драмы». Спб. 1888 г., 133 стр.
[3]) Н. Тихонравовъ, «Русскія драмат. произведенія». Спб. 1874 г., т. I, стр. 8.

школу, въ которой онъ учитъ дѣтей къ комидейному дѣйству, дать двѣ сажени дровъ съ Малороссійскаго двора... По приказной запискѣ... отъ починки въ школѣ въ Ново-Нѣмецкой слободѣ, гдѣ магистръ... къ комидейному дѣйству дѣтей учитъ, отъ десяти окончинъ большихъ стекляпаго дѣла мастеру за олово и за свинецъ всего 2 рубля съ гривною... Взять сорокъ соболей во сто рублевъ да пару въ восьмъ рублевъ, а отдать тѣ соболи его великаго государя на жалованье магистру Готфриду за комедійное строенье, что о Артаксерсовѣ царствова-

нiи“... Кромѣ того, магистру разрѣшалось безпошлинно варить пиво про свой домашній обиходъ. Зато труппѣ изъ нѣмецкой школы теперь отдыху не было отъ непрекращавшихся придворныхъ представленій. Разучивался новый репертуаръ, приспособлялись для театра помѣщенія и въ Аптекарскомъ приказѣ, и въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Позаботились и о томъ, „чтобы нашего государства люди то ремесло переняли“. Черезъ годъ послѣ перваго представленія въ нѣмецкую школу для обученья „комидейному дѣйству“ было отдано 26 „мѣщанскихъ“ и подьяческихъ мальчиковъ изъ московской Новомѣщанской слободы. Въ 1675 году у замѣстителя Грегори, Степана Чижинскаго, „комедійному дѣлу“ училось уже „80 человѣкъ всякаго чину людей“, въ числѣ которыхъ преобладали русскіе.



Пасторъ Грегори. По старинной нѣмецкой гравюрѣ.

Такъ нѣмецкая школа нѣсколько неожиданно явилась родоначальницей русскаго театра, перенеся въ придворный театръ драму и театральную обстановку нѣсколько устарѣвшей западно-европейской формаціи.

Дѣло въ томъ, что Грегори при выборѣ драматическаго матеріала для русской сцены занялъ средину въ тогдашнемъ театральномъ репертуарѣ Запада. Средневѣковая мистерія, вышедшая изъ храма на улицу, вскорѣ на-

шла себѣ пріютъ въ школахъ, въ качествѣ литературнаго упражненія и развлеченія школьниковъ и ихъ учителей. Англійское, а вслѣдъ за нимъ нѣмецкое общество XVI в. и первой четверти XVII в. было захвачено оригинальнымъ театральнымъ творчествомъ англійскихъ актеровъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и драматургами-импровизаторами. „Отвергая всякія правила драматическаго сочиненія, всякую нравоучительную тенденцію и не соблюдая никакого единства дѣйствія, англичане брали содержаніе своихъ пьесъ изъ священной и свѣтской исторіи, изъ рыцарскаго романа и легенды, изъ народнаго преданія, старой баллады, итальянской новеллы, англійской хроники и т. д. и обрабатывали выбранный сюжетъ съ полною свободою, заботясь только о возможно болѣе эффектномъ сценическомъ впечатлѣніи. Ужасныя кровавыя сцены убійствъ и казней съ самыми реальными подробностями безпорядочно переплетаются въ этихъ пьесахъ съ шутовскими эпизодами обыденной жизни; надутое многословіе трагическихъ героевъ смѣшивается съ грубою, часто циничною прозою черни... Вообще быстрая смѣна событій поражаетъ всякаго рода неожиданностями, а для усиленія эффекта къ дѣйствію прибавляется еще музыка, пѣніе; антракты наполняются пляской, представленіями акробатовъ, фокусниковъ и выходками клоуновъ,—часто импровизированными“. Эти „англійскія комедіи“ были собраны и изданы въ 1620 г. Но театральное искусство, какъ и вкусы публики, развивались, и къ семидесятымъ годамъ сборникъ этотъ устарѣлъ уже для западно-европейской сцены и замѣненъ былъ репертуаромъ „фельтеновской труппы“ [1]). Грегори, вынужденный „писать комедіи“, естественно, обратился къ имѣвшемуся, очевидно, у него сборнику 1620 г. Всѣ поставленныя имъ „комедіи“ на придворной сценѣ московскаго театра, по мнѣнію изслѣдователей, носятъ на себѣ всѣ типическія черты „англійской комедіи“ и являются довольно близкимъ переводомъ ихъ. Хотя Грегори и останавливалъ свой выборъ, главнымъ образомъ, на библейскихъ сюжетахъ, что являлось какъ бы оправданіемъ „комедійнаго дѣйства“ въ Домостроевской атмосферѣ, тѣмъ не менѣе онъ превращалъ библейскіе сюжеты въ „прохладныя дѣйства“, написанныя, по словамъ современника, „комически“. По мнѣнію Забѣлина и другихъ изслѣдователей, Грегори удалось сообщить нѣкоторымъ своимъ пьесамъ злободневный характеръ.—„Исторія объ Эсѳири давала много намековъ на современныя придворныя обстоятельства,—роль Эсѳири походила на роль царицы Натальи во время ея избранія въ невѣсты такъ же, какъ роль Мардохея—на роль Матвѣева. Матвѣевъ въ лицѣ Богдана Хитрово могъ видѣть Амана“ [2]).

Къ поставленнымъ Грегори „прохладнымъ“ комедіямъ, частью дошедшимъ до насъ, относятся: „Эсѳирь, или Артаксерксово дѣйство“, „Юдиѳь“,

---

[1]) Морозовъ, Op. cit., 149—150; 140 стр.

[2]) Ibid., 162 стр.

„Малая прохладная комедія объ Іосифѣ“, „О Товіи младшемъ“, „Комедія Баязетъ и Тамерланъ“,—чисто историческій сюжетъ и др.

Такъ выросъ стараніями обитателей Нѣмецкой слободы первый русскій театръ, пока придворный, созданный по образу и подобію „англійскаго театра“ XVI и начала XVII вв.

Нельзя сказать, чтобы и народныя зрѣлища не отражали на себѣ печати западнаго вліянія, хотя бы другой формаціи. Такія „церковныя дѣйства“, какъ „пещное“, едва ли не занесены къ намъ съ Запада. По крайней мѣрѣ, самая „пещь адская“ была заведена уже Самозванцемъ Обрядъ „пещного дѣйства“ очень напоминаетъ тѣ церковныя представленія, которыя въ средніе вѣка широко практиковались въ католической церкви въ качествѣ иллюстраціи къ богослуженію и празднику. „Каждый епископъ въ своей соборной церкви,—разсказываетъ Флетчеръ,—показываетъ трехъ отроковъ, горящихъ въ пещи, куда ангелъ слетаетъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха такъ называемыми халдейцами, которые въ продолженіе 12 дней должны бѣгать по городу, переодѣтые въ шутовское платье и дѣлая разныя смѣшныя штуки, чтобы оживить обрядъ, совершаемый епископомъ“. Объ этихъ халдеяхъ, выносящихъ церковную игру изъ церкви на улицу и превращающихъ священное „дѣйство“ въ уличное озорничество, подробно говоритъ Олеаріи (1630-е годы). „Въ бытность нашу въ Москвѣ,—разсказываетъ авторъ,—это были извѣстные безпутные люди, которые ежегодно получали отъ патріарха дозволеніе, въ теченіе 8 дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника 3-хъ Святыхъ Царей (Богоявленія), бѣгать по улицамъ города съ особаго рода потѣшнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потѣшаться надъ крестьянами. Въ наше время такіе халден подожгли у одного крестьянина возъ сѣна, и когда этотъ бѣдняга хотѣлъ было оказать имъ сопротивленіе, то они сожгли ему бороду и волосы на головѣ; не желающій подвергаться подобнымъ грубымъ выходкамъ халдеевъ долженъ заплатить имъ копейку (6 пфенниговъ). Халден эти одѣвались, какъ масленичные шуты или штукари, на головахъ носили деревянныя раскрашенныя шляпы и бороды свои обмазывали медомъ для того, чтобы не поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для потѣхи. Назывались эти люди халдеями и представляли собою тѣхъ прислужниковъ, которые мѣшали огонь въ печи, приготовленной для сожженія трехъ отроковъ: Спдраха, Месаха и Авденаго, при царѣ Навуходоносорѣ...“

„Сказанные халден, во все время ихъ потѣхъ и бѣганья по городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если они умрутъ въ это время, то ихъ причисляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученье. Поэтому въ день Богоявленія (Крещеніе), какъ вообще въ великій священный день, надъ ними совершается снова крещеніе, чтобы омыть ихъ отъ

такой безбожной нечистоты и сдѣлать ихъ снова причастными церкви христіанской. Послѣ этого новаго крещенія они опять дѣлаются такъ же чисты и святы, какъ и всѣ другіе. Иной такой молодецъ могъ поэтому креститься разъ 10, и даже болѣе. Но такъ какъ эти забавники причиняли уже черезчуръ большія неудовольствія и даже вредъ своими потѣхами крестьянамъ, вообще простому народу, а иногда и беременнымъ женщинамъ, и такъ какъ отъ потѣшнаго огня ихъ была также не малая опасность, то бывшій патріархъ окончательно запретилъ эту глупую игру и бѣганье по городу въ шутовскомъ нарядѣ".

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ. Изъ путешествія Олеарія.

Невѣрно въ этомъ описаніи развѣ то, что Олеарій принималъ за повторное крещеніе обычай—бросаться въ воду на Іордани 6 января. Трудно установить, какимъ путемъ „пещное дѣйство" зашло въ нашъ храмъ и на улицу; но несомнѣнно, что обрусѣвшій теперь Петрушка введенъ у насъ голландцами Нѣмецкой слободы, на что указываетъ Олеарій.

IV.

Обитатели же Нѣмецкой слободы пріучили слухъ русскаго человѣка, получавшаго музыкальное воспитаніе на гусляхъ каликъ, дудкахъ и сопѣлкахъ, къ музыкальнымъ звукамъ иного строя. Уже Гарсей въ числѣ предметовъ, присланныхъ Грозному, называетъ цимбалы и органы.

Въ 1631 г. въ Москву пріѣхали „Яганъ и Мелхертъ Луневы". Они привезли съ собою изъ Голландіи „стременъ на органное дѣло... Около него сдѣлали станокъ съ рѣзью, а рѣзь цвѣтили краскою и золотомъ и на стременѣ дѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосами, и какъ заиграютъ органы, обѣ птицы запоютъ сами собою безъ человѣческихъ рукъ". Нѣмецкая слобода явилась убѣжищемъ для музыки даже тогда, когда на нее началось неистовое гоненіе со стороны духовенства. По словамъ Олеарія, „въ домахъ своихъ, особенно во время пиршествъ,

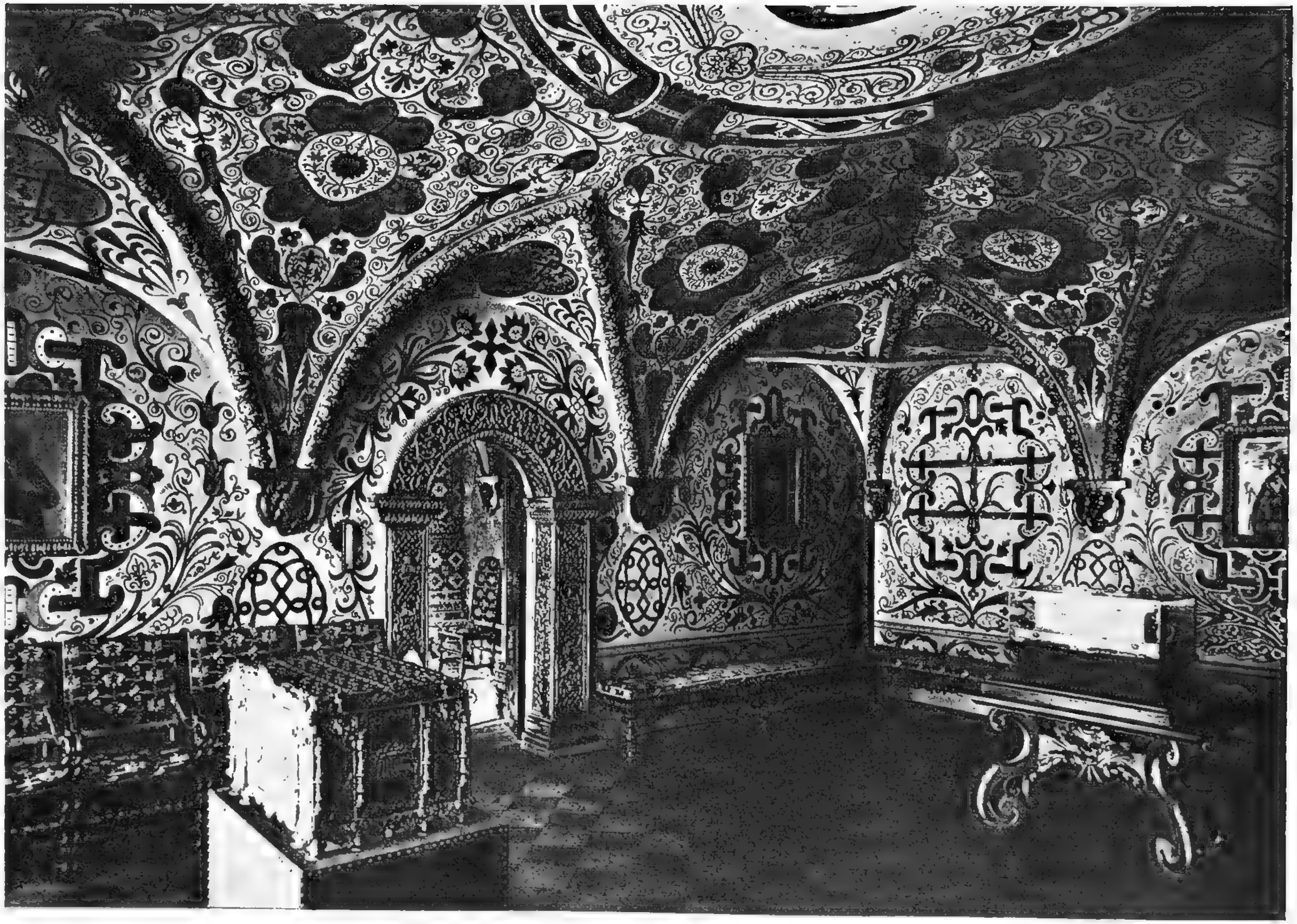
русскіе любятъ музыку. Но такъ какъ ею стали злоупотреблять, распѣвая подъ музыку въ кабакахъ, корчмахъ и вездѣ на улицахъ всякаго рода срамныя пѣсни, то нынѣшній патріархъ, два года тому назадъ, сперва строго воспретилъ существованіе такихъ кабацкихъ музыкантовъ, и инструменты ихъ, какіе попадутся на улицахъ, приказывалъ тутъ же разбивать и уничтожать, а потомъ и вообще запретилъ русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были, по такому приказанію, на пяти возахъ за Москву рѣку, и тамъ сожжены. Впрочемъ, нѣмцамъ дозволяется употреблять музыку въ ихъ домахъ, равно какъ и другу нѣмцевъ, великому боярину Никитѣ (Романову), которому патріархъ многаго приказывать не осмѣливается, и который имѣетъ у себя позитивъ (Positiv) и всякаго рода другіе музыкальные инструменты“.

Кромѣ того, извѣстно, что боярин Матвѣевъ имѣлъ дворовыхъ музыкантовъ, изъ которыхъ и былъ составленъ придворный оркестръ, подъ управленіемъ органиста и „игреца“ изъ нѣмецкой слободы. Служившій у царя Михаила мастеръ „Потѣшной палаты“ оставилъ по себѣ музыкальную школу изъ русскихъ,—„по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка“...

Тщетно православное духовенство закрывало двери своихъ храмовъ отъ вторгавшихся въ нихъ звуковъ западно-европейской музыки Любопытную замѣтку по этому поводу дѣлаетъ Олеарій, указывая, что органистъ стучался въ дверь православнаго храма.—„Русскіе не терпятъ въ церквахъ своихъ ни органовъ и никакихъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, говоря: „инструменты, не имѣя никакого духа и жизни, не могутъ восхвалять Бога“. Но когда вошелъ въ храмъ человѣкъ съ живымъ голосомъ и сталъ передавать и духъ и жизнь западнаго церковнаго пѣнія, духовенство раскололось. Патріархъ Никонъ въ 1664 г. потребовалъ присылки въ Новый Іерусалимъ „девятиголосыхъ кантыковъ, да осмоголосныхъ псалмовъ и обѣдню Милевскаго, да трехголосные концерты“. Въ 1666 году въ царскомъ хорѣ является новый Кіевскій „спѣвакъ Іоаннъ Календа“. Симеонъ Полоцкій въ предисловіи къ своей рнѳмованной псалтири говоритъ: „мнози во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червонныя Россіи, паче же, во велицѣй Россіи въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, возлюбивше сладкое и согласное пѣнье польскія псалтири, стихови преложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти“. Тщетно ретрограды ворчали: „Пѣнье поютъ новопзданное отъ своего сложенія, а не отъ святыхъ преданное, по латынское и римское баснослов'е и партесное висканіе, святыми отцы отлученное“. Для всѣхъ было ясно, насколько „партесное висканіе“ умилительнѣй „рыканья неподобнаго“, и даже такой латинофобъ, какъ патріархъ Іоакимъ, покривилъ душою, когда поставилъ на соборѣ 1675 года въ вину Смоленскому архіепископу Симеону, что у него передъ херувимскою пѣснью „пѣли съ партесъ на

хорахъ“, на что смоленскій владыка замѣтилъ: „надобно было бы святѣйшему патріарху оное пѣніе истребляти, аще негодно, во-первыхъ, въ церквахъ близъ себе; а то пѣнье въ смоленской странѣ прилично и людямъ любезно: тамъ повелѣваетъ, а здѣ запрещаетъ“, укоряетъ епископъ Симеонъ въ непослѣдовательности русскаго архипастыря. И былъ правъ, потому что, какъ говоритъ историкъ церковнаго пѣнія въ Россіи г. Разумовскій, „Москва... имѣла собственныхъ знатоковъ церковнаго пѣнія и композиторовъ... Тихонъ Макаріевскій, монахъ и казначей патріаршаго дома, предложилъ въ своемъ ключѣ правила для мусикійскаго пѣнія, чинно и согласно сочиненнаго; къ этимъ правиламъ приложена великая ектенья на восемь голосовъ“. Видимо, не для одного собственнаго удовольствія, но удовлетворяя запросамъ хотя бы не многихъ избранныхъ среди русскихъ, нѣкій Дилецкій перевелъ въ 1679 года съ польскаго „Идею грамматикіи мусикійской“...

Незамѣтно проникалъ Западъ въ православный храмъ и другимъ путемъ, а именно нанося новыя краски, композицію и сюжеты на иконы и стѣны храма, и въ этой области вліянье Запада стало ощущаться современниками ранѣе всего. Уже Стоглавый соборъ въ числѣ многаго другого, для возстановленія „поисшатавшихся обычаевъ“, требовалъ, „чтобы гораздые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, а самосмышленіемъ бы и своими догадками божества не описывали“. Чуткій взоръ дьяка Висковатаго подмѣтилъ въ иконахъ Благовѣщенскаго собора, написанныхъ псковскими иконописцами въ серединѣ XVI вѣка, черты „своего разума, а не божественнаго писанія: то же писано, а не тѣмъ видомъ“. Духовный соборъ 1554 г. успокоилъ сомнѣнія Висковатаго и заставилъ его покаяться въ „хульныхъ словахъ“, но художественное чутье не обмануло чуткаго дьяка.—Знатокъ русской иконографіи, Ровинскій, оправдалъ правоту сомнѣній Висковатаго, указавши на одной изъ иконъ Благовѣщенскаго собора, писанныхъ псковичами, части, прямо скопированныя съ рисунка флорентійскаго художника, Чимабуе, а другая икона—является точной копіей рисунка Перуджино. Но помимо этихъ западныхъ новшествъ, залетѣвшихъ въ православный храмъ по винѣ Новгорода и Пскова, этихъ старыхъ грѣшниковъ, неравнодушныхъ къ европейской культурѣ, сама Москва обзавелась художниками прямой западной школы. Придворными живописцами во второй половинѣ XVII вѣка были Станиславъ Лопуцкій, смоленскій шляхтичъ, и Иванъ Мировскій. Полякъ Семенъ Лисицкій писалъ во дворцѣ настѣннымъ письмомъ страшный судъ въ 1684 г. Не только непосредственное вліяніе этихъ иноземцевъ сказывалось на русской иконографіи—западная иконопись давалась, какъ пропись, для учениковъ. Такъ, въ 1676 г., по сообщенію Забѣлина, была куплена для живописцевъ въ Оружейную палату письменная въ лицахъ латинская библія, въ бѣлой кожѣ отъ живописца



Крестовая палата въ Теремахъ.

Ивана Безмина. Неудивительно поэтому, что не только въ теремѣ Софьи Алексѣевны находимъ образъ Божіей Матери Ченстоховской, въ палатахъ бояръ—польскіе икопы, отобранныя Никономъ, и фряжскіе листы съ изображеніемъ святыхъ, запрещенные для продажи, но и въ самыхъ церквахъ „изображеніе Гишпанской Божіей Матери съ цѣлой легендой изъ Великаго Зерцала“: такой образъ видѣлъ въ одной изъ суздальскихъ церквей И. А. Шляпкинъ. Тщетно охранители старины грубоватымъ языкомъ протопопа Аввакума бичевали новшества: „по попущенію Божію умножились въ нашей русской землѣ живописцы неподобнаго письма иконнаго. Пишутъ они Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, также и у ногъ бедра толстыя, и весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ, только что сабли при бедрѣ не написано... А все то Никонъ врагъ умыслилъ—будто живыхъ писать; все устрояетъ по фряжскому, сирѣчь—по нѣмецкому“. Но теперь поздно было запугивать страшными словами сторонниковъ фряжскаго письма. Среди нихъ были не только ученики, рабски копировавшіе свои западные образцы, но и художники, прочувствовавшіе направленіе и продумавшіе его мѣсто въ исторіи своего искусства. „Неужели ты скажешь,—писалъ западникъ-„изуграфъ“, Іосифъ Ушаковъ, отвергавшему его направленіе сербскому архидіакону Плешковичу,—неужели только однимъ русскимъ дано писать иконы и только русскому иконописанію поклоняться, а отъ прочихъ земель не принимать и не почитать?.. Спроси отца своего и старцевъ, пусть скажутъ тебѣ, что во всѣхъ нашихъ христіано-русскихъ церквахъ всѣ утвари священныя, фелони и амофоры, пелены и покровы, и всякая хитроткань, и златоплетеніе, и каменье дорогое, и жемчугъ—все это ты отъ иноземца получаешь и въ церковь вносишь и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь и ничего скверныимъ и отметнымъ не называешь... Въ наши времена ты требуешь отъ живописца, чтобы онъ писалъ образы мрачные и неподоболѣпные, и учишь насъ лгать противъ древняго писанія... Гдѣ найдено такое указаніе, чтобы лицо святыхъ писать смугло и темновидно? развѣ весь родъ человѣческій созданъ въ одно обличіе? Развѣ всѣ святые были смуглы и тощи? Если и имѣли они здѣсь на землѣ умерщвленные члены, то тамъ, на небесахъ, оживотворенны и просвѣщенны явились со своими душами и тѣлами. Какой же бѣсъ позавидовалъ истинѣ и воздвигъ ковы на свѣтообразныя персоны святыхъ? Кто изъ благомыслящихъ не посмѣется такому юродству, будто бы темноту и мракъ паче свѣта почитать слѣдуетъ?.. Нѣтъ, не таковъ обычай премудраго художника. Что онъ видитъ или слышитъ, то и начертываетъ въ образахъ или лицахъ и согласно слуху или видѣнію уподобляетъ. И каковы были въ древнемъ завѣтѣ, такъ и въ новой благодати—многіе святые мужескаго и женскаго рода были на видъ благообразны... Истинному и благочестивому христіанину, и на самихъ

блудницъ взирая, прельщаться не подобаетъ, а не то что на благообразныя живописанія разжигаться. Это — мысль послѣдняго безстрашія и крайняго нечестія, чтобы кому отъ иконъ соблазняться. Тѣлесно, а не духовно·эти люди пришли къ такой мысли въ своемъ неразуміи: злоба ихъ ослѣпила".

Эта негодующая отповѣдь „премудраго художника" сторонику „предпочтенія темноты и мрака паче свѣта", какъ и другіе выше отмѣченные факты, ясно показываютъ, насколько „живописное фряжское" вліянье стало не только техническимъ пріобрѣтеніемъ, но и продуктомъ сознанія значительной части русскаго общества.

Не безъ вліянія ближайшаго Запада была введена Никономъ попытка говорить проповѣди въ храмѣ. Ревнители старины и здѣсь видѣли фряжское новшество: „заводите вы, ханжи, ересь новую, людей въ церкви учите, а мы людей прежь сего не учивали. Бѣса де вы имѣете въ себѣ и всѣ ханжи", ворчалъ Никольскій попъ Прокопій.

V.

Мы разсмотрѣли тѣ пути и формы, какими „нѣмецкій" Западъ проникалъ въ русскую жизнь, отслаивая въ ней, главнымъ образомъ, матеріальную сторону своей культуры, а духовную настолько, насколько она неизбѣжно сопровождала формы западной техники, обстановки и роскоши, вызывающихъ соотвѣтственныя представленія и чувства, подчасъ настолько сильныя, что „въ удивленіи... смотрѣли десять часовъ, не вставая съ мѣста". Правда, и здѣсь вниманіе русскаго человѣка больше захватывалось не тѣмъ, что „играютъ органы", а тѣмъ, какъ „сдѣланные на стрементѣ соловей и кукушка, когда заиграютъ органы, поютъ сами собой безъ человѣческихъ рукъ". Это были зрители, которые аплодировали больше декораціямъ, чѣмъ артистамъ; но даже зрители съ такимъ примитивнымъ художественнымъ развитіемъ чувствуютъ потребность въ текстѣ, поясняющемъ декорацію, и мы уже видѣли, какъ наряду съ мастеромъ, подъ живымъ руководствомъ котораго русскій человѣкъ перенималъ всякія хитрости и ремесла, въ его рукахъ иногда появлялась книга, уясняющая ему душу этихъ хитростей и ремесла.

Въ XVI—XVII вв. не было большою рѣдкостью, когда москвичъ читалъ книгу на латинскомъ и польскомъ языкѣ. По даннымъ, приводимымъ г. Шляпкинымъ въ книгѣ: „Св. Димитрій Ростовскій", можно составить довольно значительный перечень русскихъ, которые въ этотъ періодъ владѣли названными языками. Въ частности, по этимъ даннымъ насчитывается болѣе 20 человѣкъ, знавшихъ латинскій, одиннадцать—польскій, и это въ опредѣленныхъ случаяхъ, не считая частыхъ указаній общаго характера, въ родѣ, напр., извѣстія, что „сигклитъ (боярство) царскаго пресвѣтлаго величества польскаго языка не гнушается, но чтутъ книги ляцкія въ сладости" или, что русская знать способствовала распространенію неправославныхъ мнѣній

тѣмъ, что стала держать у себя домашнихъ иностранныхъ учителей и читать латинскія книги.

Внѣ сомнѣнія, ничѣмъ другимъ, какъ знаніемъ латинскаго и польскаго языка, объясняется обиліе книгъ на этихъ языкахъ, какія встрѣчались въ каталогахъ библіотекъ монастырскихъ, царской и частныхъ лицъ.

По сдѣланному нами подсчету на основаніи данныхъ у г. Шляпкина, въ извѣстныхъ русскихъ библіотекахъ XVI—XVII вв. книгъ на латинскомъ языкѣ насчитывается 565, на польскомъ—149, на латино-польскомъ—4, не включая въ этотъ счетъ такихъ общихъ указаній, какъ данный въ 1672 г. наказъ изъ Разряду въ Перемышль: „чтобы польскія и латинскія печати книгъ и всякихъ писемъ, которыя взяты въ польскихъ городѣхъ во время войны... отнюдь втаи и явно не держали...“ Что это были за книги, можно видѣть изъ описей библіотекъ митр. Сарскаго Павла и Заиконоспасскаго монастыря. Это были — „Книга Баронѣушъ, польская, Мессіа правдивый, польская, граматика Донатова, латино-польская, часть Библіи толковая, латинская, толкованіе на Еклесіаста латинская, Мисалъ (Missalé), латинская, Виргиріи (sic), Орологіи принципумъ (Horologium principum?), Псалтырь — толковая, Кикеронова книга, грамматики двѣ Алвары, политика Саксонская, Кикероново посланіе, на латинскомъ; кромѣ того, Лютня и Житія святыхъ—польскія (Барановича), Кнапіушъ—польская и Камень—польская; Версификація, Ариѳметика, Цифирь польскій, Геометрія, Книга докторская, Таемница докторская, Травникъ польскій, О цеплицахъ (объ оранжереяхъ?), О поступкахъ воинскихъ, О поступкахъ судовныхъ, Чиновникъ польскаго королевства, Уставъ польскаго королевства общей привилегіи, Уложеніе польскаго королевства, О столовыхъ ѣствахъ, Выдворный политикъ, Монархія турецкая, Война домовая, Мартинъ Бѣльскій“ и проч.

Нужно думать, что еще для большаго круга читателей была доступна богатая переводная литература этого времени. Уже Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII в., разсказываетъ, что „свѣдущій во многихъ языкахъ тайный переводчикъ фонъ-Дельденъ доставилъ русскимъ возможность читать въ переводахъ нѣсколько книгъ съ латинскаго и французскаго языковъ точно такъ же, какъ и прежде него сдѣлалъ это бывшій посланникъ римскаго императора, Адамъ Дорнъ... Онъ издалъ по-русски краткую космографію, а Дельденъ, кромѣ другихъ книгъ, перевелъ на русскій языкъ исторію Могола. Книги эти начинаютъ уже обращаться между любознательными знатными русскими людьми“. Извѣстны были и другіе переводчики, которые suo motu или по порученію свѣтской и духовной власти переводили съ западныхъ языковъ на русскій самыя разнообразныя сочиненія.

На основаніи данныхъ, собранныхъ г. Шляпкинымъ, можно составить слѣдующую таблицу, характеризующую количество, составъ и содержаніе книгъ, извѣстія о которыхъ дошли въ періодъ отъ 1500 по 1699 г.

Всѣхъ книгъ переводныхъ	153	названія.
Религіозно-нравственнаго содержанія	37	„
Историческаго	18	„
Литературнаго	15	„
Космографіи и географіи	15	„
Энциклопедіи, словари и справочники . . .	12	„
Астрономіи	9	„
Медицинскихъ	8	„
Юридическихъ и политическихъ	6	„
Военныхъ	5	„
Естественныхъ	4	„
Разныхъ	20	„

По пятидесятилѣтіямъ развитіе переводной литературы показывается въ такихъ, говорящихъ за себя цифрахъ:

1501—1550 гг.	1550—1600 гг.	1600—1650 гг.	1650—1699 гг.
7 кн.	19 кн.	13 кн.	114 кн.

Уменьшеніе переводовъ въ первомъ пятидесятилѣтіи XVII в. объясняется, можетъ-быть, тѣмъ, что этотъ періодъ былъ періодомъ смуты и тяжелыхъ ея послѣдствій.

Нужно замѣтить, что таблица эта далеко не передаетъ дѣйствительнаго количества обращавшихся въ то время среди русскихъ читателей переводныхъ книгъ, такъ какъ многія книги, какъ и цѣлыя библіотеки, погибли безслѣдно для историка.

Но и эта таблица довольно ярко рисуетъ усиливавшійся съ каждымъ пятидесятилѣтіемъ ростъ интереса русскаго общества къ переводной книгѣ, такъ какъ и на книжномъ рынкѣ предложеніе стоитъ въ зависимости отъ спроса.

Для характеристики состава читателей интересно отмѣтить, что книги эти принадлежали библіотекамъ царской, патріаршей, монастырей (большинство), архіереевъ, ученыхъ монаховъ и учителей, частныхъ лицъ, начиная отъ московскихъ бояръ и кончая „всякихъ чиновъ людьми“ гор. Перемышля. Любопытно, что среди имущества крестьянина Тотемскаго уѣзда опись называетъ книги печатныя: „Кирилла Іерусалимскаго и Ефрема Сирина“ [1]).

Свѣдѣнія, которыя черпалъ изъ этой литературы русскій грамотей, были далеко не послѣднимъ словомъ западно-европейскаго знанія XVI—XVII вв. Въ то время, когда въ Европѣ уже разгорались такія свѣтила, какъ Бэконъ, Монтань, Гарвей, Спиноза, Лейбницъ, Декартъ, Коперникъ и Кеплеръ, у насъ пережевывались средневѣковыя фантасмагоріи подъ схола-

[1]) М. М. Богословскій, «Земское самоуправленіе», стр. 149.

стическимъ соусомъ. Астрономія учила о звѣздахъ, передвигаемыхъ звѣрями или ангелами такъ, что по ихъ расположенію „звѣздочетъ“ можетъ понять судьбы міра и отдѣльныхъ людей, которые, обладая преимущественно или студеностыми, или влажными, или сухими, или горячими свойствами соотвѣтственно свойству отдѣльныхъ планетъ, естественно, находятся подъ ихъ непосредственнымъ количественнымъ и качественнымъ вліяніемъ. Гарвеи и Везалій у насъ еще замѣнялись „Прохладнымъ Вертоградомъ“, рекомендовавшимъ средство для сохраненія красоты, способы обезвредить „всякаго супостата... звѣря и гада“ и даже „нечистаго духа“, предотвратить градобитіе, узнать полъ ребенка, который еще не родился и т. п. Въ то время, когда въ Западной Европѣ развивалась уже прагматическая исторія въ трудахъ знаменитыхъ итальянскихъ историковъ-психологовъ, у насъ зачитывались „Хронографомъ“, пополненнымъ новѣйшими открытіями въ родѣ того, что у родоначальника новгородскихъ славянъ Словена была жена Шелонь и сынъ Волховъ, и, для разнообразія, заимствованными изъ старинаго Шестоднева и Луцидарія географическими, астрономическими, метеорологическими и естественно-историческими свѣдѣніями, которыя имѣли больше аллегорическій, чѣмъ научный интересъ. „Естество слона, по ученію „Физіолога“, таково: если упадетъ, не можетъ встать; не сгибаются у него колѣни. Когда онъ захочетъ спать, то засыпаетъ, прислонившись къ дубу. Охотники, зная слоновое естество, подпиливаютъ дерево. Когда слонъ обопрется о него, дубъ сломится, и слонъ начнетъ ревѣть... Придетъ малый слоникъ, просунетъ хоботъ подъ слона и подыметъ его. Естество малаго слона таково, если покадишь ли волосомъ или костью его,—ни бѣсъ, ни змѣя туда не войдутъ. Пришелъ великій слонъ: Это значитъ законъ, и человѣкъ его не можетъ поднять“ и т. д.

Впрочемъ, немудрено, что подобныя свѣдѣнія, почерпаемыя москвичомъ изъ заходившей съ Запада литературы, являлись для него „послѣднимъ словомъ науки“. Олеарій, этотъ „географусъ, весьма ученъ и навыченъ астрологіи и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ“, несмотря на свою дѣйствительно обширную эрудицію, писалъ въ своемъ „Путешествіи“: „Единорогъ, рогомъ котораго торгуютъ гренландцы, не есть четвероногое, на землѣ живущее животное, а особый родъ кита, водящійся въ Гренландскомъ морѣ. Рогъ у этого животнаго растетъ впереди носа, и потому скорѣе можетъ быть названъ зубомъ, нежели рогомъ. Что этотъ рогъ не есть принадлежность четвероногаго животнаго, доказывается тѣмъ, что онъ имѣетъ силу и дѣйствіе, приписываемыя рогу морского единорога, именно, что онъ употребляется противъ яда, какъ это дознано въ разныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, 3 года тому назадъ въ Копенгагенѣ, покойнымъ и знаменитымъ врачомъ Оласомъ Вурмомъ, а еще недавно и у насъ въ опытахъ надъ нѣсколькими собаками“.

Да еще является большимъ вопросомъ, смогъ ли бы русскій человѣкъ сразу усвоить себѣ послѣднее слово европейскаго знанія, не пройдя задовъ средневѣковыхъ знаній, которыя такъ или иначе сдвигали его съ позиціи „душеполезныхъ чтеній“ и фантастическими занимательными описаніями возбуждали въ немъ живой интересъ къ книгѣ. Слишкомъ большая толща предразсудковъ и связанныхъ съ „древнимъ православіемъ“ сомнѣній отдѣляла его отъ тѣхъ открытій въ области науки, воспринять которыя могъ только эмансипировавшійся отъ традиціонныхъ наслоеній умъ.

Отношеніе большинства современниковъ къ открытіямъ Галилея и Коперника, къ произведеніямъ Шекспира достаточно подтверждаетъ нашу мысль. Умный Посошковъ, своимъ умомъ дошедшій до уровня европейскаго міровоззрѣнія, по отношенію къ многимъ сторонамъ жизни, никакъ не могъ въ толкъ взять открытій Коперника.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.
По старинной англійской гравюрѣ.

Несмотря на то, что ему въ точности была извѣстна теорія, Иванъ Тихонычъ неожиданно, вопреки своему обычному ясному разсудку, примыкаетъ къ ученію древнихъ греческихъ философовъ о сферахъ, о тончайшей и легчайшей матеріи, выдѣляющейся изъ тверди, что въ „кентрѣ (sic) всего міра“, и сгустившейся въ верхнихъ слояхъ, — только потому примыкаетъ, что эта теорія ближе стоитъ къ астрономическимъ представленіямъ Іисуса Навина и царя Давида.

За „лжесоставное и богопротивное умствованіе“ Посошковъ разжаловалъ „Куперника въ Богу суперника“ и не жалѣетъ „крѣпкихъ“ словъ для опороченія его законовъ, „ничтожащихъ Моисеево писаніе, отъ откровенія написанное...“

За переводными книгами XVI—XVII вв. мы видимъ большую заслугу въ томъ, что онѣ отвлекли русскаго грамотея отъ „душеполезнаго“, возбудили интересъ къ книгѣ, какъ къ источнику „потѣшнаго“, котораго „зѣло дивно есть послушати“. Переводная книга „потѣшнаго“ фантастическаго содержанія имѣла значеніе для русскаго читающаго общества XVI—XVII вв. то же, какое имѣютъ для начинающаго учиться ребенка книжка съ картинками или наглядное пособіе: игрушечная картинка пріучала незамѣтно преодолѣвать трудный процессъ чтенія и пониманія прочитаннаго; съ возрастаніемъ же ума читателя, расширяется интересъ и къ серьезному содержанію. Литература Петровскаго времени стала доступной для современниковъ Петра только благодаря отмѣченной нами литературѣ XVI—XVII вв.

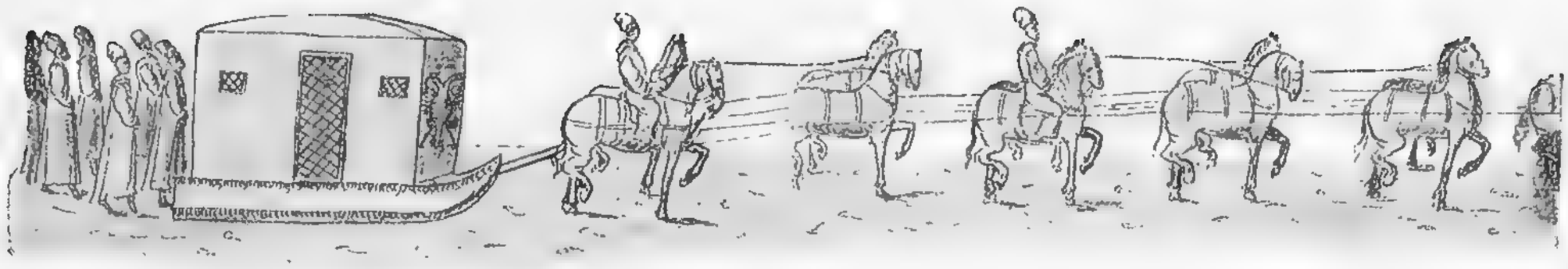
Впрочемъ, говоря о послѣдней, мы не должны заблуждаться относительно размѣровъ ея распространенія среди читателей XVI—XVII вв.

Большому распространенію среди широкихъ слоевъ русскаго общества мѣшала прежде всего дороговизна этой литературы. Въ описи имущества воеводы Ив. Мещеринова мы находимъ указанія на цѣны книгъ, когда рубль равнялся приблизительно 13 руб. на наши деньги: „Мечъ духовный“—цѣна 4 руб. (т.-е. 52 рубля на наши деньги); „Ключъ разумѣній“—7 руб. (126 р.); „Библія Острожская“—6 руб.; „Псалтирь кіевскій“—2 р.; „Новый завѣтъ кіевскій“—2 р. и т. д. Въ упомянутой уже описи имущества крестьянина Тотемскаго уѣзда книга „Кирилла Іерусалимскаго“ оцѣнена въ 3 р. (39 р.), „Ефрема Сирина“—въ $1^1/_2$ р. (около 20 р.).

Вторымъ препятствіемъ къ широкому распространенію этихъ книгъ даже среди богатыхъ москвичей была безграмотность русскаго населенія. Но и для грамотныхъ людей, начетчиковъ того времени, многія изъ переводныхъ книгъ этого времени были недоступны по своей схоластической шумихѣ.

Авторъ Статира, который „вельми присѣдѣ книгъ премудраго Транквиліона, многая же слова отъ поученій его устно навыче“, откровенно признавался, что „книги „Обѣдъ и Вечеря“ люботруднаго и премудраго мужа Симеона Полоцкаго тяжки за высоту словесъ“.

Для чтенія такихъ „тяжкихъ“ книгъ недостаточно было подготовки у старыхъ мастеровъ, которые учили „буквамъ благодатнаго закона“, не касаясь ихъ смысла. Новая литература всю цѣнность и привлекательность свою имѣла именно въ своемъ „смыслѣ“ — содержаніи, для преодолѣнія формы котораго требовалась спеціальная школьная подготовка, требовались иные мастера, которые „должны сами различать ять съ естемъ и не писать одного вмѣсто другого“: безъ грамматическаго любомудрія „кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть“. Въ этомъ убѣждалъ не совсѣмъ гладкій для русскаго самолюбія исходъ преній о вѣрѣ русскихъ начетчиковъ съ пасторомъ Фельгаберомъ въ 1644 г. „Лютый попъ“ датскій не только разбилъ своихъ православныхъ оппонентовъ, но еще великодушно выяснялъ независящую отъ нихъ причину ихъ пораженія, говоря, что „они ничего не разумѣютъ въ книгахъ“, потому что у нихъ нѣтъ школъ и академій, потому что они не знаютъ языковъ... Расколъ еще ярче доказалъ, какъ опасно оставлять во главѣ религіозной жизни лицъ, которые выше всего ставятъ „знанье буквъ благодатнаго закона“. Опровергая Соловецкую челобитную раскольниковъ, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ писалъ: „искалъ я корня сего недуга (раскола) и, въ концѣ концовъ, нашелъ два источника его: отсутствіе училищъ и недостаточность библіотекъ. Еслибы меня спросили, что служитъ опорой духовнаго и гражданскаго сана, то я отвѣтилъ бы: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ-третьихъ, училища. Изъ училищъ жизненный духъ разливается, какъ сквозь жилы, по всему тѣлу“. Подъ влія-



Выѣздъ царицы. (Изъ альбома Мейерберга).

ніемъ всего этого во второй половинѣ XVII вѣка стали хлопотать о заведеніи въ Москвѣ разсадника болѣе широкаго образованія, чѣмъ то, которое могли дать доморощенныя школы.

VI.

Послѣ частныхъ попытокъ удовлетворить нужду открытіемъ временныхъ курсовъ (школа Сим. Полоцкаго) и кружка самообразованія (Ртищева), рѣшено было, наконецъ, завести государственную высшую школу. Поэтому вопросъ о типѣ школы всколыхнулъ московское общество и, какъ ножомъ, разслоилъ его на сформировавшіеся уже къ этому времени слои, настолько ясные въ проявленіяхъ ихъ типичныхъ обличительныхъ чертъ и стремленій, что ихъ нельзя не отмѣтить, какъ яркое послѣдствіе столкновенія въ самосознаніи русскаго общества двухъ противоположныхъ культуръ. Рѣзко выдѣлилась партія, которой высшая латинская школа казалась ненужной, потому что была опасной для „древляго православія“ и исконныхъ формъ спасенія. Эта партія стояла совсѣмъ въ другой плоскости, чѣмъ „латынники“, и понять другъ друга они никакъ не могли.

Убѣжденія ретроградовъ выливались въ формулу: „лучше изучать (т.-е. зубрить) часословъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе и любить простыню (простоту) паче мудрости, и тѣмъ грѣшную душу очистить отъ грѣховъ и жизнь вѣчную получить, чѣмъ постичь Аристотеля и Платона и, философомъ въ сей жизни называясь, въ геену отойти“...

Латынники на это отвѣчали: „чтобы спастись, для этого мало любить простыню“ и „учиться буквамъ“, нужно понимать смыслъ благодатнаго закона, что дается только владѣющему общимъ образованіемъ, которое есть „руководитель неблазненъ во всякое благочестіе, вождь къ боговидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію“... И тѣ и другіе, имѣя одну цѣль—спасеніе, въ средствѣ противника видѣли прямое уклоненіе отъ пути къ этой цѣли, и не могли сговориться въ этой области такъ же, какъ и создать компромиссный типъ школы, которая для ретроградовъ казалась вовсе ненужною, для „латинниковъ“ возможною только въ привычной для нихъ формѣ.

Программа латынниковъ вызвала противъ себя оппозицію другой группы, которая, сходясь съ латынниками въ мысли о необходимости введенія выс-

Рѣпинъ. Царевна Софья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Третьяковская галлерея.

Гамлет. Надеваю сафьяновые новозаграничные моншеспрыгс.

Тренировочная тапочка.

шаго образованія въ Москвѣ, расходилась съ ними во взглядѣ на латинскій языкъ и выработанные въ іезуитскихъ школахъ схоластическіе пріемы, какъ на единственное средство сообщенія русскимъ „неприступнаго богословія“; признавая дисциплинирующее значеніе схоластической системы, они думали если не обрусить, такъ ославянить ее, перевести на греко-славянскій языкъ и растворить въ матеріалахъ, представляемыхъ родною церковью. Не отрицая значенія знанія латинскаго языка, какъ и латинскихъ авторовъ, представители этого оппозиціоннаго теченія ополчались на латинниковъ за ихъ презрѣніе къ національнымъ средствамъ, за пользованіе схоластическими познаніями, часто поверхностными, какъ самодовлѣющимъ благомъ, безъ желанія обратить его, какъ средство, на развитіе родного языка и родного православія, наконецъ, за пренебреженіе къ практическимъ подвигамъ благочестія въ видѣ „отбрасыванія“ поклоновъ.

Составитель Зерцала духовнаго (около 1652 года) говоритъ: „На Руси—пакость душевредная распространяется“, ибо многіе „словенскимъ смиреннымъ языкомъ гнушаются и отъ чюжихъ возмущенныхъ водъ, наблеванныхъ прелестью, лакоме напаяваются“.

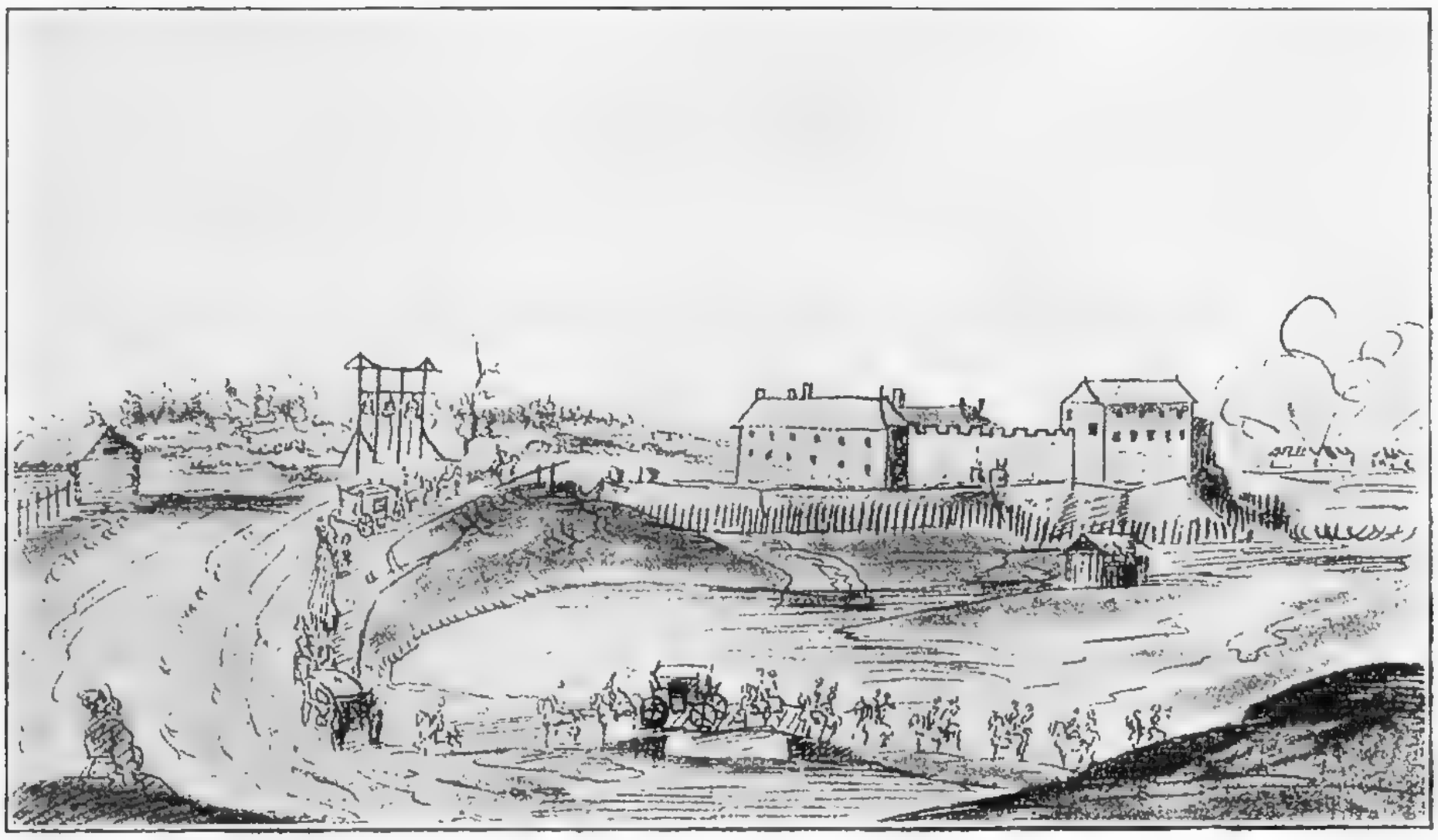
Такъ, подъ дѣйствіемъ лучей юго-западнаго просвѣщенія проявились въ Москвѣ конца XVII в. три программныхъ теченія, которыя, исходя изъ разныхъ истоковъ, слились въ общемъ натискѣ противъ латынниковъ, ходомъ событій поставленныхъ, было, во главѣ просвѣтительнаго направленія въ Москвѣ.

Разсматривая эпизодъ возникновенія Московской академіи, чувствуешь, что шумъ, поднятый вокругъ этой школы, не былъ борьбою разныхъ партій только за преобладаніе въ этой школѣ, и что вопросъ о времени пресуществленія даровъ также былъ вплетенъ въ борьбу только съ тактическою цѣлью борцами. Эта была борьба открыто встрѣтившихся въ тѣсномъ помѣщеніи, школы двухъ культуръ и двухъ началъ, ясно обнаружившихся къ концу XVII в. стараго византійско-церковнаго, всосавшагося въ повседневный умственный и бытовой обиходъ русской жизни, и новаго свѣтскаго, государственнаго, мощно вторгшагося въ просвѣщенные умы руководителей московской жизни вмѣстѣ съ техническими усовершенствованіями во всѣхъ областяхъ русской дѣйствительности, вмѣстѣ съ подъемомъ умственныхъ интересовъ и запросовъ почувствовавшей жажду новыхъ знаній и развитія души.

Это была борьба закостенѣвшей формы Домостроевскаго уклада съ разрушительно дѣйствовавшимъ на него новымъ содержаніемъ, борьба тѣмъ болѣе интенсивная, чѣмъ яснѣе она отражалась въ сознаніи московскаго общества, дробя его на группы съ разными лозунгами и программами. Безсознательная „чужебоязнь“, зоологическій національизмъ переходитъ теперь въ значительныхъ группахъ московскаго общества въ сознательное національное самоопредѣленіе, вызванное вторженіемъ въ русскую стихію западноевропейскихъ началъ, которыя помогли русскому человѣку чрезъ противопо-

ставленіе своего чужому открыть глаза на свое, замѣтить въ немъ недостойное и взять изъ чужого потребное. Различные углы зрѣнія породили въ самомъ русскомъ обществѣ неодинаковое отношеніе къ чуждой стихіи, и шумъ, поднятый во второй половинѣ XVII в. вокругъ вопроса о школѣ, можетъ считаться началомъ той борьбы двухъ теченій въ русскомъ обществѣ, которыя всегда имѣли однородную сущность, принимая въ разное время различныя формы,—это борьба Петровской реформы съ ретроградствомъ сына его Алексѣя, церковной и духовной школы съ реальною народною и свѣтскою, цезаре-папизма съ независимымъ духомъ въ церкви, „самодержавства“ по византійскому образцу съ конституціонными и демократическими теченіями, черносотенства съ народничествомъ. Все это только отдѣльныя кольца того вихря, который зачался въ концѣ XVII в. отъ колебанія застоявшейся русской стихіи вслѣдствіе ворвавшихся въ нее волнъ западнаго вліянія. Но равнодѣйствующей этихъ борющихся силъ и двинулась общественная жизнь Россіи.

В. Улановъ.



Нѣмецкая слобода. (Изъ альбома Мейерберга).

Малорусско-польское вліяніе въ Москвѣ и русская школа XVII вѣка.

Петровская реформа была заключительнымъ моментомъ процесса, пережитаго Россіей въ XVII вѣкѣ. Въ теченіе всего этого вѣка Московскому государству пришлось пожинать горькіе плоды самобытнаго національнаго развитія. Несостоятельность основъ національной жизни, обнаружившаяся въ рядѣ военныхъ неудачъ и внутреннемъ нестроеніи, была сознана задолго до Петра мыслящей частью московскаго общества. Критическое отношеніе къ туземнымъ порядкамъ расчистило путь западному вліянію, давшему опредѣленное направленіе неяснымъ преобразовательнымъ стремленіямъ, зародившимся въ передовыхъ русскихъ умахъ; почувствовалась потребность въ культурномъ сближеніи съ Европою и всестороннемъ обновленіи національнаго быта при ея помощи. Но пропасть, отдѣлявшая Московскую Русь отъ Европы, была слишкомъ глубока для того, чтобы русскіе рѣшились сразу и

безъ оглядки перешагнуть ее. Московское варварство прочно срослось съ національной религіей, которая, являясь сама продуктомъ духовнаго убожества народа, лишеннаго въ теченіе вѣковъ всякаго общенія съ цивилизованнымъ міромъ, закрѣпляла и освящала господство этого убожества во всѣхъ сферахъ жизни. Усвоеніе европейскаго знанія, европейской матеріальной культуры и европейскихъ формъ общежитія было равносильно радикальной ломкѣ національнаго быта, а такая ломка, въ глазахъ правовѣрнаго русскаго человѣка, влекла за собой измѣну національной вѣрѣ. Иновѣріе европейскаго Запада было главною и, повидимому, неодолимою помѣхой сближенію съ нимъ Московской Руси. Но подъ бокомъ у этой Руси была страна, разрѣшившая, казалось, удачно трудную проблему сочетанія западной культуры съ религіей, родственной по происхожденію съ московской: это была Малороссія, которая, оставаясь православной, усвоила въ значительной степени польскую культуру. Историческія событія со времени Смуты влекли Москву къ сближенію съ Малороссіей, и при царѣ Алексѣѣ совершилось даже политическое объединеніе этихъ двухъ частей Руси. Постоянно развивавшіяся многообразныя сношенія между ними подготовили въ Москвѣ почву для западно-русскаго культурнаго вліянія, и московское общество, хотя не безъ колебаній, пошло навстрѣчу ему: явилась возможность удовлетворить зародившуюся потребность въ просвѣщеніи и избѣжать при этомъ непосредственнаго обращенія къ иновѣрному Западу. Новая культура шла подъ знаменемъ православія, и это мирило съ нею старообрядчески-пугливую совѣсть великоросса. Но при посредствѣ Малороссіи Москва должна была сблизиться и съ Польшей. Польскій элементъ настолько впитался въ западно-русскую культуру, что его невозможно было выдѣлить изъ нея; заимствуя ее, московское общество освоивалось вмѣстѣ съ тѣмъ съ культурой польской и постепенно становилось доступнымъ чисто-польскому вліянію, которое во второй половинѣ XVII вѣка уже сдѣлало замѣтныя завоеванія въ Москвѣ. Такъ въ этомъ вѣкѣ потребность въ культурномъ общеніи съ Западомъ проявилась, главнымъ образомъ, въ формѣ сближенія съ Малороссіей и Польшей.

Вліяніе польско-малорусскаго Запада проникало въ Московскую Русь различными путями и захватывало разнообразныя стороны жизни духовной и матеріальной. Оно явственно сказывалось въ области внѣшней культуры. Наряду съ вещами нѣмецкой работы въ царскомъ дворцѣ и боярскихъ домахъ появлялись издѣлія польскихъ и западно-русскихъ художниковъ и мастеровъ. При царѣ Алексѣѣ Кремлевскій дворецъ украшается мебелью и обоями въ польскомъ вкусѣ, поляки и бѣлоруссы исполняютъ въ немъ рѣзныя работы, расписываютъ его стѣны. Въ отдѣлкѣ прославленнаго дворца въ селѣ Коломенскомъ тоже принимаютъ участіе западно-русскіе мастера; одинъ изъ нихъ устроилъ у царскаго мѣста мѣдныхъ львовъ, которые двигались и рычали. А. С. Матвѣевъ и кн. В. Голицынъ увѣшиваютъ стѣны сво-

ихъ комнатъ картинами кисти польскихъ художниковъ. Польскія и западно-русскія ремесленныя издѣлія проникаютъ не только въ царскія и боярскія палаты, но и на московскій рынокъ. Въ 70—80-хъ годахъ въ московской Мѣщанской слободѣ, населенной вольными и невольными выходцами изъ западной Россіи, насчитывалось до сотни ремесленниковъ, поставлявшихъ москвичамъ издѣлія, сработанныя въ польскомъ вкусѣ: тутъ были серебренники, гончары, каретники, шапочники, башмачники, перчаточники и т. д. Вліяніе польскихъ образцовъ замѣтно въ народныхъ картинкахъ, обращавшихся тогда на московскомъ рынкѣ, въ рукописныхъ миніатюрахъ, въ орнаментаціи надгробныхъ плитъ. Отъ него не убереглась даже область, казалось бы, наименѣе доступная для иноземныхъ новшествъ, — обстановка русскаго храма. Уцѣлѣвшія до сихъ поръ по мѣстамъ скульптурныя изображенія святыхъ, трактованныя въ католическомъ духѣ, по всей вѣроятности, польскаго или западно-русскаго происхожденія. Въ несомнѣнно польскомъ стилѣ были сдѣланные въ 1681 г. во дворцѣ алебастровая Голгоѳа съ рѣзнымъ распятіемъ и гробъ Господень. Немного позднѣе полякомъ былъ написанъ во дворцѣ же на стѣнѣ страшный судъ. Можно думать, что въ этомъ случаѣ польско-католическое вліяніе сказалось въ самомъ выборѣ сюжета: незадолго передъ тѣмъ русскіе ознакомились, въ переводѣ съ польскаго, съ „Великимъ Зерцаломъ“, іезуитскимъ сборникомъ назидательныхъ повѣстей, въ которыхъ очень видное мѣсто занимали мученія грѣшниковъ въ аду. Польскія иконы нашлись въ боярскихъ домахъ, когда патріархъ Никонъ сталъ разыскивать и истреблять священныя изображенія, несогласныя съ византійской иконописной традиціей. Его крутыя мѣры, однако, не воспрепятствовали проникновенію въ русскую иконопись художественныхъ пріемовъ, выработанныхъ западно-европейскимъ, въ частности, польскимъ искусствомъ, и въ манерѣ московскихъ иконописцевъ второй половины XVII вѣка виденъ поворотъ отъ условности и безжизненности византійско-русскаго шаблона къ художественному реализму. Костюмъ тоже не избѣжалъ польскаго вліянія. Появленіе на московскомъ рынкѣ принадлежностей его, сработанныхъ выходцами изъ Литвы въ польскомъ вкусѣ, показываетъ, что на нихъ былъ постоянный спросъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ увлеченіе иноземнымъ костюмомъ доходило до того, что онъ усвоивался цѣликомъ. Извѣстный западникъ, бояринъ Никита Романовъ, одѣлъ свою прислугу въ польскія ливреи и самъ на охотѣ носилъ польскій костюмъ. Что такіе случаи при Алексѣѣ Михайловичѣ были не слишкомъ рѣдки, видно изъ того, что въ 1675 г. указомъ было запрещено ношеніе нѣмецкаго, а также, конечно, и польскаго платья. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, который вообще считался большимъ полонофиломъ, польскій костюмъ, наоборотъ, пользовался покровительствомъ свыше. Полякъ-современникъ разсказываетъ, что Ѳедоръ по иниціативѣ своей жены Агаѳьи, урожденной Грушецкой, дочери смоленскаго

шляхтича, родомъ поляка, замѣнилъ охабни кунтушами, поощрялъ бритье бороды и стрижку волосъ на новый ладъ. На брадобритіе отваживались, впрочемъ, и раньше отдѣльные охотники до иноземныхъ новшествъ, несмотря на ожесточенныя хулы, которыми осыпали „блудоносный образъ“ обритаго мужчины ревнители старины духовнаго и свѣтскаго чина.

Можно отмѣтить, наконецъ, нѣкоторыя завоеванія, сдѣланныя въ Москвѣ польскою и западно-русскою музыкой. Уже при дворѣ царя Михаила были органисты, имена которыхъ — Проскуровскій, Завальскій, Гутовскій — обличаютъ ихъ польское или западно-русское происхожденіе. При Алексѣѣ Михайловичѣ даже церковное пѣніе испытываетъ вліяніе кіевской музыкальной школы. Въ царскомъ и патріаршемъ хорахъ появляются выписанные изъ Малороссіи пѣвчіе, и кіевскія многоголосныя партитуры получаютъ право гражданства въ московскихъ соборахъ наряду со старымъ знаменнымъ роспѣвомъ и демественнымъ пѣніемъ. Никонъ добывалъ и ноты, и исполнителей изъ Малороссіи, а при патріархѣ Іоакимѣ въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича патріаршій домъ обладалъ уже собственнымъ знатокомъ новаго церковнаго пѣнія и композиторомъ въ лицѣ казначея монаха Тихона. Большимъ успѣхомъ въ публикѣ пользовались, по словамъ Симеона Полоцкаго, и чисто-польскіе напѣвы: „мнози, — пишетъ онъ въ предисловіи къ своему стихотворному переложенію Псалтири, — въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, возлюбивше сладкое и согласное пѣніе польскія Псалтири, стихови преложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти“.

Вмѣстѣ съ художниками и техниками потянулись въ Москву изъ западной Россіи и Польши культуртрегеры иного рода — ученые кіевскіе монахи и свѣтскіе гувернеры. Воспитавшійся въ правильно организованной школѣ, хотя бы и латинской, православный монахъ считался въ Москвѣ наиболѣе подходящимъ проводникомъ европейской духовной культуры: онъ — думали здѣсь — можетъ, не внося соблазна въ православную среду, послужить ей своими знаніями не хуже иновѣрнаго нѣмчина. И онъ, дѣйствительно, оправдалъ ожиданія москвитянъ, поскольку это зависѣло отъ него. Не было, кажется, той стороны духовной жизни, которая не испытала бы вліянія кіевской культуры. Исправленіе богослужебныхъ книгъ, переводъ св. писанія, церковная проповѣдь, литературная популяризація европейскаго знанія, обученіе подростковъ въ знатныхъ домахъ, организація частныхъ курсовъ для взрослыхъ, — все это охватывалось просвѣтительной дѣятельностью западно-русскихъ ученыхъ монаховъ. Плодами ея пользовались правительство, церковь и общество. Культурная роль явившихся вслѣдъ за монахами свѣтскихъ учителей изъ польской и западно-русской шляхты была, конечно, менѣе значительна. Они занимались только преподаваніемъ въ домахъ частныхъ лицъ, — извѣстно, напр., что въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ было два такихъ учителя, дававшихъ уроки на дому разнымъ лицамъ, что при сынѣ

А. С. Матвѣева былъ гувернеръ-шляхтичъ, что Ординъ-Нащокинъ, желая дать своему сыну образованіе, окружилъ его плѣнными поляками. Едва ли, однако, можно думать, что подобные учителя были многочисленны.

Кіевскій монахъ, являвшійся во всеоружіи схоластической науки, приносилъ въ Москву совершенно новые для туземцевъ пріемы мышленія, идеи и знанія. Кіевская школа, особенно послѣ преобразованія ея Петромъ Могилой, воспроизводила типъ іезуитскихъ коллегій. Она давала своимъ питомцамъ солидное гуманитарно-богословское образованіе съ преобладаніемъ формальнаго элемента; въ ней преподавались грамматика, діалектика, риторика, философія и богословіе. Въ послѣднемъ сильно сказывалось вліяніе католическихъ теологовъ, на работахъ которыхъ воспитались православные полемисты, создавшіе кіевскую богословскую школу. Она въ борьбѣ съ вѣроисповѣдными противниками усвоила ихъ оружіе, — воспользовалась для обоснованія православнаго вѣроученія ихъ методами и пріемами. Вмѣстѣ съ этимъ, въ преподаваніи получилъ преобладаніе латинскій языкъ; ученики основательно знакомились не только съ латынью богословской литературы, но и съ классиками и античнымъ міромъ. Классицизмъ, богословская эрудиція и дисциплина мысли, вышколенной формальною логикой и изощрявшейся на тонкостяхъ схоластической діалектики, дѣлали кіевскаго студента существомъ глубоко отличнымъ отъ московскаго начетчика. Античный міръ былъ въ Москвѣ предметомъ боязливаго отвращенія, какъ источникъ всего „поганскаго“, замутившаго цивилизацію латинскаго Запада; его плохо знали и знать не хотѣли. Богословская мысль была въ зачаточномъ состояніи, — точнѣе, ея не было вовсе. Русскій, для котораго религія сводилась къ обрядамъ и молитвеннымъ формуламъ, не пытался вникнуть въ содержаніе вѣроученія, осмыслить его. Мудрость самыхъ свѣдущихъ начетчиковъ не шла дальше механическаго усвоенія текстовъ, имѣвшихъ въ ихъ глазахъ священное значеніе; разобраться въ нихъ, опредѣлить, напр., относительную цѣнность съ точки зрѣнія вѣроученія св. писанія и произведеній отцовъ церкви или церковнаго преданія начетчикъ не умѣлъ, чаще всего даже совсѣмъ не понималъ того, что написано въ книгахъ, которыя онъ читалъ, какъ святыню. Его вѣра, цѣплявшаяся за неосмысленную букву „божественнаго писанія“, рѣшительно не могла облечься въ логически обоснованную систему наукообразныхъ положеній, какъ это имѣло мѣсто въ западной теологіи. Оттого такъ печальна была позиція московскихъ начетчиковъ въ спорахъ съ представителями европейскихъ вѣроисповѣданій. Очень характерна въ этомъ отношеніи фраза, которою ключарь Успенскаго собора Иванъ Насѣдка заключилъ свой диспутъ съ датскимъ пасторомъ по вопросу о крещеніи въ русскую вѣру королевича Вальдемара: „насъ, овецъ Христовыхъ, не перемудряйте софистиками своими; намъ нынѣ некогда философства вашего слушать“. Насѣдка потерпѣлъ пораженіе, и его пришлось замѣнить болѣе под-

готовленнымъ полемистомъ, кіевскимъ монахомъ Исаіей. Въ борьбѣ съ расколомъ церковь еще болѣе нуждалась въ содѣйствіи кіевской богословской школы. Такъ, подъ давленіемъ жизненныхъ потребностей, послѣдняя стала мало-по-малу утверждаться въ области, которою прежде безраздѣльно владѣло начетчичество. И не только церковь и правительство, но и общество въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ, наиболѣе передовыхъ представителей сумѣло оцѣнить достоинства кіевскаго просвѣщенія.

Патріархъ Іоакимъ (1674—1690).

Полемика съ противниками русской церкви и исправленіе богослужебныхъ книгъ были, такъ сказать, офиціальною миссіей ученыхъ монаховъ, которыхъ московское правительство вызывало главнымъ образомъ для этихъ цѣлей. Но ихъ способности и знанія скоро нашли себѣ болѣе широкое примѣненіе. Въ половинѣ XVII в. изъ Кіева были призваны для перевода Библіи на славянскій языкъ и „риторскаго ученія“ монахи Арсеній Сатановскій, Епифаній Славинецкій и Дамаскинъ Птицкій. Они не ограничились порученнымъ имъ переводомъ, но издали еще нѣсколько книгъ общеобразовательнаго содержанія. Славинецкій перевелъ съ латинскаго географію, Книгу врачевскую анатомію Андрея Вессалія Брукселенска (Брюссельскаго), Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ, Панегирикъ Траяну Плинія младшаго. Сатановскій перевелъ книгу Мефрета О градѣ царскомъ, энциклопедію, обнимавшую самыя разнообразныя отрасли знанія,—богословіе, природовѣдѣніе, медицину, исторію. Оба они обработали и издали латинско-славянскій словарь Калепина. Ученые старцы находили время и для педагогической дѣятельности, и особенно крупны были заслуги на этомъ поприщѣ Епифанія Славинецкаго, дававшаго частнымъ образомъ уроки разнымъ лицамъ. Тогда уже появился въ обществѣ нѣкоторый спросъ на образованіе. По иниціативѣ окольничаго Ѳедора Михайловича Ртищева возникъ цѣлый кружокъ, развившій довольно широкую просвѣтительную дѣятельность. Ртищевъ выписалъ изъ Малороссіи и поселилъ въ Андреевскомъ монастырѣ подъ Москвой (въ Плѣнницахъ, рядомъ

Царскій булатный щитъ XVII вѣка. Изъ альбэма *Солнцева*.

съ Нескучнымъ садомъ) до 30 ученыхъ монаховъ, которые должны были заниматься переводами съ иностранныхъ языковъ и обученіемъ желающихъ; въ программу преподаванія, кромѣ языковъ греческаго и латинскаго, входили словесныя науки, проходившіяся въ кіевской школѣ. Ртищевъ самъ усердно посѣщалъ эти курсы и, пользуясь своимъ вліяніемъ, заставлялъ учиться въ монастырѣ молодыхъ чиновниковъ. Въ домахъ московской знати кіевскій монахъ сталъ появляться въ роли гувернера. Алексѣй Михайловичъ поручилъ воспитаніе своихъ старшихъ дѣтей Симеону Полоцкому, пріѣхавшему въ Москву въ 1664 г. Человѣкъ чрезвычайно разносторонній, богословъ, церковный ораторъ, поэтъ, Полоцкій оказался также очень искуснымъ педагогомъ въ стилѣ своего вѣка. Онъ умѣлъ сообщать своимъ питомцамъ множество разнородныхъ свѣдѣній, излагая ихъ въ виршахъ, которые, при всей своей тяжеловѣсности, все же были удобнѣе для усвоенія, чѣмъ тогдашняя проза. Вотъ какъ, напр., повѣданъ въ нихъ модный въ то время педагогическій принципъ:

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.
Родителямъ древяный жезлъ буди на чада,
Да не страждутъ желѣзна отъ судіи града:
Уне въ дому древянымъ въ дѣтствѣ оны бити,
Неже возросшихъ градскимъ желѣзомъ казнити.

Нашлись даже люди, которые, не довольствуясь уроками пріѣзжихъ наставниковъ, стали уходить для образованія въ Малороссію и за польскій рубежъ. Объ этомъ упоминаетъ Рейтенфельсъ въ своемъ сочиненіи о Россіи. По свидѣтельству патріарха Іоакима, „нѣкіи юноши изъ царствующаго града Москвы восхотѣли уйти въ польское королевство ради ученія латинскаго“.

Живому слову новыхъ учителей вторила книга, тоже отразившая въ себѣ умственное движеніе вѣка. Потребность въ образованіи сказалась въ появленіи и распространеніи учебныхъ пособій. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ 1647—1651 гг., букварь былъ отпечатанъ три раза, въ количествѣ 9600 экземпляровъ. Въ 1648 г. впервые печатный дворъ въ Москвѣ издалъ церковно-славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго. Замѣтимъ, что обѣ эти книги были составлены въ Литвѣ. Движеніе въ области общеобразовательной литературы также питалось преимущественно трудами западно-русскихъ ученыхъ, при посредствѣ которыхъ въ Москву проникали научныя знанія, обращавшіяся въ Польшѣ. XVII вѣкъ отмѣченъ значительнымъ ростомъ переводной литературы. На протяженіи его можно насчитать болѣе 60 переведенныхъ съ латинскаго и польскаго книгъ по разнороднымъ отраслямъ знанія: исторіи, праву и политикѣ, военному дѣлу, естествовѣдѣнію, медицинѣ, космографіи, географіи и даже математикѣ. Переводчиками обыкно-

венно являлись кіевскіе ученые, но они же снабжали московское общество также компиляціями и болѣе самостоятельными, хотя и написанными въ духѣ польской учености, сочиненіями. Научный уровень всей этой литературы, переводной и оригинальной, былъ въ общемъ невысокъ даже для своего времени. Она пробавлялась научными воззрѣніями, господствовавшими въ средніе вѣка и уже почти утратившими кредитъ въ Европѣ. Въ ней еще держалась, напр., расшатанная открытіями XVI—XVII вв. астрономическая теорія, по которой вокругъ земли, какъ центра, вращались девять небесъ или небесныхъ сферъ съ прикрѣпленными къ нимъ планетами. Въ связи съ этою теоріей находилось астрологическое ученіе о вліяніи звѣздъ и планетъ на людей, тоже занесенное въ Москву кіевскими учеными. Естественно-историческіе сборники типа Физіолога и Бестіарія наполнялись свѣдѣніями о фантастическихъ животныхъ и чудесныхъ свойствахъ камней,—свѣдѣніями, остававшимися на уровнѣ византійскаго естествознанія, и разница между этими сборниками и византійской редакціей Физіолога заключалась только въ томъ, что изъ нихъ было выкинуто символически-назидательное толкованіе звѣрей и минераловъ. Медицина была представлена книжками, въ которыхъ отражалось ея состояніе до работъ Везалія и Гарвея. Правда, книгу Везалія перевелъ, какъ мы видѣли, Епифаній Славинецкій, но этотъ переводъ былъ сдѣланъ для царя и остался недоступнымъ публикѣ. Послѣдняя знакомилась съ медициной по Цвѣтнику и Прохладному вертограду, сборникамъ, содержавшимъ въ себѣ весь врачебный арсеналъ средневѣковой науки: тутъ были свѣдѣнія о силѣ драгоцѣнныхъ камней, косметическіе рецепты, магическія средства противъ звѣря, гада и нечистаго духа, полезные совѣты, основанные на астрологіи, и т. д. Въ исторіографіи польско-кіевское вліяніе проявилось въ двухъ направленіяхъ. Изъ польскихъ и латинскихъ источниковъ редакціи Хронографа XVII вѣка заимствовали много новаго матеріала историческаго, космографическаго и географическаго: появились отдѣлы, посвященные классической миѳологіи, исторіи греческой, римской и западной Европы, свѣдѣнія по космографіи и географіи, взятыя изъ апокрифовъ и новѣйшихъ сочиненій — Бѣльскаго и Меркатора. Съ другой стороны, измѣнились самые пріемы обработки матеріала. Лѣтописная манера уступила мѣсто прагматизму, систематизаціи фактовъ и, въ связи съ нимъ, сочинительству съ учеными претензіями. Все это было очень невысокаго качества. Факты подбирались въ угоду извѣстной тенденціи—политической, какъ въ московской исторіографіи, или національно-религіозной, какъ въ кіевскомъ Синопсисѣ,—и связь между ними устанавливалась болѣе или менѣе произвольно. Въ изложеніи начальнаго періода большую роль играли фантастическія генеалогіи и наивныя этимологическія измышленія: авторъ Синопсиса, напр., производитъ русскій народъ отъ Мосоха, сына Яфетова, имя „руссы“ — отъ разсѣянія, имя славянъ — отъ ихъ

военной славы; въ Хронографѣ у Словена, родоначальника новгородскихъ славянъ, жена — Шелонь, сынъ — Волховъ.

О польскомъ вліяніи, утвердившемся въ кіевской богословской школѣ, мы уже говорили. Въ Московской Руси богословскіе труды ея представителей получили широкое распространеніе, — за XVII вѣкъ они представлены здѣсь не менѣе, чѣмъ 30-ю названіями. Почти такой же успѣхъ имѣли у московскихъ читателей католическія книги религіозно-нравственнаго содержанія въ переводахъ съ польскаго и латинскаго. Въ XVII в. появилось до 20 такихъ книгъ; въ числѣ ихъ были сочиненія іезуита Дрекселлія, кардинала Беллармина, Ѳомы Кемпійскаго, книга котораго О подражаніи Христу вышла въ трехъ переводахъ въ теченіе 40 лѣтъ. Сборникъ средневѣковыхъ легендъ Великое зерцало, переведенный съ польскаго въ 1677 г., настолько пришелся по вкусу московской читающей публикѣ, что быстро разошелся во множествѣ списковъ, съ теченіемъ времени подвергшихся дальнѣйшей обработкѣ, сгладившей до нѣкоторой степени слѣды его іезуитскаго происхожденія. Онъ проникъ даже въ народную среду и въ XVIII вѣкѣ утвердился, вмѣстѣ съ другими обломками до-петровской литературы, въ старообрядческомъ репертуарѣ душеспасительныхъ книгъ.

Сближенію съ Польшей, наконецъ, Москва была обязана своимъ первымъ знакомствомъ съ новымъ видомъ повѣствовательной литературы — рыцарскимъ романомъ, который сразу завоевалъ симпатіи читателей, до тѣхъ поръ пробавлявшихся исключительно „душеполезными“ повѣстями, занесенными изъ Византіи. Съ польскаго были переведены „исторіи“ и „повѣсти“: „О Петрѣ Златыхъ ключахъ“, „Благородной и прекрасной Мелюзинѣ“, „Королевѣ Олундѣ“ и т. д. [1]). Этотъ жанръ не вытѣснилъ прежней назидательной литературы, но успѣхъ его все же свидѣтельствовалъ объ измѣненіи настроенія и вкуса московскаго общества. Очевидно, аскетическая мораль, господствовавшая въ повѣстяхъ византійскаго типа, начала уже пріѣдаться читателю, и появился спросъ на беллетристику, содержаніе которой было интересно само по себѣ, а не съ точки зрѣнія пользы для души.

Новая литература проникала въ Московскую Русь не только въ переводахъ, но и въ оригиналахъ. Нѣтъ, конечно, основанія думать, что знаніе польскаго и латинскаго языковъ было распространено въ Москвѣ, но извѣстно, что ими владѣли отдѣльныя лица. Толмачи посольскаго приказа, въ большинствѣ иноземцы, знали по-польски и по-латыни и занимались переводами съ обоихъ языковъ ex officio по заказамъ царя. У пріѣзжихъ кіевскихъ монаховъ были ученики, обучавшіеся языкамъ, но при отсутствіи правильныхъ школъ число этихъ учениковъ не могло быть велико.

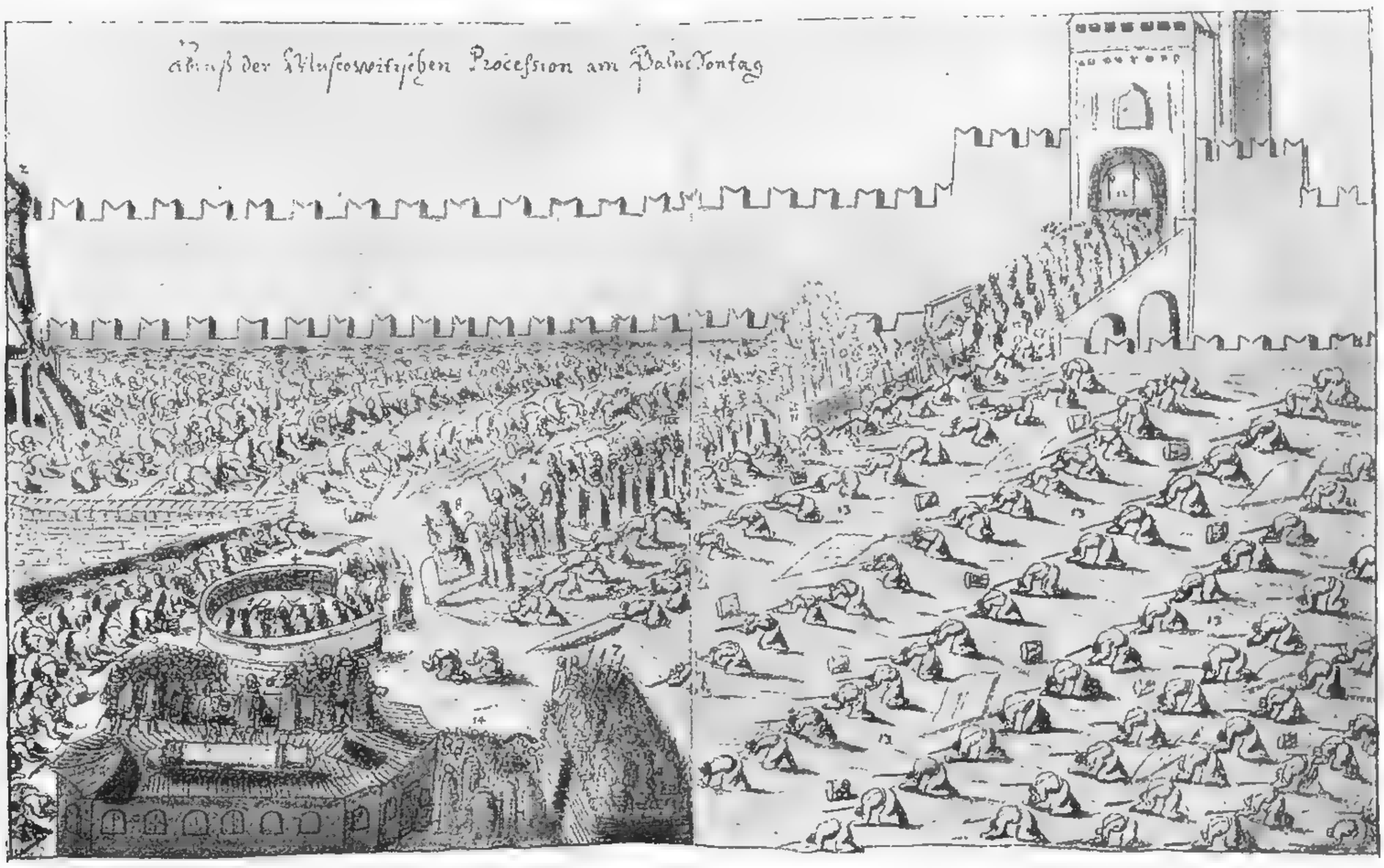
---

1) Подобныя повѣсти (акад. А. Н. Веселовскій назвалъ ихъ „славяно-романскими“) переходили къ намъ, кромѣ Польши, изъ Чехіи, Босніи, Герцоговины и Румыніи („Бова Королевичъ“, „Тристанъ и Изольда“ и т. д.).

Въ боярской средѣ можно насчитать нѣсколько человѣкъ, знавшихъ по-латыни, и, вѣроятно, еще больше было такихъ, которые знали по-польски. Черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, объясняя царю Алексѣю, почему онъ посвятилъ одному изъ царевичей свою книгу Духовныя струны, изданную на польскомъ языкѣ, пишетъ: „вѣмъ, яко и вашего пресвѣтлаго величества сигклитъ сего языка не гнушается, но чтутъ книги и исторіи ляцкія въ сладость“. По свидѣтельству Симеона Полоцкаго, многіе въ Москвѣ любили пѣть псалмы на польскомъ языкѣ. Самъ царь Ѳедоръ зналъ по-польски и учился по-латыни, а старшій братъ его Алексѣй Алексѣевичъ говорилъ на обоихъ языкахъ. О размѣрахъ спроса на латинскія и польскія книги можно судить по случайно дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о составѣ нѣсколькихъ московскихъ библіотекъ. У А. С. Матвѣева было 7 книгъ на латинскомъ языкѣ и 7 на польскомъ, Ординъ-Нащокинъ сразу выписалъ для себя изъ-за границы 82 латинскихъ книги; въ библіотекѣ патр. Никона нашлось 12 книгъ латинскихъ, 2 польскія и нѣсколько изданій древнихъ писателей, въ томъ числѣ Аристотеля, Демосѳена и Плутарха, въ библіотекѣ Павла, епископа сарскаго и подонскаго,—13 латинскихъ книгъ и 6 польскихъ; книги на обоихъ языкахъ были и у кн. Вас. Вас. Голицына. Заиконоспасскій монастырь къ 1689 году успѣлъ скопить 414 латинскихъ книгъ и 125 польскихъ, что объясняется, конечно, тѣмъ, что въ немъ съ начала десятилѣтія были училища,—школа Медвѣдева, а потомъ Славяно-греко-латинская академія.

Какъ ни ярки, однако, были проявленія новаго культурнаго вліянія, успѣхи его въ общемъ были очень скромны и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи. Оно, если такъ можно выразиться, только скользило по поверхности духовной жизни, не проникая вглубь, и впитывалось далеко не вполнѣ даже наиболѣе воспріимчивыми элементами. Русскій человѣкъ могъ заводить въ своемъ домѣ обстановку въ польскомъ вкусѣ, знакомиться съ новой, занесенной съ польско-малорусскаго запада литературой въ переводахъ и даже оригиналахъ, пестрить свою рѣчь полонизмами и неологизмами кіевскаго издѣлія,—но все это оставалось только оболочкой, подъ которой скрывалась мало затронутая наносной культурой московская стихія. Даже наиболѣе сознательные новаторы, настаивавшіе на необходимости школьнаго образованія въ польскомъ духѣ, не порывали съ міросозерцаніемъ, составлявшимъ душу московскаго уклада жизни. Русскій резидентъ въ Польшѣ Вас. Мих. Тяпкинъ, человѣкъ, достаточно вкусившій отъ плодовъ польской культуры, уснащавшій въ своихъ донесеніяхъ языкъ посольскаго приказа новыми словами, какъ факціи и авизы, воспитавшій своего сына въ польской школѣ,—тосковалъ въ Варшавѣ по московскимъ порядкамъ. „Не такіе тутъ порядки,—писалъ онъ въ Москву,—что въ государствѣ московскомъ, гдѣ, какъ пресвѣтлое солнце въ небесѣ, единый монархъ и государь по

вселенной просвѣщается и своимъ государскимъ повелѣніемъ, яко солнечными лучами, всюду одинъ сіяетъ: единаго слушаемъ, единаго боимся, единому служимъ всѣ,—единъ даетъ и отнимаетъ по данной ему, государю, свыше благодати. А здѣсь что жбанъ, то панъ, не боятся и самого Создателя, не только избраннаго государя своего". Полированный московскій дипломатъ остался въ душѣ холопомъ, которому было не по себѣ среди политическихъ дѣятелей вольной Рѣчи Посполитой. Человѣкъ такого склада могъ стремиться къ просвѣщенію, но ему при этомъ не приходило въ голову, что оно, какъ антитеза варварству, означало разрывъ съ духов-



Шествіе на ослятѣ. (Изъ альбома Меіерберга).

нымъ содержаніемъ національной жизни, — недоразумѣніе, имѣвшее, какъ извѣстно, роковое значеніе въ исторіи русской школы. Русскіе люди, затронутые новымъ культурнымъ вѣяніемъ, были все же органически неспособны поставить вопросъ о просвѣщеніи во всемъ его объемѣ и прійти къ выводамъ, которые подсказывались самой сущностью дѣла. Тому, кто дѣйствительно усваивалъ культуру, не находилось мѣста въ московской средѣ, и онъ, какъ сынъ Ордина-Нащокина, воспитавшійся въ обществѣ плѣнныхъ поляковъ, бѣжалъ за рубежъ,—такъ сильно чувствовалось имъ духовное одиночество на родинѣ.

Но даже умѣренные и поверхностные сторонники культурныхъ новшествъ оставались въ меньшинствѣ. Масса съ отвращеніемъ сторонилась

отъ этихъ новшествъ, видя въ нихъ угрозу своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, чистота которыхъ могла пострадать отъ соприкосновенія съ „латинскимъ“ Западомъ. Консерватизмъ московскаго варварства получалъ религіозную окраску и религіозное освященіе; во имя своей вѣры средній русскій человѣкъ ополчался противъ культуры во всѣхъ ея видахъ. Приглядится ли онъ въ церкви къ иконамъ, написаннымъ въ новомъ стилѣ,—у него уже готово суровое осужденіе ихъ: „По попущенію Божію умножились въ нашей русской землѣ живописцы неподобнаго письма иконнаго... Пишутъ они Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутые, также и у ногъ бедра толстыя, и весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ, только что сабли при бедрѣ не написано“... Услышитъ ли, въ многоголосномъ исполненіи, кіевскіе церковные напѣвы,—и въ нихъ ему чудится опасность для вѣры: „Пѣніе поютъ повоизданное отъ своего сложенія, а не отъ святыхъ преданное, но латынское и римское баснословіе и партесное вискапіе, святыми отцы отлученное“. Но самымъ ожесточеннымъ нападкамъ подвергались кіевскіе монахи и наука, представителями которой они являлись.

Малороссійскую церковь Москва давно уже подозрѣвала въ отклоненіи отъ православія. Постоянное общеніе съ католиками набрасывало тѣнь на чистоту ея вѣроученія въ глазахъ москвитянъ, которые, замѣчая особенности текста кіевскихъ богослужебныхъ книгъ, еще болѣе утверждались въ этомъ мнѣніи. Еще при патріархѣ Филаретѣ книги кіевской печати было велѣно отбирать изъ монастырей и церквей. Кіевскія духовныя лица одно время допускались въ московскую церковную среду не иначе, какъ послѣ предварительной „исправы“. Эта враждебность потомъ смѣнилась въ правительственныхъ сферахъ благожелательнымъ и довѣрчивымъ отношеніемъ къ западно-русскимъ ученымъ монахамъ, когда они понадобились въ качествѣ справщиковъ богослужебныхъ книгъ; къ ихъ голосу здѣсь стали прислушиваться и въ другихъ вопросахъ и не преминули воспользоваться ихъ услугами въ разгорѣвшейся борьбѣ съ расколомъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ кіевляне, какъ авторитетные сотрудники патріарха Никона въ дѣлѣ обновленія русской церкви, пользовались большимъ вліяніемъ въ командующемъ слоѣ церковнаго общества. Но масса продолжала видѣть въ нихъ болѣе или менѣе открытыхъ враговъ національной вѣры, сторонниковъ латинства и орудія его пропаганды, направляемыя чуть ли не изъ самаго Рима. Съ наибольшею яркостью этотъ взглядъ выразился въ писаніяхъ старообрядцевъ. Монахъ Савватій писалъ въ посланіи къ царю о книжныхъ исправителяхъ, что „свела ихъ съ ума несовершенная ихъ грамматика да пріѣзжіе нехаи“. На энергичномъ языкѣ протопопа Аввакума нѣтъ для кіевлянъ другого названія, какъ „уніаты, блюдолизы римскіе“. Они, по словамъ діакона Ѳедора, „проклятые и льстивые дидаскалы“, подосланные „римскою блуд-

ницей“, и русскіе архіереи, принимающіе ихъ ученіе, „отъ тѣхъ нечистыхъ духовъ напиваются мутнаго питія, яко свиніи кабацкія барды“. Такое мнѣніе о кіевлянахъ не было специфически-раскольничьимъ, но раздѣлялось многими сторонниками офиціальной церкви. Въ кругахъ, близкихъ къ патріарху Іоакиму, Симеона Полоцкаго открыто называли „уніатомъ сущимъ римскаго костела“ и бѣлоруссы огульно обвинялись въ неправославіи: „малая часть изъ нихъ во унѣю не падаютъ, а и тѣ, что не падаютъ, познаваются въ нихъ останки іезувическіе“.

Нѣсколько вызывающее поведеніе ученыхъ монаховъ по отношенію къ доморощеннымъ учителямъ вѣры подливало масла въ огонь: они не скупились на обличенія пастырей, невѣжество которыхъ было виною печальнаго состоянія русской церкви. Симеонъ Полоцкій въ проповѣдяхъ говорилъ, что въ московскомъ обществѣ премудрость не имѣетъ мѣста, гдѣ главу приклонить, что нѣтъ ищущихъ ея. „Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ — это не учители, но мучители. Оттого умножилась въ людяхъ злоба, распространилось лукавство, чародѣйство, разбоій, воровство, убійства, пьянство и нелѣпыя игрища... Виною всего этого преимущественно неумѣнье и нерадѣнье духовныхъ отцовъ: не учатъ и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ“. Акты собора 1682 года, рисовавшіе крайне неприглядную картину московской церковной жизни, вполнѣ подтверждали обвиненія, которыя Полоцкій бросалъ въ лицо туземнымъ пастырямъ, но тѣмъ не менѣе русскому церковному самомнѣнію трудно было переварить эти рѣзкія нападки на то, что составляло предметъ національной гордости,—благочестіе, монополизованное „третьимъ Римомъ“. И во имя чего „нехан“ выступали съ своими обидными обличеніями? Они корили московское духовенство его темнотою, утверждали, что все зло происходитъ отъ незнанія грамматики, діалектики и прочихъ школьныхъ „премудростей“. Начетчики и книжники, дѣйствительно, какъ мы видѣли, ничего не знали, кромѣ буквы „божественнаго“ писанія, но они возводили это свое незнаніе въ принципъ и видѣли въ немъ самый надежный путь къ познанію религіозныхъ истинъ. „Аще не ученъ словомъ, но не разумомъ,—говорилъ о себѣ такой книжникъ,—не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имѣю“. „Не высокоумствуйте, братіе,—гласила прописная мудрость,—но въ смиреніи пребывайте. Если кто спроситъ тебя, знаешь ли философію, ты ему отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдахъ не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ; учусь книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно моя грѣшная душа отъ грѣхъ очистить“. Другими словами,—„все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка“. Съ этой точки зрѣнія всякая наука, особенно та, которая шла изъ латинской или облатинившейся школы, объявлялась ненужной и

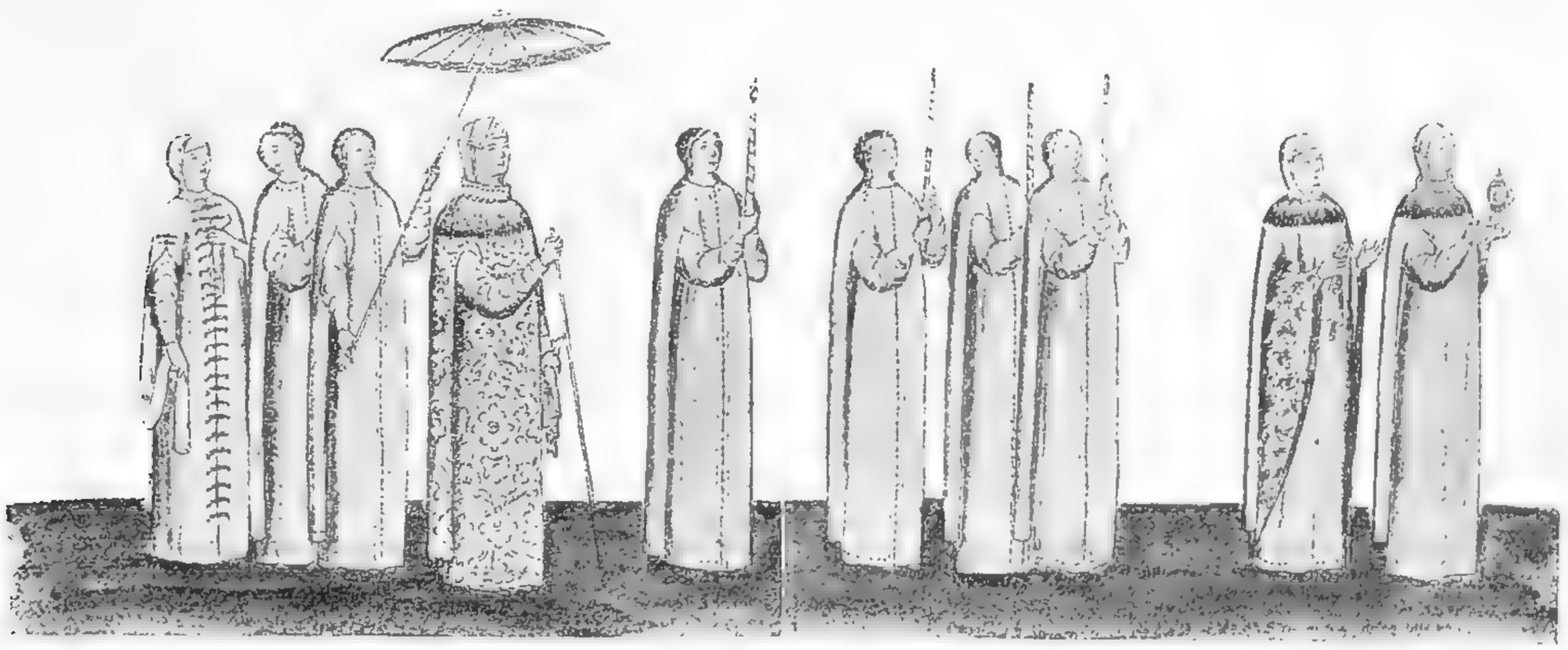
опасной для вѣры. Молодой человѣкъ, поступившій въ ученье къ кіевскимъ старцамъ, выписаннымъ въ Москву Ртищевымъ, слышалъ со всѣхъ сторонъ внушенія: „перестань учиться по-латыни, дурно это“. Было замѣчено и считалось доказаннымъ, что „кто по-латыни ни учился, тотъ съ праваго пути совратился“. Вѣрное чутье подсказывало „неученому словомъ“ русскому простецу, что ему нужно тщательно оберегать свою религію отъ всякаго соприкосновенія съ тѣмъ духомъ научнаго изслѣдованія, который былъ неразлученъ съ „свободными знаніями“, нашедшими себѣ пріютъ въ польско-кіевской школѣ. Отсюда—такъ часто замѣчающееся у начетчиковъ боязливо-враждебное отношеніе къ этимъ знаніямъ, къ школьному раціонализму, облекающемуся въ „неудобопознаваемые силлогизмы“ и „аргументы душетлительные“.

Репутація, установившаяся за кіевской наукой въ широкихъ общественныхъ кругахъ, не осталась безъ вліянія на рѣшеніе вопроса о московской школѣ. Вопросъ этотъ былъ выдвинутъ самою жизнью и привлекъ къ себѣ вниманіе и правительства, и общества въ лицѣ наиболѣе передовыхъ его представителей; извѣстную роль сыграли также авторитетныя внушенія восточныхъ іерарховъ, которые настойчиво разъясняли царямъ пользу и необходимость для ихъ подданныхъ школьнаго образованія. Не было недостатка и въ греческихъ учителяхъ, бравшихся устроить въ Москвѣ греческое училище. Дѣло, однако, все не налаживалось, главнымъ образомъ, изъ-за излишней разборчивости московскаго правительства, которому, очевидно, очень трудно было побороть свое предубѣжденіе противъ просвѣщенія, шедшаго извнѣ. Грекамъ или вовсе не удавалось завести школу, или приходилось скоро покидать ее вслѣдствіе столкновеній съ московскими властями; одинъ изъ нихъ, ученый старецъ Арсеній, рекомендованный іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, былъ даже въ 1649 г. осужденъ, какъ еретикъ, и сосланъ подъ началъ въ Соловки „для исправленія въ православной христіанской вѣрѣ“. Тѣмъ временемъ частная инціатива предупредила правительство, и подъ Москвой открылись ртищевскіе курсы, организованные при помощи кіевскихъ ученыхъ. Починъ былъ сдѣланъ и притомъ въ пользу латинской школы. Въ Андреевскомъ монастырѣ москвичи получили возможность научиться обоимъ древнимъ языкамъ и ознакомиться съ предметами, входившими въ программу кіевской школы, „даже до риторики и философіи“.

Когда началась борьба съ расколомъ, интересъ къ школьному вопросу вновь оживился въ связи съ присутствіемъ въ Москвѣ греческихъ іерарховъ, участвовавшихъ въ соборахъ 1666 и 1667 гг. Отъ лица двухъ патріарховъ, александрійскаго Паисія и антіохійскаго Макарія, было прочтено въ соборѣ слово, въ которомъ они убѣждали царя Алексѣя „положить отнынѣ въ сердцѣ своемъ рѣшеніе: учреждать училища какъ греческія, такъ славенскія

Шварцъ. Вешній поѣздъ царицы. Третьяковская галлерея.

и иныя, милостію и благодатію умножать студеевъ (студентовъ), сыскать благоискусныхъ учителей". Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ въ своемъ опроверженіи челобитной старообрядца попа Никиты заявилъ, что такъ какъ расколъ произошелъ отъ неимѣнія народныхъ училищъ, скудости и недостаточности библіотекъ, то лучшія средства борьбы съ нимъ—распространеніе образованія и накопленіе книгъ. „Изъ училищъ,—писалъ Паисій,—духъ жизни чрезъ жилы во все тѣло разливается, они—орлиныя крылья, на которыхъ слава пролетаетъ всю вселенную... Отъ нихъ, какъ отъ источниковъ, тайно искапаетъ благополучіе народное какъ бы изъ звѣздныхъ натеченій". Въ это время греческое и латинское или кіевское вліяніе мирно уживались въ школьномъ вопросѣ. Паисій Лигаридъ, имѣвшій большое вліяніе на Алексѣя Михайловича, не былъ противникомъ латинской школы и совѣто-



Выходъ царицы. (Изъ альбома Мейерберга).

валъ ввести въ училищахъ преподаваніе трехъ „коренныхъ" языковъ—греческаго, латинскаго и славянскаго. Съ другой стороны, чисто латинская программа нашла сильнаго сторонника въ лицѣ Симеона Полоцкаго, который быстро сдѣлался persona grata при дворѣ. Съ 1666 г. Полоцкому была дана возможность вести преподаваніе по этой программѣ въ небольшой, спеціально для него устроенной школѣ (въ Заиконоспасскомъ монастырѣ), гдѣ четверо молодыхъ подьячихъ стали учиться у него латинскому языку, грамматикѣ, риторикѣ, пінтикѣ и діалектикѣ. Школа, задачей которой была, по мысли правительства, только подготовка нѣсколькихъ образованныхъ чиновниковъ, скоро,—вѣроятно, не позднѣе 1668 г.,—закрылась, но существованіе ея не прошло безслѣдно для московскаго просвѣщенія: изъ нея вышелъ извѣстный русскій богословъ, продолжатель дѣла Полоцкаго, Семенъ,—въ монашествѣ Сильвестръ,—Медвѣдевъ. Въ томъ же 1668 г. была еще сдѣлана частными лицами попытка устроить въ Москвѣ школу смѣшаннаго

типа. Прихожане церкви Іоанна Богослова въ Китаѣ-городѣ въ челобитной заявили царю о своемъ желаніи открыть приходское училище съ преподаваніемъ языковъ славянскаго, греческаго и латинскаго, грамматики и прочихъ „свободныхъ ученій“. Царь далъ согласіе, патріархи благословили начинаніе прихожанъ, но училище почему-то не было открыто. Вопросъ о московской школѣ опять заглохъ до того времени, когда, уже въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, ему суждено было вновь стать на очередь, но въ иной формѣ и въ иной обстановкѣ.

Полоцкій не отказался отъ мысли объ учрежденіи школы латинскаго типа и старался осуществить ее при содѣйствіи царя Ѳедора, своего воспитанника. Послѣ смерти Полоцкаго (въ 1680 г.) за хлопоты по этому дѣлу взялся съ большимъ жаромъ его ученикъ Медвѣдевъ, уже принявшій монашество и назначенный строителемъ Заиконоспасскаго монастыря; въ проектѣ, съ которымъ онъ выступилъ, школа являлась высшимъ учебнымъ заведеніемъ наподобіе Кіевской академіи и аналогичныхъ ей латинскихъ коллегій. Ѳедоръ, слывшій не безъ основанія за сторонника польской культуры, вѣроятно, поддался бы увѣщаніямъ и просьбамъ Медвѣдева, но въ дѣло вмѣшалась партія, рѣшительно протестовавшая противъ латинской школы. Платформа этой партіи была формулирована въ небольшомъ трактатѣ подъ заглавіемъ: Доводъ вкратцѣ, яко ученія и языкъ еллино-греческій паппаче нужнопотребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуетъ славенскому языку. Греческій языкъ, утверждалось здѣсь, въ исторіи міровой культуры занимаетъ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ латинскій; для русскихъ, въ частности, изученіе греческаго языка необходимо потому, что онъ можетъ оказать вліяніе на выработку ихъ собственнаго языка, къ которому онъ близокъ, и безъ него нельзя обойтись при исправленіи богослужебныхъ книгъ; что же касается латинскаго языка, то онъ опасенъ для вѣры,—вслѣдствіе его господства въ школѣ бѣлоруссы уклонились въ унію. Новые грекофилы прикрывались авторитетомъ Епифанія Славинецкаго, котораго они противопоставляли Полоцкому, какъ поборника греческой школы. Дѣйствительно, Славинецкій, воспитанникъ кіевской школы домогилянскаго періода, вынесшій изъ нея основательное знакомство съ греческимъ богословіемъ, отдавалъ ему рѣшительное предпочтеніе передъ латинскимъ и въ этомъ отношеніи расходился съ Полоцкимъ, почерпавшимъ свои богословскія познанія исключительно изъ латинской католической литературы. Оба они, однако, воздерживались отъ полемики и не выносили своихъ разногласій на судъ церкви и общества. Только послѣ того, какъ они сошли со сцены, направленія, представителями которыхъ они были, открыто столкнулись въ лицѣ ихъ учениковъ и послѣдователей, вступившихъ въ ожесточенную борьбу на почвѣ школьнаго вопроса.

Глава латинской партіи Сильвестръ Медвѣдевъ былъ человѣкъ талантливый и достаточно по-своему образованный. Онъ бойко владѣлъ перомъ, составлялъ орації по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства, писалъ даже вирши и былъ очень силенъ въ діалектикѣ: въ спорахъ онъ проявлялъ такую живость и находчивость, что въ лагерѣ его противниковъ за нимъ установилась репутація „любоприваго, умѣющаго уста бездверныя и языкъ настолько проворный, что все тѣло его казалось языкомъ“. Какъ богословъ, онъ примыкалъ къ кіевской школѣ; грекофилы обвиняли его въ тяготѣніи къ католицизму, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ не менѣе вѣренъ восточной церкви, чѣмъ они. Съ ихъ стороны застрѣльщикомъ выступилъ чудовской монахъ Евфимій, человѣкъ совсѣмъ иного склада. Систематическаго образованія онъ не имѣлъ, но былъ начетчикомъ, впрочемъ, не вполнѣ стараго типа. Епифанію Славинецкому онъ былъ обязанъ умственнымъ развитіемъ, которое значительно возвышало его надъ уровнемъ книжниковъ, не знавшихъ ничего, кромѣ буквы писанія; онъ научился и погречески, правда, только „изъ лексиконовъ, не въ училищѣ, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и за виномъ“. Къ латинскому направленію онъ относился съ фанатической ненавистью, хотя далеко не всегда умѣлъ уловить его проявленія и самъ порой высказывалъ взгляды, оказывавшіеся по повѣркѣ католическими. Въ полемикѣ онъ не блисталъ діалектикой подобно своему антагонисту, но вносилъ въ нее много страстности и задора, прибѣгая часто, за неимѣніемъ аргументовъ, къ грубымъ выходкамъ и брани.

Евфимій могъ быть вполнѣ искреннимъ поборникомъ греческой школы, но настоящая окраска партіи, отъ лица которой онъ выступалъ, опредѣлялась дѣятельнымъ участіемъ въ грекофильской агитаціи такой фигуры, какъ патріархъ Іоакимъ. Этотъ человѣкъ сталъ грекофиломъ только потому, что послѣ Никона главѣ русской церкви было неловко быть іерархомъ въ стилѣ Гермогена или Филарета. Онъ нѣкогда ушелъ съ военной службы въ монастырь не по убѣжденію, а ради карьеры и, дѣйствительно, сумѣлъ быстро продвинуться впередъ благодаря своей беззастѣнчивой угодливости. Свою линію поведенія онъ, по словамъ старообрядца-діакона Ѳедора, охарактеризовалъ очень откровенно, когда ему, въ самый разгаръ распри между никоніанами и раскольниками, пришлось опредѣлить свое отношеніе къ спорящимъ сторонамъ: „азъ, государь,—отвѣчалъ „Якимъ“ на вопросъ о его вѣрѣ,—не знаю ни старыя вѣры, ни новыя, но что велятъ начальницы, то и готовъ творити и слушати ихъ во всемъ“. Извѣстная доля искренности, несомнѣнно, была въ этомъ заявленіи: Іоакимъ былъ человѣкъ глубоко невѣжественный. Медвѣдевъ мягко отзывался о немъ: „патріархъ—человѣкъ добрый, но учился мало и богословія не знаетъ“. Коллега Іоакима, коломенскій архіепископъ Іосифъ, въ минуты откровенности, менѣе щадилъ его: „Патріархъ мало и

грамотѣ умѣетъ, на соборѣ только и говоритъ нижегородскій митрополитъ да я, а патріархъ только бороду уставя сидитъ,... а поученіе станетъ читать,—только гноитъ, и слушать нечего". Неудивительно, что въ дѣлахъ вѣры этотъ іерархъ старомосковскаго типа являлся выразителемъ тенденцій „древняго" благочестія. Очень характерны его церковныя desiderata, изложенныя въ его завѣщаніи (онъ умеръ въ 1690 г.): онъ молилъ царей не допускать общенія христіанъ православныхъ съ проклятыми еретиками и иновѣрцами, латинами, лютерами, кальвинами и злобожными татарами, разорить выстроенныя „кирки" и запретить постройку новыхъ, уничтожить иконы фряжскаго письма и вывести иноземные костюмы. Внѣшняя святость прекрасно уживалась въ этомъ чисто-русскомъ іерархѣ съ черствостью и мелочной злобой, которыя особенно ярко проявились въ его отношеніяхъ къ Никону, когда-то выведшему его въ люди. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ Іоакимъ воспользовался доносомъ на опальнаго патріарха, чтобы отягчить его положеніе ссылкой въ Кирилловъ монастырь на „исправленіе". Эта мѣра, правда, была облечена въ форму соборнаго постановленія, но при Іоакимѣ почти всѣ „соборы" были келейными совѣщаніями, къ участію въ которыхъ допускались только угодныя ему лица. Ходатайство самого царя за Никона долго оставалось безуспѣшнымъ, и лишь въ 1681 г. Іоакимъ согласился на переводъ тяжко заболѣвшаго старика въ Воскресенскій монастырь. Никонъ уже не могъ выдержать переѣзда и скончался въ Толгскомъ монастырѣ подъ Ярославлемъ. Вѣроятно, въ Никонѣ Іоакимъ, очень ревниво оберегавшій свою власть, видѣлъ возможнаго соперника: былъ слухъ, что Полоцкій, вообще не ладившій съ Іоакимомъ, хотѣлъ замѣнить его Никономъ и съ этою цѣлью уговаривалъ царя учредить въ Россіи четыре новыя патріаршія каѳедры въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и Крутицахъ, Іоакима назначить въ Новгородъ, а Никона, съ титуломъ папы, въ Москву.

Нѣтъ сомнѣнія, что грекофильство Іоакима только прикрывало тенденцію, враждебную вообще всякому образованію; выступая противъ латинствующихъ въ вопросѣ о высшей школѣ, онъ добивался главнымъ образомъ сведенія къ возможному minimum'у „свободныхъ ученій", составлявшихъ неотъемлемую часть латинской программы, и отстраненія отъ школьнаго дѣла представителей кіевской науки. Медвѣдевъ, съ своей стороны, энергично отстаивалъ „академію" кіевскаго типа, надѣясь,вѣроятно, самъ занять мѣсто ректора, и уже завербовалъ для преподаванія въ ней нѣсколькихъ кіевскихъ ученыхъ. Неожиданный случай доставилъ ему возможность зарекомендовать себя, какъ ревностнаго защитника православія. Въ 1681 г. прибылъ въ Москву изъ Литвы привлеченный слухами объ учрежденіи академіи реформатскій проповѣдникъ Янъ Бѣлободскій, чтобы предложить свои услуги въ качествѣ профессора. Онъ относился очень свободно къ догматическимъ вопросамъ и не держался никакого опредѣленнаго вѣроученія, но ради про-

фессуры былъ готовъ принять православіе и даже монашество. Медвѣдевъ поспѣшилъ разоблачить его въ челобитной, поданной царю, и добился того, что его кандидатура была устранена. Не восторжествовало вполнѣ, однако, и то направленіе, сторонникомъ котораго былъ самъ Медвѣдевъ.

Уставъ академіи, выработанный, вѣроятно, еще Спмеономъ Полоцкимъ, былъ переданъ на просмотръ патріарху и подвергся измѣненію въ духѣ греческой партіи. Она внесла въ уставъ параграфъ, по которому отъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, ищущихъ преподавательскпхъ должностей, требовались рекомендаціи достовѣрныхъ благочестивыхъ людей, а безъ такпхъ рекомендацій они не принимались въ Академію, хотя бы и могли представить, въ удостовѣреніе своего православія, безупречныя съ церковной точки зрѣнія сочиненія. Медвѣдевъ не могъ исключить этотъ параграфъ, явно направленный противъ приглашенныхъ имъ кіевлянъ, но отвѣтилъ на ударъ, распространивъ въ окончательной редакціи устава требованіе правовѣрнаго ценза на грековъ.

Учителя, способные вести преподаваніе по кіевской программѣ, отстранялись отъ академіи, но самая программа была принята. По уставу въ академіи преподавались „всѣхъ свободныхъ ученій мудрости“: грамматика, пінтпка, риторпка, діалектика, философія разумительная (умозрительная), естественная (физика) и нравная (мораль), богословіе догматическое и нравственное, церковное и гражданское право, діалекты славенскій, греческій, латинскій и польскій. Учениками могли быть люди всякаго чина и возраста, но только православные; окончившіе курсъ успѣшно получали „приличные ихъ разуму чины“ и тѣ же права по службѣ, какія предоставлялись лицамъ благороднымъ. Управлялась академія профессорскою корпораціей съ блюстителемъ во главѣ. Корпорація рѣшала дѣла коллегіально, самостоятельно распоряжалась академическими капиталами и доходами и судила учащихся во всѣхъ случаяхъ, кромѣ уголовныхъ. Средства академіи составлялись изъ доходовъ съ приписанныхъ къ ней восьми монастырей и пожертвованныхъ царемъ дворцовой волости и десяти пустошей. Кромѣ земель, царь уступилъ ей еще на вѣчныя времена государственную библіотеку.

Академія была не только учебнымъ заведеніемъ: уставъ надѣлялъ ея учебный персоналъ чрезвычайно широкими полномочіями по разслѣдованію преступленій противъ религіи и духовной цензурѣ. Въ цѣломъ рядѣ параграфовъ очерчены полицейскія функціи и юрисдикція этого новаго трибунала по дѣламъ вѣры. Всѣмъ безъ исключенія запрещалось держать безъ разрѣшенія академіи домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, неученымъ людямъ—хранить у себя и читать книги польскія, латинскія, нѣмецкія, лютеранскія и кальвинскія; академія должна была уничтожать запретныя книги, а уличенные въ утайкѣ ихъ подвергались нещадному наказанію. Пріѣзжіе иноземцы принимались на службу только по испытаніи въ академіи,

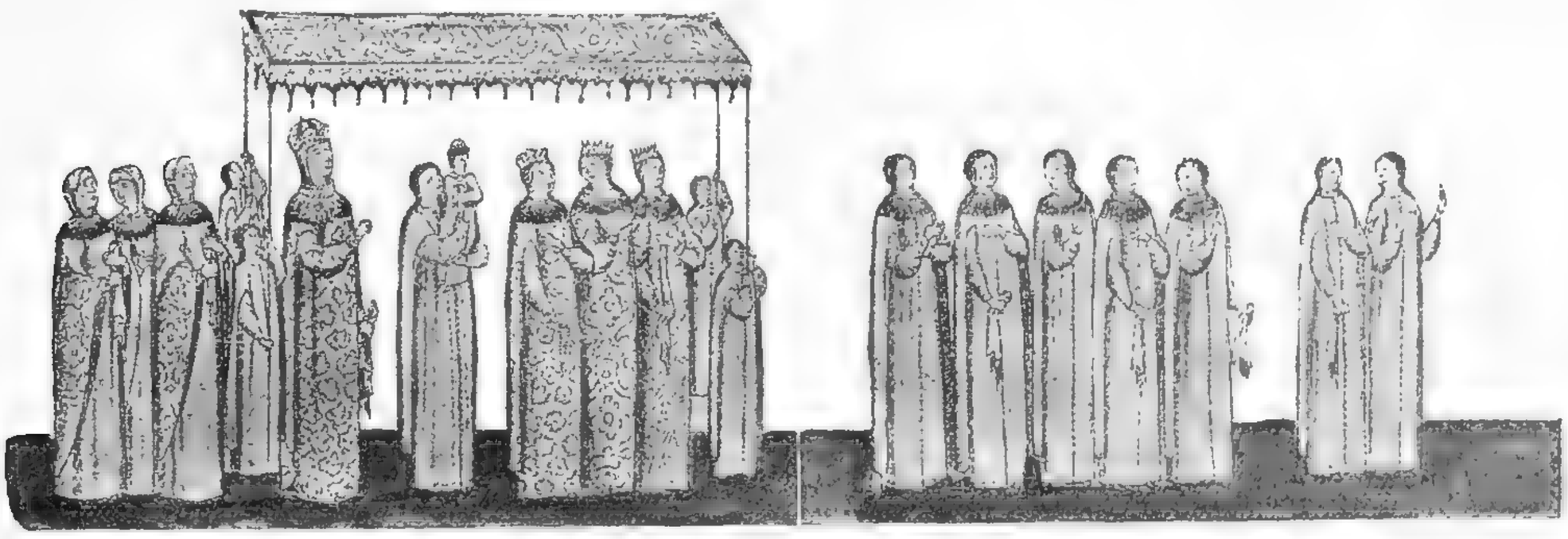
не получившіе ея одобренія высылались изъ Россіи. Академія выслѣживала людей, мутившихъ народъ спорами о вѣрѣ (имѣлись въ виду, вѣроятно, старообрядцы), и по ея доносамъ такіе „противники“ предавались суду „безъ всякаго помилованія“. Подъ надзоръ ея отдавались всѣ новообращенные въ православіе: нетвердые въ вѣрѣ ссылались на Кавказъ, явно отпавшіе отъ нея подвергались сожженію. Та же казнь грозила, по суду академіи, людямъ, изобличеннымъ въ храненіи астрологическихъ и чародѣйныхъ „богохульныхъ и богоненавистныхъ“ книгъ, хулѣ на православную вѣру и переходѣ изъ православія въ иновѣріе. Даже католики, принимавшіе въ Московскомъ государствѣ лютеранскую вѣру, наказывались ссылкою.

Трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ повиненъ въ этомъ перегруженіи академіи инквизиціонно-полицейскими функціями Іоакимъ съ его группоіі. Несомнѣнно, съ другой стороны, что его противники, Полоцкій и Медвѣдевъ, были не менѣе его одушевлены стремленіемъ создать въ видѣ новаго учебнаго заведенія сильный оплотъ официальной вѣры. Они были настолько дѣти своего вѣка, что не замѣчали внутренняго противорѣчія, которымъ страдало совмѣщеніе въ ихъ планѣ широкой учебной программы съ обязательной охраной религіознаго status quo. Академія, по буквѣ устава, являлась разсадникомъ „свободныхъ ученій“, но она же должна была безпощадно искоренять ихъ плоды внѣ своихъ стѣнъ; одной рукой она насаждала то, что разрушала другой. Это противорѣчіе приводило къ дилеммѣ, отъ рѣшенія которой невозможно было уклониться при практическомъ осуществленіи плана: приходилось или культивировать науку, т.-е. выйти изъ рамокъ московскаго религіознаго консерватизма, или пожертвовать знаніемъ и сосредоточить все вниманіе на охранительной задачѣ. Оба рѣшенія дилеммы, дѣйствительно, чередовались въ исторіи академіи, и не только академіи, но и вообще духовнаго просвѣщенія въ Россіи: періоды сравнительнаго оживленія научной мысли постоянно смѣнялись полосами воинствующаго обскурантизма.

При царѣ Ѳедорѣ академія не открылась и даже уставъ ея не былъ утвержденъ, но обѣ столкнувшіяся въ вопросѣ объ ея организаціи партіи получили возможность осуществить свои школьные проекты, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ. Медвѣдеву въ январѣ 1682 г. было разрѣшено открыть въ Заиконоспасскомъ монастырѣ школу, въ которой онъ сталъ обучать русской грамотѣ, латинскому языку и риторикѣ. Ученики его не разъ произносили передъ патріархомъ „ораціи“ въ торжественные дни. Школа была немноголюдна,—въ ней, повидимому, никогда не училось болѣе 23 чел. Іоакимъ, съ своей стороны, поручилъ устроить школу іеромонаху Тимоѳею, долго жившему на Востокѣ и хорошо изучившему греческій языкъ. Помощниками Тимоѳея были природные греки. Въ этой школѣ, устроенной при печатномъ дворѣ, преподавались только языки славянскій и греческій; она

пользовалась особымъ покровительствомъ Іоакима и съ каждымъ годомъ привлекала болѣе и болѣе учениковъ: въ 1684 г. въ ней обучалось уже 191 чел.—23 по-гречески и 168 по-славянски, въ 1686 г.—233 чел.—67 „греческаго писанія“ и 166—славянскаго.

Открывъ школу при типографіи, Іоакимъ не остановился на этомъ начинаніи, а обратился къ іерусалимскому патріарху Досиѳею, живо интересовавшемуся судьбою греческаго образованія въ Москвѣ, съ просьбой о присылкѣ грековъ-учителей. Досиѳей почему-то не спѣшилъ исполнить эту просьбу. Латинская партія между тѣмъ возобновила хлопоты объ открытіи академіи, конечно, разсчитывая прибрать ее къ своимъ рукамъ, и въ началѣ 1685 г. Медвѣдевъ поднесъ царевнѣ Софьѣ ея уставъ („привилегію“) съ прошеніемъ въ стихахъ объ утвержденіи его. Грекофилы вновь забили тревогу, обращая вниманіе общества на опасность, какой грозили чистотѣ



Выходъ царицы. (Изъ альбома Мейерберга).

вѣры происки латинствующихъ. Появилась статья, въ которой доказывалось, что „лучше россійскимъ людямъ учится греческаго языка, а не латинскаго“: въ ней были развиты высказанные уже ранѣе богословскіе, историческіе и филологическіе доводы въ пользу греческаго ученія и соображенія о вредѣ латинской школы, ведущей къ отпаденію отъ православной церкви. Заканчивалась статья горячимъ призывомъ къ „архипастырямъ и всѣмъ купно начальникамъ духовнымъ и мірскимъ“: „предразумѣвати, предваряти, премышляти и угашати молеими, ученми и запрещеими малую искру латинскаго ученія, не дати тѣй раздмитися и воскурятися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія растекся попалитъ и въ ничто же обратитъ православія восточнаго истину“.

Шансы іоакимовской партіи поднялись, когда въ мартѣ того же 1685 г. прибыли въ Москву такъ долго жданные учителя-греки. Это были братья Іоанникій и Софроній Лихуды, ученые монахи, воспитанники падуанскаго университета. Обстоятельства сложились такъ, что они не только сразу, безъ

всякихъ испытаній, были признаны вполнѣ правоспособными руководителями высшей богословской школы, но и стали духовными вождями московскихъ грекофиловъ: этимъ они были обязаны своему дѣятельному участію въ волновавшемъ московское церковное общество богословскомъ спорѣ, который отразилъ въ себѣ борьбу направленій кіевско-латинскаго и греческаго.

Споръ велся по вопросу о моментѣ пресуществленія св. даровъ въ литургіи вѣрныхъ. Латинствующіе, вслѣдъ за кіевскими богословами, утверждали, что пресуществленіе совершается при произнесеніи священникомъ словъ Христа: „пріимите, ядите“ и проч. Это было ученіе католическое; греческая церковь пріурочивала „совершительный“ моментъ евхаристіи къ молитвѣ священника: „сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего“ и проч. Латинствующіе, впрочемъ, въ этомъ случаѣ вовсе не составляли обособленной, отдѣлявшейся отъ массы церковнаго общества группы; католическое ученіе въ теченіе долгаго времени свободно распространялось въ Московской Руси, не встрѣчая никакого противодѣйствія со стороны церковной власти. Уже въ первой половинѣ XVII вѣка оно проникло сюда вмѣстѣ съ малорусской церковной литературой и скоро нашло себѣ мѣсто также въ учительныхъ и богослужебныхъ книгахъ, печатанныхъ въ Москвѣ съ одобренія патріарховъ. Симеонъ Полоцкій отъ лица московской церкви развивалъ его въ направленномъ противъ раскола сочиненіи Жезлъ правленія. Оно было внесено въ изданныя при самомъ Іоакимѣ богослужебныя книги, одна изъ которыхъ—чиновникъ архіерейскаго священнослуженія—разсматривалась соборомъ епископовъ и получила его одобреніе. Даже въ старообрядческой средѣ оно находило сторонниковъ. Популяризаціи его сильно способствовала обрядовая практика, съ которой оно было тѣсно связано. Въ Малороссіи вошло въ обычай, по примѣру католиковъ, творить поклоны при произнесеніи словъ: „пріимите, ядите“ и въ то же время звонить въ колокола. Этотъ обычай былъ занесенъ въ Московскую Русь пріѣзжими малороссами и москвичами, приглядѣвшимися въ западной Россіи къ тамошней православной и католической практикѣ, и быстро привился. Колокольный звонъ стали начинать во время чтенія символа вѣры и кончать послѣ произнесенія Христовыхъ словъ, которое сопровождалось поклонами передъ св. дарами; по словамъ Евфимія, не только въ церквахъ, но и повсюду — въ домахъ, въ пути, на торжищахъ — люди, заслышавъ этотъ звонъ, творили поклоны, думая и говоря, что кланяются тѣлу и крови Христовымъ.

Были, однако, начетчики, которыхъ шокировала новая практика и лежавшая въ основѣ ея теорія, и Лихуды, пріѣхавъ въ Москву, застали уже здѣсь оживленные дебаты по вопросу о моментѣ пресуществленія. Едва ли не первымъ разглядѣлъ новую, „хлѣбопоклонную“ ересь справщикъ Евфиміи. Лихуды тотчасъ послѣ пріѣзда были вовлечены въ споръ, и въ ихъ лицѣ сторона, отстаивавшая восточное ученіе о пресуществленіи, получила могу-

щественную опору. Въ мартѣ 1685 г. они имѣли случай развить это ученіе въ публичномъ преніи съ Бѣлободскимъ, защищавшимъ католическую теорію, и съ тѣхъ поръ ихъ авторитетъ для противниковъ латинской партіи сталъ непререкаемымъ. Медвѣдевъ по этому поводу съ горечью говорилъ о слѣпомъ довѣріи, съ какимъ московское духовенство относилось къ грекамъ: „Скажутъ они (греки): нынѣ у насъ такъ и такъ дѣлается,—и наши духовные, не справясь о томъ съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и съ уставами, сейчасъ же, какъ младенцы, уподобляющіеся учителямъ, весьма тщатся по слову грековъ поступать такъ же... Увы нашему такому неразумѣнію, надъ которымъ вся вселенная смѣется! Но не только она, а и сами тѣ нововыѣзжіе греки смѣются и говорятъ: Русь глупая, ничего не знающая. И не только говорятъ это, но и свиньями насъ называютъ, признаваясь: мы, куда хотимъ, туда и обратимъ этихъ духовныхъ, ибо видимъ, что сами они ничего не знаютъ и намъ, какъ безсловесные, во всемъ послѣдуютъ“. Очень вѣроятно, что ученые греки были именно такого мнѣнія о своихъ московскихъ поклонникахъ, и еще вѣроятнѣе, что тирада Медвѣдева направлена главнымъ образомъ по адресу Іоакима, котораго она, дѣйствительно, характеризуетъ очень мѣтко.

Полемика, въ началѣ устная, скоро была перенесена въ литературу. Медвѣдевъ написалъ, одно за другимъ, три сочиненія, въ которыхъ съ большимъ искусствомъ защищалъ латинскую теорію и критиковалъ мнѣнія противниковъ; кромѣ него, со стороны латинствующихъ въ литературной полемикѣ приняли участіе Аѳанасій, діаконъ дворцоваго Спасскаго собора, и кіевлянинъ игуменъ Иннокентій Монастырскій. Со стороны греческой партіи самымъ дѣятельнымъ и плодовитымъ полемистомъ явился Евфимій, за которымъ стояли Лихуды; сами они выпустили обширный полемическій трактатъ, переведенный на славянскій языкъ ихъ учениками. Обѣ партіи проявляли большую запальчивость и не скупились на рѣзкіе выпады и обличенія. Трудъ Лихудовъ былъ озаглавленъ: Акосъ или врачеваніе, противополагаемое ядовитымъ угрызеніемъ зміевымъ. Діаконъ Аѳанасій въ своихъ „тетрадяхъ“ осыпалъ противниковъ самыми энергичными бранными эпитетами, а Евфимій, тоже чрезвычайно несдержанный, отвѣчая на писанія Аѳанасія, обозвалъ ихъ „псонепстовымъ бреханіемъ“.

Полемика, веденная съ такою горячностью въ теченіе почти пяти лѣтъ (1685—1689 гг.), и притомъ по вопросу, имѣвшему близкое отношеніе къ церковной практикѣ, не могла не заинтересовать широкіе общественные круги. Самп спорящія стороны вели въ народѣ усиленную агитацію въ пользу своихъ воззрѣній: полемическія сочиненія распространялись во множествѣ списковъ, а Медвѣдевъ, не довольствуясь литературной пропагандой, ходилъ по домамъ, вербуя себѣ сторонниковъ, и устраивалъ въ своей кельѣ собесѣдованія, на которыя собирались люди всякаго званія. Дѣло дошло до

того, что, по словамъ Іоакима, пренія о пресуществленіи стали возникать повсюду,—въ бесѣдахъ, на пиршествахъ, на торжищахъ,—временно и безвременно, и участіе принимали въ нихъ не только мужчины, но и женщины и дѣти. Отмѣна, по распоряженію патріарха, благовѣста „къ словесамъ Христовымъ“ усилила возбужденіе массы, и одно время можно было опасаться народнаго движенія противъ духовныхъ властей.

Іоакимъ рѣшился тогда прибѣгнуть къ испытанному оружію всѣхъ „безсловесныхъ“ пастырей—твердой власти. Чтобы лишить латинскую партію въ Москвѣ моральной поддержки съ той стороны, откуда вышло защищаемое ею ученіе, онъ принудилъ малороссійскую церковь (подчиненную съ 1685 г. московскому патріархату) въ лицѣ ея іерарховъ, которымъ онъ пригрозилъ церковнымъ судомъ и отлученіемъ, осудить это ученіе. Расправиться съ Медвѣдевымъ было трудно, пока у власти стояла покровительствовавшая ему партія царевны Софьи. Но когда въ борьбѣ съ послѣднею одержалъ побѣду Петръ въ августѣ 1689 г., Іоакимъ, перебѣжавшій однимъ изъ первыхъ въ его лагерь, поспѣшилъ нанести рѣшительный ударъ своему врагу. Онъ предалъ анаѳемѣ Медвѣдева, котораго въ то же время восторжествовавшая партія сумѣла запутать въ процессъ Шакловитаго съ товарищами. Обвиненный въ козняхъ противъ Петра и патріарха, Медвѣдевъ былъ арестованъ, въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ тогда находился царь со своими приверженцами, подвергнутъ пыткѣ и осужденъ на смертную казнь. Только послѣ этого пришелъ чередъ церковнаго воздѣйствія на уже безгласнаго противника іоакимовскаго православія. Въ выпущенной побѣдителями пасквильной „повѣсти о разстригѣ, бывшемъ монахѣ, Сильверсткѣ“ разсказывается, что Медвѣдевъ послѣ увѣщанія отрекся отъ своего заблужденія и проклялъ всѣ книги, въ которыхъ оно содержалось; дѣйствительно, отъ его лица было составлено заявленіе въ этомъ смыслѣ, неподписанное, однако, имъ. Потомъ, уже въ началѣ 1690 г., подтасованный „соборъ“ въ кельяхъ Іоакима осудилъ сочиненія Медвѣдева и его единомышленниковъ, а кстати и цѣлый рядъ малорусскихъ книгъ, самого Медвѣдева опредѣлилъ подвергнуть церковному покаянію и пожизненной ссылкѣ подъ началъ въ отдаленный монастырь. Но этотъ приговоръ остался на бумагѣ: черезъ годъ Медвѣдевъ по новому извѣту опять былъ преданъ суду и послѣ пытки обезглавленъ въ Москвѣ. „Хлѣбопоклонная“ ересь была подавлена, и латинская партія замолкла, терроризованная демонстраціей силы авторитета, обычными органами котораго были, по мѣткому выраженію одного современника, „нѣмые учители, стоявшіе у дыбы, вмѣсто Евангелія огнемъ просвѣщавшіе, вмѣсто Апостола кнутомъ учившіе“.

Мы остановились на спорѣ о времени пресуществленія потому, что всѣ перипетіи его хорошо характеризуютъ атмосферу, въ которой должна была создаваться высшая богословская школа. Послѣ дебюта Лихудовъ въ этомъ

споръ патріархъ не колеблясь довѣрилъ имъ просвѣщеніе юношества, и въ концѣ 1685 г. они уже учили въ школѣ, устроенной на первыхъ порахъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Китаѣ-городѣ. Въ слѣдующемъ 1686 г. въ ней уже насчитывалось 33 ученика; преподавались языки латинскій и греческій. Между тѣмъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ начали строить каменное зданіе для академіи, которое было готово въ октябрѣ 1687 г. Въ новое помѣщеніе перевели вмѣстѣ съ учениками богоявленской школы всѣхъ учениковъ типографскаго училища, и тогда же, вѣроятно, въ академію поступили многіе изъ обучавшихся у Медвѣдева, вынужденнаго прекратить преподаваніе. Всего набралось въ академіи 76 чел. учащихся, но потомъ число ихъ стало сокращаться: въ 1688 году ихъ было 64, къ концу 1689 г.—только 54. Зато росло число учениковъ „русской школы“ при Академіи, приготовительнаго класса съ преподаваніемъ славянской грамоты,—въ немъ обучалось въ 1689 г. 127 чел. Въ соціальномъ отношеніи составъ учащихся былъ самый пестрый: наряду съ лицами духовнаго чина и шляхетствомъ, даже членами титулованныхъ фамилій, какъ Одоевскіе, Голицынъ, тутъ были сыновья тяглыхъ людей и холоповъ. Ученики академіи получали отъ казны денежное жалованье, по 4 деньги въ день, ученикамъ русской школы отпускалось только продовольствіе съ патріаршаго двора, притомъ въ самомъ скудномъ размѣрѣ. Вообще средства новаго учебнаго заведенія были невелики: земель, посуленныхъ ему въ „привилегіи“, оно не получило и должно было обходиться выдачами изъ суммъ патріаршаго казеннаго приказа.

Въ академіи было три класса или, по тогдашней терминологіи, „школы“—suprema, media, infima,—въ каждой школѣ два отдѣленія. Лихуды одни преподавали всѣ предметы въ академіи, а русскою школой завѣдывали „старосты“ изъ старшихъ учениковъ. Намѣченная въ уставѣ программа, обнимавшая всѣ свободныя ученія школы латинскаго типа, не была осуществлена, но Лихуды не ввели и специфически-греческой программы по той простой причинѣ, что ея не знало ни одно изъ существовавшихъ въ то время учебныхъ заведеній. Они удовольствовались обрывками первоначальной программы и даже допустили латинскій языкъ въ качествѣ языка преподаванія. За семь лѣтъ ихъ учебной дѣятельности въ академіи проходились: греческій языкъ, риторика, логика, физика и піитика; богословіе совсѣмъ не читалось. Грамматика и піитика преподавались на греческомъ языкѣ, остальные предметы—на греческомъ и латинскомъ. Изъ учебниковъ, составленныхъ Лихудами, видно, что ихъ курсы носили вполнѣ схоластическій характеръ и стояли на уровнѣ средневѣковыхъ научныхъ воззрѣній. Главнымъ научнымъ авторитетомъ для Лихудовъ былъ царившій въ средневѣковой наукѣ Аристотель: „мы,—говорятъ они въ предисловіи къ учебнику физики,—намѣрены слѣдовать Аристотелю потому, что уже нѣсколько вѣковъ всѣ почти академіи избрали его какъ бы вождемъ и главою филосо-

фіи“. Уже это одно заявленіе достаточно обрисовываетъ ихъ научное направленіе: физика у нихъ—не базирующаяся на опытѣ и наблюденіи наука, а отдѣлъ философской системы, ученіе о природѣ, выведенное изъ основныхъ положеній этой системы. Ученія о матеріи и формѣ, стихіяхъ, о причинахъ матеріальной, формальной, дѣйствующей и конечной, о движеніи, дѣйствіи и страданіи,—вотъ къ чему сводится все содержаніе лихудовскаго курса физики. Въ изложеніи господствовали схоластическіе пріемы, отличавшіеся крайнимъ педантизмомъ. Риторика состояла изъ пяти отдѣловъ: „обрѣтеніе, изложеніе, красноглаголаніе, память и произношеніе“, а отдѣлы дробились на подотдѣлы, изъ которыхъ каждый въ свою очередь распадался на множество рубрикъ. Насчитывалось, напримѣръ, шестнадцать видовъ „внутреннихъ заданій“: „опредѣленіе, исчисленіе частей, этимологія или знаменованія, сопряженія, родъ, видъ, употребленіе, противная, припряженія, предыдущая (или прежняя), послѣдующая, противоборящаяся, вины, апотелесмата или дѣла и сравненіе“. Это—терминологія русскаго перевода курса Лихудовъ; подлинникъ,—Лихуды читали риторику по-гречески и по-латыни,—былъ, конечно, еще менѣе доступенъ пониманію учениковъ. Діаконъ Аѳанасій, вѣроятно, преувеличивалъ, увѣряя въ своемъ памфлетѣ, что они „иноземческому языку весьма непотребны“, но едва ли все-таки лингвистическія познанія ихъ были настолько солидны, чтобы они могли многому научиться у своихъ профессоровъ. Схоластическая форма изложенія тоже, несомнѣнно, крайне затрудняла усвоеніе школьной науки людямъ, не привыкшимъ ни къ какимъ отвлеченностямъ, ни имѣвшимъ даже въ своемъ языкѣ словъ для выраженія ихъ. При всемъ томъ, однако, изъ академіи вышло нѣсколько недурныхъ переводчиковъ и даже педагоговъ, но это были исключенія. Лучше всего, повидимому, давалась ученикамъ прикладная, такъ сказать, риторика, искусство составлять „орації“, которое культивировалось особенно тщательно, потому что только имъ школа могла блеснуть передъ малограмотными духовными властями въ родѣ Іоакима или его преемника Адріана. Орації или „рацеи“, произносившіяся студентами патріарху въ торжественные дни, были для академіи и средствомъ рекламы, и источникомъ заработка, носившаго названіе „славленаго“.

Въ 1694 г. Лихуды были вынуждены покинуть академію. Главною причиною ихъ удаленія была кампанія, которую повелъ противъ нихъ патріархъ Досиѳей, разссорившійся съ ними изъ-за ихъ столкновеній съ проживавшими въ Москвѣ греками. Въ посланіяхъ къ самимъ Лихудамъ и къ московскому патріарху Досиѳей клеймилъ ихъ поведеніе въ Москвѣ и сурово осуждалъ постановку преподаванія въ академіи, гдѣ они ввели латинскій языкъ и вмѣсто того, чтобы учить грамматикѣ, „забавлялись около физики и философіи“. Эти обличенія, конечно, имѣли должное дѣйствіе на московскую духовную власть, для которой „свободныя ученія“ были своего рода „жупеломъ“.

Послѣ ухода Лихудовъ академія быстро пришла въ полный упадокъ. Учителями были назначены недоучившіеся студенты, по необходимости ограничившіеся преподаваніемъ одной грамматики; вмѣстѣ съ тѣмъ средства на содержаніе учебнаго заведенія, о которомъ никто уже не заботился, изсякли, и самое помѣщеніе его стало разрушаться,—печи развалились, потолки падали. Въ такомъ видѣ академія вступила въ XVIII столѣтіе, демонстрируя безсиліе греческой или, точнѣе, старомосковской партіи создать школу, удовлетворяющую своему назначенію. Уровень преподаванія удалось нѣсколько поднять Палладію Рогову (или Роговскому), завѣдывавшему академіей въ 1700—1703 гг., но это уже былъ представитель гонимаго до тѣхъ поръ направленія—латинскаго. Онъ получилъ образованіе въ католической школѣ въ Европѣ и могъ учить только по-латыни. Стефанъ Яворскій, назначенный „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола“ по смерти Адріана, довершилъ преобразованіе академіи, замѣстивъ преподавательскія должности вызванными изъ Кіева учеными, которые ввели кіевскую программу. Съ этого времени открылся новый періодъ въ жизни академіи,—періодъ исключительнаго господства латинскаго элемента, затянувшійся до послѣдней четверти XVIII вѣка.

В. Нечаевъ.

Внѣшняя политика Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

I. Принципы политики.

Правительство царя Михаила не сумѣло, да и не имѣло средствъ ликвидировать наслѣдіе „великой разрухи“ въ области внѣшней политики. Захваченная во время Смуты территорія оставалась въ рукахъ враговъ. Правительству царя Алексѣя приходилось имѣть дѣло съ тѣми же врагами, доканчивать дѣло, неудачно начатое его отцомъ, возвратить отнятыя земли и тѣмъ поднять престижъ новой династіи, еще не окрѣпшей на престолѣ. На первомъ планѣ стояли отношенія къ Польшѣ. Московское правительство начинало смотрѣть на Польшу глазами Ивана III и Василія III. Оно предполагало не только вернуть Смоленскъ и Сѣверскую область, но и докончить возсоединеніе Литовской Руси съ Русью сѣверо-восточной, подвести итоги давно начавшемуся процессу, только на время задержанному Смутой. Москва хотѣла обладать юго-западными и сѣверо-западными обла-

стями отнюдь не по національнымъ и религіознымъ только условіямъ Этого требовали и интересы сословной политики, и интересы торгово-промышленнаго класса и народнаго хозяйства, уже нѣсколько оправившагося и окрѣпнувшаго отъ Смуты къ срединѣ вѣка. Отнятіе у Польши русскихъ областей повело бы къ прекращенію политической самостоятельности Польши и ея экономическому разоренію. Поэтому понятно и то упорство, съ какимъ поляки отстаиваютъ неприкосновенность своей территоріи, и та настойчивость, съ какой московское правительство добивалось осуществленія своихъ предположеній.

И само московское правительство и торгово-промышленные классы давно искали выхода къ морю. Веденіе торговли черезъ Архангельскъ было, конечно, въ силу климатическихъ условій очень затруднительнымъ, да къ тому же такая внѣшняя торговля вся находилась въ рукахъ иностранцевъ—англичанъ. Пользуясь своими привилегіями, англичане являлись хозяевами рынка, держали цѣны на той высотѣ, на какой имъ наиболѣе было желательно, сводя на-нѣтъ участіе во внѣшней торговлѣ нашего торгово-промышленнаго класса; недовольство послѣдняго росло все болѣе и болѣе. Отмѣна привилегіи являлась ближайшей задачей сословной политики; добиться ея удалось только послѣ казни Карла I. Но отмѣна привилегіи — это еще не раскрѣпощеніе отъ иностранцевъ. Для этого нуженъ выходъ къ морю, гавань на Балтійскомъ морѣ, которымъ владѣли и изъ-за котораго соперничали Польша, Швеція и Данія. Пріобрѣсти ее можно было только послѣ упорной войны со Швеціей и Польшей. Интересы того же класса требовали и національнаго возсоединенія. Владѣя рѣчными дорогами—по Днѣпру и Двинѣ, торгово-промышленный классъ могъ бы расширить свои торговыя операціи и накоплять необходимый для него капиталъ. Съ этой стороны всякій территоріальный захватъ долженъ былъ встрѣтить активное одобреніе купечества.

П. И. Потемкинъ, русскій посолъ въ Англіи. (Оружейная Палата).

Захватъ литовско-русской территоріи вполнѣ совпадалъ съ экономической политикой московскаго правительства. Юго-западныя и сѣверо-западныя области представляли собой довольно лакомую добычу, въ особенности

поднѣпровскія и подвинскія пространства, сплошь покрытыя лѣсомъ, обильныя пушнымъ звѣремъ и всякаго рода лѣсными „ухожаями“. Всѣ эти лѣса почти сплошь были королевскими доменами, и ихъ эксплоатація давала немалый доходъ государевой казнѣ. Немало доменовъ было разбросано и въ западныхъ областяхъ Литвы, гдѣ была достаточно развита сельско-хозяйственная культура, спеціально предназначенная для заграничнаго экспорта. Захватъ этой территоріи увеличилъ бы рессурсы государевой казны и далъ бы возможность увеличить численность военно-служилаго класса, благодаря обилію земельныхъ пространствъ. Вниманіе военно-служилаго класса было сосредоточено на юго-западныхъ областяхъ, о богатствѣ которыхъ оно давно слышало и въ которыхъ преобладала сельско-хозяйственная культура, и только въ пограничныхъ земляхъ пока царило промысловое хозяйство, вслѣдствіе постоянныхъ и неожиданныхъ нападеній татаръ. Захватъ Украйны прекратилъ бы бѣгство крестьянъ, укрѣпилъ бы сложившійся институтъ крѣпостного права, удовлетворилъ бы земельный голодъ военно-служилаго класса. Казалось, именно это время и было наиболѣе подходящимъ для удовлетворенія всѣхъ этихъ сословныхъ требованій. Вся Украйна превратилась въ казачество. Все поднялось противъ „пана“ во имя свободы. Оставалось только быть насторожѣ, внимательно слѣдить за неизбѣжно развивавшимися событіями, чтобы въ соотвѣтствующій моментъ въ нихъ вмѣшаться и прибрать Украйну къ своимъ рукамъ... Хмельницкій, выдвинутый народной массой, былъ не въ силахъ отстоять украинскую территорію. Татары были союзники непадежные, да и сама Украйна была для нихъ подходящей добычей въ ихъ постоянныхъ набѣгахъ. Хмельницкій прекрасно понималъ непрочность своего положенія и невозможность утвердить новый строй на Украйнѣ собственными силами. Отсюда его поиски союзниковъ и протекціи. Конечно, съ точки зрѣнія украинскаго общества, тому и другому больше всего удовлетворяло Московское государство. Единство расы, вѣры, общность враговъ,— все это говорило въ пользу Москвы. Но на Украйнѣ не скрывали и отрицательныхъ сторонъ обращенія къ Москвѣ, хорошо зная ея централистическую политику. И только необходимость, къ величайшему удовольствію московскихъ политиковъ, заставила Хмельницкаго вступить съ Москвой въ дипломатическіе переговоры.

II. Москва и Украйна.

Дипломатическія сношенія Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ начались очень рано. Словно чувствуя свою слабость и неувѣренность въ конечномъ исходѣ поднятаго движенія, Хмельницкій въ началѣ 1649 года отправилъ въ Москву чигиринскаго полковника Ѳедора Вешняка, который долженъ былъ передать царю Алексѣю просьбу гетмана, чтобы

Шереметевъ. Посольскій дворъ XVII вѣка. Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

„царское величество, правдивый и православный государь, былъ надъ нами царемъ и самодержцемъ“ [1]). Такая просьба Хмельницкаго отнюдь не выражала его настоящихъ плановъ, а была только ловкимъ дипломатическимъ пріемомъ, при помощи котораго онъ надѣялся втянуть Москву въ войну съ Речью Посполитой.

Украинскаго посла ласково встрѣтили въ Москвѣ, но дали неопредѣленный отвѣтъ, ссылаясь на вѣчный миръ съ Польшей. Московское правительство соглашалось принять гетмана и все запорожское войско подъ царскую руку только при условіи, „чтобы королевское величество тебя гетмана и все запорожское войско учинитъ свободными безъ нарушенія вѣчнаго докончанія съ нами“ [2]). При этомъ совершенно упустили изъ виду, что при подобномъ положеніи дѣлъ на Украйнѣ едва ли гетманъ согласился бы повторить свою пріятную московскому правительству просьбу. Впрочемъ, правительство царя Алексѣя и не могло дать иного отвѣта. Было бы слишкомъ рискованнымъ шагомъ начинать войну съ поляками, когда еще не опредѣлились силы обоихъ противниковъ. Къ тому же, и внутреннія смуты 1648—1649 гг. заставляли правительство быть осторожнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ относительно предложенія украинскаго вождя и воздерживаться отъ всякихъ агрессивныхъ выступленій.

Гетманъ Богданъ Хмельницкій.
Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Какъ разъ въ это время Хмельницкій заключилъ съ поляками Зборовскій трактатъ, и временно положеніе Украйны измѣнилось. Украинскому вождю не имѣло въ данное время никакого смысла обращаться въ Москву

[1]) Костомаровъ, „Полное собраніе сочиненій“, т. X, стр. 354.
[2]) А. Ю. и З. Р., т. III, стр. 321.

съ просьбой о подданствѣ. Скорѣе ему хочется показать на каждомъ шагу свою силу, свое значеніе. Въ Москвѣ чувствовали себя неспокойно. Боялись и набѣговъ татаръ, союзниковъ гетмана, не хотѣли потерять Украйну, на которую давно съ завистью смотрѣлъ господствующій правительствующій классъ Москвы. Приходилось теперь московскому правительству возобновить дипломатическія сношенія съ торжествующимъ гетманомъ. Подъ видомъ разрѣшенія пограничныхъ недоразумѣній, путивльскій воевода послалъ къ гетману двухъ пословъ. Цѣль посольства — ознакомленіе съ настроеніемъ Украйны.

Хмельницкій встрѣтилъ ихъ бранью и угрозами пойти на Московское государство за то, что царь „не учинилъ намъ помощи на поляковъ ратными людьми“. Но онъ прекрасно понималъ непрочность создавшагося положенія въ Украйнѣ и, конечно, считалъ для себя мало выгоднымъ гнѣвъ московскаго правительства. Вотъ почему, одновременно, онъ отвѣчаетъ письмомъ на жалобы путивльскаго воеводы съ просьбой не сердиться на виновника пограничныхъ недоразумѣній и заявляетъ, что имъ уже отданъ приказъ заплатить за причиненные убытки. Въ такомъ же тонѣ былъ посланъ отвѣтъ и воеводѣ Брянскому—кн. Мещерскому, тоже жаловавшемуся на пограничныя недоразумѣнія. Желая миромъ покончить съ пограничными недоразумѣніями, гетманъ заодно хочетъ представить себя чуть ли не спасителемъ Московскаго государства: „говорилъ мнѣ крымскій ханъ, чтобъ итти мнѣ заодно съ нимъ Московское государство воевать, но я Московское государство воевать не хочу, и крымскаго царя уговорилъ, чтобъ Московское государство не воевать“. Такими отвѣтами гетмана было довольно московское правительство. Оно прекрасно поняло настоящее положеніе Хмельницкаго и фиктивность его силы. Теперь нечего было опасаться татарско-казацкихъ набѣговъ, и въ Москвѣ нашли своевременнымъ послать къ гетману посланника для опредѣленія и настроенія Украйны, и политики гетмана. Правительство сочло цѣлесообразнымъ черезъ своего посланника Неронова поблагодарить за „службу и радѣніе“ и упомянуть, чтобы гетманъ и „впредь за православную вѣру стоялъ, царскому величеству служилъ, служба ваша въ забвеніи не будетъ“. Такъ намеками передавалъ посланникъ затаенную мысль московскаго правительства о присоединеніи Украйны къ Москвѣ.

Пока шли дипломатическіе переговоры между Москвой и гетманомъ, выяснилась непрочность Зборовскаго трактата. Чувствовалось приближеніе новой войны, противники вооружались. И московское правительство насторожилось. Не думая пока объ активной помощи Хмельницкому, оно въ то же время хотѣло узнать настроеніе польскаго правительства и потребовать отъ него отвѣта на нѣкоторыя свои заявленія, чтобы, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, имѣть поводъ къ разрыву дипломатическихъ сношеній и къ вмѣшательству въ борьбу, если того потребуетъ соотношеніе силъ на театрѣ войны.

Съ этой цѣлью въ началѣ 1650 г. былъ посланъ въ Варшаву боярин Гаврила Пушкинъ съ товарищами. Послы потребовали отъ польскаго правительства наказанія всѣхъ тѣхъ, кто неправильно писалъ титулъ великаго государя. Правительство польское ограничилось обѣщаніемъ наказать всѣхъ виновныхъ на первомъ сеймѣ. Затѣмъ московскій посолъ заговорилъ о другомъ требованіи его правительства. Вопросъ шелъ о „безчестныхъ“ книгахъ, печатаемыхъ въ Польшѣ и распространяемыхъ въ Московскомъ и сосѣднихъ государствахъ. Посолъ требовалъ, „чтобы всѣ безчестныя книги были собраны и сожжены въ присутствіи пословъ, чтобы не только слагатели ихъ, но и содержатели типографій, гдѣ онѣ были напечатаны, наборщики и печатальщики, а также и владѣльцы мѣстностей, гдѣ находились типографіи, были казнены смертью“. Конечно, польское правительство не могло дать требуемаго удовлетворенія, и московскіе дипломаты въ отвѣтъ грозили отъѣздомъ и перерывомъ въ переговорахъ. Впрочемъ, дипломаты соглашались продолжать переговоры и даже заключить вѣчный миръ, если поляки возвратятъ Москвѣ Смоленскъ со всѣми городами и заплатятъ за безчестье 60.000 червонныхъ злотыхъ. Чтобы подкрѣпить свое требованіе болѣе сильнымъ аргументомъ и подчеркнуть затруднительность положенія Рѣчи Посполитой, Пушкинъ сообщилъ, что „черкасскій гетманъ... прислалъ къ великому государю бить челомъ, чтобы принялъ его со всѣми городами подъ свою высокую руку, потому что Запорожскіе черкасы православной вѣры и отъ государя вашего и отъ всей Рѣчи Посполитой за вѣру всегда въ гоненіи пребываютъ и смертно страждутъ“.

Переговоры, конечно, кончились ничѣмъ. Для Рѣчи Посполитой было ясно, что Москва ищетъ повода къ войнѣ и что послѣдняя неминуема въ виду стремленія Москвы прибрать къ своимъ рукамъ Украйну. Московское же правительство въ уступчивости поляковъ увидѣло признакъ ихъ слабости. Такъ подготовлялась почва для разрыва дипломатическихъ сношеній между двумя сосѣдями—постоянными антогонистамп. Пока шли переговоры съ поляками, надъ Москвой собирались грозовыя тучи. Татары предлагали полякамъ и Хмельницкому напасть на Москву. Такое предложеніе открывало полякамъ широкія перспективы и давало нѣкоторую надежду на возможность улучшенія внѣшняго положенія Рѣчи Посполитой, но зато оно не соотвѣтствовало планамъ Хмельницкаго. Конечно, послѣдній не могъ ни желать, ни содѣйствовать ослабленію Москвы, которую онъ имѣлъ въ виду использовать для нуждъ украинскаго народа и для свой личной славы. Хмельницкій, по своему обыкновенію, далъ двусмысленный отвѣтъ и даже сталъ готовиться къ войнѣ, впрочемъ, не говоря, для какого похода онъ дѣлаетъ нужныя приготовленія. Одновременно съ приготовленіями къ войнѣ Хмельницкій послалъ въ Москву гонца съ сообщеніемъ о дѣлаемыхъ приготовленіяхъ, а также и съ увѣреніемъ въ дружбѣ. Посольство Хмельницкаго стало скоро извѣстно

полякамъ, и они сочли нужнымъ нанести гетману болѣе сильный ударъ его же оружіемъ. Въ концѣ 1650 года въ Москву прибылъ королевскій посолъ Альбертъ Пражмовскій съ предостереженіями противъ Хмельницкаго, такъ какъ послѣдній „съ бунтовщиками, своевольными людьми, разлакомясь кровью христіанской и своими воровскими прибытками, соединился съ крымскимъ ханомъ, который ссылается съ нимъ, чтобы былъ готовъ идти воевать Московское государство“. Московское правительство приняло къ свѣдѣнію сообщеніе королевскаго посла и ограничилось въ своемъ отвѣтѣ ссылкой на то, „что король обязанъ подданныхъ своихъ, запорожскихъ черкасъ отъ своевольства унимать, а если королевское величество подданныхъ своихъ... не уйметъ, то это будетъ вѣчному докончанію нарушеніе со стороны вашего государя... а крымскія рати... не страшны, и на Украйнѣ противъ нихъ у царскаго величества люди готовы“. Между тѣмъ Украйна опять начала волноваться. Непрочность Зборовскаго трактата стала очевидной. И поляки не желали слѣдовать точному его смыслу, да и Хмельницкій не могъ выполнить нѣкоторыхъ его статей, не рискуя навлечь на себя народную ненависть. Началась кровопролитная народная война. Военныя дѣйствія складывались не въ пользу Хмельницкаго. Хмельницкій, конечно, зналъ о земскомъ соборѣ, собравшемся въ Москвѣ 19 февраля 1651 года, и объ отношеніи московскаго правительства и общества къ украинскому вопросу, тѣмъ не менѣе онъ послѣ пораженія подъ Берестечкомъ снова вступилъ въ переговоры съ московскимъ правительствомъ. Переговоры ведутся довольно осторожно, но зато заявленія, дѣлаемыя Хмельницкимъ, болѣе категоричны и рѣшительны. Уже въ іюнѣ 1651 года два грека, бывшіе при Хмельницкомъ, хлопотали о сближеніи гетмана съ царемъ, указывая ему на необходимость оказать Украйнѣ помощь ратными людьми—въ противномъ случаѣ Москвѣ угрожаетъ война съ татарами. Впрочемъ, греки не только предостерегали московское правительство. Они передавали свои разговоры съ Хмельницкимъ о „единомъ державствѣ“ и утверждали, что гетманъ этому былъ бы очень радъ. Если этого до сихъ поръ не случилось, виновато само правительство, ибо гетманъ посылаетъ къ великому вашему царствію о соединеніи, а великое ваше царство то ставитъ въ посмѣхъ. И Выговскій говорилъ о томъ же съ подьячимъ Григоріемъ Богдановымъ, чтобъ „великій государь непремѣнно всю Малую Русь теперь принять изволилъ, потому что всѣ единогласно молятъ Бога и хотятъ быть подъ его государскою великою рукою, и съ тѣхъ городовъ, съ мѣщанъ и со всякихъ чиновъ людей и съ ихъ торговыхъ и другихъ всякихъ промысловъ будетъ царской денежной казнѣ большая прибыль“.

Подобнаго рода увѣренія не производили на московское правительство никакого впечатлѣнія. Правительство не вѣрило Хмельницкому и не было вполнѣ увѣрено въ своихъ силахъ, да къ тому же и внутри страны далеко не все было спокойно.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

По старинной (нѣмецкой) гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцовскій музей).

Потерявъ надежду на московскую помощь, Хмельницкій вступаетъ въ переговоры съ поляками, и 17 сентября 1651 г. въ Бѣлой Церкви былъ подписанъ новый договоръ. Условія его были менѣе благопріятны для Украйны, чѣмъ статьи договора подъ Зборовымъ. Согласно договору — численность реестроваго войска опредѣлялась въ 20.000. Реестровые могли находиться только въ королевскихъ имѣніяхъ, въ воеводствѣ Кіевскомъ. Территорія самоуправляющейся Украйны суживалась до размѣровъ одного воеводства— Кіевскаго, въ предѣлахъ котораго не могло стоять коронное войско. Гетманъ лишается права вступать въ сношенія съ ордой и иностранными государствами. Конечно, и Бѣлоцерковскій трактатъ не могъ дать Украйнѣ желательнаго успокоенія. Онъ разбивалъ политическія мечты украинскаго общества и возвращалъ крестьянство, не попавшее въ реестръ, на старыя мѣста, въ крѣпостную неволю. Всѣ смотрѣли на трактатъ, какъ на временное перемиріе. Объ этомъ открыто говорили и Хмельницкій, и лица, окружавшія его. Но начинать войну опять одному или въ союзѣ съ вѣроломными татарами было, конечно, невозможно. Разгромъ Польши и осуществленіе политическихъ мечтаній Хмельницкаго были бы возможны только въ союзѣ съ Москвой, и съ этого момента все вниманіе гетмана сосредоточено на Москвѣ. Его мысль вѣчно занята вопросомъ, цѣною какихъ усилій, какой жертвы пріобрѣсти военную поддержку Москвы. И, думая объ этомъ, Хмельницкій не сбирался отказываться отъ политическихъ стремленій украинскаго общества—автономіи Украйны, хотя въ своихъ сношеніяхъ съ царемъ и не считалъ нужнымъ объ этомъ говорить, ссылаясь иносказательно на права и вольности украинскаго народа.

Въ Москвѣ, конечно, были освѣдомлены о положеніи гетмана и настроеніи украинскаго народа и прекрасно понимали, насколько текущій моментъ благопріятенъ для присоединенія Украйны. Ослабленная и разбитая Украина, конечно, не будетъ торговаться и приметъ всѣ условія Москвы. Таково было настроеніе московскаго правительства. Осуществленіе на дѣлѣ условій Бѣлоцерковскаго трактата заставляло Хмельницкаго торопиться съ выясненіемъ своихъ отношеній къ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что самъ украинскій народъ убѣгалъ въ предѣлы Московскаго государства, основывая села и мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырку и двигаясь дальше вглубь степи, по рѣкамъ Донцу, Харькову, Коломаку, и тѣмъ самымъ связывалъ крѣпкими нитями оба народа. О своемъ желаніи служить московскому царю Хмельницкій не разъ говорилъ черезъ своихъ посланцевъ, но правительство царя Алексѣя пока молчало. Въ мартѣ 1652 года въ Москву прибылъ посолъ отъ гетмана—Искра, съ просьбой „чтобъ его царское величество держалъ запорожское войско въ своемъ милостивомъ жалованіи и принялъ подъ свою крѣпкую руку“, да кстати и сообщить объ „утѣсненіяхъ“ отъ поляковъ. Правительство, выслушавъ сообщенія Искры, ограничилось лишь предложеніемъ переселиться

въ степныя пространства Московскаго государства—„по рѣкамъ Донцу, Медвѣдицѣ и другимъ ухожимъ и пространнымъ мѣстамъ“. Конечно, такой ничего незначащій отвѣтъ не могъ удовлетворить украинцевъ, а московское правительство словно нарочно держалось такой выжидательной политики, желая довести Украйну до полнаго отчаянія. Между тѣмъ Бѣлоцерковскій трактатъ былъ обѣими сторонами нарушенъ. Народная масса не желала возвращаться къ помѣщикамъ и была воинственно настроена. Поляки, видя тяжелое положеніе Хмельницкаго, заботились лишь объ обостреніи существующихъ отношеній, чтобы, воспользовавшись неурядицами на Украйнѣ, разгромить возставшихъ и покончить разъ навсегда съ казачествомъ. Начались вооруженныя нападенія съ обѣихъ сторонъ, и скоро вся Украйна запылала огнемъ. Положеніе Хмельницкаго стало прямо невозможнымъ. Украинскій народъ возсталъ противъ поляковъ и самого „батьки“—гетмана. Вопреки Бѣлоцерковскому договору Хмельницкій снова заключилъ союзъ съ татарами. Сеймъ объявилъ посполитое рушеніе. Казачество и польское войско столкнулись на берегу Буга, у Батоги, гдѣ гетманъ Калиновскій пытался преградить дорогу сыну Хмельницкаго, отправлявшемуся въ Молдавію за невѣстой. Столкновеніе окончилось полнымъ пораженіемъ поляковъ, но положеніе дѣлъ на Украйнѣ оставалось почти безъ измѣненія.

Народная масса не вѣрила Хмельницкому, да и союзники татары готовы были разорвать съ нимъ союзныя отношенія. Татары жаждали добычи и хотѣли ограбить Польшу. Хмельницкій, все еще надѣясь на возможность установленія modus'a vivendi съ поляками, удерживалъ татаръ отъ набѣговъ. Однако всѣ эти планы политика-гетмана были уничтожены набѣгомъ Чарнецкаго на Украйну.

Украйна была вся объята пламенемъ и разорена. Переговоры Хмельницкаго съ поляками не дали никакихъ результатовъ. Поляки злорадствовали, видя, въ какомъ положеніи очутился Хмельницкій, и готовились однимъ ударомъ нанести пораженіе гетману и всему запорожскому войску. Они продолжали наступать на Хмельницкаго, сознавшаго полную невозможность дальнѣйшаго продолженія войны. Тогда Хмельницкій рѣшилъ повторить свои просьбы московскому правительству о принятіи войска запорожскаго подъ „высокую“ руку, и въ апрѣлѣ 1653 года для этой цѣли прибыли отъ гетмана въ Москву послы—Кондратъ Бырляй и Силуанъ Мужиловскій. Свои просьбы о принятіи Украйны „подъ государеву высокую руку“ посланники гетмана подкрѣпили ссылкой на то, что и турецкій султанъ и крымскій ханъ неоднократно звали ихъ „къ себѣ въ подданство“, но они въ томъ отказали, что они, „мимо великаго христіанскаго государя царя, къ бусурманамъ въ подданство итти не хотятъ“. Впрочемъ, это посольство нѣсколько запоздало съ своими просьбами. Московское правительство прекрасно понимало невозможность дальнѣйшаго пассивнаго отношенія къ украинскому вопросу, и,

обсудивъ положеніе дѣлъ на засѣданіи Боярскоі Думы, 22 февраля 1653 года, рѣшило вопросъ въ желательномъ для Украйны смыслѣ. Начались приготовленія къ новоі польскоі войнѣ. Чтобы имѣть законное основаніе нарушить „вѣчное докончаніе“, въ апрѣлѣ были посланы въ Польшу полномочные послы: бояринъ князь Б. А. Репнинъ, бояринъ князь Ѳ. Ѳ. Волконскій и дьякъ Алмазъ Ивановъ. Задача посольства — потребовать отъ правительства наказанія всѣхъ виновныхъ въ умаленіи „государева“ титула и сообщить о посольствѣ Хмельницкаго въ Москву и о намѣреніяхъ самого московскаго правительства по вопросу, выдвинутому жизнью и стеченіемъ политическихъ обстоятельствъ. Пока правительство не рѣшалось разорвать „вѣчное докончаніе“, гетманскимъ посламъ было отвѣчено, чтобъ имъ по прежнему „быть подъ королевскимъ повелѣніемъ безъ всякаго сомнѣнія“. Польское правительство старалось всю вину свалить на Хмельницкаго и всѣ недоразумѣнія съ нимъ объяснить его „двоедушноі политикой“. Послы указывали на нарушеніе трактатовъ Зборовскаго и Бѣлоцерковскаго со стороны поляковъ, а затѣмъ предложили покончить миромъ съ украинскимъ вопросомъ и принять Хмельницкаго „въ подданство по Зборовскому договору“ и „православной вѣры не тѣснить“. Въ случаѣ принятія этого предложенія московскіе послы готовы были отказаться отъ требованія удовлетворенія за умаленіе царскаго титула. Московскій ультиматумъ былъ отвергнутъ. Польское правительство рѣшительнымъ тономъ отвѣтило, что король на Зборовскихъ статьяхъ ни за что съ Хмельницкимъ не помирится, и унію уничтожить нельзя, потому что сами уніаты на это не согласятся. Въ отвѣтъ на московское предложеніе поляками было выдвинуто ихъ собственное требованіе, болѣе соотвѣтствующее дѣйствительному положенію дѣлъ на Украйнѣ, гдѣ они чувствовали себя побѣдителями и, конечно, не имѣли ни малѣйшаго желанія отказываться отъ результатовъ побѣды. Поляки отвѣтили московскимъ посламъ, что „если Хмельницкій булаву положитъ и не будетъ гетманомъ, казаки свое оружіе передъ королемъ положатъ и станутъ просить милосердія, тогда король, для царскаго величества, окажетъ имъ милость“. Конечно, съ точки зрѣнія московской политики, подобное предложеніе было непріемлемо. Тогда опять выдвинули на первый планъ вопросъ о пропускѣ въ титулахъ, и, не получивъ соотвѣтствующаго удовлетворенія, послы уѣхали домоі. Создался законный поводъ для разрыва вѣчнаго мира съ поляками. Пока шли переговоры съ поляками, Хмельницкій угрожалъ отдаться въ подданство турецкому султану. Трудно сказать, насколько искренно было такое его намѣреніе, несомнѣнно одно, что такіе дипломатическіе пріемы волновали московское правительство и заставляли его торопиться съ рѣшеніемъ украинскаго вопроса. Тогда оно рѣшило дѣйствовать открыто, и царь Алексѣй въ іюнѣ 1653 г. послалъ къ гетману стольника Лодыженскаго съ сообщеніемъ, „что мы изволили васъ принять подъ нашу высокую руку,

да не будете врагамъ креста Христова въ притчу и въ поношеніе, а ратные люди наши собираются". Теперь Хмельницкій могъ быть спокоенъ: московское правительство рѣшило дѣйствовать активно, и съ согласія земскаго собора. Къ сентябрю мѣсяцу выборные изъ всякихъ чиновъ съѣхались въ Москву. Засѣданія собора открылись 1 октября въ Грановитой палатѣ въ присутствіи патріарха Никона, сербскаго митрополита Михаила и всего Освященнаго собора. На соборѣ шла рѣчь о „неправдахъ Яна Казиміра, ко-

Шарлемань. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи.

роля польскаго, и паповъ рады", и о „челобитьѣ государю въ подданствѣ Богдана Хмельницкаго и всего запорожскаго войска". Неправда короля Яна Казимира заключалась въ томъ, что „въ королевскихъ во многихъ грамотахъ и порубежныхъ городовъ воеводъ и каштеляновъ, и старостъ, и державцевъ въ государевы порубежные города къ воеводамъ въ листѣхъ ихъ именованія и титлы писаны не по вѣчному докончанію, со многимъ премѣненіемъ; а иные злодѣи во многихъ листѣхъ писали съ великимъ безчестіемъ и съ укоризною"... Польское правительство не удовлетворило законныхъ требованій московскаго правительства, несмотря на неоднократно дѣлаемыя объ

этомъ заявленія. Кромѣ того, „въ книгахъ ихъ напечатаны злыя безчестья и укоризны и хулы, чего не токмо Великимъ Государемъ христіанскимъ, помазанникомъ Божіимъ, и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно, и помыслити страшно“. И на эти „неправды“ не было дано никакого удовлетворенія. Затѣмъ было сказано думнымъ дьякомъ о порубежныхъ недоразумѣніяхъ и о неоднократныхъ просьбахъ Хмельницкаго и всего запорожскаго войска принять ихъ подъ „высокую государеву руку“. Соборъ, выслушавъ предложеніе царя, отвѣтилъ черезъ подачу мнѣній отъ разныхъ чиновъ, что гетмана слѣдуетъ со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями принять подъ высокую государеву руку. Кромѣ того, служилые люди высказали желаніе „за ихъ государеву честь“... „съ литовскимъ королемъ биться, не щадя головъ своихъ... а торговые люди были готовы вспоможеніемъ и за ихъ государскую честь головами своими помереть“.

Постановленіе земскаго собора было сообщено Яну Казимиру, что собственно означало разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Польшей, и тогда же было послано на Украйну посольство Бутурлина съ товарищами для принятія Украйны въ подданство московскому государю. Такъ удалось Хмельницкому заставить Москву пойти на столь рѣшительный шагъ. Московское посольство прибыло въ Переяславль 31 декабря, а 8 января была собрана общая рада, на которой было рѣшено отдаться подъ „высокую царскую руку“. Но тутъ-то и начались недоразумѣнія гетмана съ московскимъ правительствомъ, такъ какъ Хмельницкій требовалъ присяги, а не словъ отъ имени царя въ томъ, что „его величество, великій государь, не нарушитъ нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущества грамоты и не выдастъ насъ польскому королю“.

Конечно, Бутурлинъ отказался отъ такой присяги, будучи на нее не уполномоченъ, и принесеніе присяги въ подданство состоялось безъ предварительной присяги московскихъ пословъ. Несомнѣнно, событія въ Переяславлѣ заставили Хмельницкаго поторопиться съ точнымъ опредѣленіемъ отношеній Украйны къ Москвѣ, ибо украинское общество и самодержавное московское правительство держались на этотъ счетъ различныхъ точекъ зрѣнія. Послѣднее, учитывая положеніе дѣлъ на Украйнѣ и понимая нѣсколько прямолинейно слова „принять подъ высокую руку“, смотрѣло на актъ присоединенія, какъ на своего рода инкорпорацію Украйны къ Москвѣ. Это предоставляло правительству право свободнаго вмѣшательства во внутреннее управленіе Украйною, тѣмъ болѣе, что во время переговоровъ съ Хмельницкимъ не подымалось даже и рѣчи объ условіяхъ присоединенія къ Москвѣ. Украинское общество, наоборотъ, стояло на противоположной точкѣ зрѣнія. Оно желало полной автономіи для Украйны съ признаніемъ верховнаго суверенитета московскаго правительства. Посылка гарнизона въ Кіевъ и постройка тамъ „небольшой крѣпости“ ясно говорили, въ какомъ направленіи намѣрено было дѣйство-

вать правительство. Вотъ это и заставило Хмельницкаго поскорѣе опредѣлить условія „протекціи“, такъ какъ во время переговоровъ съ Москвой шла рѣчь только объ утвержденіи сословныхъ привилегій—казачества, шляхты и православнаго духовенства. Да и правительство само желало того же, видя, что слишкомъ агрессивныя дѣйствія могутъ возбудить неудовольствіе въ вліятельныхъ общественныхъ группахъ, что могло бы повести ко всякаго рода неожиданностямъ.

Это и сдѣлало впослѣдствіи московское правительство болѣе или менѣе сговорчивымъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ было послано въ Москву чрезвычайное посольство съ генеральнымъ войсковымъ судьей Самуиломъ Богдановымъ во главѣ. Въ листѣ, данномъ миссіи на имя царя, гетманъ упоминалъ о томъ, что казаки приняли на вѣру обѣщаніе Бутурлина на Переяславской радѣ, просилъ во исполненіе Переяславскаго договора—„насъ Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго и все войско запорожское и весь міръ христіанскій россійскій, духовныхъ и мірскихъ людей во всякомъ чину сущихъ и милости отъ тебе великаго государя нашего, твоего царскаго величества ищущихъ, пожаловать, ущедрить и права, уставы, правила и всякія свободы и державы... духовныхъ и мірскихъ людей, во всякомъ чину и преимуществѣ... сущихъ... изволь... утвердить и своими грамотами государскими укрѣпить во вѣки“...

Посольство было торжественно встрѣчено въ Москвѣ. Пріѣхавшіе депутаты представили царю свою „петицію“, а затѣмъ имѣли по поводу ихъ нѣсколько предварительныхъ совѣщаній съ представителями московскаго правительства. Засѣданія происходили 13, 14 и 21 марта, послѣ чего окончательно было выработано соглашеніе между Украйной и московскимъ правительствомъ. Петиція, представленная московскому правительству, ярко выражаетъ политическое настроеніе руководящихъ классовъ украинскаго общества, вполнѣ свыкшагося съ мыслью объ украинской автономіи; хотя эта мысль и не была высказана отчетливо и ясно, но она чувствуется въ каждой статьѣ. Это было сдѣлано, конечно, въ цѣляхъ усыпленія бдительности московскаго правительства. Выдвигая на первый планъ мысль объ украинской автономіи, петиція эту автономію соединяла съ привилегированнымъ положеніемъ реестроваго казачества и украинской шляхты, совершенно упуская изъ вида простую народную массу, произведшую соціальную революцію и выдвинувшую Хмельницкаго. Вожди украинскаго народа оказались классовыми политиками и подъ Зборовымъ, и въ Москвѣ. Отсюда вполнѣ понятно, почему это „соглашеніе“ не могло внести спокойствія въ страну, а волненія давали возможность московскому правительству вмѣшиваться во внутреннее управленіе Украйны и усиливать централистическую политику, сводя на-нѣтъ украинскую автономію.

На первыхъ совѣщаніяхъ украинскихъ дипломатовъ съ представителями московскаго правительства были обсуждены 23 пункта, „просительныхъ ста-

тей“, составленныхъ въ Чигиринѣ въ февралѣ 1654 года. Государственный и общественный строй Украйны представлялся на основаніи этихъ статей въ слѣдующемъ видѣ. Украйна—автономное государство. Автономность ея выражается въ правѣ избранія гетмана и въ самостоятельности во внутреннемъ управленіи. Гетмана и всю полковую администрацію выбираетъ все запорожское войско; государь только утверждаетъ ихъ въ должностяхъ. Гетманъ имѣетъ право международныхъ сношеній со всѣми государствами, съ обязанностью извѣщать государя, какъ верховнаго сюзерена, только „о великихъ дѣлахъ“; малыя дѣла рѣшаются властью гетмана. Гетманскій урядъ владѣетъ Чигиринскимъ староствомъ и другими маетностями. Внѣшнимъ признакомъ гетманской власти является „булава“. Украинѣ обезпечивается и финансовая автономія. Московское правительство получаетъ только опредѣленный процентъ съ доходовъ. Подати собираются мѣстными уроженцами. Украйна сохраняетъ и внутреннюю автономію. Государевы воеводы могутъ быть только въ большихъ городахъ—Кіевѣ и Черниговѣ. Желательно, чтобы и эти воеводы были изъ мѣстныхъ людей. Воеводы, представители государевой власти, не вмѣшиваются ни въ судъ, ни въ управленіе. Воевода—только апелляціонная инстанція, замѣщающая собою „государевъ судъ“. Сохраняется сословность строя и суда

Наличность запорожскаго войска опредѣляется въ 60.000 чел., получающихъ особое „государево жалованье“, когда они будутъ „на его, государевой, службѣ по его, государеву, изволенію, а не для своей обороны, и отведены будутъ въ чужіе края“. Впрочемъ, если государь не захочетъ давать жалованье всему войску, то получаетъ его только казацкая старшина, изъ тѣхъ доходовъ, изъ „которыхъ прежъ сего давано“.

Запорожское войско владѣетъ Терехтемировскимъ монастыремъ по рѣкѣ Самарѣ и прилежащими къ нему маетностями.

Шляхта сохраняетъ свой судъ и владѣетъ маетностями. Сохраняются и подтверждаются всѣ существующія до сихъ поръ земельныя отношенія, права митрополита на митрополичьи маетности. Маетности „побитыхъ и умершихъ казаковъ“ оставляются за ихъ женами и дѣтьми, „покамѣстъ они въ службу поспѣютъ“. Казаки имѣютъ право свободнаго выхода на промыслы „для рыбныя и звѣриныя ловли на низъ“. Пограничные казаки, сидящіе въ Кодакѣ, должны получать жалованье, ибо „безъ жалованія прокормитца нечѣмъ“. Отношенія Москвы къ Украйнѣ „просительные пункты“ представляли въ слѣдующемъ видѣ. Москва утверждаетъ гетмана, получаетъ опредѣленное отчисленіе изъ украинскихъ доходовъ, платитъ запорожскому войску жалованье, назначаетъ воеводъ. Въ общемъ, въ этихъ статьяхъ было много недоговореннаго съ обѣихъ сторонъ. Послѣдующіе переговоры показали, что далеко не все въ этихъ статьяхъ было пріемлемо для московскаго правительства, и малороссійскимъ дипломатамъ пришлось въ окончательномъ соглашеніи кое

отъ чего отказаться. Это соглашеніе вылилось въ формѣ двухъ актовъ: жалованной граматы гетману и войску запорожскому и „статей Богдана Хмельницкаго“, окончательно редактированныхъ 21 марта. Эти два акта можно считать „основными законами Украйны“, ибо ими опредѣлялись и внутренняя автономія Украйны, и ея вассальныя отношенія къ Москвѣ.

Жалованная грамата подтверждала права и привилегіи православной шляхты, принесшей присягу, сохраняла за гетманскимъ урядомъ Чигиринъ, опредѣляла реестръ казаковъ въ 60.000 чел., закрѣпляла за ними всѣ ихъ права и привилегіи, сословный судъ и право выбора гетмана послѣ смерти Хмельницкаго. Правительство въ этихъ граматахъ не разошлось съ общественнымъ мнѣніемъ Украйны, ибо сохраненіе этихъ привилегій нисколько не задѣвало прерогативъ верховной власти. Зато съ другими требованіями оно не согласилось. Такъ называемыя „статьи Богдана Хмельницкаго“ признаютъ за Украйной автономный строй, но только съ извѣстными ограниченіями. Прежде всего это ограниченіе коснулось прерогативъ власти гетмана. Его лишили права сноситься съ турецкимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ указа царскаго величества, чѣмъ сильнѣе подчеркивался суверенитетъ власти московскаго царя. Кромѣ того, оставался открытымъ вопросъ о вмѣшательствѣ московскаго правительства во внутреннее управленіе, ибо ни количество воеводъ, ни объемъ ихъ власти не были оговорены, и правительство не сочло нужнымъ дать какой бы то ни было отвѣтъ на соотвѣтствующіе пункты „просительныхъ статей“. Правительство удовлетворило всѣ сословныя требованія „статей“. За городами сохранено было магдебургское право; они могли выбирать войта, бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ. Эти должностныя лица собираютъ мѣстскіе доходы и отдаютъ ихъ царскимъ посланцамъ. Войсковые уряды получаютъ ежегодное жалованье, но только изъ мѣстныхъ доходовъ. Зато просьба объ уплатѣ ежегоднаго жалованья всему запорожскому войску осталась неудовлетворенной. Правительство лишь ограничилось обѣщаніемъ послать нѣкоторую сумму „по давнымъ обычаямъ предковъ своихъ, великихъ государей“. Наконецъ, царь обѣщалъ „митрополиту и всѣмъ духовного чину людямъ на маетности ихъ, которыми они нынѣ владѣютъ, свою государскую жалованную грамоту“. Таково содержаніе „статей Богдана Хмельницкаго“, и, конечно, оно не соотвѣтствовало чаяніямъ и ожиданіямъ украинскаго общества. Правительство царя Алексѣя, словно учитывая это недовольство, стало держаться по отношенію къ Украйнѣ весьма осторожной политики, не желая раздражать общественное мнѣніе въ виду внѣшнихъ осложненій и непрочности самаго акта присоединенія къ Москвѣ. Были назначены воеводы только въ Кіевъ и Черниговъ, о чемъ говорилось въ статьяхъ 13 марта, и, кромѣ того, Выговскій, въ москвофильствѣ котораго никто не сомнѣвался, былъ назначенъ браславскимъ воеводою, въ видѣ уступки общественному мнѣнію.

III. Война съ Польшей изъ-за Украйны.

Приготовленія къ войнѣ почти были окончены къ маю 1654 года. Войска занимали заранѣе намѣченныя позиціи, и 18 мая самъ царь выступилъ въ походъ. Украинскія и великорусскія войска въ общемъ представляли собой внушительную силу, для отраженія которой полякамъ приходилось напрягать всѣ рессурсы страны. Но въ то же время Москва и Украйна не вѣрили другъ другу, что впослѣдствіи и было учтено Речью Посполитой. Военныя дѣйствія были сначала очень благопріятны для Москвы. Польское правительство не могло дать надлежащаго отпора, и скоро Литва и Бѣлоруссія были въ русскихъ рукахъ. Затѣмъ главныя военныя дѣйствія сосредоточились около Смоленска, который, наконецъ, сдался послѣ двухмѣсячной осады, не безъ большихъ потерь съ московской стороны. Взятіе Смоленска укрѣпляло позицію московскаго правительства въ Бѣлоруссіи, давая Москвѣ великолѣпную военную базу для наступительныхъ дѣйствій. Польское правительство, сознавая фактическую невозможность отпора московскому войску, вторглось въ Украйну въ надеждѣ разъединить силы противниковъ. Началось опустошеніе Украйны, которое могло еще болѣе усилиться, такъ какъ Речи Посполитой удалось заключить союзъ съ татарами и тѣмъ нѣсколько усилить свои военныя средства. Разсчетъ поляковъ, конечно, имѣлъ свои основанія. Опустошеніе Украйны могло заставить Хмельницкаго опять отпасть отъ Москвы и вернуться къ Речи Посполитой. Сама пассивность Хмельницкаго, спокойно смотрѣвшаго на опустошеніе Подоліи и Украйны, являлась нѣкоторымъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ для Польши. Опустошеніе Украйны въ сущности не принесло никакой пользы Польшѣ. Московское правительство уже разсматривало оккупированную территорію, какъ часть московскаго государства, и къ титулу царя были сейчасъ же прибавлены наименованія: „в. к. Литовскаго, Бѣлой Руси, Волыни и Подоліи“.

Положеніе Польши стало прямо-таки отчаяннымъ, когда Швеція, не безъ нѣкотораго вліянія Хмельницкаго, объявила ей войну. И шведская война была неблагопріятна для Польши. Въ іюлѣ 1654 года вся Великая Польша была въ рукахъ шведскаго короля, а союзное войско выгнало поляковъ изъ Галиціи, послѣ чего городъ Львовъ, столица Червонной Руси, сдался побѣдителю Хмельницкому.

Такое положеніе Польши выдвигало мысль о мирѣ, въ виду невозможности дальнѣйшаго продолженія войны, а надежды найти новыхъ союзниковъ не было никакой. Татары были не надежны,—остальныя европейскія державы непосредственно не были заинтересованы въ происходившихъ событіяхъ, за исключеніемъ Австріи, совсѣмъ не желавшей усиленія Швеціи и, черезъ нее, Франціи, вѣчнаго соперника Габсбургскаго дома; съ этой стороны ей были нежелательны дальнѣйшія военныя дѣйствія между Москвой и Речью

Посполитой. Польское правительство имѣло нѣкоторое основаніе думать, что и само московское правительство не прочь заключить миръ, ибо и положеніе дѣлъ въ Москвѣ складывалось довольно неблагопріятно. Вспыхнувшая моровая язва произвела страшныя опустошенія,—народная масса волновалась. Союзъ съ казаками висѣлъ на волоскѣ. Хмельницкій не слушался царскихъ граматъ и вообще былъ очень пассивенъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, сплошь и рядомъ поступая въ разрѣзъ съ планами московскихъ воеводъ. Онъ сносился и съ татарами, и съ Швеціей, и съ Польшей, не считая даже нужнымъ увѣдомлять объ этомъ московское правительство, хотя въ то же время завѣрялъ его въ своей преданности. Миръ былъ нуженъ Москвѣ, чтобы закрѣпить за собой Украйну. И старинное соперничество Москвы со Швеціей изъ-за Балтики заставляло склоняться московское правительство въ пользу мира, ибо усиленіе Швеціи, конечно, надолго лишало Москву возможности пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, что такъ было необходимо для московской торговли.

Польша приняла посредничество Габсбургскаго дома. Австрійское вмѣшательство не дало никакихъ результатовъ, но зато было ясно, что и Москва ничего не будетъ имѣть противъ заключенія мира, если только условія мирнаго договора будутъ вполнѣ соотвѣтствовать планамъ московскаго правительства. Собравшійся въ Польшѣ чрезвычайный сеймъ (осенью 1655 года) постановилъ употребить всѣ усилія, чтобы заключить съ Москвой миръ и всѣ силы Речи Посполитой направить противъ Швеціи. Съ этой цѣлью въ Москву былъ посланъ шляхтичъ Петръ Галинскій, пріѣхавшій съ условіями мира, весьма не соотвѣтствовавшими фактическому положенію дѣла на театрѣ войны. Галинскій предложилъ помириться съ Польшей при условіи возвращенія ей всѣхъ завоеваній, на что, разумѣется, послѣдовалъ отказъ. Однако обѣ стороны не отказывались вступить въ мирные переговоры. Рѣшено было съѣхаться въ Вильнѣ полномочнымъ посламъ, а пока было заключено перемиріе. Московское правительство торопилось съ миромъ, имѣя въ виду въ недалекомъ будущемъ войну со шведами, уже принципіально рѣшенную въ Москвѣ. Въ іюлѣ 1656 года послы съѣхались въ Вильнѣ. Представителями Москвы были бояринъ князь Н. И. Одоевскій и окольничій князь И. И. Лобановъ-Ростовскій. Переговоры начались 12 августа, и сразу выяснилась непріемлемость для поляковъ московскихъ предложеній. Московскіе дипломаты предложили миръ при условіи оставленія за Москвой всего великаго княжества Литовскаго и уплаты военнаго вознагражденія. Поляки соглашались на миръ при обязательномъ возвращеніи всего завоеваннаго. Польскіе депутаты были довольно тверды въ своихъ требованіяхъ, такъ какъ начавшаяся война со шведами была неудачна для Москвы. Переговоры стояли на одномъ мѣстѣ. На московскихъ дипломатовъ не дѣйствовали ни угрозы заключенія мира съ шведами, ни вмѣшательство австрійскихъ пословъ. Они

стояли на своемъ и только отказывались отъ литовскихъ городовъ, не завоеванныхъ Москвой. Поляки и на это не соглашались. Наконецъ, Одоевскимъ было заявлено, что миръ возможенъ при условіи избранія Алексѣя Михайловича на польскій престолъ; всѣ указанія польскихъ представителей на невозможность этого акта, какъ противнаго конституціи,—на московскихъ представителей не производили никакого впечатлѣнія. Посламъ Польши пришлось уступить.

Приступили къ выработкѣ условій, что и было сдѣлано послѣ долгихъ споровъ и препирательствъ. Были выработаны слѣдующія условія: 1) московскій царь избирается въ польскіе короли, 2) онъ обязуется: a) никому не уступать короны, b) не управлять черезъ регента, c) короноваться польской короной, d) подписать pacta conventa, e) имѣть одинаковыхъ враговъ, f) обмѣняться плѣнными, g) возвратить Ливонію. Но польскіе комиссары не соглашались на уступку Литвы и Бѣлоруссіи, и пока на сеймѣ не рѣшится вопросъ объ избраніи Алексѣя Михайловича на польскій престолъ, до тѣхъ поръ предлагалось прекратить военныя дѣйствія. Польское общественное мнѣніе различно отнеслось къ выработанному проекту условій мира. Сочувствовала только небольшая часть сенаторовъ да отчасти и самъ король. Зато рѣшительно выступилъ противъ проекта Габсбургскій домъ, считавшій крайне опаснымъ соединеніе въ однѣхъ рукахъ польской и московской короны. Протестовали также Турція, татары, само казачество склонялось на сторону Польши. Положеніе дѣлъ на театрѣ войны для Москвы было неблагопріятно. Все это побудило поляковъ прервать переговоры съ Москвой объ уніи и мирѣ и приступить снова къ военнымъ дѣйствіямъ.

Положеніе Москвы, дѣйствительно, было очень щекотливо. Не говоря о томъ, что шведская война оказалась далеко не удачной, правительство сталъ безпокоить и волновать украинскій вопросъ. Хмельницкій не признавалъ „московскихъ“ статей и не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на требованія московскаго правительства, заключилъ союзы съ Турціей, Крымомъ, Швеціей, явно направленные противъ Москвы. Особенно былъ опасенъ для Москвы союзъ съ Швеціей. Хмельницкій и шведы мечтали о разгромѣ и раздѣлѣ Польши и объ образованіи изъ украинскихъ земель особаго независимаго государства, только подъ протекторатомъ Швеціи. Впрочемъ, Хмельницкій умеръ, официально не порвавъ съ Москвой, хотя и былъ близокъ къ этому. Смерть Хмельницкаго еще болѣе запутывала отношенія въ Украйнѣ. Въ Москвѣ были смущены. Да и на Украинѣ не было спокойно, такъ какъ противоположность интересовъ казацкой старшины и казачества вполнѣ уже опредѣлилась, не говоря о томъ, что введеніе реестра и оставленіе въ Украйнѣ сословнаго строя вызывали въ посполитомъ народѣ большое смущеніе и боязнь за будущее. Московскому правительству этотъ классовый антогонизмъ открывалъ довольно блестящія перспективы,

Шварцъ. Нареченіе царской невѣсты. Третьяковская галлерея.

такъ какъ классовая борьба являлась гарантіей силы и вліянія Москвы на Украйнѣ. Опираясь то на одну, то на другую общественную группу, поддерживая одну противъ другой, московское правительство имѣло полную возможность, не трогая „статей Хмельницкаго“, а, наоборотъ, ихъ подтверждая и внося только незначительныя поправки, проводить свою централистическую политику и украинское государство превращать въ московскую провинцію. Дѣйствительно, на Украйнѣ классовый антагонизмъ выражался не только въ борьбѣ верха и низа казачества, казачества и посполитаго народа. Сталкивались интересы казачества и мѣщанства. Старшина не признавала городского самоуправленія и постоянно вмѣшивалась въ него. Мѣщанство его отстаиваетъ и, конечно, въ высшей степени враждебно относится къ какимъ бы то ни было попыткамъ сословнаго успленія старшины, всегда оставаясь на сторонѣ московскаго правительства. И среди духовенства существовалъ не меньшій антагонизмъ. Духовная аристократія, владѣвшая большими маетностями, постоянно воевала съ низшимъ духовенствомъ, по своему экономическому и правовому положенію весьма близкимъ къ народной массѣ. Стремленіе къ церковной автономіи, усиливая власть и значеніе кіевскаго митрополита, принижало сельское и городское духовенство. Отсюда его симпатіи къ Москвѣ, его желаніе видѣть украинскую церковь подъ протекціей московскаго патріарха. Классовая противоположность интересовъ вскрылась сейчасъ же послѣ смерти Хмельницкаго. Часть казацкой старшины хотѣла видѣть на гетманскомъ урядѣ сына Хмельницкаго Юрія, но его обошли и выбрали войскового писаря Выговскаго, кандидата казацкой старшины. Новый гетманъ не былъ избранъ совѣтомъ и единогласіемъ всего запорожскаго войска, и его личность не была популярна у казачества, которое сим-

Гетманъ Дорошенко. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

патизировало сыну Хмельницкаго и въ Выговскомъ видѣло прежде всего шляхтича.

Выборы новаго гетмана были для Москвы полной неожиданностью. Выговскій, избранный наиболѣе вліятельной частью запорожскаго войска, чувствуя непрочность своего положенія, сейчасъ же снарядилъ посольство въ Москву для полученія подтвержденія правъ и вольностей. Правительство сочло нужнымъ примириться съ фактомъ избранія новаго гетмана и послало боярина Хитрово для утвержденія гетмана. Между тѣмъ на Украйнѣ все было въ волненіи. Казацкая старшина была настроена враждебно по отношенію къ Москвѣ и склонялась въ сторону Польши, въ союзѣ съ которой она надѣялась осуществить украинскую автономію.

Кромѣ того, нѣкоторые полки—полтавскій и миргородскій, Запорожье, считали выборы Выговскаго неправильными и не признавали его гетманомъ. Несмотря на недовольство народа, Выговскій оставался гетманомъ и терроризовалъ казнями враждебныхъ ему людей. И въ Москвѣ къ Выговскому стали относиться съ подозрѣніемъ: туда дошли слухи объ его сношеніяхъ съ поляками. Выговскій созвалъ раду въ Чигиринѣ и предложилъ отказаться отъ гетманства, но старшина уговорила его остаться. Тогда же рѣшили послать посольство въ Москву, съ просьбой, „чтобы впредь гультямъ въ казаки писаться было не вольно, а теперь отъ другихъ гультяевъ большой мятежъ учинился потому, что всякій называется казакомъ“. Такое обращеніе къ посредничеству было на руку московскому правительству: оно давало законный поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Украйны. Москва поступила очень осторожно. Не принимая никакихъ мѣръ противъ „гультяйства“, ибо это оттолкнуло бы его отъ Москвы, правительство намѣревалось послать воеводъ для поддержанія порядка. Послы гетмана ничего не добились, да въ Москвѣ съ Выговскимъ и дѣла не хотѣли имѣть, такъ какъ доказательства его измѣны были налицо. Выговскому тогда оставалось перейти формально на сторону Польши, и 6 сентября 1658 года имъ былъ подписанъ въ Гадячѣ союзный договоръ съ Польшей. По трактату Україна возвращалась подъ власть Польши. Правительство послѣдней дѣлало уступки украинскому общественному мнѣнію и изъ трехъ воеводствъ: Кіевскаго, Браславскаго, Черниговскаго образовывало воеводство русское, на правахъ государства, соединеннаго съ Польшей уніей. Польша не поскупилась на обѣщанія, хорошо зная, что они будутъ различно приняты на Украйнѣ, вызовутъ смуту и тогда можно будетъ прибрать Украйну къ своимъ рукамъ, но только на нѣсколько другихъ условіяхъ. Договоръ уравнивалъ православную и католическую вѣру, отводилъ мѣсто въ сенатѣ кіевскому митрополиту и пяти русскимъ архіереямъ. Гетманъ выбирается всѣми сословіями. Онъ имѣетъ право международныхъ сношеній, но обязывается не признавать власти московскаго государя. Гетманъ располагаетъ правомъ чеканки монеты. На всѣ должности

въ воеводствѣ Кіевскомъ могутъ назначаться только одни православные, въ остальныхъ воеводствахъ—попеременно съ католиками. Должности могутъ занимать только шляхтичи. Король же обязуется нобилитовать казаковъ, представленныхъ ему гетманомъ. Украйна не платитъ никакихъ податей. Кіевская Академія уравнивается въ правахъ съ Краковской; кромѣ того, разрѣшается учредить и другую академію на правахъ Кіевской.

Гадячскій трактатъ, дѣйствительно, гарантировалъ полную автономію Украйны, но зато превращалъ казацкое государство въ шляхетское, вскрывая затаенныя мечты и желанія казацкой старшины. Онъ произвелъ на Москву потрясающее впечатлѣніе. Правительство совершенно растерялось. Ему уже казалось, что Украйна для Москвы потеряна разъ навсегда. Правительство не учло классоваго антагонизма на Украйнѣ, благодаря которому новый трактатъ былъ встрѣченъ одними съ большой радостью, другими—съ ненавистью. Заключивъ союзъ съ Польшей, Выговскій началъ военныя дѣйствія противъ Москвы и напалъ на кіевскій гарнизонъ, но это нападеніе было отбито. Правительство стало готовиться къ войнѣ и противъ Польши, и противъ Выговскаго. Оно сначала хотѣло окончить дѣло миромъ, предложивъ Трубецкому вступить въ переговоры съ Выговскимъ, и переписать статьи Гадячскаго трактата на царское имя. Но такого рода переговоры оказались излишними. Дѣло Выговскаго гибло само собой. Ни мѣщане, ни посполитое, ни рядовое казачество не признавали условій трактата и ждали прибытія военной силы изъ Москвы, чтобы начать борьбу съ Выговскимъ, которому поляки могли оказать только незначительную поддержку. Въ это время татары разгромили русскихъ подъ Конотопомъ, и московское войско очутилось въ критическомъ положеніи. Къ счастью для Москвы, Запорожье и нѣсколько казачьихъ полковъ перешли на ея сторону, и это рѣшило судьбу Выговскаго, не сумѣвшаго стать выше шляхетскихъ традицій. Противникомъ его былъ Юрій Хмельницкій, уже разъ выбранный гетманомъ. Собравшіеся на раду казаки еще разъ провозгласили Хмельницкаго гетманомъ, и Выговскому оставалось только ликвидировать свою политическую дѣятельность и удалиться въ Польшу.

Сторонники Хмельницкаго, однако, рѣшили предложить московскому правительству новыя условія, укрѣплявшія украинскую автономію. Воеводы могли быть только въ Кіевѣ. Великороссійскія войска должны находиться подъ командой гетмана. Утверждается право вольнаго избранія гетмана. Царь только санкціонируетъ выборы. Закрѣпляется право международныхъ сношеній со всѣми государствами. При дипломатическихъ переговорахъ, касающихся Украйны, должны быть представители отъ нея. Сохраняется власть константинопольскаго патріарха надъ украинскою церковью.

Съ своей стороны, и московское правительство предложило новыя статьи, идущія въ разрѣзъ съ требованіями Украйны и заявленныя Трубецкимъ во

время принесенія присяги Хмельницкимъ. Сущность добавленій заключалась въ слѣдующемъ: гетманъ посылаетъ войска по распоряженію московскаго правительства, но самъ „безъ государева указа“ не можетъ никуда посылать войска. Гетмана нельзя смѣнить безъ царскаго указа. На всѣ должности выбираются только православные. Сторонники Выговскаго лишаются права занимать какія бы то ни было должности въ войскѣ. Воеводы вводятся въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Умани и Брославлѣ. Казаки не рѣшились протестовать и отказались отъ своихъ требованій. Этимъ самымъ было погублено дѣло украинской автономіи и было положено начало превращенію Украйны въ московскую провинцію. Возстановивъ свой авторитетъ на Украйнѣ, Москва готовилась приняться за болѣе интенсивныя дѣйствія противъ поляковъ. Теперь она имѣла дѣло только съ однимъ противникомъ—со шведами былъ заключенъ миръ. Къ тому же окончательно выяснилась неудача кандидатуры царя Алексѣя на польскій престолъ.

Чувствуя себя сильной, Москва отвергла петицію украинцевъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Переяславскаго договора. Она уже не боялась недовольства на Украйнѣ. А между тѣмъ съ новой силою возобновились военныя дѣйствія противъ Польши и не всегда къ успѣху русскаго оружія. Поляки въ іюнѣ 1660 года нанесли большое пораженіе князю Хованскому на рѣкѣ Полонкѣ въ Бѣлоруссіи, и только побѣда Долгорукаго въ октябрѣ того же года нѣсколько поправила дѣла Москвы. Но на Украйнѣ опять начались волненія. Поляки искушали Хмельницкаго, а Переяславскія статьи давали много повода для всякаго рода недоразумѣній. Хмельницкій колебался и не помогалъ русской арміи въ Галиціи и по Волыни, гдѣ армія Шереметева была отрѣзана татарами. Видя отчаянное положеніе московскаго воеводы, гетманъ вступилъ въ переговоры, но и поляки не были такъ уступчивы, какъ это было при заключеніи Гадячскаго трактата; новый договоръ во многомъ расходился съ послѣднимъ, и, конечно, не удовлетворилъ автономнымъ стремленіямъ украинскаго общества. Хмельницкимъ отданъ былъ приказъ украинскому полковнику Цыцюрѣ оставить Шереметева, но это ему не удалось. Осажденный Шереметевъ рѣшилъ сдаться полякамъ на позорныхъ условіяхъ: очистить отъ русскихъ войскъ украинскій городъ, сдать все оружіе, сохранивъ право выхода войска изъ Чудновскаго лагеря; самъ Шереметевъ оставался заложникомъ до выполненія условій капитуляціи.

Чудновскій разгромъ произвелъ въ Москвѣ ошеломляющее впечатлѣніе. Украйна оставалась во власти поляковъ. Къ счастью для Москвы, идея подданства Польшѣ была непопулярна въ низахъ украинскаго общества, и хотя началось на Украйнѣ движеніе, враждебное Москвѣ, но скоро оно было подавлено. Лѣвобережная Украйна была возвращена Москвѣ. За Польшей оставался только правый берегъ, да и тамъ населеніе было недовольно и тяготилось польскими постоями и татарскими набѣгами. Въ лѣвобережной Украй-

ніѣ выступило нѣсколько лицъ съ претензіями на гетманскій урядъ, но Москва не спѣшила съ выборомъ новаго гетмана, чувствуя себя хозяиномъ на Украйнѣ, несмотря на понесенное пораженіе. Она хотѣла видѣть на гетманскомъ урядѣ такого человѣка, который нанесъ бы казацкой старшинѣ непоправимый ударъ и подавилъ бы въ ней всякія автономныя стремленія.

Такимъ лицомъ явился Брюховицкій, опиравшійся на народную массу и выставлявшій себя защитникомъ ея интересовъ. Назначили раду для выбора гетмана. И войско избрало своего вождя, забраковавъ кандидата старшины—Самко. Побѣда Москвы была полная, но отъ нея плохо пришлось казацкой старшинѣ. Не говоря о томъ, что народная масса безъ пощады грабила богатыхъ, Самко и его сторонники были преданы суду по обвиненію въ измѣнѣ. Судъ былъ скорый, но неправый. Часть обвиняемыхъ была казнена, часть отправлена въ ссылку въ Москву. Москва была довольна событіями на Украйнѣ. Теперь она была увѣрена въ подавленіи украинскаго сепаратизма и могла отчетливѣе проводить свою централистическую политику, которой до поры до времени содѣйствовалъ самъ гетманъ, отправившійся на поклонъ въ Москву, гдѣ была составлена новая редакція „основныхъ законовъ“. Имп кіевская митрополія отдавалась подъ власть московскаго патріарха, временно, до сношеній съ константинопольскимъ патріархомъ.

Всякій гетманъ обязывался по избраніи ѣхать въ Москву и получать лично изъ рукъ царя булаву и знамя. Кромѣ того, увеличивались виды налоговъ, поступавшихъ въ царскую казну. Правительство оцѣнило дѣятельность Брюховецкаго и наградило его саномъ „боярина“, а потомъ приступило къ переписи населенія. Однако Брюховецкій и московское правительство переусердствовали. Централистическая политика вызвала бурю протестовъ, и противъ Брюховецкаго очутились и духовенство, и мѣщанство, и само Запорожье въ виду обремененія населенія налогами. Словомъ, Москвой были всѣ недовольны. Это неудовольствіе усилилось еще болѣе благодаря Андрусовскому перемирію 1667 г. Имъ оканчивалась кровопролитная воіна, неудачная для Москвы, но обѣ стороны были истощены и желали мира. Московскіе дипломаты, какъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ, давно настаивали на необходимости мира съ Польшей. У Москвы и Польши общій врагъ—Швеція; ея больше всего надо бояться, если русскіе мечтаютъ пробиться къ Балтикѣ. Переговоры велъ съ поляками самъ Ординъ-Нащокинъ. Ему была предоставлена полная самостоятельность въ веденіи мирныхъ переговоровъ. Не безъ искусства и ловкости со стороны московскихъ дипломатовъ эти переговоры кончились удачно, чему немало помогли волненія въ самой Польшѣ, связанныя съ возстаніемъ Любомирскаго. Перемиріе заключалось на 13 лѣтъ. Москва возвращала большую часть завоеваній въ Бѣлоруссіи, зато Смоленскъ и Сѣверская украйна отходили къ Москвѣ. Лѣвобережная Украйна присоединяется къ Москвѣ. Городъ Кіевъ остается за Москвой на два года.

Условія Андрусовскаго перемирія не вполнѣ соотвѣтствовали московскимъ планамъ. Завоевательная политика потерпѣла крушеніе. Нельзя было воевать со шведами и поляками и рѣшать украинскій вопросъ въ одно и то же время. Да и нападенія турокъ на правобережную Украйну тоже способствовали крушенію всѣхъ плановъ. Приходилось довольствоваться немногимъ. Зато теперь Москва могла приняться за Украйну и принять рядъ мѣръ противъ „шатости“ украинскаго общества.

IV. Москва и Швеція.

Вестфальскій миръ 1648 г. превратилъ Швецію въ первоклассное военное государство, державшее въ своихъ рукахъ всю Балтику. Конечно, такое усиленіе Швеціи было менѣе всего желательно Москвѣ, давно стремившейся къ морю; добиться его было невозможно безъ борьбы съ Швеціей, въ свою очередь не желавшей усиленія Москвы. Такъ назрѣвалъ шведско-балтійскій вопросъ, рѣшеніе котораго было столь необходимо для экономическаго развитія Россіи. Послѣ Тридцатилѣтней войны Швеціи было не до войнъ. Она была сильно истощена и нуждалась въ продолжительномъ мирѣ, и Карлъ-Густавъ какъ будто пытался это осуществить. Такъ, сейчасъ же послѣ вступленія на престолъ, было послано въ Москву посольство съ извѣстіемъ о вступленіи его на престолъ и съ заявленіемъ о нейтралитетѣ, котораго шведы намѣрены придерживаться во время русско-польской войны. Но этотъ нейтралитетъ оказался фиктивнымъ. Карлъ-Густавъ, вспомнивъ о своихъ династическихъ правахъ на польскій престолъ, вмѣшался въ русско-польскую войну, и хотя шведскій король просилъ царя указать своимъ боярамъ и воеводамъ съ шведскими генералами всякую дружбу держать, однако на театрѣ военныхъ дѣйствій создались между русскими и шведами такія отношенія, что разрывъ былъ неминуемъ. Отвѣчая Густаву на его сообщеніе о началѣ войны съ поляками, московское правительство оставило за собой Бѣлую Русь съ воеводствами, пріобрѣтенную Москвой, „за многія злыя неправды къ намъ королей Владислава и Казимира“, и не допускало даже мысли о возможности появленія шведовъ на этой территоріи. Шведы не приняли во вниманіе этого предостереженія и вторглись въ Литву. Перешедшій на сторону Швеціи Радзивиллъ величалъ себя „гетманомъ короля и воеводой Виленскимъ“, тогда какъ Вильна была въ рукахъ Москвы. Такое поведеніе шведовъ разсматривалось, какъ вызовъ. Доходили также до Москвы извѣстія о какихъ-то таинственныхъ сношеніяхъ Швеціи съ Хмельницкимъ. Москва была насторожѣ. Побѣда надъ Польшей подняла военный духъ правительства и пробуждала желаніе раздѣлаться точно такъ же и со шведами и пробиться къ берегамъ Балтики, куда были устремлены мысли наиболѣе тонкихъ москов-

скихъ политиковъ XVII в. Поводовъ для объявленія войны было сколько угодно. Шведы не стѣснялись съ мнимо-союзными войсками и чинили всякія препятствія русской арміи. Однако и они боялись начать войну, сомнѣваясь въ ея исходѣ, да и съ Хмельницкимъ пока не было ничего рѣшено. Поэтому для шведовъ было крайне важно выиграть время, и ими было отправлено посольство для подтвержденія Столбовскаго мира. Но московское правительство всячески отвертывалось отъ этого, ссылаясь на то, что шведы не признаютъ новаго титула царя: „Бѣлой Россіи, Литовскій, Волынскій, Подольскій“, и что „съ королевской стороны дѣлается многая неправда къ нарушенію вѣчнаго докончанія“..., „царское величество“ писали „непріятелямъ“, что „королевское величество ссылается съ подданными царскими“... „Великое княжество Литовское Богъ далъ царскому величеству, и королю въ повѣты великаго княжества вступаться не довелось“. Вотъ каковы были обвиненія противъ Швеціи. Готовясь къ войнѣ, Москва хотѣла использовать и соперника Швеціи, Данію. Къ этому Данію побуждала не только борьба со Швеціей изъ-за Балтики, но боязнь потерять политическую самостоятельность, такъ какъ Густавъ не скрывалъ своего намѣренія образовать одно государство изъ Даніи, Польши и Швеціи. Убѣдившись въ готовности къ войнѣ Даніи, московское правительство объявило шведскимъ посламъ о разрывѣ „вѣчнаго докончанія“, и русскія войска были отправлены къ берегамъ Финскаго залива. Первыя столкновенія со шведами были удачны для русскаго оружія. 31 іюля 1655 г. былъ взятъ Динабургъ, затѣмъ Кокенгаузенъ, но зато была неудачна осада Риги, и ее скоро пришлось снять, отступивъ къ Полоцку. Неудачная осада Риги не обезкуражила московскихъ дипломатовъ, сторонниковъ антишведской политики. Ординъ-Нащокинъ надѣялся оставить Лифляндію въ московскихъ рукахъ, тѣмъ болѣе, что Швеція лишилась Делагарди, одного изъ лучшихъ своихъ военачальниковъ. Къ этому времени Данія сдѣлала заявленіе о присоединеніи къ коалиціи. Не дремалъ и Карлъ. Дипломатическія сношенія обнаружили готовность Хмельницкаго стать вассаломъ шведскаго короля. Украйна навсегда отдѣляется отъ Польши. Остальную Польшу получалъ семиградскій воевода Ракочи. Но всѣ эти переговоры такъ и остались теоретическими возможностями. Между тѣмъ

Гетманъ Скоропадскій.
Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

положеніе Москвы стало очень затруднительнымъ. Пришлось возобновить польскую войну, осложнившуюся украинскими недоразумѣніями. При такомъ положеніи дѣлъ было необходимо ликвидировать какъ можно скорѣе шведскую войну. И самъ Карлъ, дѣла котораго въ Польшѣ были не совсѣмъ удачны, тоже ничего не имѣлъ противъ мира. Начались переговоры. На выборъ мѣста ушло немало времени.

Наконецъ, остановились на мѣстности подлѣ Нарвы, куда и съѣхались русскіе и шведскіе уполномоченные. Съ ноября 1658 г. начались правильные переговоры о мирѣ. Московскіе дипломаты, учитывая стѣсненное положеніе Швеціи, настаивали на присоединеніи къ Москвѣ ливонскихъ городовъ и побережья Финскаго залива. Шведы же предлагали миръ на почвѣ Столбовскаго договора. Ординъ-Нащокинъ употребилъ все свое искусство, чтобы заставить шведовъ пойти на уступки, и это ему удалось. 20 декабря было заключено перемиріе съ оставленіемъ Ливоніи съ Кокенгаузеномъ и Дерптомъ въ рукахъ Москвы. Это соглашеніе (Валіесарское) подписывалось на три года. Его можно было считать большой дипломатической побѣдой Москвы. Тутъ царило ликованіе. Давнишняя мечта стала фактомъ. Но радость оказалась нѣсколько преждевременной, Швеція не могла отказаться отъ Ливоніи, ибо это было признаніемъ своей слабости. Москва не имѣла силъ и средствъ побудить шведовъ уйти изъ Ливоніи. Шведы учитывали неблагопріятное положеніе дѣлъ на польскомъ театрѣ войны и отказывали въ вѣчномъ мирѣ на условіяхъ присоединенія къ Москвѣ Лифляндіи. Этотъ миръ былъ заключенъ въ Кардисѣ въ 1661 году, и имъ уничтожались всѣ выгоды Валіесарскаго соглашенія. Ливонія оставалась за шведами.

Давно желанные берега Балтійскаго моря, которые, казалось, уже были въ рукахъ московскаго правительства, снова были вырваны. Такъ царю Алексѣю и не удалось пробиться къ Балтійскому морю и рѣшить одинъ отъ насущнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики XVII в.

Для Москвы было крайне важно поддерживать со Швеціей мирныя отношенія въ виду русско-польской войны. Дѣйствительно, обѣ стороны постоянно завѣряютъ другъ друга въ своихъ взаимныхъ симпатіяхъ, попутно разрѣшая возникавшія недоразумѣнія. Больше всего ихъ было у шведовъ. Они касались таможенныхъ пошлинъ, предметовъ торговли и обмѣна плѣнныхъ. Въ Швеціи не вѣрили искренности московской политики и считали Ординa-Нащокина—„тайнымъ врагомъ Швеціи“. Когда въ 1667 году Андрусовское перемиріе прекратило военныя дѣйствія, Ординъ-Нащокинъ сталъ искать со Швеціей политическаго сближенія. Онъ хотѣлъ обратиться къ посредничеству Швеціи и съ ея помощью добиться вѣчнаго мира съ поляками. Впрочемъ, изъ этого предположенія ничего не вышло. Тѣмъ не менѣе въ Москвѣ находили болѣе цѣлесообразнымъ поддерживать дружбу со Швеціей; въ пользу этого высказывался и новый руководитель внѣшней политики, Артамонъ

Матвѣевъ. Для заключенія союза въ Москву въ 1673 году было послано шведскимъ правительствомъ посольство. Шведы надѣялись при помощи союза устранить прежнія недоразумѣнія и несогласія и добиться ряда таможенныхъ льготъ. Въ декабрѣ посольство прибыло въ Москву, и знакомство съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ показало, какъ трудно прійти съ московскимъ правительствомъ къ соглашенію, выгодному для Швеціи. Московскіе дипломаты прежде всего хотѣли заключенія союза, шведы— устраненія недоразумѣній и возстановленія старыхъ договоровъ во всей ихъ силѣ, и, только на ихъ основаніи, потомъ приступить къ переговорамъ о союзѣ. Для Москвы союзъ былъ необходимъ, надвигалась грозовая туча со стороны Турціи. Можно было ожидать разнаго рода недоразумѣній со стороны Польши. Кромѣ того, въ Москвѣ надѣялись съ помощью союза добиться свободной торговли въ Ригѣ и, Ревелѣ, противъ чего, конечно, Швеція должна была всячески бороться. Шведско-русскій союзъ являлся лучшей гарантіей status quo на западной границѣ московскаго государства. Да и шведскій король всецѣло высказывался въ пользу союза, находя, „что новый альянсъ лучшее средство укрѣпить наши прославленные на весь миръ скипетръ и короны, которые, съ Божьей помощью, на-вѣки будутъ процвѣтать и крѣпнуть и будутъ страшными для враговъ соединенныхъ народовъ“.

Гетманъ Даніилъ Апостолъ.
По старинной нѣмецкой гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцовскій музей).

Шведскіе уполномоченные долгое время не соглашались объявить объ условіяхъ предполагаемаго союза, пока не будутъ разрѣшены спорные вопросы. Наконецъ, они согласились объявить о нихъ для предварительнаго ознакомленія. Сущность союза заключалась въ слѣдующемъ: между Швеціей

и Россіей заключаются на вѣчныя времена неразрывная и крѣпкая дружба и довѣріе. Оба государя не должны вѣрить никакимъ интригамъ, никакимъ навѣтамъ. Въ случаѣ войны—другая сторона сохраняетъ полный нейтралитетъ. Возникающія недоразумѣнія разрѣшаются спеціальными комиссарами. Наконецъ, если одинъ изъ государей будетъ нуждаться въ помощи и поддержкѣ, онъ долженъ извѣстить своего союзника, и, поскольку позволятъ обстоятельства, должно быть выработано соглашеніе по этому вопросу. Между обѣими сторонами устанавливается свободная торговля, которая не должна подвергаться какимъ бы то ни было стѣсненіямъ, даже въ случаѣ возникновенія между Россіей и Швеціей какихъ бы то ни было политическихъ разногласій. Русскіе дипломаты безразлично отнеслись къ этому проекту, не дававшему рѣшительно никакихъ преимуществъ Москвѣ, нуждавшейся въ военной поддержкѣ въ виду наступавшей борьбы съ турками, и когда они потребовали отъ шведовъ установленія того комплекта войска, какое король можетъ доставить царю, то на это не было дано никакого отвѣта. Переговоры о союзѣ велись довольно долго, но ни къ какимъ результатамъ не привели. Москва не имѣла никакого желанія давать шведамъ торговыя привилегіи и только соглашалась предоставить имъ право торговли въ Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ. При такомъ положеніи вопроса о правѣ торговли самый союзъ съ Москвой шведамъ не представлялъ никакой выгоды. Естественно, переговоры должны были прекратиться, и шведамъ оставалось только одно—покинуть Москву. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича отношенія между Швеціей и Москвой очень обострились и безъ содѣйствія Даніи, постоянно указывавшей на опасность Швеціи для Москвы. Москва даже подвинула войска поближе къ шведской границѣ. Послѣднее обстоятельство и торговыя стѣсненія побудили шведское правительство послать новое посольство въ Москву. Рѣшено было съѣхаться около Нарвы для разсмотрѣнія всѣхъ возникшихъ недоразумѣній. Шведское правительство хотѣло настаивать на точномъ выполненіи договоровъ, заключенныхъ между Москвой и Швеціей въ XVII в., затѣмъ требовать и торговыхъ льготъ и пониженія таможенныхъ пошлинъ. Переговоры окончились уже при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

V. Москва и Турція.

Съ избраніемъ Брюховецкаго на „гетманскій урядъ“ въ лѣвобережной Украйнѣ смуты не прекратились. Наоборотъ, положеніе дѣлъ становилось все запутаннѣе и сложнѣе и заставляло московское правительство немало волноваться. Безпокойства причиняли не столько внутреннія осложненія, сколько надвигавшаяся внѣшняя опасность, отразить которую при „общей шатости“

на Украйнѣ представлялось дѣломъ въ высшей степени труднымъ. О близости турецкаго нашествія доходили въ Москву слухи изъ разныхъ мѣстъ. Но пока это были только слухи, въ достовѣрности которыхъ правительство не сомнѣвалось. Андрусовскій миръ принесъ Москвѣ весьма серьезныя недоразумѣнія на Украйнѣ. Брюховецкому было предложено быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. На самомъ дѣлѣ о возможности такого факта никто и не думалъ. Державшій сторону Москвы гетманъ былъ не популяренъ и средп казачества, и средп высшаго духовенства, вслѣдствіе своей москвофильской политики. Освобожденіе отъ Москвы было лозунгомъ для всѣхъ украинскихъ національностовъ, и Брюховецкому пришлось уступить. На самомъ дѣлѣ украинскіе автономисты не желали видѣть его гетманомъ всей Украйны, да и гетманъ правобережной Украйны не собирался разставаться съ своимъ урядомъ. Дорошенко формально считалъ себя подданнымъ Рѣчи Посполитой и въ то же время велъ переговоры о подданствѣ Москвѣ и Турціи.

Гетманъ Дорошенко. По старин. малорус. гравюрѣ (изъ собранія В. В. Каллаша).

Такая двуличная политика являлась какъ бы возвращеніемъ ко временамъ Хмельницкаго. Играя на нѣсколько фронтовъ, Дорошенко надѣялся этимъ самымъ извлечь наибольшую выгоду для автономной Украйны. И Брюховецкому вскорѣ пришлось горько расплатиться за свою измѣну. Онъ не хотѣлъ отдать Дорошенкѣ гетманской булавы. Сторонники стараго гетмана перешли на сторону Дорошенка, и возбужденная толпа звѣрски убила Брюховецкаго. Дорошенку не долго пришлось быть гетманомъ всей Украйны. Оставленный имъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра наказный гетманъ Иванъ Многогрѣшный сталъ на сторону сторонниковъ Москвы, мѣщанства, сельскаго духовенства, посполитаго крестьянства и вступилъ въ переговоры съ московскимъ воеводой Ромодановскимъ. Возвращеніе Многогрѣшнаго подъ власть Москвы явилось пріятнымъ сюрпризомъ для московскаго правительства. Въ Москвѣ даже не обратили вниманія на „сомнительную“ вѣрность Многогрѣшнаго, о чемъ доносилъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, надѣявшійся съ помощью Москвы стать кіевскимъ митрополитомъ. Это и заставило его отказаться отъ политики украинскихъ архіереевъ и выступить при-

мирителемъ между Москвой и казаками. Но возвращеніе подъ власть Москвы совершилось не безъ нѣкоторыхъ треній. Многогрѣшный прекрасно понималъ, что ему не удержаться на гетманскомъ урядѣ, если не сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ украинскимъ автономистамъ. Отсюда идетъ требованіе Многогрѣшнаго о подтвержденіи статей Хмельницкаго, для чего было снаряжено большое посольство въ Москву. Посольство было встрѣчено вѣжливо, но къ его требованіямъ „о вольности“ отнеслись не особенно сочувственно, въ особенности относительно вывода воеводъ, „которые вмѣсто обороны... разными мучительствами людямъ докучали... нашимъ правамъ и обычаямъ не навыкли... несмотря на постановленія, въ казацкія права и вольности вступались и казаковъ судили“, и это желаніе посольства было не удовлетворено. Давая отрицательный отвѣтъ на просьбы посольства, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ рѣшили назначить выборы гетмана. Послѣдніе происходили въ Глуховѣ въ присутствіи Ромадановскаго съ товарищами. Избрали Многогрѣшнаго. Затѣмъ приступили къ чтенію исправленныхъ статей Хмельницкаго, встрѣченныхъ казацкой старшиной криками неудовольствія, но, въ концѣ-концовъ, принятыхъ. А статьи давали право быть воеводамъ только въ пяти городахъ, вмѣстѣ съ ратными людьми. Реестровый списокъ опредѣляется въ 30.000 человѣкъ, записывать въ который можно было старыхъ казаковъ и только за отсутствіемъ послѣднихъ мѣщанъ и крестьянъ.

Исправленныя статьи, конечно, не удовлетворили требованій украинскихъ автономистовъ, раздраженныхъ неуступчивостью правительства, тогда какъ мѣщане, страдавшіе отъ насилій казаковъ, были довольны успѣхами централистической политики Москвы. Автономисты, конечно, не могли успокоить ихъ. Ихъ тянуло прочь отъ Москвы, и, казалось, для успѣха ихъ идеи обстоятельства складывались довольно удачно.

Избранный отдѣльно Запорожьемъ новый гетманъ Суховой совмѣстно съ татарами напалъ на Украйну. Этимъ воспользовался Дорошенко для агитаціи противъ Многогрѣшнаго. Автономисты поддержали агитацію Дорошенка, и по всей Украйнѣ распространились слухи о близкой смѣнѣ Многогрѣшнаго. Положеніе гетмана стало прямо-таки безвыходнымъ, хотя московское правительство успокаивало взволнованнаго гетмана и убѣждало его не вѣрить никакимъ слухамъ, но отъ этого положеніе его не стало прочнѣе. Старшина хотѣла давно отдѣлаться отъ него, и рѣшилась добиться этого съ помощью московскаго правительства. На гетмана былъ отправленъ доносъ. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и въ измѣнѣ царю. Въ Москвѣ обезпокоились, и для предупрежденія волненія было рѣшено схватить гетмана, что и было выполнено. Впослѣдствіи его сослали. Поступокъ съ гетманомъ былъ величайшимъ нарушеніемъ украинской конституціи, хотя такое нарушеніе совпадало съ интересами украинскихъ автономистовъ.

Украйна въ опасности—вотъ слухъ, пронесшійся по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Но и Москва не унывала. Въ городѣ Конотопѣ была собрана рада, на которой и былъ избранъ гетманомъ Самойловичъ. Правительство утвердило статьи Хмельницкаго, которыя еще сильнѣе подчеркивали зависимость Украйны отъ Москвы [1]). Избраніе новаго гетмана совпало съ нашествіемъ турокъ на Польшу въ 1671 г. Москва стала готовиться къ войнѣ, но пока не было предлога для вмѣшательства турокъ въ украинскія дѣла, хотя Дорошенко и считался подданнымъ султана. И положеніе Самойловича было не прочно, хотя онъ и былъ кандидатомъ старшины. Самойловичъ боялся лишиться гетманства изъ-за Дорошенка. Когда вся правобережная Украйна была покорена турками, то она была отдана Дорошенку съ обязательствомъ платить Турціи ежегодную дань. Это озабочивало московское правительство и дѣлало непрочнымъ положеніе Самойловича. А между тѣмъ Дорошенко сносился съ Москвой и предлагалъ принять его въ подданство. Москвѣ улыбалась возможность соединенія обѣихъ сторонъ Украйны подъ ея властью. Ради этого она была готова уступить казацкимъ автономистамъ—признать одного гетмана для обѣихъ половинъ и вывести воеводъ даже изъ Кіева. Самойловичъ предостерегалъ московское правительство отъ соглашенія съ Дорошенкомъ и предлагалъ дѣйствовать оружіемъ противъ турокъ, на что и рѣшилась Москва,ославъ свои войска за Днѣпръ. Дорошенко былъ оставленъ всѣми, и Самойловичъ сталъ гетманомъ всей Украйны. Дорошенка оставили даже его сторонники, ибо Украйна была разорена турками и татарскими набѣгами, и Дорошенку послѣ этого оставалось одно—явиться въ московскій лагерь и принести повинную. Но Турція не считалась съ отказомъ отъ турецкаго подданства. Считая западную Украйну своимъ вассальнымъ государствомъ, турки рѣшили двинуться на Чигиринъ, гдѣ сидѣлъ московскій гарнизонъ, и въ 1677 году осадили его. Такъ создался восточный вопросъ во внѣшней политикѣ XVII в. Но рѣшать его пришлось уже преемникамъ царя Алексѣя.

Гетманъ Мазепа. Изъ „Кіевской Старины".

В. Пичета.

---

[1]) Были уничтожены статьи, предоставлявшія право участія украинскимъ делегатамъ въ дипломатическихъ конференціяхъ Москвы, касавшихся Украйны.

Царствованіе Ѳедора Алексѣевича и правленіе царевны Софьи.

I. Судьбы династіи.

едору Алексѣевичу, воцарившемуся 30 января 1676 г., царскій престолъ достался по волѣ его отца, торжественно объявившаго его своимъ наслѣдникомъ 1 сентября 1674 г.: царевичъ былъ „оказанъ“ на Красной площади народу, т.-е. толпѣ случайнаго состава, собравшейся посмотрѣть „дѣйство“, которое справлялось въ день новолѣтія, и потомъ предъявленъ въ Архангельскомъ соборѣ въ качествѣ престолонаслѣдника сыновьямъ малороссійскаго гетмана и литовскому резиденту. Этотъ актъ былъ единственнымъ основаніемъ права Ѳедора на царскую власть. Закона о престолонаслѣдіи тогда не было, а соборный приговоръ 1613 г. утверждалъ преемство власти только въ ближайшемъ поколѣніи новой династіи и не простирался на внуковъ Михаила Ѳедоровича. Тѣмъ не менѣе царь Алексѣй счелъ излишней для своего сына процедуру соборнаго избранія, безъ которой самъ, однако, не могъ обойтись, хотя и былъ законнымъ наслѣдникомъ Михаила въ силу акта 1613 г., и удовольствовался церемоніей, лишь очень отдаленно напоминавшей участіе народа въ поставленіи царя. Очевидно, зародившаяся во время смуты идея земскаго царя успѣла уже потускнѣть въ народномъ сознаніи, — иначе Алексѣй не рѣшился бы на передачу власти въ порядкѣ вотчиннаго наслѣдованія. Воцареніе Ѳедора, дѣйствительно,

прошло совершенно спокойно и не вызвало никакихъ протестовъ. Въ Москвѣ, правда, ходилъ слухъ, что бояринъ А. С. Матвѣевъ хотѣлъ съ помощью стрѣльцовъ возвести на престолъ, мимо Ѳедора, трехлѣтняго царевича Петра, сына Алексѣя Михайловича отъ Нарышкиной, и что его планъ былъ разстроенъ патріархомъ, но о какомъ-либо народномъ движеніи въ пользу Петра при этомъ не было рѣчи; значитъ, въ крайнемъ случаѣ считалась возможной только попытка чисто дворцоваго пронунсіаменто въ интересахъ одной изъ придворныхъ партій. Самый слухъ, къ тому же, былъ лишенъ фактическаго основанія, и если что въ немъ заслуживаетъ вниманія, такъ это лишь лежавшая въ основѣ его оцѣнка положенія, создавшагося при дворѣ послѣ смерти царя Алексѣя.

Онъ оставилъ послѣ себя двѣ семьи: двухъ сыновей и шесть дочерей отъ Милославской и царицу Наталью Кирилловну, урожденную Нарышкину, съ сыномъ и двумя дочерьми. Каждая семья имѣла свою родню, а извѣстно, какую крупную роль играла царская родня въ исторіи новой династіи. Въ XVII вѣкѣ всѣ цари изъ дома Романовыхъ вступали на престолъ въ очень юномъ возрастѣ, и подчиненіе царя-подростка вліянію близкихъ людей было обычнымъ явленіемъ. Отъ этого вліянія царю трудно было отдѣлаться и въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, особенно когда среди приближенныхъ появлялись родственники его жены, тянувшіе за собою своихъ друзей. Образовывалась камарилья, тѣсно обступавшая престолъ и распоряжавшаяся государствомъ, какъ своей законной добычей; деспотизмъ и фаворитизмъ, въ самой откровенной формѣ, пагубно отражались на ходѣ государственныхъ дѣлъ. Нетрудно себѣ представить послѣдствія, какія долженъ былъ имѣть второй бракъ царя Алексѣя. Съ новой царицей явилась во дворецъ ея родня, тотчасъ заявившая притязанія на вліяніе и мѣста, принадлежавшія до тѣхъ поръ группѣ родственниковъ покойной Милославской, и между обѣими группами началась борьба, повлекшая за собою раздѣленіе двора на два лагеря.

Со смертью царя Алексѣя Нарышкины лишились своей главной опоры, и Милославскіе поспѣшили нанести имъ рѣшительный ударъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ интригѣ, веденной противъ царицы-вдовы и ея группы, былъ боярнъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, опытный придворный дѣлецъ, человѣкъ ловкій и хитрый. Побѣда досталась ему тѣмъ легче, что самъ царь естественно тяготѣлъ къ своей роднѣ по матери, а Нарышкины не обладали качествами, необходимыми для успѣха въ придворной борьбѣ. Наталья Кирилловна была взята царемъ Алексѣемъ за красоту изъ дома Артамона Сергѣевича Матвѣева, у котораго она жила нахлѣбницей. Дочь бѣднаго провинціальнаго дворянина, сама въ дѣтствѣ извѣдавшая нужду, ходившая, по словамъ Шакловитаго, въ лаптяхъ въ Смоленскѣ, когда ея отецъ былъ тамъ стрѣлецкимъ головою, она, конечно, отшлифовалась до нѣкоторой степени въ семьѣ Матвѣева, но прирожденная внѣшность не могла

прикрыть скудости ея духовныхъ рессурсовъ. По отзыву ея свойственника кн. Б. П. Куракина, она была „добраго темперамента, добродѣтельнаго, токмо не была ни прилежная и нескусная въ дѣлѣхъ и ума легкаго“. Она не была въ состояніи разбираться въ сложныхъ ходахъ дворцовой интриги и парировать удары, подготовляемые за кулисами искусной рукой, и умѣла только при случаѣ будировать. Братья ея, тогда еще совсѣмъ молодые люди, также талантами не блистали и никакими выдающимися качествами, кромѣ развѣ заносчивости, не обладали. Наиболѣе извѣстнаго изъ нихъ, Льва Кирилловича, выдвинувшагося при Петрѣ, тотъ же кн. Куракинъ характеризовалъ такъ: „былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержный къ питью, также человѣкъ гордый и хотя не злодѣй, токмо не склончивый и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи своего гумору“. Лидеръ нарышкинской группы, бояринъ А. С. Матвѣевъ, былъ человѣкъ безспорно умный, но недостаточно энергичный; къ тому же онъ далеко не былъ такимъ мастеромъ интриги, какъ его противникъ Ив. Милославскій.

Нарышкины пали. Нѣсколько человѣкъ изъ этой фамиліи, въ томъ числѣ два брата царицы, Иванъ и Аѳанасій, были сосланы; предлогомъ для ссылки Ивана послужило обвиненіе его, по доносу одного лѣкаря, въ умыслѣ на жизнь царя. Съ Матвѣевымъ расправились не сразу: сначала придрались къ его столкновенію съ датскимъ резидентомъ, чтобы выжить его изъ посольскаго приказа и удалить изъ Москвы въ качествѣ воеводы въ Верхотурье, потомъ заочно судили и осудили его за мнимое покушеніе на отравленіе Ѳедора и черпокнижіе, лишили боярства, всего имѣнія и сослали въ Пустозерскъ. Наталья Кирилловна была оттѣснена отъ царя падчерицами и очутилась въ положеніи опальной царицы.

Дочери Милославской, несомнѣнно, были дѣятельными сотрудницами боярина Ивана Михайловича во внутреннихъ покояхъ дворца. Онѣ усиленно возстановляли брата—царя противъ мачехи, спѣша выместить тѣ униженія и уколы, которые имъ пришлось вытерпѣть въ послѣдніе годы жизни отца, когда, послѣ его новаго брака, первая семья должна была стушеваться передъ молодой царицей. Примириться съ этимъ царевнамъ было тѣмъ труднѣе, что онѣ уже успѣли привыкнуть къ нѣкоторой самостоятельности. При Алексѣѣ Михайловичѣ новое культурное вѣяніе проникло даже въ царскій теремъ, гдѣ оно сказалось ослабленіемъ затворничества женщины. Царь выѣзжалъ съ женою, бралъ ее съ собою на охоту, водилъ свою семью на театральныя представленія, которыя она смотрѣла изъ закрытой ложи. Въ самомъ дворцѣ изоляція терема уже не соблюдалась такъ строго, какъ прежде, и нѣкоторые изъ наиболѣе близкихъ къ царю мужчинъ получили возможность видѣться съ царевнами; извѣстно, напримѣръ, что учитель старшихъ царевичей Симеонъ Полоцкій былъ въ теремѣ своимъ человѣкомъ. Монотонность теремнаго затвора, жизни, протекавшей за пяльцами, въ тѣс-

Письмо царя Θеодора Алексѣевича.

номъ кругу пробавлявшихся исключительно мелочными дрязгами комнатныхъ боярынь и сѣнныхъ дѣвушекъ, была нарушена вторженіемъ новыхъ интересовъ, запросовъ и стремленій, которые не укладывались въ рамки освященнаго традиціей шаблона, и у сильныхъ натуръ, какими были дочери Милославской, рано должно было появиться желаніе сбросить съ себя его иго.

Судя по всему, что намъ извѣстно объ этихъ царевнахъ, онѣ обладали значительной жизненной энергіей, проявлявшейся въ стремленіи устроить жизнь по личному вкусу. Эта особенность психическаго склада была наиболѣе ярко выражена у самой даровитой изъ нихъ, Софьи, оправдывая вполнѣ эпитетъ, которымъ характеризовалъ ее С. М. Соловьевъ, „богатырь-царевна“. Всѣ онѣ были при томъ дѣвушки здоровыя и крѣпкія физически и въ этомъ отношеніи составляли противоположность своимъ единоутробнымъ братьямъ. Фамильною особенностью династіи Романовыхъ было рѣзкое различіе организаціи царевенъ и царевичей: насколько первыя были жизнеспособны и прочны, настолько братья ихъ—слабы и недолговѣчны. Эта особенность повторилась въ семьѣ царя Алексѣя отъ перваго брака. Изъ пяти сыновей Милославской трое умерли при жизни отца, двое, пережившихъ его, Ѳедоръ и Иванъ, были плохо развиты физически и очень болѣзненны. Иванъ былъ хилъ, подслѣповатъ и къ тому же „скорбенъ главою“. Ѳедоръ страдалъ какою-то хронической болѣзнью, сведшей его преждевременно въ могилу. Ему было только 14 лѣтъ, когда онъ воцарился, но и тогда уже онъ „скорбѣлъ ножками“ настолько серьезно, что близкіе люди сочли нужнымъ привлечь къ его лѣченію всѣхъ наличныхъ врачей-иноземцевъ; на консиліумѣ въ присутствіи патріарха и комнатныхъ бояръ врачи опредѣлили у него цынгу. Постоянный недугъ, конечно, долженъ былъ отразиться на психикѣ Ѳедора, который, однако, перемогался и бодрился, насколько позволяли силы,—извѣстно, напримѣръ, что онъ часто совершалъ богомольные „походы“ въ монастыри.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ.
Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Въ дѣлѣ воспитанія и обученія старшихъ сыновей, Алексѣя, рано умершаго, и Ѳедора, царь Алексѣй сдѣлалъ крупную уступку модному въ то

время педагогическому вѣянію: онъ заставилъ обоихъ царевичей учиться по-польски и по-латыни и опредѣлилъ къ нимъ гувернеромъ ученаго западно-русскаго монаха Симеона Ситіановича Полоцкаго. Алексѣй Алексѣевичъ настолько усвоилъ оба языка, что могъ объясняться на нихъ, Ѳедоръ хуже его зналъ латинскій языкъ, но польскимъ владѣлъ свободно. Какъ воспитатель царскихъ дѣтей, Полоцкій былъ вполнѣ на высотѣ положенія. Разносторонне и солидно образованный, онъ обладалъ еще качествомъ, необходимымъ для успѣха возложенной на него царемъ трудной и щекотливой миссіи,—рѣдкимъ тактомъ педагогическимъ и просто житейскимъ. Онъ умѣлъ угодить одинаково и старымъ, и малымъ и оказался во дворцѣ незамѣнимымъ человѣкомъ на всѣ руки; это былъ прототипъ тѣхъ гувернеровъ, которые въ русскихъ дворянскихъ домахъ XVIII и даже XIX столѣтія являлись поставщиками культуры во всѣхъ ея видахъ. Онъ писалъ стихи, ставилъ домашніе спектакли, давалъ царю совѣты по церковнымъ дѣламъ—и во всѣхъ этихъ родахъ дѣятельности выказывалъ сноровку и гибкость опытнаго царедворца. Его главнымъ дидактическимъ пріемомъ было „смѣшеніе пріятнаго съ полезнымъ“. Онъ училъ „всему шутя“, излагая содержаніе своихъ уроковъ и наставленій въ виршахъ, „да присвойственною себѣ сладостью сердцамъ читателей пріятнѣйши суще, аки нуждею влекутъ ко читанью частѣйшему и удобнѣе памятію содержаться могутъ“. На нашу оцѣнку силлабическіе стихи Полоцкаго едва ли сладостнѣе его прозы, но на слухъ его современниковъ они, видимо, дѣйствовали иначе. Ѳедоръ, по примѣру своего наставника, самъ пристрастился къ версификаціи и недурно усвоилъ это искусство; говорили, что ему принадлежало стихотворное переложеніе двухъ псалмовъ въ риѳмованной псалтири Полоцкаго. Кромѣ этого литературнаго навыка, Ѳедоръ, несомнѣнно, вынесъ изъ своихъ занятій и бесѣдъ съ учителемъ порядочный запасъ разнообразныхъ свѣдѣній, которыя, при всей своей поверхностности, все же расширяли его умственный кругозоръ. Полоцкій привилъ своему питомцу интересъ къ серьезному чтенію, и его вліянію Ѳедоръ былъ обязанъ своимъ знакомствомъ съ современной литературой, преимущественно церковной, южно-русской и польской. Онъ слылъ также за любителя математики и прикладныхъ знаній, собиралъ въ свои мастерскія разнаго рода техниковъ и слѣдилъ за ихъ работами.

Современники изображаютъ Ѳедора рѣшительнымъ сторонникомъ польско-кіевскаго культурнаго вліянія. Онъ, по свидѣтельству малорусскаго лѣтописца, очень любилъ малороссовъ, приказалъ ввести кіевскіе церковные напѣвы въ московскихъ церквахъ и монастыряхъ, отмѣнилъ московскую одежду и позволилъ своимъ подданнымъ одѣваться по-малорусски. Онъ покровительствовалъ южно-русскимъ ученымъ и сочувствовалъ направленію, утвердившемуся въ кіевской богословской школѣ. Полоцкій, котораго старомосковская партія обвиняла въ тяготѣніи къ латинству, называла даже „уніа-

томъ сущимъ римскаго костела“, до самой смерти (въ 1680 году) сохранилъ свое вліяніе на молодого царя назло патріарху Іоакиму, не безъ основанія видѣвшему въ ученомъ монахѣ своего самаго опаснаго противника. Насколько сильно и односторонне было влеченіе Ѳедора къ западно-русской образованности, видно изъ того, что онъ старался обезпечить кіевлянамъ монополію въ дѣлѣ просвѣщенія московскаго общества, указомъ запретивъ ихъ конкурентамъ-грекамъ въѣздъ въ Россію. Женитьба царя въ 1680 году на дочери смоленскаго шляхтича Агаѳьѣ Семеновнѣ Грушецкой сопровождалась, по разсказамъ современниковъ, новыми успѣхами западнаго вліянія.

Верещагинъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ.

Полякъ, авторъ описанія московской смуты 1682 г., говоритъ, что царица, будучи по отцу польскаго происхожденія, принесла много добра московскому государству: она уговорила мужа уничтожить охабни, безобразныя женскія платья, которыя должны были носить москвитяне, позорно бѣжавшіе съ поля сраженія, ввести бритье бородъ и стрижку волосъ, польскіе сабли и кунтуши и, что еще важнѣе, допустить въ Москвѣ закладку польскихъ и латинскихъ школъ. Дѣйствительно, при Ѳедорѣ замѣчается нѣкоторое ослабленіе московской нетерпимости и по отношенію къ католикамъ: въ Москву начинаютъ проникать, правда incognito, католическія духовныя лица, находящія себѣ пріютъ въ домахъ единовѣрцевъ въ иноземской слободѣ. Всѣ эти новшества, по словамъ цитированнаго польскаго писателя,

дали поводъ оппозиціонной нарышкинской группѣ заподозрѣвать Ѳедора въ намѣреніи ввести ляцкую вѣру: царь, говорилось въ этой группѣ, породнившись съ ляхами, будетъ слѣдовать примѣру Дмитрія, женившагося на Маринѣ Мнишковнѣ. То же намѣреніе приписывалось Ѳедору и въ католическихъ кругахъ, гдѣ держался слухъ о его склонности къ уніи съ римскою церковью. Слухъ этотъ, конечно, не имѣлъ фактическаго основанія, но не лишенъ характернаго значенія, показывая, насколько упрочилась за Ѳедоромъ репутація полонофила.

Бракъ царя былъ, по всей вѣроятности, устроенъ его фаворитами Ив. Макс. Языковымъ и Алексѣемъ Тимоѳ. Лихачевымъ. Люди новые и незнатные, они только своей ловкости и вкрадчивости были обязаны своимъ приближеніемъ къ Ѳедору, очень привязавшемуся къ нимъ. Въ борьбѣ за преобладаніе съ Милославскими, за которыми стояли сестры и тетки царя, новые фавориты нуждались въ сильной поддержкѣ, а ее могла оказать имъ, какъ раньше Нарышкина Матвѣеву, только молодая царица. Милославскіе прямо приписывали бракъ Ѳедора ихъ интригѣ. Какъ бы то ни было, послѣ этого брака Языковъ и Лихачевъ еще болѣе возвысились, а вліяніе Милославскихъ пало.

Черезъ годъ царица Агаѳья скончалась, родивъ сына, котораго также не стало черезъ нѣсколько дней послѣ ея смерти. Въ февралѣ 1682 года Ѳедоръ вступилъ во второй бракъ,—Языковъ сосваталъ ему свою родственницу Марѳу Апраксину. Но дни его уже были сочтены, и 27 апрѣля того же года онъ умеръ, не назначивъ себѣ преемника.

Кандидатами на престолъ послѣ Ѳедора были два царевича, права которыхъ были одинаково спорны. Къ Ѳедору власть перешла если и не въ строгомъ смыслѣ легально, то, по крайней мѣрѣ, въ силу завѣщанія его отца, обнародованнаго при жизни послѣдняго и никѣмъ не оспореннаго, а Иванъ и Петръ Алексѣевичи не могли опереться даже на такой шаткій юридическій титулъ. Но противъ каждаго изъ нихъ могли быть выдвинуты и возраженія иного порядка: Иванъ былъ слабоуменъ, Петръ — малолѣтенъ и къ тому же младшій братъ. Создалось, такимъ образомъ, положеніе, которое мы въ правѣ назвать династическимъ кризисомъ, и наличнымъ политическимъ силамъ предстояло найти тотъ или другой выходъ изъ него. Народъ въ лицѣ земскаго представительства уже былъ вытѣсненъ съ политической арены, и мысль о созывѣ собора для урегулированія династическаго вопроса никому не приходила въ голову. Но если народъ долженъ былъ довольствоваться ролью безучастнаго зрителя, то не могли бездѣйствовать связанныя съ династіей дворцовыя котеріи, кровно заинтересованныя въ исходѣ кризиса. На сцену вновь выступили старые соперники, Милославскіе и Нарышкины, — выступили на этотъ разъ уже для того, чтобы въ своей борьбѣ рѣшить вопросъ о судьбѣ трона.

Нарышкины еще при жизни Ѳедора готовились къ этой борьбѣ. На ихъ сторону стали его фавориты Языковъ и Лихачевъ и большинство родовитаго боярства. Языковъ черезъ свою креатуру, царицу Марѳу, выхлопоталъ помилованіе Матвѣеву, который былъ переведенъ изъ Мезени, послѣдняго мѣста своей ссылки, въ Лухъ (теперь Костромской губерніи). Послѣ смерти Ѳедора сторонники Нарышкиныхъ явились во дворецъ въ большомъ числѣ съ твердымъ намѣреніемъ провозгласить царемъ Петра, и такъ какъ можно было ожидать, что дебаты объ избраніи разрѣшатся рукопашной, нѣкоторые изъ нихъ надѣли подъ платье панцыри. Въ собраніи бояръ и іерарховъ перевѣсъ былъ явно на сторонѣ партіи Петра, но она сочла неудобнымъ ограничиться чисто дворцовымъ пронунціаменто. Патріархъ обратился съ дворцоваго крыльца къ толпѣ, собравшейся по его приглашенію, съ вопросомъ: кому изъ царевичей быть на царствѣ? Въ отвѣтъ поднялся шумъ, и имя Петра было выкрикнуто громче, чѣмъ имя Ивана. Милославскимъ оставалось только подчиниться голосу „народа“, но они знали ему цѣну и не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ. И дѣйствительно, немного прошло времени, какъ выступленіе новаго элемента круто измѣнило положеніе дѣлъ въ ихъ пользу.

Въ стрѣлецкихъ полкахъ, расположенныхъ въ Москвѣ, шло тогда сильное броженіе. Стрѣльцамъ приходилось много терпѣть отъ своихъ начальниковъ, позволявшихъ себѣ всякія насилія надъ ними и разорявшихъ ихъ своими поборами и вымогательствами. Раздраженіе, вызываемое этими обидами, было тѣмъ сильнѣе, что стрѣльцы менѣе, нежели какая-либо иная группа московскаго населенія, были способны безропотно сносить гнетъ и притѣсненія. Они съ давнихъ поръ обжились въ своихъ слободахъ, имѣли свои хозяйства, занимались городскими промыслами,—словомъ, въ соціально-экономическомъ отношеніи сливались съ массой посадскаго люда. Живя бокъ-о-бокъ съ этимъ людомъ, въ почти одинаковыхъ условіяхъ, они должны были и морально сближаться съ нимъ, усваивать его воззрѣнія, симпатіи и антипатіи; имъ должна была передаться и постоянно тлѣвшая въ народной средѣ вражда къ правительственнымъ агентамъ, низшимъ и высшимъ, и это чувство становилось у нихъ даже острѣе, потому что они, благодаря своей организованности и вооруженію, были въ состояніи дать лучшій отпоръ притѣснителямъ, чѣмъ тяглая масса. Съ другой стороны, оппозиціонное настроеніе въ стрѣлецкихъ полкахъ могли поддерживать и обострять проникшіе въ нихъ, вѣроятно, въ немаломъ количествѣ элементы, которые уже въ силу своего прошлаго были наиболѣе активными выразителями народнаго недовольства: это были бродяги, „гулящіе“ люди, бѣглые холопы и крестьяне. Этими же элементами питалось и казачество, и оттого между нимъ и стрѣльцами замѣчается извѣстное взаимное тяготѣніе, особенно во время народныхъ волненій. Стрѣлецкіе отряды охотно примыкали

къ вольницѣ, поднятой Разинымъ. Казацкіе обычаи не были чужды стрѣльцамъ: въ дни, когда среди нихъ происходило броженіе и дисциплина слабѣла, они собирались по-казацки въ круги для обсужденія своихъ дѣлъ и выступленій. При всемъ томъ, конечно, было бы большой ошибкой видѣть въ стрѣльцахъ революціонеровъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Ихъ политическое мышленіе,—если о таковомъ вообще можетъ быть рѣчь,—было специфически русское; они, какъ и всѣ остальныя соціальныя группы въ Московскомъ государствѣ, не могли понять связи явленій и за тягостнымъ режимомъ даннаго времени, который обусловливался, по ихъ мнѣнію, только личнымъ составомъ правящихъ сферъ, не видѣли корня зла. Они роптали, порой очень громко, на разнузданность своего начальства, винили въ ней потворство бояръ, винили самихъ бояръ въ тяготахъ, ложившихся на низшіе слои населенія, открыто выступали противъ ближайшихъ совѣтниковъ царя, „синклита“, но никогда не помышляли о возстаніи противъ монархіи, какъ таковой. Даже бунтовали они во имя царя или во имя царской идеи, если въ данное время не было налицо достойнаго носителя ея, — они поднимались, чтобы искоренить конкретное зло въ государствѣ, но не касались строя, постоянно питавшаго это зло.

Незадолго до кончины Ѳедора стрѣльцы, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями, рѣшились искать управы на своихъ полковниковъ, но потерпѣли обидную неудачу: бояре и на этотъ разъ прикрыли насильниковъ. Раздраженіе усилилось; на другой день послѣ похоронъ Ѳедора, 29 апрѣля, стрѣльцы толпою явились въ Кремль и настойчиво потребовали, чтобы съ наиболѣе виновныхъ девяти полковниковъ были взысканы присвоенныя ими стрѣлецкія деньги,—недоданное жалованье и плата за работы, къ которымъ они принуждали своихъ подчиненныхъ. Требованіе сопровождалось рѣзкими угрозами по адресу полковниковъ и „прочихъ измѣнниковъ, обманывающихъ царя“. Очевидно, стрѣльцы не ждали ничего хорошаго отъ новаго правительства и уже были настроены противъ него. Дѣйствительно, поведеніе котеріи, внезапно очутившейся у власти, могло дать поводъ къ недовольству и опасеніямъ. Нарышкины спѣшили расхватывать видныя должности съ жадностью людей, дорвавшихся до добычи послѣ долгаго поста: въ самый день смерти Ѳедора на нихъ посыпались чины спальниковъ, стольниковъ, кравчихъ, а 23-лѣтній Иванъ Кирилловичъ, вернувшійся изъ ссылки, сразу получилъ боярство. Но всѣ они были тусклыя посредственности, къ тому же люди совершенно непривычные къ правительственной дѣятельности. Угрозы стрѣльцовъ ихъ напугали, и они, не разобравъ дѣла, заставили полковниковъ удовлетворить жалобщиковъ полностью. Полковники должны были выплатить крупныя суммы по непровѣреннымъ стрѣлецкимъ счетамъ, и тѣ изъ нихъ, которые не могли этого сдѣлать, были биты на правежѣ въ присутствіи стрѣльцовъ. Такой оборотъ дѣла только подлилъ масла въ огонь.

Опьяненные такъ легко доставшимся успѣхомъ стрѣльцы окончательно разнуздались, и дисциплина въ ихъ полкахъ исчезла: они ругали и гнали отъ себя свое начальство, а тѣхъ офицеровъ, которые пробовали прибѣгнуть къ строгости, сбрасывали съ каланчей съѣзжихъ избъ. Въ то же время среди нихъ шла усиленная агитація противъ правительства. Подхватывались и принимались на вѣру слухи, будто Иванъ Нарышкинъ примѣрялъ царское облаченіе, хотѣлъ задушить царевича Ивана. Въ торговыхъ баняхъ, на улицахъ, въ сборищахъ, „кругахъ“, стрѣльцы грозились свернуть шею Нарышкинымъ и Матвѣеву, котораго правительство спѣшно вызвало изъ Луха въ Москву. Назрѣвало движеніе ярко противоправительственное, но въ основѣ своей лойяльное: рѣчь шла о защитѣ „царскаго корня“ отъ его измѣннической окруженія.

Бояринъ А. С. Матвѣевъ.
(Историческій музей).

15 мая солдаты одного полка, примкнувшіе къ движенію, и стрѣльцы всѣхъ приказовъ (полковъ) съ ружьями, бердышами и пушками громадною толпою вступили въ Кремль, окружили царскій дворецъ и потребовали, чтобы имъ показали царевича Ивана, на котораго, по ихъ свѣдѣніямъ, было Нарышкиными сдѣлано покушеніе. Наталья Кирилловна и патріархъ вывели на Красное крыльцо и Петра, и Ивана. Но это не успокоило мятежниковъ: они предъявили новое требованіе,—чтобы имъ были выданы измѣнники, значившіеся въ заранѣе составленномъ спискѣ, въ томъ числѣ Матвѣевъ, восемь Нарышкиныхъ, начальникъ стрѣлецкаго приказа кн. Юрій Долгорукій, его сынъ Михаилъ и кн. Григ. Григ. Ромодановскій. Когда имъ отвѣтили, что этихъ лицъ у государя нѣтъ, они, не слушая увѣщаній патріарха, вломились во дворецъ и стали разыскивать „измѣнниковъ“ во всѣхъ комнатахъ и дворцовыхъ церквахъ. Сопротивленія не было,—бояре и прочіе служилые люди, собравшіеся, по обыкновенію, съ утра во дворецъ, успѣли частью разбѣжаться, частью попрятаться. Первыми погибли Матвѣевъ и кн. Мих. Долгорукій; изъ Нарышкиныхъ былъ убитъ во дворцѣ одинъ Аѳанасій, братъ царицы, котораго стрѣльцы нашли подъ престоломъ въ сѣнной церкви Воскресенія. Убиты были также Ромодановскій, фаворитъ Ѳедора Иванъ Языковъ, управлявшій посольскимъ приказомъ Ларіонъ Ивановъ, Юрій Долгорукій, Иванъ Ѳомичъ Нарышкинъ,—послѣдніе двое въ своихъ домахъ,—и еще нѣсколько человѣкъ. Трупы мятежники стаскивали на Красную пло-

щадь и здѣсь рубили бердышами на мелкія части. Убитыхъ въ Кремлѣ они волокли въ Спасскія и Никольскія ворота, крича: „Вотъ бояринъ Матвѣевъ! вотъ бояринъ Ромодановскій! вотъ думный ѣдетъ! дайте дорогу!“ Въ судномъ и холопьемъ приказахъ бушевавшая толпа уничтожила всѣ кабальные акты, обѣщаясь дать волю холопамъ и „уставить правду“. Но грабежей, которыми обычно сопровождаются всѣ русскія народныя движенія, на этотъ разъ не было: стрѣльцы не только сами не трогали имущества „измѣнниковъ“, но безъ пощады убивали всякаго, кто попадался хотя бы въ мелкой покражѣ.

16 и 17 мая набѣги на Кремль повторились. Стрѣльцы настойчиво и съ угрозами требовали выдачи Ив. Кир. Нарышкина, скрывавшагося во дворцѣ. 17-го перепуганные бояре убѣдили Наталью Кирилловну пожертвовать братомъ ради общаго спасенія, и Иванъ былъ переданъ въ руки своихъ разъяренныхъ враговъ. Они подвергли его страшной пыткѣ въ застѣнкѣ Константиновской башни и, не добившись отъ него никакихъ признаній, изрубили на Красной площади. Вмѣстѣ съ нимъ погибъ такою же смертью докторъ Данило Гаденъ, обвиненный въ отравленіи царя Ѳедора.

Послѣ этого убійства прекратились. Стрѣльцы не настаивали на казни уцѣлѣвшихъ „измѣнниковъ“, списокъ которыхъ былъ пополненъ еще нѣсколькими именами, и удовольствовались изгнаніемъ ихъ изъ Москвы. Отецъ царицы Натальи, бояринъ Кириллъ Полуектовичъ, былъ насильно постриженъ въ монахи и сосланъ въ дальній монастырь. Мѣста жертвъ стрѣлецкой расправы въ правящихъ сферахъ заняли новыя лица, и во главѣ ихъ стала внезапно выдвинувшаяся на первый планъ царевна Софья. Это новое правительство проявило чрезвычайную угодливость по отношенію къ стрѣльцамъ: оно не только щедро одѣлило ихъ деньгами, указавъ выдать по 10 рублей (на наши деньги до 130 р.) на человѣка, но и поспѣшило рѣшить согласно съ ихъ желаніями политическій вопросъ первостепенной важности— объ организаціи верховнаго управленія.

Вообще нельзя отрицать того, что стрѣлецкое движеніе въ своей послѣдней фазѣ носило явно планомѣрный характеръ. Оно не было стихійной вспышкой, взрывомъ слѣпой ярости массы, доведенной до отчаянія неправдою сильныхъ людей, но было видимо направлено къ достиженію вполнѣ опредѣленной политической цѣли. На это указываютъ организованность и систематичность мятежныхъ выступленій: очевидно, стрѣльцамъ нужно было устранить изъ состава правительства только извѣстную группу, и они, поставивъ себѣ такую задачу, старались, сколько могли, не выходить изъ ея предѣловъ, хотя имѣли основаніе злобиться на все боярство. Убиты были люди, особенно раздражавшіе стрѣльцовъ обидами и неправдами, — Долгорукіе, Языковъ, Ларіонъ Ивановъ, Ромодановскій,—но вмѣстѣ съ ними въ проскрипціонный списокъ попали Матвѣевъ и Нарышкины, которые не успѣли при-

чинить стрѣльцамъ никакого зла: этимъ были поставлены въ вину лишь преступные замыслы противъ Ѳедора и Ивана, „царскаго корня“ отъ Милославской. Движеніе, впачалѣ имѣвшее характеръ солдатскаго протеста противъ условій службы, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи превратилось въ организованное выступленіе въ пользу одной изъ боровшихся за власть дворцовыхъ кликъ. Но фактическое торжество группы, поддерживаемой мятежниками, не удовлетворяло ихъ: они хотѣли еще облечь его въ легальную форму. Съ самаго начала возстанія стрѣльцы величали царемъ Ивана наравнѣ съ Петромъ, а послѣ побѣды 23 мая потребовали его формальнаго воцаренія. Правительство поспѣшило исполнить это требованіе, при чемъ дѣло, какъ при воцареніи Петра, не обошлось безъ фикціи народнаго избранія на дворцовой площади. Смыслъ переворота былъ подчеркнутъ тѣмъ, что, опять же по требованію стрѣльцовъ, Боярская дума и Освященный соборъ нарекли Ивана первымъ царемъ, а Петра—вторымъ, и еще болѣе тѣмъ, что 29 мая Софья была объявлена, въ виду молодости царей, правительницею.

Царица Мароа Матвѣевна (Апраксина). Супруга царя Ѳедора Алексѣевича. (Романовская галлерея).

Въ Московскомъ государствѣ появились два титулярныхъ царя, а фактическою носительницей верховной власти стала женщина. Чѣмъ объяснить такую необыкновенную развязку династическаго кризиса? Отвѣтъ на это въ показаніяхъ современниковъ и въ исторіографіи обусловливается отношеніемъ къ Софьѣ. По одной версіи, она была обязана своимъ возвышеніемъ ходу событій, разыгравшихся помимо ея воли, и тому политическому такту, который она проявила въ минуты общей растерянности, когда нужно было спасать государство отъ надвигавшейся анархіи; она одна сумѣла разумными уступками успокоить мятежныхъ стрѣльцовъ, и власть какъ бы сама далась ей въ руки въ награду за это. Другая версія, гораздо болѣе распространенная, исходитъ изъ лагеря политическихъ противниковъ Софьи. Въ

ихъ изображеніи она является коварной интриганкой, одаренной необуздан нымъ властолюбіемъ и не останавливающейся передъ злодѣйствомъ, когда оно въ ея интересахъ; она при помощи своихъ агентовъ разжигала стрѣлецкое движеніе и руководила имъ съ цѣлью погубить нарышкинскую группу и проложить себѣ дорогу къ власти.

Обѣ версіи страдаютъ односторонностью и преувеличеніемъ, но нужно признать, что вторая, враждебная Софьѣ, ближе къ истинѣ. Что въ стрѣлецкихъ полкахъ велась сильная агитація противъ Нарышкиныхъ и ихъ партіи,—это не подлежитъ сомнѣнію; о ней говорятъ всѣ показанія современниковъ, и только ею можно объяснить отмѣченную нами планомѣрность мятежа. Сохранились свѣдѣнія объ участіи въ агитаціи кн. Хованскаго и Ив. Мих. Милославскаго, сообщаются даже имена агитаторовъ, получавшихъ директивы отъ Милославскаго, но еслибы этихъ свѣдѣній и не было, очень трудно было бы допустить, чтобы клика, боровшаяся съ Нарышкиными, могла остаться въ сторонѣ отъ направленнаго противъ нихъ движенія: вопросъ: cui bono? здѣсь устранить нельзя. А въ такомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Софья была посвящена въ замыслы заговорщиковъ и, по меньшей мѣрѣ, сочувствовала имъ. Она, несомнѣнно, была властолюбива; ее влекло къ крупной политической роли, къ господству,—не даромъ она безъ смущенія приняла власть изъ рукъ стрѣльцовъ, какъ нѣчто должное, и за всѣ семь лѣтъ своего регентства чувствовала себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ, хотѣла даже, чтобы упрочить свое положеніе, вѣнчаться на царство. Она была притомъ „принцесса великаго ума и великій политикъ“, „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужескаго ума исполненная дѣва“,—таковы отзывы о ней ея политическихъ противниковъ. Французъ Невилль, вовсе не расположенный къ снисходительности по отношенію къ ней, говоритъ: „насколько ея станъ широкъ, коротокъ и грубъ, настолько ея умъ тонокъ, остеръ и политиченъ, и хотя она никогда не читала Макіавелли, она самостоятельно усвоила всѣ его правила“. Политическое чутье подсказало ей, что, при наличныхъ условіяхъ, въ закулисной борьбѣ за власть ея шансы были слабы и что революціонный методъ проще и вѣрнѣе велъ къ цѣли, которую она себѣ поставила. Въ самомъ психическомъ складѣ Софьи, значитъ, были данныя для приписываемой ей роли въ стрѣлецкомъ выступленіи, расчистившемъ ей дорогу къ власти. Но какъ могло развиться у нея политическое честолюбіе, какимъ образомъ въ странѣ, гдѣ господствовалъ взглядъ на женщину, какъ на существо низшее, у царевны, выросшей въ теремѣ, могло явиться дерзкое желаніе стать государыней въ политическомъ, а не титулярномъ только, смыслѣ слова?

Мы видѣли, что при Алексѣѣ Михаиловичѣ въ теремѣ азіатскій ригоризмъ сталъ подаваться подъ напоромъ новаго вѣянія. Царевны, дочери Милославской, воспитывались въ условіяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ

протекала жизнь ихъ предшественницъ. Наиболѣе даровитая изъ нихъ, Софья, полнѣе и лучше, чѣмъ ея сестры, воспользовалась этою относительной свободой. Бесѣды съ учителемъ ея братьевъ Симеономъ Полоцкимъ и чтеніе подъ его руководствомъ расширили ея умственный кругозоръ и освоили ее съ интересами, которые раньше были недоступны русской царевнѣ. Она была хорошо знакома съ современной церковной литературой

Лебедевъ. Кончина царя Ѳедора Алексѣевича.

на русскомъ и польскомъ языкахъ и не даромъ впослѣдствіи считалась, какъ ея братъ Ѳедоръ, цѣнительницею и покровительницею кіевской богословской школы. „О благороднѣйшая царевна Софія,—писалъ ей Полоцкій виршами,—ищеши премудрости выну небесныя, по имени твоему жизнь твою ведеши: мудрая глаголеши, мудрая дѣеши. Ты церковныя книги обыкла читати и въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати“. Полоцкій ставилъ свои мистеріи въ ея теремѣ, и она сама, говорятъ, играла въ нихъ. Даже стихотворное искусство не было чуждо ей: современникамъ была извѣстна сочиненная ею надпись въ стихахъ къ портрету кн. В. В. Голицына. Но ея интересы не исчер-

пывались одной литературой. Полоцкій, зорко слѣдившій за теченіемъ государственныхъ дѣлъ, не могъ не затрогивать въ бесѣдахъ съ своею способной и любознательной ученицей политическихъ темъ; ихъ касались, конечно, и другія лица, имѣвшія доступъ въ ея теремъ. Ко времени царствованія Ѳедора относится ея сближеніе съ В. В. Голицынымъ, перешедшее потомъ въ прочную связь. Этому выдающемуся политическому дѣятелю и мыслителю она, по всей вѣроятности, была обязана довершеніемъ своего политическаго воспитанія и пробужденіемъ честолюбивыхъ стремленій, задатки которыхъ коренились въ ея активной и властной натурѣ. По мѣрѣ того, какъ уяснялась для нея современная политическая дѣйствительность, ея увѣренность въ своихъ силахъ крѣпла, и она болѣе и болѣе свыкалась съ мечтою о политическомъ поприщѣ, какъ наиболѣе достойномъ ея способностей. Важно было и то, что всѣ окружавшіе Софью, не исключая и Голицына, были люди менѣе энергичные, чѣмъ она; пока не подросъ Петръ, она ни въ своей семьѣ, ни въ правительственныхъ кругахъ не встрѣчала человѣка, который могъ бы импонировать ей силой характера. Сознаніе собственнаго моральнаго превосходства должно было питать ея властолюбіе,—не видя около себя опасныхъ конкурентовъ, она привыкала смотрѣть на власть, какъ на свою законную и легко доступную добычу.

Итакъ, прикосновенность Софьи къ стрѣлецкому мятежу представляется очень вѣроятной, хотя уликъ въ видѣ фактовъ, не допускающихъ различныхъ толкованій, и нѣтъ налицо. Но отсутствіе такихъ уликъ легко объяснить тѣмъ, что Софьѣ не было надобности принимать непосредственное участіе въ организаціи движенія, разъ у нея были добровольные агенты изъ группы Милославскихъ, охотно продѣлавшіе за нее всю черную работу. Труднѣе было устранить поводы къ подозрѣніямъ, когда стрѣльцы послѣ переворота потребовали отъ новаго правительства расплаты: пришлось не только награждать ихъ деньгами, поить и кормить во дворцѣ, но и признать официально ихъ дѣйствія лойяльными и заслуживающими одобренія. Это признаніе было высказано, по челобитью стрѣльцовъ, въ граматахъ, розданныхъ въ ихъ приказы, солдатскіе полки и посадскія слободы, а на Красной площади воздвигли коммеморативный столбъ, на которомъ были прописаны имена „измѣнниковъ“, павшихъ жертвами праведнаго гнѣва вѣрныхъ государевыхъ слугъ, и ихъ вины. Правительство такимъ образомъ очутилось какъ бы въ плѣну у стрѣльцовъ, но съ этимъ положеніемъ оно могло мириться только на первыхъ порахъ, пока нельзя было обойтись безъ ихъ поддержки.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни искусно было направлено движеніе по извѣстному руслу, все же въ него вошли элементы, которые вовсе не были по душѣ правительству, желавшему остаться на почвѣ стараго порядка. Уничтожая кабалы въ приказахъ, стрѣльцы заявляли, что хотятъ дать холопамъ волю и „уставить правду“. Челобитная о признаніи стрѣлецкихъ заслугъ и

постановкѣ столба была подана правительству отъ лица всего московскаго гарнизона и всего тяглаго населенія столицы. На стрѣльцовъ опирались старообрядцы, выступившіе лѣтомъ 1682 года съ открытымъ протестомъ противъ гоненія на старую вѣру: только благодаря сочувствію стрѣльцовъ, которые объявили, что не потерпятъ болѣе казней и пытокъ за преданность старому обряду, они получили возможность громко обличать гонителей на улицахъ Москвы и принудили правительство допустить 5 іюля публичныя пренія о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ въ присутствіи царевенъ и царицы Натальи. Всѣ эти факты показываютъ, что у стрѣльцовъ было поползновеніе вовлечь въ свое движеніе всѣ оппозиціонныя группы, раздуть его до размѣровъ народнаго протеста. Но всѣ ихъ попытки въ этомъ направленіи потерпѣли полное крушеніе отчасти вслѣдствіе косности и трусости тѣхъ, кого они звали на борьбу за народное дѣло, отчасти по ихъ собственной винѣ. Посадскіе люди не пошевелились, не проявили ни малѣйшаго желанія поддержать стрѣльцовъ. Холопы не поднялись массою: громадное большинство ихъ предпочло привычное состояніе кабальной неволи сомнительнымъ благамъ московской свободы, а тѣхъ, которые, польстившись на громкій лозунгъ „уставить правду“, стали бить челомъ о волѣ, сами же стрѣльцы перехватали и выдали правительству на расправу. Такая же почти участь постигла и старообрядческое движеніе. Когда послѣ преній о вѣрѣ выяснилось, что правительство не желаетъ потакать ему, стрѣльцы отступились отъ своихъ союзниковъ и совершенно равнодушно отнеслись къ казни ихъ вождя попа Никиты и ссылкѣ другихъ старообрядческихъ учителей. Очевидно, у стрѣльцовъ не было энергіи и вѣры въ свои силы, необходимыхъ для торжества дѣла, на защиту котораго они хотѣли выступить; они дѣйствовали рѣшительно, пока были увѣрены въ томъ, что правительство на ихъ сторонѣ, когда же эта увѣренность ихъ покинула, когда они увидѣли, что ихъ замыслы правительству неугодны, они растерялись, и страхъ за собственную безопасность пересилилъ великодушные порывы, вспыхнувшіе въ моментъ опьяненія успѣхомъ.

Волненіе въ стрѣлецкихъ полкахъ, однако, продолжалось. Стрѣльцовъ раздражала неудача и тревожило постоянное опасеніе расправы и мести со стороны правительства и бояръ. Одинъ за другимъ распространялись слухи о томъ, что бояре со своими людьми готовятся напасть на стрѣльцовъ, разорить ихъ дома и порубить ихъ, и въ стрѣлецкихъ слободахъ все лѣто держалось крайне нервное настроеніе. Припадки паническаго страха смѣнялись вспышками слѣпой злобы, и тревога слѣдовала за тревогой. 12 іюня стрѣльцы потребовали отъ правительства выдачи всѣхъ бояръ: оказалось, что ихъ смутили распущенныя нѣсколькими лицами вѣсти о замышляемомъ боярами нападеніи на ихъ слободы. Смутьяновъ казнили, но спокойствіе не наступило: „и съ того числа,—отмѣчено въ разрядной записки,—немногіе

дни были безъ стрѣльбы, а во всѣхъ слободахъ стрѣляли изъ ружья". Правительство, въ свою очередь, тоже поддавалось чувству страха въ виду непрекращавшейся смуты. Правда, стрѣльцы не были поддержаны низшими слоями столичнаго населенія, и благодаря этому можно было не опасаться, что броженіе приметъ крупные размѣры, но, даже локализованное, оно все-таки казалось достаточно грознымъ. Правительственные круги были не менѣе, чѣмъ стрѣльцы, напуганы слухами о готовящихся нападеніяхъ и избіеніяхъ, и многіе члены Боярской думы, боясь повторенія майскихъ событій, бѣжали изъ Москвы въ дальнія помѣстья. Сама Софья не могла не испытывать безпокойства при видѣ упадка своей популярности среди стрѣльцовъ: не даромъ ей во время преній о вѣрѣ 5 іюля въ Грановитой палатѣ пришлось выслушать отъ стрѣлецкихъ выборныхъ, которые сопровождали старообрядцевъ, язвительныя рѣчи: „Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно царствомъ-то мутить,—намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ!" Крайняя распущенность и вызывающее поведеніе стрѣльцовъ оправдывали опасенія всякихъ эксцессовъ съ ихъ стороны. Стрѣлецкимъ приказомъ управлялъ кн. Ив. Андр. Хованскій, самовольно занявшій этотъ постъ во время майскаго мятежа. Онъ всячески старался пріобрѣсти расположеніе своихъ подчиненныхъ и для этого обогащалъ ихъ деньгами, взысканными, по ихъ требованіямъ, безъ всякаго разбирательства съ разныхъ лицъ. Офицеры, по голословнымъ заявленіямъ стрѣльцовъ о присвоеніи ими полковыхъ денегъ, подвергались правежу, а одинъ полковникъ былъ даже безъ суда пытанъ и затѣмъ четвертованъ. Хованскій дружилъ также со старообрядцами, и его стараніямъ они обязаны были устройствомъ диспута въ Грановитой палатѣ. Едва ли, однако, за этими демагогическими замашками скрывался какой-нибудь опредѣленный политическій планъ; повидимому, Хованскій искалъ популярности только ради удовлетворенія своего тщеславія, которое, дѣйствительно, было громадно. Онъ любилъ выставляться, играть всегда и вездѣ видную роль и былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ, никого изъ бояръ „въ свою пору не ставилъ", но его претензіи вовсе не оправдывались его заслугами. Его шумная и безтолковая дѣятельность доставила ему прозвище „тараруя", и всякъ, по словамъ царя Алексѣя Михайловича, его называлъ дуракомъ. Въ польской войнѣ онъ прославился пораженіями, которыя онъ терпѣлъ изъ-за своей опрометчивости. Такой человѣкъ врядъ ли могъ быть опаснымъ соперникомъ Софьи, но довольно было и того, что его поведеніе поддерживало смуту, компрометировавшую новое правительство.

Чтобы положить конецъ этому невыносимому положенію, Софья рѣшилась искать опоры внѣ Москвы. 20 августа вся царская семья покинула столицу и двинулась въ „походъ" по подмосковнымъ селамъ. Свои именины, 17 сентября, Софья праздновала въ Воздвиженскомъ, куда были вызваны

Царевна Софія Алексѣевна. *По старинной гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго.*
(Румянцовскій музей).

изъ Москвы всѣ придворные чины, въ томъ числѣ и Хованскій съ сыномъ Андреемъ. До пріѣзда Хованскихъ состоялось засѣданіе Боярской думы, въ которомъ, по прочтеніи составленнаго правительствомъ обвинительнаго акта, они были заочно приговорены къ смертной казни; въ тотъ же день ихъ схватили въ дорогѣ, доставили въ Воздвиженское и здѣсь умертвили. Вѣсть о казни любимаго начальника произвела на стрѣльцовъ потрясающее впечатлѣніе, и они сгоряча начали готовиться къ борьбѣ съ боярами,—захватили пушки, порохъ и свинецъ, заняли Кремль и сѣли въ осадѣ, но было уже поздно: не прошло и недѣли, какъ они узнали, что Софья въ Троицкомъ монастырѣ, куда дворъ переѣхалъ изъ Воздвиженскаго, окружена дворянскимъ ополченіемъ, спѣшно созваннымъ ею изъ ближайшихъ городовъ. Стрѣльцы пали духомъ и капитулировали передъ правительствомъ, которое потребовало отъ нихъ полной покорности, выдачи военныхъ припасовъ, отказа отъ мятежныхъ замысловъ и даже отреченія отъ подвиговъ, еще такъ недавно ставившихся имъ официально въ заслугу: они были вынуждены просить о сломкѣ столба на Красной площади, гласившаго о ихъ славныхъ дѣйствіяхъ въ майскіе дни. Въ началѣ ноября дворъ вернулся въ Москву въ сопровожденіи дворянскихъ отрядовъ. Новый начальникъ стрѣльцовъ, думный дьякъ Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый, строгими мѣрами возстановилъ дисциплину, и самый составъ московскаго стрѣлецкаго корпуса былъ измѣненъ. Изъ девятнадцати стрѣлецкихъ приказовъ въ Москвѣ были оставлены только семь, наиболѣе надежные, остальные высланы на службу къ границамъ, и на ихъ мѣсто переведено съ окраинъ пять полковъ, по выбору и за поручительствомъ мѣстныхъ командировъ.

Расправившись со стрѣльцами, правительство позаботилось и о подавленіи отголосковъ ихъ движенія. Въ смутное время многіе холопы покинули своихъ господъ, взявъ у нихъ силою отпускныя, и закабалились другимъ лицамъ,—такихъ холоповъ въ началѣ 1683 г. было указано возвращать прежнимъ владѣльцамъ и бить кнутомъ. На окраинахъ мѣстами слухи о московскомъ бунтѣ вызвали броженіе. Стрѣлецкіе отряды, расположенные въ Малороссіи, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ заволновались, и ихъ приподнятое настроеніе передавалось мѣстнымъ демократическимъ элементамъ; дѣло дошло до революціонной вспышки въ Переяславлѣ, гдѣ стрѣлецкій гарнизонъ прогналъ своихъ офицеровъ и замѣнилъ ихъ выборными властями. На Дону бѣглые стрѣльцы и раскольники мутили казаковъ, призывая ихъ именемъ царя Ивана къ походу на Москву и расправѣ съ боярскимъ правительствомъ. Въ виду всего этого правительство указомъ 21 мая 1683 г. запретило, подъ смертною казнью, всякіе толки о прошломъ смутномъ времени.

Слѣдствія смуты въ демократическихъ слояхъ населенія удалось ликвидировать, а на верхахъ остались элементы, которые должны были внушать правительству опасенія за прочность создавшагося положенія. Майскій ударъ

Держава царя Алексѣя Михайловича.

Изъ альбома Солнцева.

Адрядзіў пэўны адказ малодшы сяржант.

Нэр дэрдэмэ сочилмэз.

терроризовалъ Нарышкиныхъ, но не уничтожилъ ихъ, уцѣлѣли и боярскіе круги, враждебно относившіеся къ Милославскимъ. Софья провела въ правительство своихъ людей, среди которыхъ были способные дѣятели, но, за немногими исключеніями, не было представителей крупной родовой аристократіи. Вообще время правленія Софьи можно считать временемъ возвышенія рядового шляхетства и окончательнаго паденія аристократіи породы, начало которому было положено въ царствованіе Ѳедора законодательной отмѣною мѣстничества. Главный виновникъ этой мѣры, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, при Софьѣ сталъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ правящемъ кругу: онъ былъ назначенъ начальникомъ Посольскаго приказа, т.-е. министерства иностранныхъ дѣлъ, въ сентябрѣ 1683 г. получилъ почетный титулъ „царственныя большія печати оберегателя“ и фактически руководилъ всѣми дѣйствіями правительства. Нетрудно себѣ представить, какія чувства внушалъ знати, воспитавшейся въ родословныхъ традиціяхъ, режимъ, вдохновителемъ котораго былъ дѣятель, нанесшій рѣшительный ударъ строю, покоившемуся на этихъ традиціяхъ. Не могъ симпатизировать правительству и патріархъ Іоакимъ, не поддержанный Софьей и Голицынымъ въ своей борьбѣ съ московскими представителями кіевской богословской школы. Царевна покровительствовала ученику С. Полоцкаго Сильвестру Медвѣдеву, самому ярому противнику Іоакима; когда разгорѣлся споръ о времени пресуществленія св. даровъ, она была на сторонѣ Медвѣдева, защищавшаго кіевскую теорію, и только въ виду этого патріархъ не посмѣлъ затушить полемику репрессивными мѣрами.

Такъ, при всемъ различіи мотивовъ недовольства у отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ, и тѣ, и другія объединялись въ чувствѣ непріязни къ правительству Софьи. До поры, до времени это оппозиціонное настроеніе сказывалось только въ злыхъ пересудахъ и довольно безобидныхъ демонстративныхъ выходкахъ. Въ 1684 г. царедворцы два раза выказали неуваженіе къ царю Ивану: прикомандированные къ нему стольники и стряпчіе не захотѣли сопровождать его въ подмосковномъ походѣ, а бояре, которымъ было велѣно быть за нимъ въ крестномъ ходу въ день праздника Казанской Богородицы, къ этому ходу не явились. Царевнамъ столичная молва приписывала самое зазорное поведеніе. Говорили, что „царевна Софья—блудница и живетъ блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея, и бояре ходятъ къ нимъ, и ребятъ тѣ царевны носятъ и душатъ, а иныхъ на дому кормятъ“. Образъ жизни царевенъ, дѣйствительно, могъ давать поводы къ злословію. Сестры Софьи поспѣшили воспользоваться ея возвышеніемъ, чтобы покончить съ остатками теремной неволи, тяготившими ихъ еще при жизни царя Ѳедора, и устроить жизнь по своему вкусу. Жили онѣ широко, не встрѣчая отказа въ средствахъ, пока государственная казна была въ рукахъ сестры-правительницы, и очень вѣроятно, что въ ихъ теремахъ толпились придвор-

ные кавалеры, среди которыхъ онѣ могли вербовать фаворитовъ: свобода любви была главнымъ атрибутомъ женской эмансипаціи не только въ ихъ время, бѣдное интересами иного порядка, но и въ XVIII вѣкѣ, когда условія воспитанія русскихъ царевенъ все-таки измѣнились къ лучшему.

Когда подросъ царь Петръ, недовольство стало принимать болѣе угрожающій характеръ: всѣмъ было ясно, что онъ, возмужавъ, явится мстителемъ за мать и свою родню и вырветъ власть изъ рукъ Софьи. Но самъ Петръ пока мало интересовался политикой; въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ онъ проживалъ съ опальной матерью, онъ отдавался воинскимъ играмъ, окруживъ себя подобіемъ регулярнаго войска въ видѣ вымуштрованныхъ на иноземный ладъ потѣшныхъ полковъ. Говорятъ, Софья поощряла эти забавы, надѣясь, что онѣ отвлекутъ Петра отъ помысловъ о власти, и проглядѣла зарожденіе силы, на которую онъ могъ опереться въ борьбѣ съ нею. Наталья Кирилловна лучше понимала значеніе „потѣшныхъ конюховъ“: когда Софья по заключеніи вѣчнаго мира съ Польшей въ 1686 г. присвоила себѣ титулъ самодержицы, она сказала теткамъ и сестрамъ правительницы: „Для чего она (Софья) стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ“. За этимъ предостереженіемъ скоро послѣдовало другое, болѣе серьезнаго свойства. Въ 1687 г. Софья надумала упрочить свою власть посредствомъ торжественнаго вѣнчанія на царство, и Шакловитый повелъ агитацію въ стрѣлецкихъ полкахъ въ пользу этого проекта. По его плану, стрѣльцы должны были силой вынудить у Петра и бояръ согласіе на коронацію правительницы,—запугать боярство, это „отпадшее, зяблое дерево“, вооруженнымъ вторженіемъ въ Кремль, какъ въ 1682 году, арестовать ближайшихъ совѣтниковъ Петра, смѣнить патріарха. Но стрѣльцы не поддались уговорамъ Шакловитаго, очевидно, хорошо помня послѣдствія выступленія 1682 года. Софья, суровыми мѣрами смиривъ стрѣлецкій корпусъ и измѣнивъ его составъ, сама лишила себя опоры, которая могла бы ей доставить побѣду въ надвигавшемся столкновеніи съ братомъ.

Сильно ухудшилъ положеніе правительства несчастный исходъ крымскихъ походовъ 1687 и 1689 гг. Они были предприняты въ силу договора съ Польшей, налагавшаго на Москву обязательство принять участіе въ войнѣ Австріи и Польши съ Турціей, но, вѣроятно, правительство Софьи руководилось при этомъ и желаніемъ отыграться на внѣшнихъ успѣхахъ. Назначеніе въ оба раза Голицына главнокомандующимъ показываетъ, что московское правительство, ради спасенія своего престижа, шло на очень крупную ставку. Тѣмъ досаднѣе была неудача, давшая оппозиціи въ руки новое оружіе противъ фаворита Софьи, дѣйствія котораго и ранѣе постоянно подвергались самой придирчивой и злобной критикѣ: старались, напр., очернить даже его крупный дипломатическій успѣхъ, заключеніе съ Польшей въ 1686 году вѣчнаго мира, распуская слухъ, что польскіе послы, ведшіе пере-

Князь В. В. Голицынъ. *По старинной гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго.*
(Румянцовскій музей).

говоры, дали ему громадную взятку. Передъ первымъ крымскимъ походомъ враги Голицына заранѣе злорадствовали и, какъ разсказывали Невиллю, убѣждали его принять начальство надъ войскомъ, спекулируя на неудачу, которая имъ казалась неизбѣжной. Раздраженіе, вызванное результатомъ похода, было, дѣйствительно, очень сильно. Когда начались приготовленія къ новой войнѣ съ Крымомъ, въ воротахъ дома Голицына былъ найденъ гробъ съ письмомъ, въ которомъ объявлялось, что онъ будетъ убитъ, если не вернется побѣдителемъ; на сани оберегателя бросился убійца, но былъ задержанъ и тайно казненъ въ тюрьмѣ. Безславное отступленіе московскої рати, уже дошедшей до Перекопа и безъ боя повернувшей назадъ, молва объяснила измѣной полководца, будто бы подкупленнаго крымскимъ ханомъ. Правительница сдѣлала, что могла, чтобы изгладить тягостное впечатлѣніе, произведенное вторичнымъ фіаско ея любимца, и заставить молчать злые языки; въ граматѣ на имя Голицына она официально признала походъ побѣдоноснымъ и осыпала все войско, отъ генерала до послѣдняго рядового, наградами. Но Петръ, который уже началъ проявлять интересъ къ государственнымъ дѣламъ, неожиданно явился выразителемъ общаго недовольства и далъ почувствовать правительницѣ свое негодованіе по поводу беззастѣнчиваго рекламированія подвиговъ Голицына. Онъ, правда, согласился, хотя и не сразу, на назначеніе наградъ войску, но не пустилъ къ себѣ Голицына и прочихъ воеводъ, явившихся благодарить его.

Эта демонстрація чрезвычайно обострила и безъ того уже очень натянутыя отношенія между соперничавшими группами Софьи и Нарышкиныхъ. Правительница поняла, что развязка близка, и стала готовиться къ борьбѣ, зондируя настроеніе стрѣльцовъ. Но рѣшимости не было ни въ томъ, ни въ другомъ лагерѣ: какъ Нарышкины по старой памяти трепетали передъ стрѣльцами, такъ Софьѣ внушали страхъ потѣшные „озорники“ Петра, боевую годность которыхъ она уже успѣла оцѣнить. Петръ попытался дѣйствовать энергично, велѣлъ арестовать Шакловитаго, но тутъ же осѣкся и выпустилъ своего врага. Между тѣмъ изъ лагеря въ лагерь постоянно переносились вѣсти о враждебныхъ замыслахъ, о готовящихся покушеніяхъ, и нервное настроеніе и здѣсь, и тамъ все нарастало.

Одна изъ такихъ вѣстей послужила непосредственнымъ поводомъ къ развязкѣ. 7 августа въ Кремлѣ пронесся слухъ, что потѣшное войско ночью придетъ изъ Преображенскаго, чтобы убить царя Ивана и царевенъ. Софья приняла оборонительныя мѣры, — велѣла расположить въ Кремлѣ и на Лубянкѣ отряды стрѣльцовъ, всего не болѣе 700 чел., и послала въ Преображенское шпіоновъ. Стрѣльцы, видимо, вовсе не были расположены сражаться за правительницу, зато приверженцы Петра не дремали: они поспѣшили принести въ Преображенское извѣстіе о предстоящемъ будто бы нападеніи стрѣльцовъ. Петръ перепугался, какъ ребенокъ, и тотчасъ же, ночью, по-

скакалъ въ Троицкій монастырь, куда прибылъ поутру совершенно растерянный, въ самомъ жалкомъ состояніи. 8 августа вслѣдъ за Петромъ явились въ монастырь его молодая жена, мать и сестра Наталья, потѣшные, стрѣльцы Сухарева полка и нѣсколько преданныхъ ему бояръ.

Партія правительницы на первыхъ порахъ не придала значенія этому происшествію; Шакловитый, узнавъ о побѣгѣ Петра, сказалъ только: „вольно ему взбѣсяся бѣгать!“ Очевидно, въ Москвѣ и не помышляли объ аггрессивныхъ дѣйствіяхъ и, можетъ-

Кн. В. В. Голицынъ. Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

быть, были рады неожиданному обороту дѣла, благодаря которому все-таки непосредственная опасность миновала. Въ Троицкомъ монастырѣ настроеніе было иное, — здѣсь паника смѣнилась рѣшеніемъ довести борьбу до конца, когда перебѣжчики изъ Москвы доставили свѣдѣнія о нейтральномъ положеніи, занятомъ стрѣльцами, и обширный матеріалъ для обвиненія приверженцевъ Софьи въ преступныхъ замыслахъ. Петръ не захотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ лицами, посланными къ нему правительницей для выясненія дѣла, и граматой потребовалъ отъ стрѣльцовъ, чтобы они, въ знакъ покорности, отпустили къ нему своихъ полковниковъ и по 10 человѣкъ изъ каждаго полка. Софья воспротивилась этому, и стрѣльцы сперва не посмѣли ея ослушаться, но, по вторичной граматѣ, исполнили требованіе; покинулъ ее и патріархъ Іоакимъ, котораго она сама упросила поѣхать къ Троицѣ и склонить Петра къ примиренію. Попытка самой Софьи лично объясниться съ братомъ доставила ей только лишнее униженіе. Онъ не позволилъ ей даже доѣхать до монастыря, объявивъ ей черезъ своего посланца, что если она прибудетъ, съ нею „нечестно поступятъ“. Вскорѣ послѣ этого, 1 сентября, Петръ потребовалъ отъ нея выдачи оговоренныхъ перебѣжчиками Шакловитаго, Сильвестра Медвѣдева и ихъ сообщниковъ. Софья знала, что, согласившись, она сгубитъ себя,— у выданныхъ пытками будутъ вынуждать показанія противъ

нея. „Не головы Ѳедора Шакловитаго ищутъ,—сказала она стрѣльцамъ,—ищутъ головы моей и брата моего Ивана Алексѣевича“. Она употребила поэтому всѣ усилія, чтобы поднять, наконецъ, стрѣльцовъ на защиту своего дѣла, но ей только удалось отсрочить выдачу на нѣсколько дней Когда всѣ служилые иноземцы ушли къ Троицѣ, стрѣльцы поняли, что положеніе Софьи безнадежно, и сами заставили ее исполнить требованіе брата. 6 сентября Шакловитый съ товарищами былъ отправленъ къ Петру; Медвѣдевъ успѣлъ бѣжать, но вскорѣ былъ схваченъ.

На ходѣ процесса Шакловитаго останавливаться не стоитъ: какъ всѣ процессы, гдѣ обвинителемъ выступаетъ сторона, побѣдившая въ политической борьбѣ, онъ былъ веденъ исключительно pro forma, ради приданія нѣкотораго вида законности акту политической мести. Даже вырванныя пытками показанія подсудимыхъ не подтвердили взведенныхъ на нихъ обвиненій; никто изъ нихъ не повинился въ приписанномъ имъ умыслѣ на жизнь Петра, и слѣдователямъ удалось установить только то, что приверженцы Софьи въ разговорахъ очень рѣзко отзывались о Нарышкиныхъ, выражали даже желаніе отдѣлаться отъ царицы Натальи и ея брата Льва, но далѣе этихъ разговоровъ дѣло не шло. Приговоръ, конечно, имѣлъ террористическій характеръ; четверо, въ томъ числѣ Шакловитый и Медвѣдевъ, были осуждены на смерть, пятнадцать человѣкъ — биты кнутомъ (у троихъ урѣзаны языки) и сосланы, болѣе двадцати пяти сослано безъ тѣлеснаго наказанія или по наказаніи батогами. Оберегателя, у котораго нашелся заступникъ въ лицѣ его двоюроднаго брата, сильнаго при дворѣ Петра Бориса Голицына, не рѣшились запутать въ дѣло Шакловитаго; не подвергая розыску, его заочно присудили къ лишенію боярства и ссылкѣ за то, какъ было объявлено ему въ указѣ, что онъ уравнялъ въ титулѣ царевну Софью съ великими государями и своимъ нерадѣніемъ плохо провелъ послѣдній крымскій походъ; вмѣстѣ съ нимъ сослали и сына его Алексѣя. Мѣстомъ ссылки сначала былъ назначенъ Каргополь, но вскорѣ враги Голицыныхъ настояли на замѣнѣ его Яренскомъ, потомъ еще болѣе глухимъ Пустозерскомъ.

Покинутая стрѣльцами, правительница фактически лишилась власти въ тотъ моментъ, когда ей пришлось склониться передъ послѣднимъ ультиматумомъ Петра. Народъ, все время остававшійся пассивнымъ зрителемъ событій, отнесся совершенно равнодушно и къ развязкѣ; ему, очевидно, борьба Петра съ сестрою за власть представлялась просто раздоромъ въ семьѣ вотчинниковъ, сводившихъ личные счеты при помощи вооруженной дворни, а не явленіемъ, затрогивавшимъ интересы всего населенія. 7 сентября былъ изданъ указъ объ исключеніи имени Софьи изъ царскаго титула. „Теперь, государь братецъ,—писалъ Петръ брату Ивану.—настоитъ время нашимъ обѣимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему з а з о р н о м у лицу, сестрѣ

Кресло царя Михаила Ѳеодоровича.

Изъ альбома Солнцева.

Καθεζόμενος παρὰ Μαγδαλὰ Θεοδοσοπούλῃ.

Νεφ ἀφροδιμα Σουλιεβα.

нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ". За этимъ письмомъ послѣдовало удаленіе Софьи изъ Кремлевскаго дворца въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ она была насильно водворена. Ей не суждено было выйти изъ этого заточенія: послѣ стрѣлецкаго бунта 1697 г. Петръ, вновь обвинившій ее въ сношеніяхъ съ мятежниками, заставилъ ее постричься, и она умерла монахиней въ 1704 г.

Послѣ паденія Софьи двоевластіе формально сохранилось до смерти Ивана (въ началѣ 1696 г.). Но Иванъ какъ былъ, такъ и остался титулярнымъ царемъ, и функціи его свелись къ одному представительству. Петръ взялъ себѣ власть, а брату предоставилъ ея внѣшніе атрибуты.

II. Внѣшняя политика.

Правительство царя Ѳедора унаслѣдовало отъ предыдущаго царствованія трудное и сложное положеніе въ области внѣшнихъ отношеній. Въ связи съ малороссійскимъ вопросомъ, кое-какъ улаженнымъ при царѣ Алексѣѣ, возникъ другой, имѣвшій еще болѣе серьезное значеніе: къ русской границѣ приблизились владѣнія турецкаго султана.

Андрусовскій договоръ 1667 года, ликвидировавшій долговременный споръ Москвы съ Польшей изъ-за Малороссіи, былъ компромиссомъ, не удовлетворившимъ вполнѣ ни той, ни другой стороны. Польша поступилась плодами своихъ побѣдъ, дозволивъ Москвѣ утвердиться на лѣвомъ берегу Днѣпра и отдавъ ей Кіевъ во временное владѣніе, Москва отказалась отъ своихъ притязаній на правобережную Украйну. Противники пошли на эти уступки въ виду неожиданнаго оборота дѣлъ на правомъ берегу Днѣпра: здѣсь гетману Дорошенку удалось вызвать на сцену новую силу, врѣзавшуюся клиномъ между Москвою и Польшей и одинаково грозную для обѣихъ. Признавъ надъ собою власть турецкаго султана, онъ втянулъ турокъ и крымцевъ въ свою борьбу съ сосѣдями, тѣснившими съ двухъ сторонъ захваченную имъ часть Малороссіи. Польша первая испытала послѣдствія новой политической конъюнктуры. Дорошенко при помощи своихъ союзниковъ сталъ тѣснить поляковъ на правомъ берегу, а султанъ, вторгнувшись въ 1672 году въ Подолію, заставилъ ихъ по бучацкому договору отказаться отъ Украйны. Но и Москвѣ пришлось пожать плоды своей близорукой національнистической политики, оттолкнувшей отъ нея значительную часть казачества. Возстаніе Брюховецкаго и послѣдовавшее за нимъ подчиненіе лѣваго берега Дорошенку показали ей, какую серьезную угрозу для ея господства въ Малороссіи представляло присутствіе подъ бокомъ предпріимчиваго гетмана, охраняемаго могущественнымъ сюзереномъ. Еще болѣе грозное значеніе имѣла открывшаяся передъ нею перспектива непосредственнаго столкновенія съ Турціей.

Та конкретная форма, въ которой всталъ теперь передъ Москвой восточный вопросъ, оказалась чрезвычайно далекой отъ концепціи, создавшейся въ воображеніи передовыхъ московскихъ дипломатовъ. Ординъ-Нащокинъ мечталъ объ отторженіи отъ Турціи придунайскихъ земель и образованіи на ея границахъ сильной федераціи православныхъ народностей подъ главенствомъ московскаго царя. Эта мысль была развита имъ въ качествѣ довода въ пользу союза съ Польшой: онъ полагалъ, что православные молдаване и волохи, отдѣленные отъ Россіи Польшей, узнавъ о заключеніи союза этими державами, пристали бы къ нимъ и тогда всѣ дѣти восточной церкви, населяющія страны между Дунаемъ и московской границей—Валахію, Подолье, Червонную Русь, Волынь и Малороссію, слились бы въ единый христіанскій народъ. Московскій резидентъ при польскомъ дворѣ Тяпкинъ выступилъ съ еще болѣе смѣлымъ проектомъ, значительно расширявшимъ и видоизмѣнявшимъ планъ Нащокина: по его мысли Московское государство должно было, не вступая ни въ какое соглашеніе съ Польшей, самостоятельно объединить подъ своею гегемоніей всѣ православныя народности восточной Европы, со включеніемъ сербовъ и грековъ, и этотъ православный союзъ получалъ характеръ агрессивный по отношенію къ Польшѣ и даже прочимъ католическимъ державамъ. Какъ видимъ, нельзя отказать въ широтѣ и смѣлости политической мысли этимъ планамъ, намѣчавшимъ для Россіи, дѣйствительно, наиболѣе раціональную, при извѣстныхъ условіяхъ, линію поведенія въ восточномъ вопросѣ, но дѣло въ томъ, что какъ разъ этихъ условій и не было налицо въ московской Руси. Оба плана одинаково грѣшили слишкомъ оптимистической оцѣнкой современныхъ силъ Московскаго государства. Осуществленіе ихъ предполагало побѣдоносную наступательную войну съ Турціей, т.-е., другими словами, наличность такой военной организаціи и такихъ финансовыхъ рессурсовъ, какими Москва не обладала. Исходъ столкновенія съ султаномъ изъ-за Украйны показалъ, что Москвѣ были не по плечу даже гораздо болѣе скромныя военныя задачи.

Въ 70-хъ годахъ счастье отвернулось отъ Дорошенка, и положеніе его стало очень шаткимъ. Почти непрерывная внутренняя междоусобица и постоянныя вторженія поляковъ и крымцевъ въ конецъ истомили правобережную Украйну. Страна была разорена и опустошена; казачество массами бѣжало на лѣвый берегъ, а оставшіеся такъ злобились на виновника своихъ бѣдъ, гетмана, что ему только при помощи самыхъ крутыхъ мѣръ удавалось удерживать ихъ въ повиновеніи. Между тѣмъ бучацкій договоръ, отдавшій правобережную Украйну во власть султана, развязалъ Москвѣ руки: она могла расправиться съ Дорошенкомъ, не опасаясь столкновенія изъ-за него съ Польшей. Въ 1674 г. лѣвобережный гетманъ Иванъ Самойловичъ и царскій воевода кн. Григ. Ромодановскій два раза подступали къ резиденціи Дорошенка—Чигирину, но овладѣть имъ не смогли; второй походъ окончился ихъ по-

сѣшнымъ отступленіемъ на лѣвый берегъ Днѣпра передъ вступившими въ Украйну турецкими и крымскими войсками. Только въ 1676 г. Самойловичу и Ромодановскому удалось, наконецъ, принудить Чигиринъ къ сдачѣ, и Дорошенко долженъ былъ признать себя подданнымъ московскаго царя. Въ 1677 г. онъ былъ интернированъ въ Москвѣ, а черезъ два года отправленъ въ почетную ссылку—въ Вятку въ качествѣ воеводы.

Чигиринъ былъ сильно укрѣпленный городъ и важный опорный пунктъ; помимо стратегическихъ выгодъ, обладаніе имъ, по мнѣнію знатоковъ края, имѣло крупное политическое и моральное значеніе. „У насъ, — говорилъ Самойловичъ, — во всемъ казацкомъ народѣ одно слово и дѣло: при комъ Чигиринъ и Кіевъ, при томъ и они всѣ должны въ вѣчномъ подданствѣ быть“. Ромодановскій заявлялъ: „разорить Чигиринъ отнюдь нельзя, — очень безславно и отъ непріятеля страшно, и не только Украйнѣ убыточно, но и самому Кіеву будетъ тяжко“. Съ другой стороны, удержать Чигиринъ—значило бросить вызовъ турецкому султану, который считалъ его крѣпостью въ своей землѣ. Военное столкновеніе съ турками, хотя бы оборонительнаго характера, вовсе не было заманчивой перспективой для Москвы при тогдашнемъ состояніи ея вооруженныхъ силъ. Поставленное передъ такимъ труднымъ вопросомъ, московское правительство долго не могло разобраться въ pro и contra даже послѣ того, какъ военныя дѣйствія начались, хотя на первыхъ порахъ они приняли благопріятный для Москвы оборотъ.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ. (Романовская галлерея).

Въ августѣ 1677 года турки осадили Чигиринъ. Русскій гарнизонъ храбро отбивался, но сталъ уже изнемогать, когда къ городу приблизились шедшія на выручку войска Ромодановскаго и Самойловича. Турки, подкрѣпленные подоспѣвшею татарскою ордой, вступили съ ними въ бой, потерпѣли пораженіе и поспѣшно ушли отъ Чигирина, бросивъ запасы и артиллерію. Несмотря на этотъ успѣхъ, московское правительство только послѣ

долгихъ колебаній, по настояніямъ Ромодановскаго и Самойловича, рѣшилось удержать Чигиринъ и снабдить его всѣмъ необходимымъ на случай новой осады. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году турецкій визирь со стотысячною арміей явился въ началѣ іюля подъ стѣнами Чигирина. Воевода и гетманъ успѣли уже придвинуться къ Днѣпру; въ виду непріятеля они переправились на правый берегъ и заняли позицію невдалекѣ отъ города. Хотя русское войско было численно не слабѣе, вѣроятно, даже сильнѣе противника, его предводители не отважились на наступленіе и ограничились отраженіемъ турецкихъ атакъ, между тѣмъ какъ силы чигиринскаго гарнизона таяли въ неравной борьбѣ. Не улучшилъ положенія осажденныхъ и частичный успѣхъ, достигнутый, наконецъ, русскимъ войскомъ,—занятіе важнаго пункта близъ самой крѣпости. Ромодановскій и Самойловичъ не двинулись дальше, и на глазахъ ихъ турки вытѣснили изъ Чигирина гарнизонъ, при чемъ значительная часть его погибла въ безпорядочномъ бѣгствѣ, а другая часть, пробившись сквозь непріятельскіе ряды, соединилась съ русскимъ войскомъ. На другой день оно отступило, преслѣдуемое турками.

Ромодановскаго правительство лишило командованія и отозвало въ Москву, считая его виновникомъ неудачи. Онъ, конечно, не былъ хорошимъ генераломъ, но исходъ войны, несомнѣнно, нельзя отнести цѣликомъ на счетъ его неспособности. Обѣ кампаніи потребовали чрезвычайнаго напряженія военныхъ рессурсовъ страны: были мобилизованы и двинуты на театръ военныхъ дѣйствій не только войска ближайшихъ къ нему округовъ, но и корпуса, расположенные въ Поволжьѣ и отдаленной новгородской области. Въ сформированной такимъ образомъ арміи преобладали наиболѣе надежные въ смыслѣ боевой годности элементы, полки иноземнаго строя, составлявшіе болѣе половины ея. Но и въ этомъ составѣ московская рать оказалась мало внушительной боевой силой, и ея слабыя стороны обнаружились не менѣе ярко, нежели въ прежнихъ войнахъ. Воеводы ссорились изъ-за мѣстъ и не поддерживали другъ друга. Рейтары и дворянская конница, по московскому обычаю, уклонялись отъ боя и только производили безпорядокъ. Солдатскіе полки и стрѣлецкіе приказы держались лучше, но послѣдніе бились въ очень неполномъ составѣ, потому что большинство стрѣльцовъ оставалось въ обозѣ у телѣгъ; начальникамъ отрядовъ въ сраженіяхъ постоянно приходилось требовать подкрѣпленій отъ гетмана. Таковы были наблюденія, сдѣланныя въ послѣднемъ походѣ опытнымъ казацкимъ офицеромъ Иваномъ Мазепой, будущимъ гетманомъ.

Послѣ потери Чигирина нужно было опасаться за Кіевъ, который Москва только что вновь укрѣпила за собою на тринадцать лѣтъ по договору, заключенному въ 1678 г., отдавъ за него полякамъ 200 тыс. рублей и три пограничныхъ города. Военный опытъ былъ такъ горекъ, что въ

Москвѣ не имѣли ни малѣйшаго желанія продолжать борьбу и единственный выходъ изъ труднаго положенія видѣли въ заключеніи мира какою бы то ни было цѣною. Правда, Польша, тоже сильно потерпѣвшая отъ турокъ, довольно настойчиво предлагала царю союзъ и помощь войсками, но московское правительство сомнѣвалось въ ея искренности, особенно послѣ того, какъ она за спиною московскаго резидента заключила съ Турціей новый мирный договоръ въ 1676 г., и соглашеніе между сторонами никакъ не могло наладиться. Тѣмъ временемъ выяснилось, что султанъ былъ не прочь прекратить войну; Самойловичъ съ своей стороны въ разговорахъ съ чиновникомъ Посольскаго приказа, пріѣхавшимъ узнать его мнѣніе, рѣшительно высказался за миръ. Султанъ возложилъ веденіе переговоровъ на своего вассала, крымскаго хана, и русскіе уполномоченные въ концѣ 1679 г. поѣхали въ Крымъ. Вытерпѣвъ рядъ униженій, они вынуждены были, наконецъ, принять условія, продиктованныя ханомъ: Турція удерживала правобережную Украйну, оставляя за царемъ только Кіевъ съ территоріей его стараго уѣзда, Москва обязывалась уплатить хану дань за просроченные три года и впредь вносить ее ежегодно въ прежнемъ размѣрѣ. На этихъ условіяхъ было заключено въ Бахчисараѣ 4 марта 1681 г. перемиріе на двадцать лѣтъ. Матеріальная потеря не была тяжка для Москвы: уступая султану Заднѣпровье, она отказывалась отъ разоренной и опустѣвшей страны, обладаніе которой не могло окупать связаннаго съ нимъ новаго напряженія ея финансовъ. Гораздо серьезнѣе былъ моральный уронъ, понесенный Москвою. Вынужденный отказъ отъ области, которую московское правительство привыкло разсматривать, какъ часть національной территоріи, означалъ крупное пораженіе его націоналистическихъ вожделѣній. Алексѣю Михайловичу трудно было примириться съ мыслью объ уступкѣ полякамъ правобережной Украйны: „собакѣ,—писалъ онъ Ордину-Нащокину,—недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго; только то не отъ насъ будетъ,—за грѣхи учинится“. Теперь этотъ кусокъ православнаго хлѣба былъ отданъ даже не полякамъ, а басурману. Съ другой стороны, статья договора о платежѣ дани крымскому хану закрѣпляла зависимость Москвы отъ Крыма, этотъ позорный пережитокъ татарской неволи, отъ котораго она тщетно пыталась отдѣлаться въ теченіе почти двухъ столѣтій. Тѣмъ не менѣе заключеніе мира было встрѣчено съ чувствомъ удовлетворенія въ Москвѣ и съ ликованіемъ въ Малороссіи; государство и народъ испытали глубокое униженіе, но цѣною его удалось стрясти съ плечъ войну, ложившуюся тяжкимъ бременемъ на народныя средства. Наступившій отдыхъ, однако, не былъ продолжителенъ; обстоятельства вскорѣ сложились такъ, что Московскому государству пришлось возобновить борьбу съ Турціей, — на этотъ разъ уже въ качествѣ члена европейской коалиціи, ополчившейся на защиту христіанскаго міра отъ мусульманскихъ захватовъ.

Расправившись съ Польшей и Москвою, турки обратились противъ Австріи. По примѣру Дорошенка, предводитель отложившихся отъ Австріи венгровъ Текели поддался султану и призвалъ на помощь его войска. Императоръ Леопольдъ поспѣшилъ заключить союзъ съ польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ, и въ 1683 г. послѣдній со своею арміей явился на выручку Вѣны, осажденной громадными полчищами турокъ. Войска германской имперіи и поляки подъ предводительствомъ короля разбили турокъ въ битвѣ подъ стѣнами Вѣны, преслѣдовали ихъ и нанесли имъ вторичное пораженіе при Парканахъ. Этотъ ударъ не заставилъ, однако, султана отказаться отъ продолженія борьбы, и союзникамъ пришлось готовиться къ дальнѣйшему развитію военныхъ операцій. Они стали хлопотать о привлеченіи къ коалиціи новыхъ членовъ, — вступили въ союзъ съ Венеціей и предложили Москвѣ принять участіе въ борьбѣ христіанскихъ народовъ съ ихъ общимъ исконнымъ врагомъ. По плану Собѣскаго австрійцы должны были наступать на турокъ со стороны Дуная, поляки—двинуться въ Подолію, русскіе—противъ Крыма, а Венеціи предоставлялись военныя дѣйствія на морѣ. Эта стратегическая комбинація вполнѣ отвѣчала видамъ московскаго правительства, давно уже искавшаго случая свести старые счеты съ Крымомъ при помощи Польши; мысль о заключеніи съ Польшей наступательнаго союза противъ Крыма возникла въ Москвѣ еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но московскій канцлеръ кн. В. В. Голицынъ, сообразивъ, что участіе Москвы въ коалиціи было для союзныхъ державъ, въ частности для поляковъ, не менѣе выгодно, чѣмъ для нея самой, рѣшилъ выторговать еще компенсацію за него и обусловилъ свое согласіе заключеніемъ съ Польшей договора, который долженъ былъ навсегда гарантировать Москвѣ обладаніе Кіевомъ, уступленнымъ ей временно въ 1667 и 1678 гг. Посламъ австрійскаго императора, прибывшимъ въ Москву въ 1684 г., Голицынъ рѣшительно заявилъ, что о союзѣ не можетъ быть рѣчи, пока Польша не откажется отъ Кіева. Поляки долго противились, но неудачи, постигшія ихъ войска въ Подоліи и Молдавіи въ 1684 и 1685 гг., вынудили ихъ купить помощь Москвы цѣною уступки, которой она потребовала отъ нихъ. 21 апрѣля 1686 г., послѣ упорныхъ и продолжительныхъ препирательствъ съ Голицынымъ, польскіе послы заключили въ Москвѣ вѣчный миръ: Польша отдала Кіевъ, Москва обязалась уплатить за него 146 тыс. рублей, нарушить мирный договоръ съ султаномъ и крымскимъ ханомъ и въ 1687 г. двинуть свои войска въ Крымъ.

Правительство царевны Софьи приняло, въ предѣлахъ своихъ средствъ, всѣ мѣры къ тому, чтобы оказаться на высотѣ задачи, поставленной ему союзнымъ трактатомъ. Съ осени 1686 г. оно приступило къ мобилизаціи войскъ, назначенныхъ въ походъ; въ составъ дѣйствующей арміи вошли, кромѣ столичнаго корпуса, „большого полка“, войска сѣвскаго, бѣлгородскаго

новгородскаго, казанскаго и рязанскаго военныхъ округовъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ фаворитъ правительницы, ближній бояринъ и оберегатель царственной большой печати кн. В. В. Голицынъ. Начальниками корпусовъ были воеводы русскіе, но среди полковыхъ командировъ преобладали европейскіе офицеры; въ числѣ ихъ былъ извѣстный генералъ Гордонъ, подробно изложившій исторію похода въ своемъ дневникѣ.

Военныя приготовленія, по московскому обыкновенію, шли медленно, и только весною 1687 г. армія, численность которой достигала 100 тыс. чел., сосредоточилась на украинской границѣ. Въ маѣ она тронулась въ путь и въ степи соединилась съ 50-тысячнымъ войскомъ гетмана Самойловича. Татары не пытались задержать наступленіе русскихъ, но оно вскорѣ встрѣтило непреодолимое препятствіе, котораго Голицынъ не предусмотрѣлъ: въ іюнѣ загорѣлась трава въ степи. Арміи пришлось двигаться по выжженной мѣстности, въ облакахъ дыма и пожарной пыли; люди изнемогали отъ зноя и копоти, лошади едва двигались отъ усталости и голода. Выпавшій проливной дождь не поправилъ дѣла: въ рѣчкахъ, пересохшихъ вслѣдствіе пожара, появилась вода, но растительность уже погибла и не могла возстановиться. Съ большимъ трудомъ войско проходило не болѣе 5—10 верстъ въ сутки; наконецъ, Голицынъ убѣдился въ невозможности продолженія похода и, обсудивъ положеніе съ начальными людьми, рѣшилъ, въ виду недостатка провіанта и отсутствія фуража, начать отступленіе. Армія повернула назадъ, выдѣливъ изъ себя отрядъ, который долженъ былъ выступить противъ расположенныхъ по нижнему теченію Днѣпра турецкихъ крѣпостей, чтобы прикрыть съ этой стороны движеніе главныхъ силъ.

Царица Прасковья Ѳедоровна (Салтыкова).
Супруга царя Ивана Алексѣевича.

Голицынъ въ рапортѣ, посланномъ царямъ, обвинилъ татаръ въ поджогѣ степи, но въ войскѣ упорно держался слухъ, что ее жгли казаки по приказанію или, по крайней мѣрѣ, свѣдома Самойловича, который, какъ было извѣстно, очень неодобрительно относился къ разрыву съ Турціей и походу противъ Крыма. Особенно усердно распространяла этотъ слухъ враждебная гетману казацкая старшина, вдохновляемая Иваномъ Мазепой, разсчитывавшимъ, въ случаѣ паденія Самойловича, занять его мѣсто. Въ началѣ іюля нѣсколькими казацкими офицерами былъ поданъ Голицыну доносъ, въ которомъ гетману приписывался цѣлый рядъ измѣнническихъ замысловъ и дѣйствій, въ числѣ ихъ и зажженіе степи. Голицынъ, давно уже не ладившій съ Самойловичемъ, не счелъ нужнымъ разслѣдовать дѣло, а отослалъ доносъ въ Москву, откуда вскорѣ получилъ разрѣшеніе смѣнить гетмана, „буде онъ старшинѣ и всему войску малороссійскому негоденъ“, и сослать его въ Великороссію. Армія стояла тогда въ лагеряхъ близъ Полтавы. Голицынъ приказалъ арестовать Самойловича въ казацкомъ обозѣ и доставить его въ станъ московскаго войска; здѣсь ему объявили взведенныя на него обвиненія и, не выслушавъ его оправданій, сказали указъ о лишеніи гетманскаго сана. 25 іюля наскоро созванная рада провозгласила гетманомъ Мазепу, за котораго высказался главнокомандующій, получившій отъ него очень щедрую благодарность—10 тыс. рублей.

Въ іюлѣ же состоялся въ лагерѣ Голицына военный совѣтъ съ участіемъ прибывшаго изъ Москвы Шакловитаго, которому правительство поручило выработать вмѣстѣ со штабомъ арміи планъ дальнѣйшихъ дѣйствій; было постановлено признать кампанію оконченной и ограничиться пока, на случай возобновленія войны, укрѣпленіемъ линіи по рѣкѣ Самарѣ, на степной границѣ. Такой финалъ похода, въ которомъ войско понесло значительныя потери, не добившись никакого положительнаго результата, сильно дискредитировалъ Голицына и правительство Софьи. Враждебная имъ партія подняла голову, злорадно указывая на промахи и нераспорядительность главнаго воеводы, только доставившаго крымцамъ возможность лишній разъ убѣдиться въ безсиліи Москвы; и дѣйствительно, ханъ, ободренный позорнымъ для русскихъ исходомъ кампаніи, возобновилъ набѣги на Малороссію. Между тѣмъ съ западнаго театра войны приходили вѣсти объ успѣхахъ австрійцевъ, вытѣснившихъ турокъ изъ Венгріи и нанесшихъ имъ пораженіе при Могачѣ, и венеціанцевъ, которые овладѣли Мореей и многими островами въ Архипелагѣ. Въ самомъ Константинополѣ произошелъ военный бунтъ, разрѣшившійся низложеніемъ Магомета IV и возведеніемъ на престолъ угоднаго янычарамъ Сулеймана. Восточные христіане ждали въ ближайшемъ будущемъ паденія турецкаго владычества и, опасаясь, какъ бы оно не смѣнилось господствомъ на Балканскомъ полуостровѣ побѣдоносныхъ католическихъ державъ, слали въ Москву просьбы о скорѣйшемъ выступленіи царскихъ

войскъ противъ невѣрныхъ. Всѣ эти обстоятельства побуждали правительство Софьи, не теряя времени, возобновить войну.

Съ осени 1688 г. въ Москвѣ стали готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Объектомъ ихъ и на этотъ разъ былъ намѣченъ Крымъ, покореніе котораго московское правительство считало своей ближайшей задачей въ борьбѣ съ мусульманами. Армія сформировалась изъ тѣхъ же корпусовъ, какіе дѣйствовали въ кампанію 1687 г., и главное начальство надъ нею принялъ опять Голицынъ, надѣявшійся, что успѣхъ возстановитъ его репутацію и заставитъ молчать его враговъ. При выработкѣ плана кампаніи руководились указаніями недавняго опыта. Было рѣшено держаться возможно долѣе берега Днѣпра, овладѣвать по дорогѣ турецкими острожками и для охраны коммуникаціонной линіи устроить на ней рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ съ небольшими гарнизонами. Чтобы имѣть возможность пройти степь ранею весною, когда молодую траву нельзя поджечь, Голицынъ приказалъ войскамъ явиться на мѣста сбора не позже февраля 1689 г.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ. По гравюрѣ Бекетова.

Стояла еще зима, когда начался походъ, и на первыхъ порахъ снѣга и сильная стужа затрудняли движеніе войска. Голицынъ торопился; получивъ свѣдѣнія объ уходѣ хана съ главными силами на Волынь, онъ надѣялся захватить врасплохъ беззащитный Крымъ. Но ханъ во-время узналъ о наступленіи русскихъ, вернулся въ свои степи и сталъ тревожить непріятеля внезапными нападеніями. На разстояніи трехъ или четырехъ переходовъ отъ Перекопа русскому авангарду пришлось выдержать серьезный натискъ ханской орды, которую, однако, удалось отбить орудійнымъ огнемъ.

20 мая армія Голицына подступила къ Перекопу,—крѣпости на берегу рва, прорѣзывавшаго узкій перешеекъ между Чернымъ моремъ и Сивашемъ. Голицынъ хотѣлъ было немедленно штурмовать Перекопъ, которымъ, вѣроятно, и овладѣлъ бы безъ особаго труда, потому что его укрѣпленія были слабы, но почему-то раздумалъ и простоялъ нѣсколько дней въ бездѣйствіи. Въ русскій станъ явился гонецъ отъ хана съ мирными предложеніями, былъ

выслушанъ, и завязались переговоры. Между тѣмъ не замедлили обнаружиться послѣдствія стоянки въ безводной степи: открылся падежъ истомленныхъ безкормицей лошадей, люди, страдавшіе отъ жажды и голода, стали роптать. А ханъ все повышалъ свои требованія по мѣрѣ того, какъ стягивались къ Перекопу его войска, и, наконецъ, запросилъ съ русскихъ дань за прошедшіе года. Надежда на миръ исчезла, и въ то же время выяснилась невозможность дальнѣйшихъ операцій въ крымской степи съ уставшимъ и деморализованнымъ войскомъ. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было отступленіе,—и Голицынъ отступилъ, преслѣдуемый татарами, которые до самой Самары насѣдали на его полки.

Понятно негодованіе современниковъ, вызванное вторичнымъ крушеніемъ военной затѣи, потребовавшей громадныхъ жертвъ отъ государства и народа. Какъ въ 1687 г., призвано было подъ знамена до $^2/_3$ всего наличнаго состава арміи, и содержаніе только полковъ иноземнаго строя, стрѣльцовъ и начальныхъ людей обошлось казнѣ, по самому скромному разсчету, не менѣе, чѣмъ въ 560.000 р. (7.280.000 р. на наши деньги); торговый классъ уплатилъ крупную сумму на военныя нужды въ видѣ чрезвычайнаго налога, десятой деньги. Негодованіе было тѣмъ сильнѣе, что неудачу можно было приписать непростительному упрямству правительства, ввѣрившаго вторично судьбу своего грандіознаго предпріятія тому воеводѣ, который такъ несчастливо провелъ первый походъ. Возникла позорная для Голицына легенда, объяснявшая его отступленіе отъ Перекопа тѣмъ, что ханъ подкупилъ его нѣсколькими бочками золота. Въ самомъ дѣлѣ, поведеніе Голицына въ походѣ должно было произвести самое тягостное впечатлѣніе. Впослѣдствіи, оправдываясь передъ Петромъ, онъ наивно ссылался на неожиданныя затрудненія,—„истощаніе людей и лошадей отъ безводицы, хлѣба оскудѣніе“. Этого рода затрудненія были, несомнѣнно, неизбѣжны въ безводныхъ степяхъ; но приняты ли были Голицынымъ всѣ доступныя ему мѣры къ тому, чтобы преодолѣть ихъ, чтобы организовать такъ или иначе снабженіе арміи водою, провіантомъ и фуражемъ? Петръ,—вѣроятно, со словъ участвовавшихъ въ походѣ офицеровъ-иноземцевъ,—считалъ Голицына единственнымъ виновникомъ неудачи; въ указѣ о ссылкѣ Голицына ему было инкриминировано „нерадѣніе“, проявившееся въ томъ, что онъ „подъ Перекопомъ промысла никакого не чинилъ и отступилъ, чѣмъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость“. Едва ли, однако, главною причиною такого исхода было только „нерадѣніе“ главнокомандующаго. Возможно, что Голицынъ въ походѣ не обнаружилъ достаточной предусмотрительности, что имъ были сдѣланы болѣе или менѣе важныя упущенія, но возможно также и даже вѣроятно, что при тогдашнемъ состояніи интендантства и военной техники вторженіе въ Крымъ было вообще предпріятіемъ неосуществимымъ. Въ такомъ случаѣ, Голицынъ былъ повиненъ не столько въ

„нерадѣніи“, сколько въ легкомыслін: несмотря на испытанную уже разъ неудачу, онъ рѣшился повторить походъ, не имѣя яснаго представленія о размѣрахъ риска, и уже послѣ того, какъ на мѣстѣ выяснилась неизбѣжность неудачи, продолжалъ движеніе до того момента, когда необходимое отступленіе должно было получить особенно обидный для національнаго самолюбія характеръ.

Приступая къ коалиціи противъ турокъ, правительство Софьи, помимо своихъ спеціальныхъ интересовъ, видимо, руководилось еще соображеніемъ, что это доставитъ Московскому государству извѣстное положеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ. Въ 1687 г. оно сочло себя въ правѣ отъ лица „священнаго“ союза обратиться къ французскому королю съ предложеніемъ присоединиться къ христіанскимъ державамъ для борьбы съ общимъ врагомъ. Крайне высокомѣрный отказъ Людовика XIV долженъ былъ нанести сильный ударъ иллюзіи московскихъ правителей; король былъ, правда, союзникомъ султана, но рѣзкость его тона можно было объяснить только тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на Московію, какъ на варварскую, чуждую Европѣ страну. Результатъ участія Москвы въ союзѣ былъ, въ свою очередь, вовсе не такого свойства, чтобы повысить ея удѣльный вѣсъ въ системѣ международныхъ отношеній. Зато новый курсъ ея политики въ ближневосточномъ вопросѣ не остался безъ вліянія на ея отношенія къ ближайшимъ европейскимъ сосѣдямъ, Польшѣ и Швеціи. Онъ содѣйствовалъ ея сближенію съ Польшей, закрѣпленному вѣчнымъ миромъ 1686 г.; благодаря этому миру осуществилось, наконецъ, то прочное единеніе двухъ великихъ славянскихъ державъ, о которомъ мечтали еще дипломаты царя Алексѣя. Съ другой стороны, готовясь къ войнѣ съ турками, московское правительство сочло необходимымъ утвердить въ 1683 г. новымъ мирнымъ трактатомъ соглашеніе, заключенное со Швеціей въ Кардисѣ въ 1661 г.

На Дальнемъ Востокѣ вовлеченіе Москвы въ европейскую политическую комбинацію имѣло своимъ послѣдствіемъ остановку русскаго колонизаціоннаго движенія Казаки, проникшіе въ долину Амура, построили на китайской территоріи городокъ Албазинъ. Въ 1685 г. китайцы вытѣснили изъ него русскій гарнизонъ, но въ слѣдующемъ же году онъ былъ опять занятъ казачьимъ отрядомъ, и китайская рать вторично обложила его. Воевода Толбузинъ былъ убитъ ядромъ; однако гарнизонъ продолжалъ стойко обороняться, и осада, наконецъ, была снята. Чтобы избѣжать войны съ Китаемъ въ тотъ моментъ, когда большая часть московской арміи должна была выступить противъ Крыма, правительство Софьи рѣшило уладить мирно столкновеніе на азіатской границѣ. Въ 1689 г. московскій уполномоченный, окольничій Ѳедоръ Головинъ, съѣхался подъ Нерчинскомъ съ китайскими дипломатами, въ числѣ которыхъ были поселившіеся въ Китаѣ іезуиты Жербильонъ и Перейра. Обѣ стороны выказали въ переговорахъ большое упорство, и только

угрожающее положеніе, занятое окрестными ясачными племенами, вошедшими въ сношенія съ военнымъ конвоемъ китайскихъ пословъ, побудило Головина пойти на серьезныя уступки. 27 августа 1689 г. былъ заключенъ мирный договоръ, по которому русскіе обязались срыть Албазинъ и отказались отъ своихъ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ долинѣ Амура, при чемъ границей между русскими и китайскими владѣніями было постановлено считать рѣчку Горбицу, притокъ Шилки.

III. Внутренняя политика.

Петровской реформѣ предшествовалъ довольно продолжительный періодъ затишья въ государственной жизни. Первые годы царствованія самого Петра — до его поѣздки за границу и начала Сѣверной войны — были безплодны въ области государственнаго строительства; въ этомъ отношеніи они не отличались отъ времени правленія Софьи, когда правительство, сосредоточивая свое вниманіе на партійной борьбѣ, игнорировало всѣ крупныя политическія задачи, стоявшія на очереди. Иной характеръ носитъ правительственная дѣятельность въ послѣдніе два-три года царствованія Ѳедора Алексѣевича. Въ это время наблюдается значительное повышеніе ея тона, необычайный подъемъ реформаторской энергіи,—спѣшно проводятся преобразованія, отвѣчающія назрѣвшимъ потребностямъ, возникаютъ смѣлые замыслы, вырабатываются проекты, свидѣтельствующіе о напряженной работѣ политической мысли. Московская Русь какъ будто торопится завершить процессъ обновленія, который она переживала въ XVII вѣкѣ; и дѣйствительно, реформы, осуществленныя и задуманныя при Ѳедорѣ, это—послѣдній этапъ на пути, пройденномъ ею съ тѣхъ поръ, какъ она приступила къ переустройству своего обветшавшаго жизненнаго уклада. Органически связанныя съ предшествующимъ преобразовательнымъ движеніемъ, онѣ представляютъ собою его конечные итоги, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ — звено, соединяющее его съ государственной реформой Петра. Преобразователь началъ строить на фундаментѣ, заложенномъ при Ѳедорѣ, и на первыхъ порахъ довольствовался старымъ планомъ зданія; только съ теченіемъ времени обнаружилось несоотвѣтствіе этого плана новымъ потребностямъ государственной жизни, и только тогда началось исканіе новыхъ путей и образцовъ. Результаты преобразовательной дѣятельности правительства Ѳедора, такимъ образомъ, послужили исходнымъ пунктомъ для Петровской реформы, и въ нихъ наиболѣе отчетливо проявилась ея связь съ государственнымъ строительствомъ XVII вѣка.

Въ началѣ царствованія Ѳедора, когда при дворѣ господствовала вернувшаяся ко власти клика Милославскихъ, правительство не выказывало ни энергіи, ни желанія браться за рѣшеніе широкихъ и отвѣтственныхъ за-

дачъ. Въ области центральной администраціи за это время можно отмѣтить двѣ реформы, не имѣвшія крупнаго значенія и планомѣрнаго характера. Вскорѣ послѣ смерти царя Алексѣя былъ упраздненъ основанный имъ приказъ тайныхъ дѣлъ. Это было одно изъ тѣхъ учрежденій, какія возможны только при патріархально-деспотическомъ государственномъ строѣ. Самое названіе приказа указываетъ на то, что въ немъ сосредоточивались дѣла, которыя царь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ хотѣлъ укрыть отъ взоровъ большой публики; они были очень разнообразны по существу, и смѣшеніе ихъ въ одномъ учрежденіи чрезвычайно характерно и для его творца, и для структуры высшей администраціи того времени. Прпказъ вѣдалъ, съ одной стороны, частное хозяйство царя, его охоту и его переписку, съ другой—дѣла общегосударственнаго значенія, напримѣръ, создаваемую правительствомъ горную промышленность и гранатные заводы. Въ немъ пріютился и политическій шпіонажъ, организованный и руководимый самимъ царемъ: его подьячіе прикомандировывались въ качествѣ „глазъ и ушей государевыхъ“ къ посламъ, исполнявшимъ дипломатическія порученія въ иноземныхъ государствахъ, и къ начальникамъ войскъ, выступавшихъ въ походъ. Участь приказа тайныхъ дѣлъ раздѣлило при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и другое центральное учрежденіе, основанное или, точнѣе, реставрпрованное при его отцѣ,—приказъ монастырскій, вѣдавшій экономическое управленіе церковными имѣніями и судъ по тяжебнымъ дѣламъ духовныхъ лицъ между собою и съ мірянами. Дѣятельность этого приказа, чувствительно задѣвавшая наиболѣе дорогіе для духовенства интересы, постоянно вызывала со стороны послѣдняго озлобленныя нареканія, особенно энергично формулпрованныя патріархомъ Никономъ въ посланіи, которое онъ написалъ царю уже послѣ своей опалы въ 1661 г. „Судятъ и наслуютъ мірскіе судьи, — говорилъ Никонъ (въ персоналѣ монастырскаго приказа не было представителей отъ духовенства), — сего ради собралъ ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ“. Въ 1678 г. раздражавшій духо-

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. (Романовская галлерея).

венство приказъ былъ упраздненъ: хозяйственно-административныя функціи отошли отъ него къ приказу большого дворца, судныя дѣла — къ патріаршимъ приказамъ.—Законодательство за этотъ же періодъ обогатилось только нѣсколькими новеллами, новоуказными статьями 1676—1677 гг. о помѣстьяхъ и вотчинахъ, вносившими частичныя измѣненія въ соотвѣтственныя главы уложенія 1649 г.

Между тѣмъ все острѣе давало себя чувствовать дѣйствіе фактора, который въ теченіе всего XVII вѣка являлся главнымъ стимуломъ правительственной дѣятельности. Продолжительныя, почти безпрерывныя войны, веденныя въ царствованіе Алексѣя Михайловича и его преемника,—войны съ Польшей и Швеціей, борьба съ Дорошенкомъ, крымцами и турками,—потребовали крайняго напряженія военныхъ и финансовыхъ рессурсовъ. Высчитано, что за 1654—1679 гг. было взято въ армію до 70 тыс. человѣкъ. Въ 1668—1669 гг. для похода въ Малороссію было призвано подъ знамена 111.649 чел., въ 1679 г.—113.078. По полковой росписи 1681 г. численность всей московской арміи въ военное время достигала 164 тыс.: за пятьдесятъ лѣтъ — съ 1631 г., отъ котораго сохранились точныя свѣдѣнія о составѣ тогдашнихъ вооруженныхъ силъ,—она возросла почти въ $2^1/_2$ раза. Соотвѣтственно и даже въ нѣсколько большей прогрессіи возросъ расходъ на войско. Трудно установить его ежегодный размѣръ за то время, когда главное ядро арміи составляли стрѣльцы и дворянская милиція; тогда онъ постоянно колебался въ зависимости отъ того, какое количество дворянъ и дѣтей боярскихъ призывалось на дѣйствительную службу и получало казенное денежное жалованье, которое притомъ выдавалось не регулярно, а по особому, всякій разъ, челобитью. Съ другой стороны, вслѣдствіе неполноты свѣдѣній, нѣтъ возможности опредѣлить, во что обходилось казнѣ содержаніе штаба и привилегированнаго отряда московскихъ дворянъ. Не претендуя на особую точность, мы можемъ, однако, принять, что въ началѣ XVII вѣка военный расходъ достигалъ,—въ нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, годы,—275 тыс. рублей. Съ переходомъ къ иноземному строю онъ сразу значительно повысился. Правда, реформированныя части войска такъ же, какъ и старая дворянская конница, не получали жалованья въ мирное время, когда онѣ распускались по домамъ, но зато сильно увеличились издержки на вооруженіе и оклады вознагражденія. Рейтаръ или копейщикъ получалъ въ 4—5 разъ больше, чѣмъ стрѣлецъ въ дореформенное время. Очень дорого, по сравненію съ офицерами-туземцами, стоили государству иноземные инструкторы, которымъ, сверхъ единовременнаго болѣе или менѣе крупнаго пособія при поступленіи на службу, давалось ежегодное жалованье въ постоянномъ размѣрѣ: маіору 100—225 р., полковнику 250—400 р. Какъ высоки сравнительно были эти оклады, видно изъ того, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, напримѣръ, думные чины, несшіе дѣйствительную службу,

получали не болѣе 155—370 р., стольники — менѣе 60 р. Въ еще большей степени ростъ военнаго бюджета, несомнѣнно, обусловливался постояннымъ увеличеніемъ призываемаго подъ знамена контингента.

Отъ времени Ѳедора Алексѣевича до насъ дошла одна бюджетная роспись—1680 г.; ее нашелъ и опубликовалъ г. Милюковъ („Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго“, § 7 и прил. I). По этой росписи общій расходъ государства на оборону доходитъ до 700 тыс. рублей, т.-е. до 10 милліоновъ на наши деньги, составляя половину или даже немного болѣе половины всего расходнаго бюджета (роспись составлена такъ сбивчиво, что нѣтъ возможности подвести точные итоги прихода и расхода). Значеніе этой цифры и этого процентнаго отношенія еще болѣе уяснится, если мы приглядимся къ распредѣленію расходовъ по остальнымъ статьямъ смѣты. Издержки на дворцовое хозяйство, т.-е. на содержаніе царя и довольно сложнаго комплекса учрежденій и предпріятій, обслуживающихъ его хозяйственныя потребности, составляютъ около 16% суммы государственныхъ расходовъ. Далѣе идутъ: расходъ на коммерческія операціи казны (закупка иноземнаго серебра для монетнаго передѣла, подряды вина, икряной промыселъ и т. д.)—около 5%, содержаніе государственной почты (ямское дѣло) — 2,5%, издержки на постройки—почти столько же, на администрацію — около 1,3%. Культурныя, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, потребности въ спискѣ расходовъ отсутствуютъ; но если — съ значительной, правда, натяжкой — отнести къ таковымъ культъ, то окажется, что и на нихъ государство удѣляетъ нѣкоторую часть своихъ средствъ въ видѣ руги и затратъ на церковное строеніе. Такіе расходы фигурируютъ въ смѣтѣ дворцоваго хозяйства и въ перечнѣ выдаваемыхъ государствомъ пенсій, который можно разсматривать, какъ самостоятельную статью бюджета, и составляютъ, повидимому, не менѣе 3% суммы издержекъ.

Приведенныя данныя говорятъ сами за себя. Царь и войско, оказывается, поглощаютъ цѣлыхъ $^2/_3$ рессурсовъ, которыми страна можетъ располагать для удовлетворенія всѣхъ своихъ нуждъ. Въ особенности поразительной представляется стоимость государственной обороны,—поразительной по сравненію даже съ тѣмъ, что затрачиваютъ европейскія государства на свои вооруженныя силы въ переживаемое нами время усиленнаго роста милитаризма. Вѣдь теперь даже въ Россіи, несмотря на то, что ея финансовая политика все еще строится на началахъ, отъ которыхъ отдаетъ XVII—XVIII вѣкомъ, издержки на военныя нужды составляютъ не болѣе 24%—25% суммы государственныхъ расходовъ. Но роспись 1680 г. освѣщаетъ не менѣе ярко современное ей государственное хозяйство еще съ другой стороны. Московское правительство не останавливается передъ грандіозными затратами на осуществленіе государственныхъ задачъ, лежащихъ въ его полѣ зрѣнія,

и въ то же время совершенно игнорируетъ состояніе экономической базы, на которой оно возводитъ зданіе своего расходнаго бюджета. Его финансовой политикѣ чужды производительныя затраты на подъемъ народнаго благосостоянія и культуры,—если не считать нѣсколькихъ робкихъ попытокъ эксплуатаціи рудныхъ богатствъ страны, попытокъ, предпринятыхъ къ тому же исключительно въ интересахъ казны. Оно умѣетъ только требовать громадныхъ жертвъ отъ народнаго хозяйства, нимало не заботясь о созданіи условій, которыя могли бы содѣйствовать его развитію. Интересы фиска—главный нервъ его хозяйничанья, и податной прессъ—альфа и омега его финансовой мудрости.

Войны, веденныя при царяхъ Алексѣѣ и Ѳедорѣ, вызвали непомѣрный ростъ податного бремени. Съ 1663 г. былъ значительно повышенъ наиболѣе тягостный изъ прямыхъ налоговъ, стрѣлецкая подать; правда, черезъ десять лѣтъ, въ виду постоянно возраставшей недоимки, правительство было вынуждено нѣсколько уменьшить окладъ этой подати, но онъ все же остался чрезвычайно высокимъ. Средствъ, доставляемыхъ постоянными налогами, однако, не хватало на покрытіе военныхъ расходовъ, и приходилось прибѣгать почти изъ года въ годъ къ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ, уже укоренившимся въ московской податной политикѣ,—экстреннымъ сборамъ. За двадцать семь лѣтъ, 1654—1680 гг., не менѣе четырнадцати разъ производились такіе сборы опредѣленнаго размѣра и восемь разъ взимались чрезвычайные процентные налоги: дважды 5-я деньга, пять разъ 10-я и одинъ разъ 15-я.

Плодомъ этой политики было крайнее истощеніе платежныхъ силъ населенія. Сборы поступали туго, и недоимка нарастала съ каждымъ годомъ; въ 1676 г. она достигла громаднаго размѣра—1.137.729 р. Отовсюду неслись въ Москву заявленія о разореніи плательщиковъ, изнемогающихъ подъ тяжестью податей и сборовъ. Воеводы доносили правительству, что населеніе разбѣгается и что они не рѣшаются взыскивать подати съ оставшихся на мѣстахъ, чтобы не разогнать и ихъ. Само населеніе въ своихъ челобитьяхъ объясняло неплатежъ оклада запустѣніемъ податныхъ округовъ, изъ которыхъ посадскіе и уѣздные люди „отъ немѣрнаго правежа“ массами бѣжали въ сибирскіе города.

Въ виду такихъ тревожныхъ симптомовъ правительство рѣшилось приступить къ реформѣ податной системы. Въ 1678 г. оно произвело подворную перепись, имѣвшую, очевидно, значеніе подготовительной мѣры. Самая реформа заключалась въ примѣненіи къ прямому обложенію принципа, уже проведеннаго при Алексѣѣ Михаиловичѣ въ сферѣ косвенныхъ налоговъ,—объединенія податей. Въ 1679 г. всѣ существовавшіе до этого времени прямые налоги, за исключеніемъ оброковъ, были замѣнены двумя податями, падавшими на два различные разряда плательщиковъ. Посадскіе люди всѣхъ

городовъ и черные крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ стали платить одну стрѣлецкую подать, владѣльческіе крестьяне всѣхъ остальныхъ уѣздовъ—подать, въ которой были слиты ямскія и полоняничныя деньги; и та, и другая взимались съ дворового числа. Новый окладъ стрѣлецкой подати оказался непосильнымъ для плательщиковъ и въ первый же годъ не былъ внесенъ сполна. Правительство сложило недоимку и признало необходимымъ понизить окладъ, но пожелало предварительно выслушать свѣдущихъ людей изъ тяглаго населенія. Результатъ этой анкеты, конечно, можно было предвидѣть: въ 1681 г. вызванные въ Москву выборные, по два человѣка отъ города, заявили, что выплачивать стрѣлецкую подать населенію невозможно, потому что оно оскудало и разорилось въ конецъ отъ неурожаевъ и тяжкихъ налоговъ. Послѣ этого правительство образовало комиссію изъ московскихъ гостей и поручило ей разсмотрѣть вопросъ объ уменьшеніи подати. Гости понизили сумму сбора почти на $^1/_3$ и разверстали подать между 10 разрядами плательщиковъ съ различными подворными окладами—отъ 80 коп. до 2 рублей. Подать, положенная на владѣльческихъ крестьянъ взамѣнъ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ, была значительно легче: крестьянскій дворъ на землѣ дворцовой или служилаго человѣка платилъ всего 5 коп., на церковной землѣ—10 коп.; крѣпостной крестьянинъ, значитъ, отдавалъ государству въ видѣ этой подати въ 8—40 разъ меньше, чѣмъ крестьянинъ, сидѣвшій на казенной землѣ въ сѣверномъ уѣздѣ и платившій „стрѣлецкія деньги“. „Изъ этого видно,—замѣчаетъ В. О. Ключевскій,—какой громадный источникъ дохода уступала казна въ безотчетное пользованіе владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ и финансовая политика слѣдовала общему плану сословной розни, по какому складывался весь соціальный московскій порядокъ въ XVII в.“.

Какъ объединеніе податей было лишь дальнѣйшимъ шагомъ по пути, на который податная политика вступила съ середины столѣтія, такъ взиманіе ихъ съ дворового числа имѣло цѣлый рядъ прецедентовъ. Уже въ 40-хъ годахъ подворная раскладка стала вытѣснять громоздкій механизмъ стараго сошнаго обложенія въ области экстренныхъ сборовъ; съ 1648 г. она была примѣнена при взиманіи одной изъ постоянныхъ податей, полоняничныхъ денегъ. Переходъ къ ней былъ подсказанъ правительству дворянами, которые на соборѣ 1642 г. били челомъ о сборѣ денегъ и всякихъ запасовъ для ратныхъ людей съ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ, служившимъ основаніемъ сошнаго обложенія. Землевладѣльцамъ было выгодно переложеніе сборовъ, взимаемыхъ съ ихъ крестьянъ, съ пахотной площади, зарегистрированной въ писцовыхъ книгахъ и постоянно подвергавшейся измѣненіямъ, на наличное количество прикрѣпленныхъ къ землѣ рабочихъ силъ, т.-е. крестьянскихъ дворовъ. Оно было выгодно и правительству, потому что обезпечивало всеобщность и равномѣрность обложенія въ гораздо большей

степени, нежели старый порядокъ раскладки, при которомъ, благодаря его техническимъ недостаткамъ, массѣ плательщиковъ удавалось или произвольно уменьшать свою долю въ мірскомъ тяглѣ, или совсѣмъ выходить изъ послѣдняго. Поэтому уже въ 1646 г. правительство отвѣтило на ходатайство дворянъ подворной переписью, результатами которой поспѣшило воспользоваться для раскладки ближайшаго же хронологически экстреннаго сбора. Какъ мы видѣли, подворная перепись была повторена въ 1678—1679 гг., когда правительство, задумавъ податную реформу, нашло нужнымъ произвести новый смотръ наличнымъ платежнымъ силамъ. Обѣ переписи, помимо своего финансоваго значенія, важны еще и въ томъ отношеніи, что онѣ содѣйствовали консолидаціи крѣпостного права. По писцовому наказу 1646 г. за землевладѣльцами укрѣплялись безсрочно жившіе на ихъ земляхъ крестьяне съ неотдѣленными дѣтьми, братьями и племянниками, т.-е. цѣлые крестьянскіе дворы; крѣпостная зависимость распространялась такимъ образомъ по распоряженію правительства на всѣхъ членовъ семьи домохозяина, давшаго на себя крѣпостную запись землевладѣльцу, и становилась наслѣдственной. Это сглаживало ея частно-правовой характеръ и превращало ее въ постоянную повинность, санкціонированную государствомъ; изъ тяглыхъ людей, поселившихся на владѣльческихъ земляхъ, сформировалось особое сословіе, спеціальною повинностью котораго стало содержаніе своимъ трудомъ землевладѣльцевъ. Со второю подворною переписью также была связана мѣра, значительно подвинувшая процессъ порабощенія крестьянства: крестьяне были уравнены относительно платежа государственныхъ податей съ задворными людьми, холопами, имѣвшими свои дворы на господской землѣ, и правовое различіе между тѣми и другими почти совсѣмъ стерлось.

Новая стрѣлецкая подать должна была доставить государству (по окладу 1681 г.) до 100 тыс. рублей, подать, замѣнившая ямскія и полоняничныя деньги,—42 тыс. Здѣсь умѣстно будетъ кстати бросить бѣглый взглядъ на состояніе доходнаго бюджета, поскольку оно обрисовывается росписью 1680 г. Эта роспись, какъ мы уже замѣтили, неудовлетворительна въ техническомъ отношеніи, и установить на основаніи ея точныя цифры всѣхъ смѣтныхъ и дѣйствительныхъ поступленій невозможно, но она даетъ достаточный матеріалъ для опредѣленія долей, падающихъ на главныя, по крайней мѣрѣ, статьи дохода. Болѣе половины его доставляется косвенными налогами—таможенными и кабацкими сборами. Прямые налоги даютъ 44%: экстраординарные—19,4%, постоянные—24,6%. Въ группѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаютъ оброчныя деньги—48,5%; за ними слѣдуютъ стрѣлецкая подать—33,7%—и ямскія и полоняничныя деньги (съ конскимъ сборомъ, поступающимъ въ конюшенный приказъ)—17,8%. Въ XVII ст. перечисленные сборы группировались иначе: постоянные прямые и всѣ косвенные налоги назывались окладными, потому что взимались въ опредѣленномъ размѣрѣ,

по окладу; экстренные сборы выдѣлялись въ особую группу (запросныя деньги). Были и неокладные сборы — пошлины, взимавшіяся въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ; на ихъ долю приходится всего около 3%.

Параллельно и въ связи съ податной реформой происходила реорганизація финансоваго управленія. Тенденція, лежавшая въ основѣ ея, такъ же мало отличалась новизной, какъ идея объединенія податей. Уже при царѣ Алексѣѣ была сознана необходимость сосредоточенія сборовъ въ учрежденіяхъ со спеціальной финансовой компетенціей: для государства было важно, чтобы отдѣльные сборы направлялись, сообразно своему назначенію, непосредственно въ соотвѣтственные приказы. Въ дѣйствительности держался какъ разъ обратный порядокъ: существовали финансовые округа,— отчасти совпадавшіе съ исторически сложившимися дѣленіями государственной территоріи, отчасти составленные искусственно изъ географически разобщенныхъ мѣстностей,— находившіеся въ вѣдѣніи особыхъ областныхъ приказовъ, въ которые и поступали слитно ихъ доходы. Въ 1672 г. правительство нанесло первый ударъ этому порядку, изъявъ изъ вѣдѣнія областныхъ приказовъ, называвшихся четями или четвертями, сборъ стрѣлецкой подати и сосредоточивъ его въ спеціальномъ учрежденіи, стрѣлецкомъ приказѣ. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы въ 1679—1680 гг., когда ямскія и полоняничныя деньги отошли отъ четей къ ямскому приказу, косвенные налоги—къ приказу большой казны. Реформа, однако, не была доведена до конца; въ вѣдѣніи четей остались оброчные сборы, а, съ другой стороны, нѣкоторые областные приказы (напримѣръ, сибирскій, казанскій, малороссійскій) сохранили свою финансовую компетенцію.

Царевна Маргарита Алексѣевна.
(Изъ альбома Солнцева).

Аналогичное измѣненіе произошло въ организаціи военнаго управленія. Разрядный приказъ („разрядъ“) стянулъ къ себѣ завѣдываніе почти всѣми частями арміи какъ стараго, такъ и иноземнаго строя. По указу 12 января 1680 г. внѣ вѣдомства разряда остались только тѣ ратные люди иноземнаго

строя и казаки, которые до этого времени вѣдались въ приказахъ казанскомъ, смоленскомъ, большого дворца и стрѣлецкомъ, и войска, расположенныя въ низовыхъ городахъ отъ Самары до Терека: первые были подчинены иноземному и рейтарскому приказамъ, низовыя войска—казанскому приказу. Реорганизація управленія, значитъ, и здѣсь не была проведена вполнѣ послѣдовательно.

Объединяя подати и сосредоточивая ихъ сборъ въ спеціальныхъ центральныхъ учрежденіяхъ, правительство преслѣдовало одну цѣль — добыть поболѣе средствъ на содержаніе арміи. Но увеличеніе рессурсовъ казны предполагало, какъ необходимое условіе, бережное отношеніе къ мѣстнымъ рессурсамъ; поэтому въ связи съ финансовой реформой былъ проведенъ рядъ мѣръ, которыя должны были удешевить мѣстное управленіе. Было упразднено нѣсколько должностей, признанныхъ излишнею тяготой для населенія, — сыщики, ямскіе приказчики, горододѣльцы, губные старосты. Вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись сокращенію финансовыя функціи воеводы, обходившіяся слишкомъ дорого и населенію, и казнѣ. Сборъ новой стрѣлецкой подати и — послѣ уничтоженія въ 1681 г. откупа — кабацкій сборъ были изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ и возложены на посадскихъ и уѣздныхъ людей въ лицѣ ихъ выборныхъ старостъ, головъ и цѣловальниковъ подъ отвѣтственностью избирателей. Такимъ образомъ, объединеніе финансовой администраціи въ центрѣ сопровождалось ея раздробленіемъ въ провинціи и урѣзкой полномочій мѣстныхъ представителей правительственной власти.

Сосредоточеніе военнаго управленія, наоборотъ, было проведено одновременно и въ центрѣ, и на мѣстахъ. Всѣ войсковыя части, входившія въ составъ даннаго корпуса, объединялись подъ командою его начальника, хотя бы и были вѣдомы въ разныхъ московскихъ приказахъ. Корпуса стояли въ округахъ, называвшихся разрядами. Формированіе этихъ округовъ началось въ первой четверти столѣтія, когда правительство было вынуждено постоянно держать наготовѣ войска въ наиболѣе угрожаемыхъ пограничныхъ областяхъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича оборонительная линія значительно растянулась, и въ соотвѣтствіи съ этимъ центральное ядро государственной территоріи опоясалось со всѣхъ сторонъ,—за исключеніемъ сѣвера, не нуждавшагося въ защитѣ — непрерывною цѣпью разрядовъ. Ко времени чигиринскихъ походовъ ихъ насчитывалось семь: новгородскій, смоленскій, сѣвскій, бѣлгородскій, рязанскій, тамбовскій и казанскій. Расположенные въ этихъ округахъ корпуса комплектовались мѣстными контингентами и имѣли поэтому территоріальный характеръ; во время военныхъ дѣйствій каждый корпусъ сохранялъ свою цѣльность и особность. При царѣ Ѳедорѣ было проектировано распространеніе окружной организаціи на срединныя области, гдѣ предполагалось сформировать восьмой разрядъ — владимирскій. По составленной въ 1681 г. „полковой росписи“ войска Московскаго

государства раздѣлялись на 8 окружныхъ корпусовъ, и внѣ этого дѣленія оставались только „московскихъ чиновъ люди“, служившіе въ особомъ отрядѣ, въ большомъ полку. Роспись находилась въ связи съ выработаннымъ тогда же проектомъ новой организаціи областного управленія; этотъ проектъ, о которомъ намъ придется говорить ниже, потерпѣлъ крушеніе, и вслѣдствіе того, вѣроятно, не было выполнено и распредѣленіе войскъ, намѣченное росписью.

Разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ реформы, при всей своей широтѣ, не внесли въ государственный бытъ ни одного существенно новаго начала: проводя ихъ подъ давленіемъ военныхъ и финансовыхъ потребностей, сильно возросшихъ вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, правительство Ѳедора только довершало, развивало и систематизировало начинанія, сдѣланныя въ предыдущее царствованіе. Точно такой же характеръ имѣла реформа, къ которой мы переходимъ теперь,—законодательная отмѣна мѣстничества. Правда, современники и, въ особенности, само правительство были склонны раздувать значеніе этой мѣры, что видно уже изъ необычайной торжественности, какою былъ обставленъ актъ 12 января 1682 г., упразднившій „мѣста“. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что этотъ актъ въ сущности только нанесъ послѣдній ударъ уже распадавшемуся порядку и доставилъ торжество началу, поворотъ къ которому давно уже совершился въ области политической мысли.

Мѣстничество не было правовымъ институтомъ; оно было, по выраженію Петра I, „обычаемъ, который какъ законъ почитали“. Въ силу этого обычая мѣсто, занимаемое на государственной службѣ лицомъ, принадлежавшимъ къ высшему слою служилаго класса, должно было въ точности соотвѣтствовать его мѣсту среди его родичей и мѣсту его рода среди прочихъ родовъ. Мѣста въ смыслѣ должностей, съ одной стороны, члены отдѣльныхъ родовъ и самые роды, съ другой—располагались въ іерархическомъ порядкѣ, строгое соблюденіе котораго признавалось обязательнымъ при назначеніи на службу.

Внутри рода мѣста его членовъ опредѣлялись ихъ сравнительной близостью къ общему предку. Мѣстамъ велся счетъ, и отношенія между ними могли быть выражены въ цифрахъ. Сынъ, напримѣръ, занималъ четвертое мѣсто отъ своего отца, второе и третье предоставлялись младшимъ отцовымъ братьямъ. При замѣщеніи должностей по одному вѣдомству родственниками наблюдалось, чтобы іерархическое разстояніе между ихъ мѣстами на службѣ равнялось разстоянію между ихъ генеалогическими мѣстами; послѣднее устанавливалось на основаніи генеалогическихъ росписей, помѣщенныхъ въ официальной родословной книгѣ, родословцѣ. Роды, занесенные въ эту книгу, назывались родословными; въ ихъ средѣ создалось и ими поддерживалось мѣстничество.

Когда на службу назначались члены двухъ разныхъ родовъ, дѣло осложнялось: тутъ нужно было сообразоваться съ относительнымъ достоинствомъ

родовъ, принимать въ разсчетъ ихъ, такъ сказать, іерархическій удѣльный вѣсъ. При пестротѣ состава родословнаго круга это была задача не изъ легкихъ. Со времени объединенія Великороссіи подъ властью московскаго государя старое ядро московскаго боярства облегли сверху и снизу слои новой служилой знати, стекшейся въ Москву изъ аннектированныхъ областей,—разныхъ ранговъ княжья и его боярства. Постепенно эта масса размѣстилась въ стройномъ порядкѣ по ступенямъ іерархической лѣстницы чиновъ и должностей, и положеніе каждаго рода въ рядахъ знатныхъ служилыхъ фамилій было навсегда фиксировано. Градація родовъ строилась на извѣстныхъ нормахъ: потомки великихъ князей, напримѣръ, становились выше потомковъ удѣльныхъ, московскіе бояре—выше бояръ удѣльныхъ и князей, до перехода въ Москву утратившихъ княженія, и т. д. Эта іерархія запечатлѣлась въ разрядныхъ книгахъ, въ которыхъ записывались всѣ назначенія на должности, получившія значеніе мѣстническихъ прецедентовъ. Члены двухъ разныхъ родовъ, занимавшіе мѣста по одному вѣдомству, „совмѣстники“, выискивали въ разрядныхъ книгахъ „случаи“, гдѣ встрѣчались на службѣ ихъ предки, и такіе случаи служили основаніемъ для опредѣленія сравнительнаго достоинства родовъ. Кромѣ того, слѣдовало еще принимать въ разсчетъ степень родства совмѣстниковъ съ лицами, фигурировавшими въ прецедентахъ, ихъ генеалогическія мѣста. Если эти мѣста оказывались равными, то должности совмѣстниковъ должны были находиться въ точно такомъ же отношеніи между собою, какъ должности въ прецедентахъ; въ противномъ случаѣ отношеніе между должностями могли измѣниться въ пользу того, чье генеалогическое мѣсто было выше: напримѣръ, если въ прецедентѣ должность А была на одно мѣсто—въ смыслѣ класса—выше должности В, но потомокъ В былъ на одно генеалогическое мѣсто ближе потомка А къ своему предку, то потомки назначались на іерархически равныя должности.

Въ той бдительности, съ какою всѣ родичи контролировали эти разсчеты, сказывалось своеобразное пониманіе родовой чести. Для рода было важно не возвышеніе его отдѣльныхъ членовъ, а сохраненіе того положенія, которое онъ съ самаго начала занялъ въ родословномъ кругу. Съ этой точки зрѣнія должности сами по себѣ имѣли мало значенія,—требовалось только, чтобы при замѣщеніи ихъ не нарушалось разъ навсегда установившееся отношеніе между родами. И это требованіе родословная знать умѣла отстаивать замѣчательно энергично: люди, совершенно лишенные чувства личнаго достоинства, охотно признававшіе себя государевыми холопами, были готовы бороться и страдать за мѣстническія притязанія своего рода. Оттого рѣдкое назначеніе на службу обходилось безъ споровъ и жалобъ на умаленіе родовой чести, рѣдкій парадный обѣдъ у государя проходилъ безъ раздоровъ изъ-за мѣстъ за столомъ. Боярская дума заваливалась челобитьями обиженныхъ совмѣстниковъ о возстановленіи ихъ фамильнаго достоинства; бояре, недовольные

своими мѣстами за государевымъ столомъ, забивались подъ лавку, чтобы не сидѣть ниже соперниковъ; полковые воеводы, не желавшіе подчиняться тѣмъ, кого они считали себѣ ровней, уходили изъ арміи, иногда съ поля сраженія. Упрямыхъ спорщиковъ за необоснованныя претензіи сажали въ тюрьму, выдавали головой соперникамъ, лишали имущества, били кнутомъ, но отъ своихъ домогательствъ они не отступались. Благодаря такой стойкости родословной знати удавалось удерживать за собой изъ поколѣнія

А. Шарлемань. Сожженіе разрядныхъ книгъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ (1582 г.).

въ поколѣніе всѣ правительственныя должности; люди неродословные, хотя бы и заслуженные, не могли пристроиться къ этому привилегированному кругу и выталкивались изъ него. Такимъ образомъ, высшій слой служилаго класса превратился въ замкнутую сословную группу, монополизировавшую всѣ отрасли управленія, сталъ правящей аристократіей.

Эта аристократія была далека отъ мысли о расширеніи своихъ политическихъ правъ; ея единственной заботой было консервированіе своего даннаго, разъ навсегда сложившагося состава. Съ точки зрѣнія верховной власти, издавна дѣйствовавшей при помощи постояннаго круга совѣтниковъ и исполнителей,

эта тенденція, нашедшая себѣ выраженіе въ мѣстничествѣ, представлялась безобидной сама по себѣ, но съ ея послѣдовательнымъ проведеніемъ на практикѣ государямъ трудно было мириться, потому что оно лишало ихъ возможности выбирать своихъ агентовъ по собственному желанію. Съ другой стороны, способъ замѣщенія должностей, совершенно не считавшійся съ личною годностью кандидатовъ, могъ до нѣкоторой степени понижать качество правительственной дѣятельности; наконецъ, разборъ мѣстническихъ счетовъ доставлялъ слишкомъ много хлопотъ и затрудненій правительству, въ частности—Боярской думѣ, въ ущербъ болѣе серьезнымъ дѣламъ. Всѣ эти отрицательныя стороны мѣстничества были сознаны уже въ половинѣ XVI вѣка, и тогда же оно подверглось нѣкоторому ограниченію: не рѣшаясь принципіально выступать противъ него, стали суживать сферу его дѣйствія, объявляя извѣстныя должности „безъ мѣстъ“, т.-е. замѣщеніе ихъ неимѣющимъ значенія мѣстническаго прецедента. При новой династіи правительство продолжало идти по этому пути, и при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ уже почти во всѣхъ походахъ воеводы назначались безъ соблюденія мѣстническаго распорядка.

Въ XVII вѣкѣ правительственная практика шла навстрѣчу идейному вырожденію мѣстничества, обусловленному измѣненіями въ составѣ правящаго класса. Со времени московской смуты ряды стараго боярства значительно порѣдѣли, и въ сановные круги проникло много новыхъ людей, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ личнымъ заслугамъ или фавору. Эти люди, не будучи родословными, переняли у старой знати ея претензіи, и только, за неимѣніемъ „породы“, аристократическихъ предковъ, должны были подыскать для нихъ иное основаніе. Они заводили споры изъ-за мѣстъ и между собою, и съ людьми родословными, высчитывая въ подкрѣпленіе своихъ домогательствъ свои заслуги и добытые ими чины: право на принадлежность къ привилегированному слою служилаго сословія они связывали съ чиномъ, а не съ породой. На смѣну строя понятій, которымъ держалось старое, аристократическое мѣстничество, выдвинулся, такимъ образомъ, новый принципъ, бюрократическій, выражавшійся въ формулѣ: „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“, и актъ 12 января 1682 г. только санкціонировалъ уже назрѣвшій въ общественномъ сознаніи поворотъ въ сторону бюрократизаціи управленія.

Выиграла ли страна отъ паденія боярской аристократіи? Едва ли этотъ вопросъ можно рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ. Конечно, мѣстничество въ отдѣльныхъ случаяхъ преграждало доступъ въ правящую среду людямъ способнымъ, но худороднымъ; можно, однако, думать, что такіе случаи были рѣдки. Родословное боярство, обладавшее извѣстной традиціонной сноровкой въ дѣлѣ управленія, этимъ все-таки выгодно отличалось отъ прочихъ общественныхъ слоевъ, талантами же было если не богаче, то и не бѣднѣе ихъ. Всеобщее

рабство нивеллировало духовную жизнь націи, создавая атмосферу, въ которой индивидуальныя дарованія чахли, не имѣя возможности развернуться. Исключенія, конечно, бывали, какъ они бываютъ вездѣ, но моральный и интеллектуальный уровень націи въ общемъ былъ крайне низокъ. Что именно онъ—въ связи, разумѣется, съ государственнымъ строемъ—былъ причиною хронической недоброкачественности правительственнаго аппарата, видно изъ того, что измѣненія способа замѣщенія должностей не сопровождались сколько-нибудь замѣтнымъ улучшеніемъ персонала. Воеводы, назначенные безъ мѣстъ, были такъ же бездарны и такъ же проигрывали сраженія, какъ и тѣ, которые размѣщались по полкамъ въ порядкѣ мѣстнической іерархіи. Послѣ реформы 1682 г. не замѣчается никакого прилива на государственную службу способныхъ и честныхъ дѣятелей. Петровская табель о рангахъ была еще болѣе рѣшительнымъ шагомъ по пути демократизаціи управленія, но и при ея дѣйствіи бездарность и безчестность остались, какъ извѣстно, типическими чертами русской бюрократіи военной и гражданской.

Иниціаторомъ законодательной отмѣны мѣстничества можно считать боярина кн. Вас. Вас. Голицына, продвинувшагося уже тогда въ первый рядъ правительственныхъ дѣятелей. Въ концѣ 1681 г. царь Ѳедоръ назначилъ его предсѣдателемъ составленной изъ выборныхъ представителей арміи комиссіи, которой было поручено представить соображенія о реформированіи военнаго дѣла согласно указаніямъ опыта послѣднихъ войнъ. Комиссія предложила расписать служилыхъ людей, по польскому образцу, по ротамъ съ ротмистрами и поручиками „безъ мѣстъ“ и въ связи съ этимъ проектомъ высказалась за совершенную отмѣну мѣстничества. Ея заявленіе было доложено 12 января 1682 г. въ торжественномъ соединенномъ засѣданіи Боярской думы и Освященнаго собора съ патріархомъ въ главѣ подъ предсѣдательствомъ царя. Послѣ рѣчей Ѳедора и патріарха Іоакима, энергично поддержавшихъ пожеланіе выборныхъ, бояре единодушно приговорили: всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ. Разрядныя книги тогда же были преданы огню въ дворцовыхъ сѣняхъ.

Старое, воспитанное въ мѣстническихъ традиціяхъ боярство, сознавая безнадежность борьбы съ теченіемъ, восторжествовавшимъ 12 января, сдало безъ боя свою позицію, но попыталось добиться нѣкоторой политической компенсаціи. Проектъ военной комиссіи не явился неожиданностью для него: раньше, чѣмъ выборные приступили къ обсужденію его, оно уже знало, что участь мѣстничества рѣшена, и придумало планъ, который долженъ былъ вознаградить его за утрату старой привилегіи. Мы уже говорили о проектѣ военно-окружной организаціи 1681 г.—полковой росписи, по которой все государство дѣлилось въ военно-административномъ отношеніи на „разряды“. Эта роспись была только частью выработаннаго въ то же время обширнаго плана областной реформы. Было выработано новое расписаніе высшихъ

чиновъ военныхъ и гражданскихъ, въ которомъ они распредѣлялись по 34 степенямъ или рангамъ и имъ присваивались титулы намѣстниковъ разныхъ областей. Большинство этихъ титуловъ имѣло чисто декоративное значеніе, подобно тѣмъ намѣстническимъ титуламъ, которые были извѣстны и раньше и давались сановникамъ для парада (Ординъ-Нащокинъ, напримѣръ, во время переговоровъ съ поляками именовался намѣстникомъ шацкимъ). Но въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ должны были появиться фактическіе намѣстники—правители, сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ власть надъ цѣлыми областями и въ нихъ имѣвшіе пребываніе. При сличеніи списка этихъ намѣстниковъ съ полковой росписью оказывается, что ихъ резиденціями служатъ главные города разрядовъ, но къ разрядамъ, въ качествѣ намѣстническихъ областей, прибавлены царства Астраханское и Сибирское; значитъ, проектировалось дѣленіе государства на крупные административные округа, соотвѣтствовавшіе историческимъ областямъ и разрядамъ, поскольку послѣдніе совпадали съ этими областями. Реформу предполагалось распространить и на церковное управленіе. Церковному собору, засѣдавшему въ 1682 г., былъ предложенъ проектъ, по которому число епископскихъ каѳедръ увеличивалось на нѣсколько десятковъ, и всѣ онѣ распредѣлялись по степенямъ въ соотвѣтствіи съ новыми рангами свѣтскихъ чиновъ; митрополичьи каѳедры учреждались въ резиденціяхъ фактическихъ намѣстниковъ. Проектъ былъ внесенъ отъ имени самого царя, и, въ виду его очевидной связи съ росписью высшихъ чиновъ, можно думать, что весь планъ реформы исходилъ изъ кружка новаторовъ съ Голицынымъ во главѣ, господствовавшаго при дворѣ въ концѣ царствованія. Ѳедоръ согласился и на очень существенное добавленіе, которое внесли въ проектъ намѣстничествъ „палатскіе бояре“—группа, искавшая компенсаціи за отмѣну мѣстничества: она настояла на томъ, чтобы намѣстники крупныхъ областей были объявлены „вѣчными“, т.-е. несмѣняемыми пожизненными правителями.

Проектъ реформы встрѣтилъ настолько энергичную оппозицію со стороны церковной власти, что правительство отказалось отъ осуществленія его. Въ той своей части, которая касалась церковнаго управленія, онъ, несомнѣнно, заслуживалъ одобренія и съ практической, и съ канонической точки зрѣнія. Русскія епархіи того времени были слишкомъ обширны—ихъ было всего 17,—что очень невыгодно отражалось на характерѣ епископата и на его административной дѣятельности. Уже вслѣдствіе громадности разстояній русскій архіерей былъ лишенъ возможности такъ входить во всѣ детали управленія, какъ его каноническій прототипъ, греческій епископъ, завѣдывавшій сравнительно очень небольшой территоріей. Съ другой стороны, по той же причинѣ онъ отдалялся отъ низшаго духовенства и паствы и, чувствуя себя хозяиномъ крупной области, привыкалъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ подданныхъ, а на себя,—какъ на ихъ неограниченнаго властелина.

Саадакъ царя Алексѣя Михайловича.

Изъ альбома Солнцева.

Сладкая ягода Александра Малюгановича.

Наг. барбома Соучаства.

Исторія русской церкви полна примѣрами жестокихъ расправъ архіереевъ съ попами, съ которыми они обращались не лучше, чѣмъ помѣщики съ своими крѣпостными,—сажали на цѣпь, били, сѣкли плетьми и т. д. Это зло долженъ былъ если не устранить, то смягчить проектъ церковной реформы Ѳедора: учрежденіе цѣлаго ряда сравнительно небольшихъ епархій могло имѣть своимъ послѣдствіемъ установленіе болѣе человѣчныхъ и болѣе нормальныхъ съ канонической точки зрѣнія отношеній между епархіальной властью и церковнымъ обществомъ. Но дробленіе крупныхъ епархій чувствительно затрагивало матеріальные интересы князей церкви, которые вслѣдствіе его лишались части своихъ доходовъ, и потому архіереи, руководимые патріархомъ Іоакимомъ, рѣшительно возстали противъ него на соборѣ 1682 г. Послѣ долгаго торга съ правительствомъ, запросившимъ сначала 68 новыхъ епархій, потомъ понизившимъ эту цифру до 29, они согласились на учрежденіе только 11-ти каѳедръ, но Іоакимъ оказался еще болѣе несговорчивымъ и послѣ собора поставилъ вмѣсто 11-ти всего четырехъ архіереевъ. Патріархъ былъ, повидимому, виновникомъ и крушенія областной реформы въ ея цѣломъ. Извѣстно, что онъ указалъ царю на опасность, какою грозилъ цѣлости государства институтъ вѣчныхъ намѣстниковъ, выразивъ опасеніе, „чтобы эти намѣстники, великородные люди, по нѣкоторыхъ лѣтахъ, обогатясь и огордѣвъ, московскихъ царей самодержавствомъ не отступили и единовластія не разорили и себѣ въ особенность не раздѣлили“.

Правительственный проектъ не осуществился, но его реальная основа осталась непоколебленной. Въ самой существенной своей части онъ только систематизировалъ и достраивалъ то, что было дано и подготовлялось въ дѣйствительности; связь проектированныхъ крупныхъ намѣстничествъ съ военными округами, разрядами, очевидна. Полковая роспись 1681 г. должна была довершить формированіе разрядовъ; съ отказомъ правительства отъ ея осуществленія этотъ процессъ остановился, но наличные разряды не были упразднены и сохранились до времени Петра I, когда они послужили основаніемъ и образцомъ для губернскаго дѣленія. Въ разрядахъ фактически создавалось то полновластіе областныхъ начальниковъ, которое проектъ намѣстничествъ возводилъ въ норму. Мѣстные доходы нерѣдко поступали частью или полностью въ кассу разряднаго управленія, и въ этихъ случаяхъ начальники разрядовъ, соединяя въ своихъ рукахъ военную и финансовую администрацію, становились очень независимыми областными правителями; такимъ былъ, напр., смоленскій воевода, въ распоряженіи котораго находились всѣ доходы княжества Смоленскаго. Тою же полнотою власти обладали и начальники областныхъ приказовъ, завѣдывавшихъ обширными военно-финансовыми округами. Кн. Бор. А. Голицынъ, управлявшій послѣ паденія царевны Софьи казанскимъ приказомъ и приписаннымъ къ нему казанскимъ разрядомъ, по словамъ кн. Б. И. Куракина, „правилъ весь низъ (обла-

сти по нижнему теченію Волги) такъ абсолютно, какъ бы былъ государемъ". Въ концѣ столѣтія завѣдываніе областными финансами пріурочивалось не только къ соотвѣтственнымъ областнымъ приказамъ, но и къ другимъ центральнымъ учрежденіямъ, напримѣръ, приказамъ посольскому и большой казны, начальники которыхъ вслѣдствіе этого тоже превращались въ самостоятельныхъ провинціальныхъ правителей. Опасенія Іоакима такимъ образомъ отчасти оправдались: въ Москвѣ, дѣйствительно, появились „великородные люди", которые стали править областями, правда, отъ имени царя, но почти самодержавно.

„Соборъ" 1682 г. состоялся по иниціативѣ правительства, которое воспользовалось съѣздомъ въ Москву архіереевъ по случаю царской свадьбы, чтобы выслушать ихъ мнѣнія по нѣсколькимъ очереднымъ церковнымъ вопросамъ. О соборѣ въ каноническомъ смыслѣ этого слова тутъ, конечно, не могло быть рѣчи,—изъ съѣхавшихся архіереевъ просто была составлена подъ предсѣдательствомъ патріарха временная комиссія, призванная высказаться по дѣламъ своего вѣдомства въ предѣлахъ выработанной правительствомъ программы. Видное мѣсто въ этой программѣ занималъ вопросъ о борьбѣ съ расколомъ: правительство обратило вниманіе собора на умноженіе раскольничьихъ молитвенныхъ домовъ и скитовъ и на ростъ устной и литературной пропаганды раскола. Въ репертуарѣ господствующей церкви не оказалось никакихъ средствъ для поддержанія своего авторитета, кромѣ полицейскихъ мѣропріятій и репрессій, которыя она хотѣла осуществлять руками свѣтской власти,—отцы собора потребовали разоренія старообрядческихъ часовенъ, конфискаціи старообрядческой литературы и старопечатныхъ книгъ, преслѣдованія раскольниковъ уголовнымъ судомъ. Не менѣе важенъ былъ, по мнѣнію правительства, вопросъ объ упорядоченіи монастырскаго быта. Въ „предложеніяхъ" царя собору и въ соборныхъ сужденіяхъ вскрылась крайне неприглядная картина иноческой жизни, характеризовавшаяся такими явленіями, какъ безмѣрное пьянство, упадокъ общежитія, бродяжничество монаховъ, постриженіе внѣ монастырей женщинъ, бродящихъ по міру. Соборъ и въ этой области ограничился мѣрами чисто внѣшняго воздѣйствія въ родѣ разныхъ запретовъ и предписаній административнаго характера. Изъ остальныхъ пунктовъ программы представляетъ интересъ приступъ въ организаціи благотворительности на средства церкви и государства. Сообщивъ, что въ Москвѣ произведенъ разборъ нищихъ и рѣшено устроить для странныхъ и больныхъ двѣ богадѣльни на казенномъ иждивеніи, правительство предложило архіереямъ употребить часть епархіальныхъ доходовъ на подобное же призрѣніе неимущихъ; соборъ не счелъ возможнымъ отвѣтить отказомъ.

Въ 1681 г. правительство, повидимому, задумало новую реформу податной системы. Въ декабрѣ этого года въ Москву были созваны выборные, по два человѣка отъ города, которые должны были доставить статистическій

Верещагинъ. Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи.

матеріалъ, нужный для рѣшенія вопроса объ „изровненіи во всякихъ службахъ и податяхъ“. Послѣ смерти Ѳедора Нарышкины поспѣшили распустить этихъ „двойниковъ“ по домамъ, и предпринятая анкета не привела ни къ какимъ результатамъ. Правительство царевны Софьи также не было расположено развивать преобразовательныя начинанія предыдущаго царствованія.

Стоявшій при Софьѣ во главѣ правительства ея „голантъ“ (по выраженію кн. Б. Куракина) кн. Василій Васильевичъ Голицынъ былъ просвѣщенный и по-своему либеральный государственный дѣятель. Онъ обладалъ, повидимому, довольно солиднымъ образованіемъ, хорошо зналъ по-латыни и по-польски и въ бесѣдахъ съ иностранцами поражалъ ихъ многосторонностью своихъ интересовъ и широтою взглядовъ. Судя по всему, что намъ извѣстно

о немъ, онъ былъ убѣжденный западникъ, высоко цѣнилъ европейскую культуру и проникся ея духомъ въ большей степени, чѣмъ прочіе затронутые новыми вѣяніями его современники. Его московскій домъ, даже на оцѣнку иноземца Невилля, былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ. Этотъ домъ былъ наполненъ вещами европейской работы, подборъ которыхъ свидѣтельствовалъ о томъ, что хозяинъ заботился не только объ украшеніи своего жилья, но и о комфортѣ. Въ комнатахъ было много часовъ и три термометра въ затѣйливой оправѣ; въ спальнѣ стояла орѣховая рѣзная кровать съ такимъ же верхомъ,—вещь необычайная въ тогдашнемъ боярскомъ домѣ, обитатели котораго довольствовались для спанья простыми лавками. Въ громадной залѣ съ 46 окнами на стѣнахъ висѣли зеркала и европейскія гравюры въ рѣзныхъ рамахъ, на потолкѣ была изображена планетная система съ мѣсяцемъ и солнцемъ, а подъ солнцемъ помѣщалась массивная люстра изъ бѣлой кости. Была у Голицына и библіотека, составленная изъ рукописей и книгъ на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по разнымъ отраслямъ знанія и даже по беллетристикѣ; въ ней были грамматики польскаго и латинскаго языка, календари, книга „о гражданскомъ житіи“, голландскій воинскій уставъ, зоологическій нѣмецкій атласъ, судебникъ, кіевскій лѣтописецъ, четыре рукописи „о строеніи комедіи“, сочиненіе Юрія Крижанича, Алкоранъ въ переводѣ съ польскаго, повѣсть о царицѣ Олундѣ.

Голицынъ покровительствовалъ кіевскимъ ученымъ и московскимъ представителямъ кіевской богословской школы; извѣстно, что въ спорѣ московскихъ грекофиловъ, опиравшихся на патріарха, съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ онъ держалъ сторону послѣдняго. Онъ охотно сближался и съ наѣзжавшими въ Москву европейцами, даже съ іезуитами, которые находили ласковый пріемъ въ его домѣ. Невилль, познакомившійся съ Голицынымъ незадолго до его паденія въ 1689 г., отзывается о немъ съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ. На этого француза московиты вообще произвели крайне невыгодное впечатлѣніе; всѣ они, по словамъ его, рабы, за исключеніемъ трехъ „иностранныхъ“ фамилій—кн. Черкасскаго, Голицына и „Артамоновича“ (Андрея Арт. Матвѣева). Голицына Невилль называетъ не иначе, какъ „великимъ“, le grand Galischin, утверждая рѣшительно, что „у него одного было больше ума, чѣмъ у цѣлой Московіи“. Въ Москвѣ Невилль многое узналъ о политическихъ планахъ Голицына, который, повидимому, и самъ довольно откровенно развивалъ ихъ въ бесѣдахъ съ нимъ. Общее впечатлѣніе, вынесенное Невиллемъ, сводилось къ тому, что Московію ожидало полнѣйшее перерожденіе въ случаѣ осуществленія этихъ плановъ: пустыни должны были населиться, нищіе — разбогатѣть, дикари — превратиться въ людей, трусы—въ храбрецовъ, пастушескія хижины—въ каменныя палаты. Невилль даетъ и болѣе конкретныя свѣдѣнія о планахъ Голицына. Министръ хотѣлъ

посылать дворянъ въ Европу для изученія военнаго дѣла, сформировать регулярную армію исключительно изъ дворянства, а крестьянъ освободить отъ воинской повинности. Въ связи съ этою реформой, повидимому, находилось задуманное Голицынымъ прекращеніе крѣпостныхъ отношеній, взамѣнъ которыхъ онъ предполагалъ обложить надѣлы крестьянъ, переходившіе въ ихъ собственность, постояннымъ оброкомъ; можно догадываться, что имѣлось въ виду обратить эту новую подать, долженствовавшую, по разсчету Голицына, увеличить государственные доходы болѣе чѣмъ наполовину, на вознагражденіе дворянства, обязаннаго постоянной военной службой.

Если таковы были, дѣйствительно, замыслы Голицына, то его, конечно, слѣдуетъ признать самымъ передовымъ политическимъ мыслителемъ его времени,—но только мыслителемъ: за семь лѣтъ своего пребыванія у власти при Софьѣ онъ не выполнилъ ни одной части преобразовательной программы, которая ему приписывалась. Онъ, видимо, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей по преимуществу кабинетнаго склада, которые, при всей смѣлости теоретической мысли, не обладаютъ достаточной энергіей для проведенія своихъ идей въ жизнь. Свое бездѣйствіе къ тому же онъ могъ оправдывать внѣшними обстоятельствами, отвлекавшими его вниманіе отъ широкихъ задачъ. Доминирующимъ мотивомъ правительственной дѣятельности при Софьѣ была борьба за власть, доставшуюся партіи правительницы путемъ узурпаціи; окруженное врагами, правительство подчиняло свою политику интересамъ самообороны, сосредоточивая на ней всѣ свои помыслы. Оттого дѣйствія его, несмотря на то, что въ составъ его вошли вмѣстѣ съ Голицынымъ способные люди, какъ Неплюевъ, Украинцевъ, Змѣевъ, Шакловитый, носили безсистемный и безцвѣтный характеръ въ сравненіи съ тѣмъ оживленіемъ политической жизни, какимъ были отмѣчены послѣдніе годы царствованія Ѳедора.

О мѣрахъ, направленныхъ къ подавленію стрѣлецкаго и народнаго движенія, мы уже говорили. Когда волненіе улеглось, правительство сочло возможнымъ смягчить кару за „непристойныя и затѣйныя слова“, замѣнивъ смертную казнь за нихъ кнутомъ и ссылкою. Нѣкоторый поворотъ къ большей гуманности сказался также въ указѣ 1688 г., ограничившемъ произволъ заимодавцевъ по отношенію къ должникамъ, ставшимъ ихъ холопами по кабальнымъ записямъ, и въ замѣнѣ закапыванія въ землю женъ за убійство мужей обезглавленіемъ. Съ грубостью общественныхъ нравовъ правительство пыталось бороться полицейскими мѣропріятіями. Для самой столицы приходилось издавать указы, запрещавшіе безобразную ѣзду вскачь и выбрасываніе на улицы падали и навоза. Въ Кремлѣ, близъ царскаго дворца и на площадяхъ, какъ узнаемъ изъ указа 1684 г., творились постоянно безчинства боярскою челядью, которая ставилась съ конями своихъ господъ, гдѣ попало, шумѣла, заводила драки и кулачные бои, задирала прохожихъ.

Въ области соціальной политики можно отмѣтить законодательное разрѣшеніе вопроса о крестьянахъ, переселявшихся въ посады. Этотъ вопросъ одинаково затрагивалъ интересы и служилыхъ землевладѣльцевъ, несшихъ убытки отъ ухода крестьянъ изъ ихъ деревень, и посадскаго тяглаго населенія, которому, наоборотъ, былъ выгоденъ приливъ новыхъ плательщиковъ городскихъ податей. Указъ 17 декабря 1684 г. не удовлетворилъ вполнѣ ни той, ни другой стороны: выходцамъ изъ деревень, основавшимся въ посадахъ до его изданія, было разрѣшено остаться и тянуть тягло съ посадскими людьми, дальнѣйшее переселеніе запрещено. Въ предыдущемъ году была принята мѣра, имѣвшая цѣлью ограничить эмиграцію крестьянъ въ Сибирь,— указано не пропускать ихъ туда безъ проѣзжихъ государевыхъ граматъ. Въ интересахъ дворянскаго землевладѣнія произведено было въ 1683—1684 гг генеральное межеваніе, которое должно было обезпечить цѣлость помѣстьевъ, до тѣхъ поръ сильно страдавшую отъ ихъ мобилизаціи.

Церковная политика носила двойственный характеръ. Правительство допустило въѣздъ въ Московское государство французскихъ гугенотовъ, покинувшихъ отечество послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, само вызывало въ изобиліи разныхъ мастеровъ изъ Европы, терпѣло въ Москвѣ католическихъ священниковъ и въ числѣ ихъ іезуитовъ, пріѣзжавшихъ съ австріійскими послами, не стѣсняло даже почти открытое отправленіе католическаго культа, который до того времени подвергался преслѣдованіямъ, въ частныхъ домахъ иноземской слободы. Но туземныхъ диссидентовъ оно, подъ вліяніемъ церковныхъ властей, гнало съ безпощадною жестокостью. При Софьѣ были изданы драконовскія постановленія о сыскѣ раскольниковъ и о наказаніяхъ за расколъ — вплоть до сожженія упорствующихъ и нераскаянныхъ. Послѣдствія такой политики не замедлили обнаружиться. Чрезвычайно усилилась эмиграція старообрядцевъ въ окраинныя мѣста, Польшу и Швецію. Съ другой стороны, гоненія разжигали фанатизмъ „церковныхъ противниковъ“ и толкали ихъ на самыя рѣзкія формы протеста. Мѣстами дѣло доходило до активнаго сопротивленія гонителямъ. Въ донской области скопилось много бѣглыхъ старообрядцевъ, одушевленныхъ очень воинственными намѣреніями,—въ ихъ средѣ слышались толки о походѣ на Москву для расправы съ „потерявшими вѣру“ боярами, патріархомъ и архіереями. Въ 1686 г. въ Черкаскѣ старообрядцы рѣзались съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ. На рѣчкѣ Медвѣдицѣ возникъ укрѣпленный старообрядческій поселокъ, который успѣшно отбился отъ казацкаго отряда въ 1688 г. и былъ взятъ только въ слѣдующемъ году послѣ отчаяннаго сопротивленія. Пассивный протестъ, выражавшійся въ массовыхъ самосожженіяхъ, еще болѣе ярко характеризовалъ настроеніе гонимыхъ. Съ 1685 г.. т.-е. какъ разъ послѣ усиленія правительственныхъ репрессій, самосожженія приняли почти эпидемическіе размѣры въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ старообрядцы толпами

Пренія о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ (1682 г.). *По старинной русской гравюрѣ.*

искали убѣжища, уходя отъ преслѣдованій. Эта форма протеста не была новостью: еще въ 70-хъ годахъ появились проповѣдники добровольнаго мученичества въ огнѣ ради спасенія души отъ власти пришедшаго или имѣющаго притти антихриста, и ихъ призывы падали на благодарную почву. Попасть изъ „пещи“ прямо въ раи было счастливымъ исходомъ для людей, отчаявшихся въ возможности спастись въ мірѣ, утратившемъ истинное благочестіе и за то осужденномъ на близкую кончину. Въ 1687 г. было предсказано, что свѣтопреставленіе наступитъ въ 1689 г., вслѣдствіе чего пессимистическое настроеніе въ старообрядческой средѣ еще болѣе обострилось. Но дѣйствіе этого фактора, конечно, было бы менѣе губительно, еслибы ему не способствовалъ правительственный терроръ, доводившій гонимыхъ до состоянія психоза. Въ большинствѣ случаевъ старообрядцы, собравшіеся для самосожженія, осуществляли свое намѣреніе только въ виду высланной противъ нихъ военной команды; перспектива ареста, неминуемыхъ истязаній и срубовъ была такъ нестерпима, что фанатики предпочитали ей немедленную смерть въ очистительномъ пламени добровольной „гари“.

Главный виновникъ гоненія, патріархъ Іоакимъ, самъ въ вопросахъ вѣры держался точки зрѣнія, очень близкой къ старообрядческому пониманію „древняго“ благочестія; сдѣлавшись наружно и ради приличія грекофиломъ, этотъ глубоко невѣжественный іерархъ былъ въ сущности горячимъ поборникомъ только московской церковной рутины. Отсюда его распря съ московскими представителями кіевской школы, его вызывающее и агрессивное поведеніе по отношенію къ малороссійской церкви, которую онъ обвинялъ въ неправославіи. Въ 1685 г. ему удалось при помощи гетмана Самойловича получить отъ подтасованнаго собора въ Кіевѣ согласіе на присоединеніе кіевской митрополіи, подчинявшейся ранѣе непосредственно константинопольской каѳедрѣ, къ московскому патріархату. Хотя присоединеніе состоялось на условіяхъ, гарантировавшихъ кіевскому митрополиту почти полную независимость, однако дѣйствія Іоакима скоро показали, что онъ смотрѣлъ на этотъ актъ, какъ на приступъ къ русификаціи малороссійской церкви. Когда въ Москвѣ разгорѣлся споръ между „латинствующими“ и грекофилами о времени пресуществленія св. даровъ, патріархъ постарался впутать въ него малороссійскихъ архіереевъ и оказалъ на нихъ грубое давленіе, принудивъ, подъ страхомъ отлученія, осудить „латинскую“ теорію, которую они сами раздѣляли [1]).

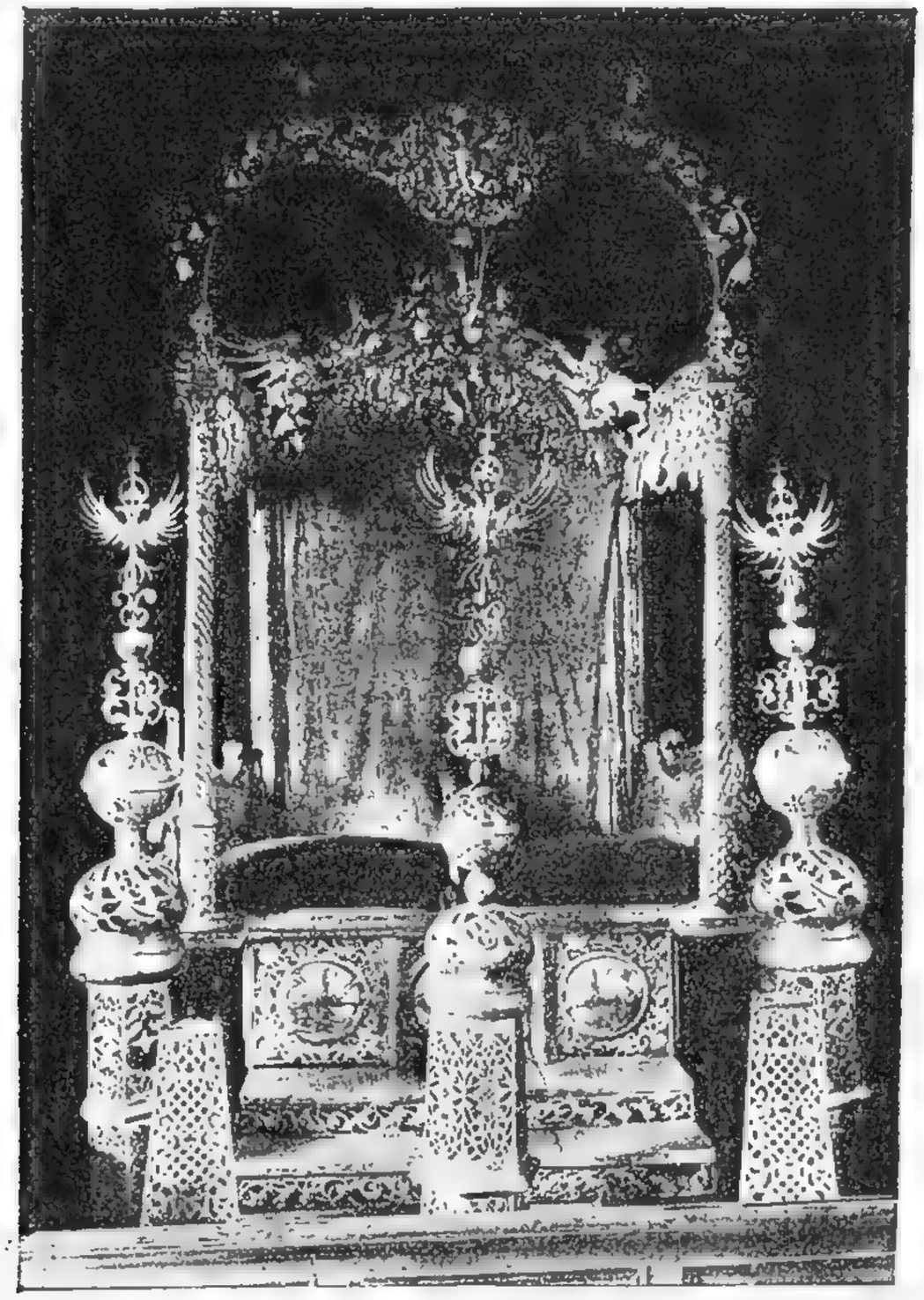
Въ Москвѣ Іоакимъ добился того, что школьное дѣло было изъято изъ рукъ кіевской партіи и отошло къ его союзникамъ Лихудамъ. Учрежденіе славяно-греко-латинской академіи, однако, при всѣхъ дефектахъ ея организаціи и учебной программы, знаменовало извѣстный культурный прогрессъ,

---

[1]) См. „Малор.-польское вліяніе и русская школа XVII в.“. Т. I.

и не даромъ въ немъ талантливый мемуаристъ петровскаго времени, кн. Б. Куракинъ, усматривалъ одну изъ главныхъ заслугъ правительства Софьи. „Все государство,—пишетъ онъ,—пришло во время ея (Софьи) правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства, также умножилась коммерція и всякія ремесла, и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку“. Въ отмѣченномъ здѣсь, наряду съ просвѣщеніемъ, подъемѣ народнаго благосостоянія едва ли возможно сомнѣваться. Правительство, дѣйствительно, очень заботилось о развитіи промышленности, для нуждъ которой оно выписало изъ Европы много образованныхъ техниковъ. Внутреннія торговыя сношенія были облегчены уничтоженіемъ таможенъ на малороссійской границѣ. Ростъ зажиточности населенія проявился наиболѣе ярко въ столицѣ, гдѣ, по свидѣтельству Невилля, было построено при Голицынѣ до трехъ тысячъ каменныхъ домовъ,—цифра, очень почтенная для города, который до того времени былъ почти сплошь деревяннымъ.

В. Нечаевъ.



Тронъ Іоанна V и Петра I. (Оружейная палата).

Боярство и дворянство XVII вѣка.

На рубежѣ XVII и XVIII столѣтій мы наблюдаемъ смѣну Московскаго государства Россійскою имперіей. Первое было сословною монархіей, во главѣ которой стояли царь и боярство: царь указывалъ, бояре приговаривали. Царь былъ немыслимъ безъ бояръ, а боярство—безъ царя. Основныхъ законовъ въ писаномъ видѣ не существовало; все покоилось на политическомъ обычаѣ, который незамѣтно ветшалъ и, ветшая, создалъ пропасть, заполнившуюся новымъ содержаніемъ. Россійская имперія была абсолютною монархіей съ императоромъ во главѣ; императоръ правилъ съ помощью бюрократіи, опираясь на дворянство. Императоръ дѣйствовалъ „Божіею милостью“; дворянство жило „милостью короля“; бюрократія стала средостѣніемъ между императоромъ и народомъ, сливаясь съ дворянствомъ или путемъ притока въ него извнѣ, или выходя изъ него наверхъ. Бюрократія облагораживалась дворянствомъ, дворянство охолоплива-лось бюрократіей; процессъ взаимодѣйствія происходилъ безостановочно и также привелъ къ пропасти, которую стали заполнять новымъ содержаніемъ уже явленія XX столѣтія. На рубежѣ XVII и XVIII вв. боярство было поглощено дворянствомъ, а съ 19 февраля 1861 года таяло дворянство, пока не намѣтилось безсословное государство съ парламентомъ, какъ законодательнымъ органомъ. Судьбы московскаго боярства и бюрократическаго

дворянства, покоящіяся на этапахъ экономическаго развитія русскаго народа, представляютъ въ высокой степени ослѣпительную картину историческаго жанра; онѣ богаты подборомъ соціально-политическихъ деталей, продолжая порою волновать и трогать общественное сознаніе новой безсословной массы...

I.

Въ русской исторической литературѣ безспорно тонкимъ знатокомъ московскаго боярства былъ Ключевскій; ему принадлежитъ Боярская Дума,—изслѣдованіе, въ которомъ на широкихъ экономическихъ и соціальныхъ основаніяхъ была представлена въ 1880—1882 гг. исторія учрежденія, которое жило, покуда было живо боярство. Не стало боярства, не стало и Боярской думы. Ни боярство, ни дума не были созданы какимъ-либо спеціальнымъ указомъ; и сословіе, и учрежденіе въ свою очередь умерли, не дождавшись какого-либо спеціальнаго указа объ ихъ уничтоженіи.

Тотъ же Ключевскій выдвинулъ рѣзко этотъ фактъ и настойчиво внушилъ русской исторіографіи интересъ и къ этой смѣнѣ московскаго боярства бюрократическимъ дворянствомъ. Московское боярство всегда отличалось отъ служилыхъ слоевъ, подъ нимъ лежавшихъ. По нѣсколько сложному опредѣленію Ключевскаго, боярство московскаго состава представляло собою слѣдующее: „Это кругъ знатныхъ фамилій, старинныхъ туземныхъ или пришлыхъ, собравшихся въ Москвѣ къ концу XV в., члены которыхъ получали высшія назначенія полковыя или соотвѣтствующія имъ придворныя и административныя и по этимъ назначеніямъ поддерживали между собою іерархическія отношенія въ томъ порядкѣ, какой установился во второй половинѣ XV вѣка, при первоначальной установкѣ служебныхъ отношеній между тогдашними членами этихъ фамилій. Фамиліи, члены которыхъ, выходя по разряднымъ назначеніямъ къ службѣ своихъ предковъ, мѣстническимъ учетомъ своего служебнаго отечества не могли возстановить своей связи съ членами этихъ родословныхъ фамилій или у которыхъ эта связь въ извѣстномъ поколѣніи обрывалась, выпадали изъ боярскаго круга и становились неродословными. Изъ этого круга боярскихъ фамилій обыкновенно назначались бояре и другіе члены Боярской думы. Званіе боярина, присутствіе въ думѣ было не основаніемъ принадлежности къ боярству, а только обычнымъ показателемъ этой принадлежности. Боярскій, какъ и всякій другой высокій чинъ, самъ по себѣ не создавалъ боярскаго, родословнаго отечества. Человѣкъ неродословной фамиліи по личнымъ причинамъ могъ дослужиться до чина боярина, но это не дѣлало его фамиліи родословной. Потому чины обыкновенно и не вводились въ мѣстническій счетъ, на нихъ и не ссылались въ мѣстническихъ спорахъ, правильно веденныхъ". Такъ московское боярство было правительственною аристократіей въ соб-

ственномъ смыслѣ, сословіемъ, обособленнымъ отъ прочихъ и покоившимся не на пожалованіи государемъ, а на своего рода конституціонной презумпціи, мѣстничествѣ. Боярство XVI вѣка прекрасно понимало роль такого учрежденія, какъ мѣстничество, говоря: „то ихъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть“. За формулами мѣстнической ариѳметики родословныхъ и разрядовъ боярство проглядѣло его реальное основаніе, не обезпечивъ себѣ ни прочности крупнаго землевладѣнія, ни покоящихся на немъ въ извѣстные моменты историческаго развитія политическихъ гарантій. Успокоившись на величавыхъ формулахъ, что „неродословнымъ людямъ съ родословными и счету нѣтъ“ и что „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ“, боярство не замѣчало постепеннаго и вѣрнаго роста своего смертельнаго врага, дворянина съ приказными вкусами, большой неразборчивой энергіей и колоссальнымъ аппетитомъ. Старая правительственная аристократія не сумѣла оцѣнить злостности формулы, довольно рано промелькнувшей въ мѣстническихъ спорахъ и знаменовавшей крикъ: приказный идетъ! Аристократія презирала такія должности, какъ городовой приказчикъ или городничій; она не разслушала, какъ слѣдуетъ, характерныхъ словъ одного спорщика, революціонно заявлявшаго, что „иные большіе роды были и въ городовыхъ приказчикахъ, а нынѣ царскою милостью взысканы тѣ жъ роды и въ боярахъ; все то дѣлается Божіимъ милосердіемъ да государевымъ призрѣніемъ, великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“. Отъ этой старой московской фразы уже отдаетъ тлетворнымъ духомъ Петровской табели о рангахъ. И этотъ духъ, и его тлетворность боярская аристократія замѣтила только тогда, когда уже было слишкомъ поздно.

Московскій великій князь, собиратель земель, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и собирателемъ удѣльнаго княжья и боярства въ Москвѣ; всѣ они, сливаясь въ одно цѣлое и занимая мѣста по отечеству, образовали своего рода сословіе, съ помощью котораго правительствовалъ собиратель. Московскій князь XIV в. не даромъ сказалъ правительственному сонму бояръ: „Вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей“, и они въ самомъ дѣлѣ были князьями, опираясь въ своемъ политическомъ значеніи на крупный земельный капиталъ. Умирая, московскій великій князь Семенъ Ивановичъ даетъ такой завѣтъ братьямъ: „Слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Болѣе того: изъ устъ Димитрія Ивановича вырвалось прямое политическое завѣщаніе, тонко обрисовавшее и отношеніе между московскимъ княземъ и боярствомъ въ XVI в., и роль послѣдняго, какъ правящаго класса съ законодательнымъ, если говорить на нашемъ теперешнемъ языкѣ, значеніемъ. „Бояръ своихъ любите, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте“. Эти слова прямою дорогой ведутъ насъ къ 97-ой статьѣ Судебника Грознаго, которая гласитъ: „А которые будутъ

дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору, вершатца, и тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати". Въ сущности это официальная запись существовавшаго съ конца XIV в. юридическаго обычая, протпвъ котораго московскій царь XVI вѣка не могъ и не смѣлъ выставить какой-либо формулы, хотя отецъ Грознаго и позволилъ себѣ сказать боярамъ: „мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре", а Грозный, узаконивъ приведенную формулу, сумѣлъ отправить на тотъ свѣтъ очень многихъ лицъ изъ состава правительственной аристократіи. Учрежденіемъ опричнины тотъ же московскій царь сумѣлъ помочь паденію экономической роли палаты лордовъ въ русскомъ вкусѣ. Вторая половина XVI в. — критическій моментъ въ исторіи родословной знати Московскаго царства. Развитіе хозяйственной жизни страны и сельско-хозяйственный кризисъ московскаго центра подорвали экономическую мощь московскаго лорда, стиснутаго остроумно пущенной въ житейскій оборотъ политикой опричнины. Опричнина стала рядомъ съ мѣстничествомъ и, не уничтожая послѣдняго, помогала порчѣ практическаго значенія этого сложнаго, набитаго археологическимъ тряпьемъ учрежденія.

Наканунѣ Смутнаго времени боярское сословіе, не замѣчая этого и увлекаясь нехитрой игрой въ родословецъ и разрядъ, было уже расшатано политически, такъ какъ значительно захирѣло экономически и стало лицомъ къ лицу съ своимъ замѣтно крѣпнувшимъ соціальнымъ врагомъ. Имъ было помѣстное дворянство, которое начинало жить государевой милостью, получая земли въ помѣстья и принимая обязательство отбывать ратную службу. Толпа этой помѣстной дворянской конницы росла постепенно, захватывая все большее и большее количество земель, независимо отъ территоріальнаго расположенія послѣднихъ; съ ростомъ территоріи Московскаго царства помѣщики двигались куда угодно, временами вбирая въ себя казаковъ и неслужилыхъ людей и упорно поставляя московскому центру юркихъ приказныхъ дѣльцовъ. Дьяческая фигура, смышленая и мало церемонившаяся съ прерогативами боярской знати, скоро получаетъ значеніе даже въ самой Боярской думѣ. Ко времени появленія новой династіи послѣ приключеній Смутнаго времени элементы бюрократическаго слоя были уже налицо, и послѣдней оставалось только любовно культивировать этотъ слой, экономически всецѣло зависѣвшій отъ короны и лишь отъ нея получавшій свѣтъ, блескъ и силу. Первоначально это помѣстное дворянство создавалось изъ „дѣтей боярскихъ" въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. это были дѣти бояръ, сами не попавшія въ Боярскую думу и превратившіяся въ особый слой въ составѣ московскаго служилаго класса, непосредственно слѣдовавшій за боярствомъ. Позднѣе этотъ слой, развиваясь и пополняясь одно время чуждыми ему элементами, составилъ двѣ категоріи служилыхъ чиновъ, московскую и

городовую, или, говоря по нынѣшнему, столичную и провинціальную. Такъ худородный человѣкъ въ союзѣ съ приказнымъ, на почвѣ экономическихъ явленій Московскаго царства, оттѣснилъ родословнаго, и въ конечномъ счетѣ создалъ абсолютизмъ и централизацію. Роль этого худороднаго элемента успѣлъ оцѣнить уже московскій великій князь, переставшій любить „встрѣчу“ и осмѣлившійся рѣшать государственныя дѣла безъ боярина. Царь Иванъ Грозный смогъ уже повести атаку въ широкихъ размѣрахъ и обезпечить новой династіи такіе политическіе успѣхи, о которыхъ самъ онъ могъ только безплодно мечтать. Онъ создавалъ новый государственный порядокъ не только путемъ опричнины и казней и невольнаго учета сельско-хозяйственнаго оскудѣнія московскаго центра: и самъ царь, и люди его времени выросли уже до формулировки опредѣленныхъ теорій, въ которыхъ сказались живыя черты эпохи, ея вожделѣнія и страсти, ея соціально-хозяйственныя разслоенія.

Публицистамъ XVI вѣка приходится не безъ труда и натяжекъ поддерживать и защищать политическую роль правительственной аристократіи, окружающей царя. Авторъ извѣстной бесѣды Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ, то и дѣло возвращается къ мысли о томъ, какъ царь долженъ слушать бояръ своихъ... Царь долженъ „всякіе дѣла дѣлати милосердно съ своими князи и съ боляры“, долженъ „съ совѣтники совѣтъ совѣщевати о всякомъ дѣлѣ“, но отнюдь не съ иноками. Самъ Господь Богъ повелѣлъ „царемъ царство и грады и волости держати и власть имѣти съ князи и съ боляры“. „А которые пишутся самодержцы, повторяется тотъ же авторъ, таковымъ царемъ не достоитъся писати самодержцемъ ни въ чемъ, понеже съ пособники Богомъ данное царство и міръ воздержатъ, а не собою, ниже съ своими пріятели, съ князи и зъ боляры“. Публицистъ горячо протестуетъ противъ монастырскаго землевладѣнія и какой бы то ни было политической роли иноковъ: совѣтники государя—князь и бояринъ, только они, а не „живые мертвецы“. Понятно, почему публицистъ громитъ монастырское землевладѣніе: захватывая земли и становясь крупнымъ банкиромъ, „живой мертвецъ“ подрывалъ политическую мощь боярскаго класса, терявшаго шагъ за шагомъ свой капиталъ. Публицистъ XVI в. не хуже любого новѣйшаго представителя экономическаго матеріализма понималъ хозяйственную подоплеку правящаго сословія, источникъ его политической силы.

И въ этомъ смыслѣ горячимъ врагомъ публициста былъ не только инокъ, но и царь. Пусть царь и самодержцемъ не называется, разъ онъ бояръ-совѣтниковъ игнорируетъ и съ иноками совѣтъ держитъ. „Лучше степень, и жезлъ, и царьскій вѣнецъ съ себя отдати, и не имѣти царскаго имени на себѣ и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суеты отъ душевнаго спасенія отвращати“. Положеніе боярства, очевидно, было не изъ легкихъ, разъ публицистъ разгорячался до того, что царю не

Тарелка царя Алексѣя Михайловича.

Изъ альбома Солнцева.

Тавсаҝа ҙәр Александр Македонскийҙы.

Нәр ғаҙәмәһ Сәһилдәғы.

ПЕЧАТЬ
КАЗАНСКАЯ
ПЕЧАТЬ
АСТРАХАНСКАЯ
ПЕЧАТЬ
ПСКОВЪСКАЯ
ПЕЧАТЬ
ТВЕРЪСКАЯ
ПЕЧАТЬ
СМОЛЕНСКАЯ
ПЕЧАТЬ
СИБИРСКАЯ
ПЕЧАТЬ

Лебедевъ. Сокольничіе царя Алексѣя Михайловича.

только отказывалъ въ титулѣ самодержца, но попросту выражалъ дерзновенную мысль: царь! бросай свое царство, уходи, разъ ты бояръ старыхъ, совѣтниковъ короны, не слушаешь. Нетерпимъ царь, который рѣшается „инокомъ княжее и болярское и мірское жалованье давати, аки воиномъ, волости со христіаны“. Царь прикинулся даже желающимъ бросить царство, уѣхалъ въ Александровскую слободу, но его уговорили вернуться: это была крупная побѣда дворянъ и монаховъ. Пришлось боярамъ покидать насиженныя дѣдовскія мѣста и либо отправляться на тотъ свѣтъ, либо бѣжать въ Литву. Одинъ изъ бѣглецовъ въ Литву, князь Курбскій, еще болѣе опредѣленно выразилъ взглядъ на боярство, какъ на правительственную знать, безъ которой никакое царство стоять не можетъ. Курбскій не только громитъ, но уже прямо издѣвается надъ доктриной теологическаго абсолютизма, издѣвается и зло, и остроумно. „Самому царю, по мнѣнію Курбскаго, достоитъ быти, яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды“. Царь не можетъ быть безъ постояннаго совѣта вельможъ. „Безъ бояръ нѣтъ царя“ — вотъ сущность политическаго взгляда Курбскаго. Противники родословнаго боярства стояли на иной точкѣ зрѣнія; они, наоборотъ, утверждали, что гдѣ бояре совѣтники, тамъ нѣтъ царя царствующаго. Эта мысль нашла блестящее выраженіе въ сообщеніи Курбскаго о совѣтѣ, данномъ царю Васьяномъ Топорковымъ; въ формулировкѣ этого совѣта вылились всѣ вожделѣнія поднимавшагося неродословнаго человѣка: „Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ“. Топорковъ мастерски отмѣтилъ ранѣе существовавшія отношенія, протестуя противъ боярскаго совѣта. Если возлѣ царя стоитъ родословная знать, царь невольно долженъ быть въ рукахъ совѣтниковъ. Разрушить такой порядокъ нельзя, но отъ людей избавиться можно.

Грозный и началъ бороться съ порядкомъ, уничтожая людей. У Курбскаго не хватаетъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы излить свое негодованіе и противъ совѣта Топоркова, пришедшагося какъ разъ кстати, и противъ политики Грознаго. Курбскому непонятенъ вовсе политическій строй безъ правительственной аристократіи; по его мнѣнію, царство не можетъ стоять, если нѣтъ сословія, которому по рожденію принадлежитъ право совѣтовать и приговаривать. Не могутъ исчезнуть такія формулы, какъ „со всѣхъ бояръ приговору“ или „бояре приговорили“.

Исторія говорила словами Курбскаго, дѣйствительность шла въ разрѣзъ съ его археологическими притязаніями. Курбскій цѣликомъ ушелъ въ преданія и порядки прошлаго, царь жилъ настоящимъ: отсюда безусловная невозможность для Курбскаго и царя понимать другъ друга; отсюда рознь между

Лебедевъ. Боярская свадьба. Третьяковская галлерея.

боярствомъ и царемъ, которую ничѣмъ нельзя было заполнить, пока время и обстоятельства не произвели полной перетасовки соціальнаго распорядка, окончательной смѣны отношеній и понятій. „Про что, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси“, про что „выгубилъ уже сильныхъ и благородныхъ во Израили, аки согласникъ дѣломъ антихристу“, взывалъ Курбскій. „Сильные и благородные въ Израили“—на языкѣ Курбскаго родословная знать, боярство, превратившееся на языкѣ царя Ивана въ „работныхъ своихъ“, ибо царь полагалъ владѣть самъ, а не съ „боярами и вельможами“. Царь сердится, чувствуя, что исторически онъ неправъ, и, называя бояръ „работными своими“, спѣшитъ послать Курбскому титулъ бѣшеная собака. Царь то и дѣло повторяетъ по адресу бояръ выраженіе рабы и холопы. Царь притворяется непонимающимъ Курбскаго: „Не вѣмъ, кто есть сильнѣйшій во Израили“, говоритъ онъ и прибавляетъ: „а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя“. Да какіе вы, бояре, сильнѣйшіе во Израили? спохватился царь. „Понеже аще бы чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили: можетъ бо Богъ и отъ каменія воздвигнути чада Аврааму. Не вси бо, изшедшіе изъ Авраама, сѣмя Авраамле причитаются, но живущіе въ вѣрѣ Авраамовѣ,—сіи суть сѣмя Авраамле“. Такъ царь договорился до болѣе демократической формулы. Въ литературѣ XVI вѣка послѣдняя не является одинокой: за нее историческая дѣйствительность; она отмѣтила уже народившееся явленіе, которое будетъ неуклонно развиваться до момента окончательнаго низверженія боярскаго сословія. „Можетъ бо Богъ и отъ каменія воздвигнути чада Аврааму“, сказалъ царь не въ видѣ отвлеченной формулы: слова имѣли за собой уже опредѣленную практику, а во время опричнины эта практика давала уже и плоды. Какъ боярскій публицистъ XVI в., авторъ „Бесѣды Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ“, призывалъ царя къ сохраненію боярскаго совѣта, къ дѣланію всякихъ дѣлъ съ князьями и съ боярами [1]), такъ другой публицистъ того же вѣка, авторъ сочиненія „Ино сказаніе тое жъ бесѣды, отъ видѣнія извѣтъ преподобныхъ игуменовъ Сергія и Германа, валаамскихъ начальниковъ“, выдвигалъ на первый планъ роль „воинскаго чина“, т.-е. дворянства, роль „славнаго воинскаго валитоваго разума“ при „царской премудрой мудрости“. Развивалась помѣстная дворянская конница; создавался общественный слой, чуждый сословнымъ интересамъ боярства и успѣвшій уже найти себѣ соціальныхъ выразителей.

---

1) Надо имѣть въ виду, что этотъ боярскій публицистъ, можетъ-быть, не вполнѣ правовѣренъ или не настолько правовѣренъ, какъ князь Курбскій; нѣсколько неопредѣленно онъ прибавляетъ еще выраженіе „съ прочими міряны“. Надо думать, что подъ этими „прочими мірянами“ просто разумѣются люди, которые несли службу не совѣтомъ въ думѣ, а служили внѣ мѣстническаго распорядка.

Этотъ дворянскій публицистъ призываетъ царя „на единомысленный вселенскій совѣтъ и съ радостію царю воздвигнути отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безъ высокоумія гордости, христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при собѣ и собѣ ото всякихъ мѣръ и всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ добрѣ распросити царю самому о всегоднемъ посту и о каяніи міра всего и про всякое дѣло міра сего“. Продолжая свою мысль о демократизаціи московской монархіи, авторъ пишетъ: „А разумныхъ мужей, мудрыхъ и надежныхъ приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ со многимъ войскомъ ни на единъ не разлучатися отъ собя; а таковою царскою мудростію и воиновымъ валитовымъ разумомъ вѣдомо да будетъ царю самому про все всегда самодержства его“. Если царь послѣдуетъ совѣту публициста, то „здержатца во благоденствіи царство его и войско все безъ измѣны крѣпко всегда“, да и приказные люди ограждены будутъ отъ всякихъ соблазновъ. Эта упорная ссылка на воиновъ и приказныхъ людей отражаетъ новыя соціальныя явленія XVI в., получившія въ дѣйствительности достаточное выраженіе. Воины и приказные люди были просто холопами, которыми царь распоряжался пока, какъ хотѣлъ, ибо они жили государевымъ жалованьемъ и ничѣмъ другимъ. Царь по своей волѣ давалъ имъ и земли, и деньги, и чины. По московской терминологіи бояре были тоже холопами; отдѣльному холопу изъ бояръ отрубить можно было голову, но ссѣчь главу у боярства, какъ цѣлаго, было нельзя, нельзя было уничтожить мѣстничество или упразднить боярскій совѣтъ. Приходившій на смѣну новый классъ еще только создавался, только поднималъ голову; преданіе старины еще жило и дѣйствовало, было священнымъ и продолжало производить то впечатлѣніе, передъ которымъ въ массѣ боязливо и подобострастно останавливается человѣкъ средняго уровня мысли. Дерзить новый человѣкъ уже начиналъ, но не столько онъ самъ по себѣ сталъ смѣлъ и силенъ, сколько нетерпимъ былъ царь въ своихъ нападеніяхъ на отдѣльныхъ представителей боярства, сколько послѣднее было политически косно и археологически наивно, теряя почву подъ своими ногами въ смыслѣ страшныхъ потерь въ своемъ основномъ капиталѣ, т.-е. въ землѣ. Успѣхи „сильнѣйшихъ во Израили“, чѣмъ такъ гордился Курбскій и что стремился не признать царь, пошли во вредъ, а не на пользу боярству, расширивъ возможности и пути вольной народной колонизаціи. Царь сталъ ненавидимъ боярствомъ, но оно еще менѣе могло бы представить себѣ возможность жить безъ царя, чѣмъ послѣдній могъ бы вообразить себя лишеннымъ боярскаго совѣта. Для воиновъ и приказныхъ людей, наоборотъ, только и свѣта въ окошкѣ было, что царь, отъ котораго, какъ изъ неизсякаемаго источника, они черпали и положеніе, и средства. Обоготворяя царя, развивали ненависть къ „вельможамъ“, отъ которыхъ все зло въ государствѣ. П. С. Пересвѣтовъ, представитель воиновъ, аполо-

Оберегатель царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ (1680—1682)
бояринъ В. С. Волынскій.
Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

гетъ самодержавія, врагъ вельможества, писалъ въ половинѣ XVI вѣка, что „велможи русскаго царя сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, а царство его оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно, и конно, и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ и люто противъ недруга смертною игрою не играютъ, тѣмъ Богу лжутъ и государю". „Богатый о воїнѣ не мыслитъ, — продолжаетъ Пересвѣтовъ,— мыслитъ о упокои; хотя и богатырь обогатѣетъ, а онъ облѣнится". Мелкая зависть неродословнаго человѣка, дворянина или сына боярскаго, здѣсь вся налицо. „Царь, весели сердце неродословнаго человѣка", взываетъ Пересвѣтовъ въ своей знаменитой тирадѣ, вложенной изъ осторожности въ уста волошскаго воеводы: „Воина держати, какъ сокола чередити, и всегда ему сердце веселити, а ни въ чемъ на него кручины не допустити. Таковому сильному государю годится со всего царства своего дохода къ себѣ въ казну имати и изъ казны своея воинникомъ сердца веселити; ино казнѣ его конца не будетъ, и царство его не оскудѣетъ". Пересвѣтовъ находитъ, что пора непстовство вельможъ устранить, а воинамъ во всемъ вѣрить и „жалоба ихъ послушати во всемъ, и любити ихъ яко отцу дѣтей своихъ, и быти до нихъ щедру", вѣдь „царю безъ воинства не мочно быти", а вельможи только „у царя счастіе отъимаютъ и царскую мудрость". Огнемъ ихъ жечь надо, спѣшитъ прибавить Пересвѣтовъ, въ памфлетахъ котораго цѣликомъ начертана политическая программа царя Ивана.

Къ концу XVI вѣка вполнѣ опредѣлилась картина внутренней борьбы въ Московскомъ царствѣ, приведшей къ Смутѣ. Царь ретиво выходилъ изъ рамокъ удѣльнаго князя-вотчинника; сословная монархія, какъ таковая, переживала кризисъ, сулившій ей политическіе успѣхи въ сторону абсолютизма; боярство нищало, теряло подъ ногами почву и начинало жить только традиціей, пещадно побиваемой казнями, пытками и конфискаціями Грознаго; боярство самою жизнью подбивалось на попытку юридической, писаной охраны своей личности, имущества и чести; его неписаная конституція жила и дѣйствовала, но не мѣшала его разгрому, ибо исчезала боярская сила, его капиталъ и крестьянскія рабочія руки; боярство не было популярно въ странѣ, оно зашаталось,—и его стали усиленно раскачивать его соціальные враги— воины и приказные, которые требовали веселья сердца, земли и денежнаго жалованья; воины, т.-е. дворянство,—классъ, который росъ и численно, и матеріально; воины заполняли станъ московскаго царя, и обѣ стороны живо и чутко сознали взаимную необходимость другъ въ другѣ. Сановитый старый московскій князь, когда-то привольно себя чувствовавшій среди родословной знати, превращался въ царя съ демократическими вкусами; ему становилось уже неловко и непріятно среди боярскаго властнаго совѣта, котораго онъ по завѣту предковъ даже былъ долженъ слушаться. Народились другія соціальныя силы, безъ которыхъ нельзя уже было жить, которыхъ нельзя уже было

игнорировать. Эти силы еще не были политически притязательными; имъ надо было веселить сердце и можно было съ ними не церемониться; вельможъ они ненавидѣли, а это царю было какъ разъ на руку. Никакой видимой революціи не было, но происходилъ глубокій переворотъ въ соціально-экономическихъ основаніяхъ Московскаго царства. Курбскій, который предсказывалъ паденіе старой династіи за ея великіе грѣхи, былъ правъ, но онъ совершенно не понималъ, почему она должна была пасть. Старая династія падала вмѣстѣ съ старымъ боярствомъ: она такъ же не могла жить безъ него, какъ не могла существовать Боярская дума, когда съ отмѣной мѣстничества окончательно исчезло воспоминаніе о боярствѣ, какъ правительственной аристократіи. Погибая, люди стараются спастись, не разбирая средствъ и не размышляя о всѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ. Ключевскій былъ глубоко правъ, когда утверждалъ, что Смуту начало боярство и что въ теченіе Смуты послѣдовательно выступаютъ всѣ классы русскаго общества. На рубежѣ XVI и XVII столѣтій на мгновеніе все заволакивается непроницаемымъ туманомъ, среди котораго слышны только отчаянные крики борющихся между собою соціальныхъ группъ. Борьба выходила изъ самаго нутра Московскаго царства и не стояла ни въ какой связи ни съ внѣшними отношеніями, ни съ историческими анекдотами...

II.

Около 21 февраля 1613 года пришелъ конецъ Смутѣ. На московскомъ престолѣ сѣла новая династія, но съ новою династіей не вернулись старые порядки и отношенія. Боярство, начавшее Смуту, не достигло своей цѣли и вышло изъ нея разслабленнымъ: и Грозный, и Смута нанесли ему непоправимые удары; Тушино придало уцѣлѣвшимъ остаткамъ новыя черты. Начинается процессъ окончательнаго замиранія, растянувшійся на цѣлый вѣкъ; породословный человѣкъ окончательно поднялъ голову, а воины—дворянство—оказались сплоченнымъ и властнымъ цѣлымъ пока безъ политическихъ понятій и представленій, но съ опредѣленными интересами, удовлетворять которымъ долженъ былъ царь; царю можно было докучать безконечнымъ рядомъ челобитныхъ; челобитныя дворянства въ XVII вѣкѣ, обращенныя къ новой династіи, сыпались неуклонно, упорно, настойчиво; и въ концѣ XVII столѣтія воины Пересвѣтовы — дворянство — превратилось въ прочное и правящее сословіе землевладѣльцевъ и душевладѣльцевъ, сумѣвшихъ близко стать къ престолу, выдѣляя изъ себя полномочную бюрократію, закрывшую націю отъ царя и прожившую едва ли не больше старой политической аристократіи—боярства. Разбитые остатки боярства пытались не сдаваться, но игра въ лорды не удалась, аристократъ собственной милостью не сложился и былъ навсегда раздавленъ въ 1730 году. На первый взглядъ все какъ будто осталось по-старому при новой династіи: и внѣшнія формы, и

термины напоминали старое Московское царство; такъ же мѣстничались и считались по родословцу и разряду, такъ же царь указывалъ и бояре приговаривали. Но это только могло казаться, какъ иногда можетъ казаться наблюдателю, посѣтившему старый деревенскій помѣщичій домъ, что въ немъ продолжаетъ жить прошлое: вокругъ этого дома все уже измѣнилось, все живетъ иною жизнью, а онъ продолжаетъ себѣ стоять, сохраняя внутри себя дѣдовскія вещи и особый запахъ невозвратнаго прошлаго. Словомъ, то же впечатлѣніе, какое Крамской пытался произвести своей картиной „Осмотръ стараго дома“. Боярство продолжало до извѣстной степени играть роль правительственной аристократіи, но пораженіе, нанесенное ему на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, подорвало его авторитетъ, который уже не находилъ для себя надлежащей почвы: экономическая сила была на другой сторонѣ. Мѣстничество превращалось въ своего рода право на соблазнительное дебоширство въ чопорной атмосферѣ московскаго двора и Боярской думы,—атмосферѣ, разрѣжавшейся къ тому же смѣлыми выпадами новаго человѣка-выходца. Не разъ была описана и пересказана знаменитая сцена, разыгравшаяся въ Золотой палатѣ по окончаніи мѣстническаго суда по жалобѣ Ивана Чихачева на князя Аѳанасія Шаховского. Поднялся думный дьякъ Томило Луговской, выхватилъ у Чихачева посохъ, да тутъ же, въ Золотой палатѣ, сталъ его бить и по спинѣ, и по ногамъ, соблазнивъ на такую же операцію боярина Ивана Никитича Романова. „Неродословный“ человѣкъ вскрывалъ свою силу, поднимая палку на мѣстника въ присутствіи тѣхъ, кому справедливо и явственно рисовалась смерть, еслибы заставили ихъ жить безъ мѣстъ. Московскій подьячій Григорій Котошихинъ, живучи на чужбинѣ, оставилъ намъ въ своемъ сочиненіи о Московскомъ царствѣ рядъ весьма цѣнныхъ впечатлѣній; послѣднія въ его словесномъ изображеніи тѣмъ характернѣе, что Котошихинъ видалъ не одни московскіе порядки. Онъ подчеркиваетъ, что бояре кланяются царю въ землю и стоятъ въ его присутствіи. „А какъ они (т.-е. бояре) и на пріѣздѣ кланяются, а онъ (т.-е. царь) въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярского поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда; а когда лучитца ему сидѣти въ покояхъ своихъ и слушаетъ, или слова разговорные говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ; а пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать, сидѣть на дворъ“. Это отношеніе государя и холоповъ, помѣщика и крѣпостной дворни, а не государя и совѣтниковъ въ стилѣ Андрея Курбскаго. И если послѣ этой картинки становятся понятными слова Котошихина о томъ, что „прежніе большіе роды, князей и бояръ, многіе безъ остатку миновалися“, то, въ свою очередь, уясняются и жалобы Грознаго: „а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ... и таковая гордыня кто можетъ понести“. Теперь гордыня всецѣло перенеслась согласно выразительнымъ мечтамъ Грознаго

на царя, и въ свою очередь московскій подьячій умѣетъ ее оцѣнить по достоинству, когда прибавляетъ еще, что „царь, и царица, и царевичи, и царевны, у нихъ (т.-е. у бояръ) на обѣдѣхъ и въ домѣхъ не бываютъ ни у кого, и не токмо на обѣдѣхъ и на веселіяхъ ихъ, и на погребеніяхъ не бываютъ же никогда“. Эти мелкія бытовыя черты лучше всякихъ длинныхъ объясненій обрисовываютъ положеніе совѣтниковъ при царѣ XVII вѣка. Но, приводя рядъ разнообразныхъ деталей, показывающихъ бытовое и политическое приниженіе боярства въ XVII в., Котошихинъ опредѣленно указываетъ на упорное мѣстничанье бояръ на службахъ и за государевымъ столомъ, въ сущности уже не оправдываемое ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ, какъ сословія. Боярство разрѣжалъ и унижалъ и самъ царь, и выходецъ. Особенную роль сыграли здѣсь свойственники царя, обыкновенно большой практической силы въ большомъ, но малаго значенія въ маломъ дѣлѣ: чѣмъ бы ни ворочали царскіе свойственники, какъ бы ни держали они въ своихъ цѣпкихъ и отвыкшихъ стѣсняться рукахъ породистыхъ людей, тѣмъ не менѣе они не могли ни въ думѣ, ни за обѣдомъ занять стула почестнѣе и повыше. Этотъ обычай былъ крѣпокъ и силенъ, онъ держался незыблемо, но его крѣпость и сила были призраками, обольщавшими однихъ и напрасно пугавшими другихъ. „А изъ которыхъ чиновъ ни буди,—пишетъ подьячій,—бываютъ пожалованы въ бояре, и въ окольничіе, и въ думные люди, за службы и не за службы, а лучится имъ сидѣти въ думѣ съ царемъ вмѣстѣ, а они садятца по роду своему и по чести, кто кого честняя породою, а не по тому, кто кого старѣе въ чину, хотя кто сегодня пожалованъ, наутрее по породѣ своей учнетъ сидѣти выше. Такъ же и за столомъ царскимъ по тому жъ. А которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бываютъ, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣть, что породою не высоки; а окольничіе и думные люди, свойственные царю по царицѣ, и тѣ люди въ думѣ и у царя сидятъ за столомъ, гдѣ кому можно“. Приведенное указаніе Котошихина могло бы даже нѣсколько смутить представленіе читателя о постепенномъ замираніи

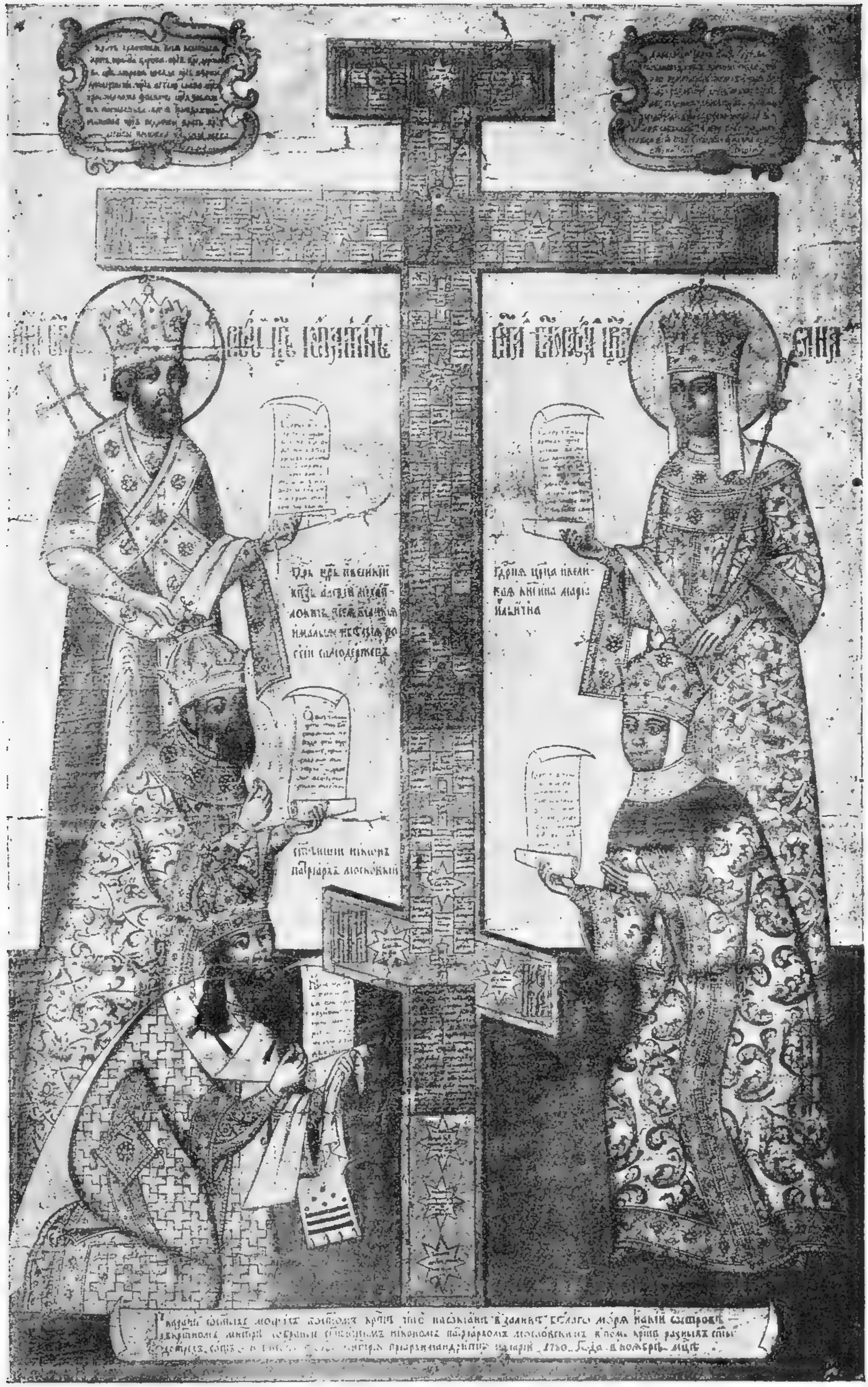
Держава царя Михаила Ѳедоровича.
(Оружейная палата).

боярства въ XVII вѣкѣ, еслибъ параллельно тотъ же авторъ не нарисовалъ другой картины, отдающей каррикатурой и тѣмъ не менѣе съ замѣчательной точностью передающей смыслъ самаго явленія. „Какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ,—говоритъ ядовитый подьячій,—и власти у царя садятся за столомъ по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ, а бояре—по лѣвой сторонѣ, въ своемъ особомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ, по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ, окольничей подъ окольничимъ и подъ боярами, думной человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ окольничими и подъ боярами, а иные изъ нихъ, вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣми людьми садитися за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домомъ, или у царя того дни отпрашиваются, куды къ кому въ гости, — и такихъ царь отпущаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или, не прощався у царя, поѣдетъ къ себѣ домовъ: и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется“. Послѣ этого обычай мѣстничества начинаетъ облекаться въ форму безполезнаго дебоширства, рѣшительно выдающаго его реальную устарѣлость. „И они,—продолжаетъ Котошихинъ,—садитись не учнутъ, а учнуть бити челомъ, что ему ниже того боярина, или окольничего, или думного человѣка, сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или честняя, и на службѣ и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывывалъ; и такова царь велитъ посадити сильно; и онъ посадити себя не дастъ, и того боярина бесчеститъ и лаетъ. А какъ ево посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ же и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; а онъ кричитъ: хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ, и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрьму, или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того за то ослушаніе отнимаетца у нихъ честь, боярство, или окольничество и думное дворянство, и потомъ тѣ люди старые своея службы дослуживаются вновь“. Если такая сцена на государевыхъ глазахъ во дворцѣ заканчивалась, по нашему сказать, составленіемъ полицейскаго протокола за нарушеніе общественной тишины и спокойствія, то чинили наказаніе, и Котошихинъ прибавляетъ, что „кому за такіе вины бываютъ наказанія, сажаютъ въ тюрьмы, и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ: и то записываютъ въ книги имянно впредь для вѣдомости и спору“. Картина, нарисованная Котошихинымъ, очень изобразительна, и если въ ней чувствуются нѣкоторыя колебанія, то тѣмъ ближе онъ стоитъ къ той дѣйствительности, которую она описываетъ. Боярство царя Алексѣя и жило среди такихъ колебаній и неопредѣленнаго шатанія, которыя совершенно опредѣленно закончились при первомъ же преемникѣ Алексѣя, послѣдняго

дѣйствительнаго царя московскаго царства. Новая династія опиралась не на правительственную аристократію, а на среднее дворянство и на худородныхъ дѣльцовъ; эта династія жила побѣдою средняго человѣка и надъ аристократіей, и надъ тѣмъ, что въ наши дни зовутъ пролетарскимъ элементомъ. Въ то время, какъ родословный бояринъ не перваго ранга лѣзъ подъ столъ за обѣдомъ у царя Алексѣя, выступая, какъ большой капризный ребенокъ, люди средняго дворянства и худородные дѣльцы бойко шли вверхъ, отбивали у старыхъ боярскихъ фамилій чины, должности, земли, думу. Во второй половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ сосредоточиваются лишь жалкіе остатки „стародавныхъ честныхъ родовъ“. „Подъ руками у этого царя,—пишетъ Ключевскій,—былъ разбитый классъ со спутавшимися политическими понятіями, съ разорваннымъ правительственнымъ преданіемъ. Онъ падалъ генеалогически и даже экономически. У царя Алексѣя не оставалось старыхъ бояръ родовитѣе князей Одоевскихъ, а онъ и Одоевскимъ писалъ,ославъ, что было нужно, на вынось и погребеніе одного изъ нихъ: „впрямь узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня никого у васъ нѣтъ“. Это вѣдь опять формула: онъ развиваетъ и узаконяетъ смыслъ болѣе стараго изреченія, приведеннаго выше, что великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ. Нельзя, однако, думать, что боярство, умирая, не пыталось защищаться и молча уступало честь, имущество и власть шляхетству и приказнымъ. Защищаться становилось и невозможно, и трудно, если въ спискахъ противъ такихъ именъ, какъ Прозоровскіе или Долгорукіе, фигурировали замѣтки: „помѣстій и вотчинъ нѣтъ“, а подавляющая масса земель скопилась въ рукахъ служилаго сословія, чиновъ московскихъ и городовыхъ. Намъ говорятъ, что Смуту начало боярство; оно вынуждено было начать Смуту, чтобы добиться нѣкотораго обезпеченія своего существованія, но оно вовсе не было заинтересовано въ томъ, чтобы необходимыя для нихъ политическія гарантіи получили широкую гласность; оно пытается обезпечить за собою то, что ему прежде принадлежало по неписаному праву, но что въ значительной степени было сокрушено на практикѣ царемъ Иваномъ и его вѣрнымъ политическимъ ученикомъ царемъ Борисомъ. Боярскій царь Василій Шуйскій, боярскій генеалогически, боярскій по избранію и далеко не боярскій по своимъ политическимъ вожделѣніямъ, призналася всенародно, что власть его ограничивалась боярскимъ совѣтомъ: онъ обязался, „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими“, никого не предавать смерти, не отнимать имѣнія у семействъ осужденныхъ и у ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ дѣяніи, за которое наказывали, не слушать доносовъ, но разслѣдовать дѣло, ставя обвиняемаго и обвинителя „съ очей на очи“, наказывать ложныхъ доносчиковъ. Но вѣдь это не политическая программа въ собственномъ смыслѣ этого слова, это своего рода узаконеніе протеста противъ нетерпимыхъ новшествъ въ политикѣ Грознаго и Бориса, не посягав-

шихъ на конституцію стараго порядка, но изничтожавшихъ по клочкамъ сословіе, создавшее этотъ старый порядокъ... Боярскій царь скоро свалился, но не погибла мысль о договорѣ. Выступаетъ политическая роль Тушина, изъ нѣдръ котораго должна была, въ концѣ-концовъ, выйти и новая династія, и первый московскій опытъ построенія государственнаго порядка, основаннаго на хартіи. Но М. Г. Салтыковъ съ товарищами не были достаточно правовѣрными, и когда московскіе бояре принимали тушинскій проектъ, то выкинули изъ него статьи о правѣ ѣздить для науки за границу и о правѣ повышенія меньшихъ людей (т.-е. статью о томъ, чтобы великихъ чиновъ безъ вины не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ) и прибавили оговорку въ стилѣ добраго стараго времени: „московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ не тѣснить и не понижать“. Такъ боярство, чувствуя непрочность своего положенія, путемъ необычнаго акта стремится обезпечить свое существованіе въ обычныхъ рамкахъ минувшихъ уже дней. Картина этого политическаго анекдота на рубежѣ XVI и XVII столѣтій довольно ясна, и напрасно нѣкоторые историки стремятся затемнить простой смыслъ тѣхъ впечатлѣній, которыя были знакомы, понятны и вовсе не страшны московскимъ людямъ половины XVII вѣка.

Мысль объ ограниченіи верховной власти державнаго московскаго собственника вышла изъ среды боярства, въ исключительныхъ интересахъ боярской знати и на почвѣ старыхъ отношеній бывшихъ слугъ вольныхъ къ московскому вотчиннику. Подьячій Григорій Котошихинъ очень хорошо зналъ, что онъ писалъ, и если его не совсѣмъ понималъ первый его русскій издатель въ 1840 году, то вина падаетъ на тѣ своеобразныя условія, при которыхъ развивалось научное изученіе русской исторіи въ XIX вѣкѣ. Котошихинъ пишетъ, что по смерти царя Михаила „патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь духовный чинъ соборовали, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди, и чернь послѣ смерти прежнего царя на царство обрали сына его, нынѣшняго царя (т.-е. Алексѣя), и учинили коронованіе въ соборной большой первой церкви“. За небольшой сравнительно періодъ времени сложилась своего рода историческая привычка открытаго выбора царя съ участіемъ „черни“, какъ выражается Котошихинъ. Явленіе далеко не новое, ибо бояре привыкли въ старое время еще на глазахъ живого великаго князя или царя обсуждать въ верхнихъ московскихъ покояхъ вопросъ о наслѣдникѣ стола или престола. Достаточно припомнить, что такой фактъ приводилъ въ скверное настроеніе духа самого царя Ивана. „Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича,—пишетъ Котошихинъ,—обираны на царство, и на нихъ были иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого



Царь Алексѣй Михайловичъ, царица Наталья Кирилловна и патріархъ Никонъ.

Историческій музей (въ Москвѣ).

не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати. А нынѣшняго царя обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивысшее пишетца самодержцемъ, и государство свое правитъ по своей воли. И съ кѣмъ похочетъ учинити воїну и покой, и по покою, что кому по дружбѣ отдати, или какую помочь чинити, или и иные всякіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, съ бояры и съ думными людьми спрашиваетца о томъ мало; въ его волѣ, что хочетъ, то учинити можетъ. Однако, кого изъ бояръ, и изъ думныхъ, и исъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отецъ его блаженныя памяти царь Михайло Ѳедоровичь, хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярского совѣту не могъ дѣлати ничего". Котошихинъ блестяще изобразилъ смыслъ перемѣнъ, происходившихъ въ Московскомъ царствѣ. Прежній царь, дѣйствительно, ничего не могъ дѣлать безъ боярскаго совѣта, безъ круга правительственной аристократіи; царь Иванъ сталъ широко привлекать простыхъ людей; царь Алексѣй открыто опирается на простыхъ людей, ибо въ его время остались отъ боярства родословнаго одни клочки; ему, если хотите, уже некому было давать на себя письмо; боярство, пытавшееся закрѣпить свое положеніе договоромъ съ царемъ, брало на себя уже ненужную практически задачу, или вовсе исчезая, или теряя свою экономическую мощь. И, какъ было указано раньше, сохранялась извѣстная внѣшность, историческое преданіе, которое люди московскаго времени не любили ломать радикально и черезчуръ насильственно. Безвредная или практически ничтожная сторона традиціи продолжала жить: бояре мѣстничались и лѣзли подъ столъ, свойственниковъ своихъ царь жаловалъ всячески, а княземъ никого сдѣлать не могъ. Тотъ же Котошихинъ, въ котораго надо вчитываться и съ сочиненія котораго надо умѣть снять налетъ его европейскихъ наблюденій, утверждаетъ, что „вновь московскій царь изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и изъ иныхъ чиновъ людей, княземъ учинити не можетъ никого, кромѣ боярствъ и иныхъ чиновъ, потому что не обычай тому есть и не повелось". Напротивъ, женившись, царь свободно можетъ жаловать свою новую родню по царицѣ: „съ нискіе степени возведетъ на высокую, и кто чѣмъ не достатенъ, сподобляетъ своею царскою казною, и иныхъ разсылаетъ для покормленія по воеводствамъ въ городы, и на Москвѣ въ приказы, и даетъ помѣстья и вотчины; и они тѣми помѣстьями, и вотчинами, и воеводствами, и приказнымъ сидѣньемъ побогатѣютъ". Таковы были судьбы боярства, какъ правительственной аристократіи за изучаемое время. Послѣдовательно никнетъ значеніе сословія, долгое время незамѣтно для него самого. Приказный, свойственникъ царя, неродословный человѣкъ пробираются наверхъ, наживаютъ средства.

Страна покрывается сѣтью помѣстій и вотчинъ дворянства, которое, всецѣло зависи матеріально отъ царя, сдѣлалось невольно главною опорой его престола. Въ XVI в. монастырь, конкурируя съ царемъ и его опричниками захватилъ много боярскихъ земель; условія хозяйственнаго развитія московскаго центра довершали этотъ матеріальный погромъ боярства. И когда представители боярства опомнились, было уже поздно; они принялись спасать послѣднее мѣропріятіями политическаго характера, путемъ договора съ царемъ. Но спасать сословіе одними политическими актами нельзя. Если нѣтъ экономической силы, политическій актъ не поможетъ; если же эта экономическая сила налицо, то долго можно прожить не только безъ писаной, но и безъ какой бы то ни было конституціи. Всякій писаный текстъ подобнаго рода получаетъ серьезное значеніе лишь въ тотъ моментъ, когда фактически народились и въ сущности уже дѣйствуютъ эти отношенія зависимости принципса отъ создавшейся соціально экономической силы...

III.

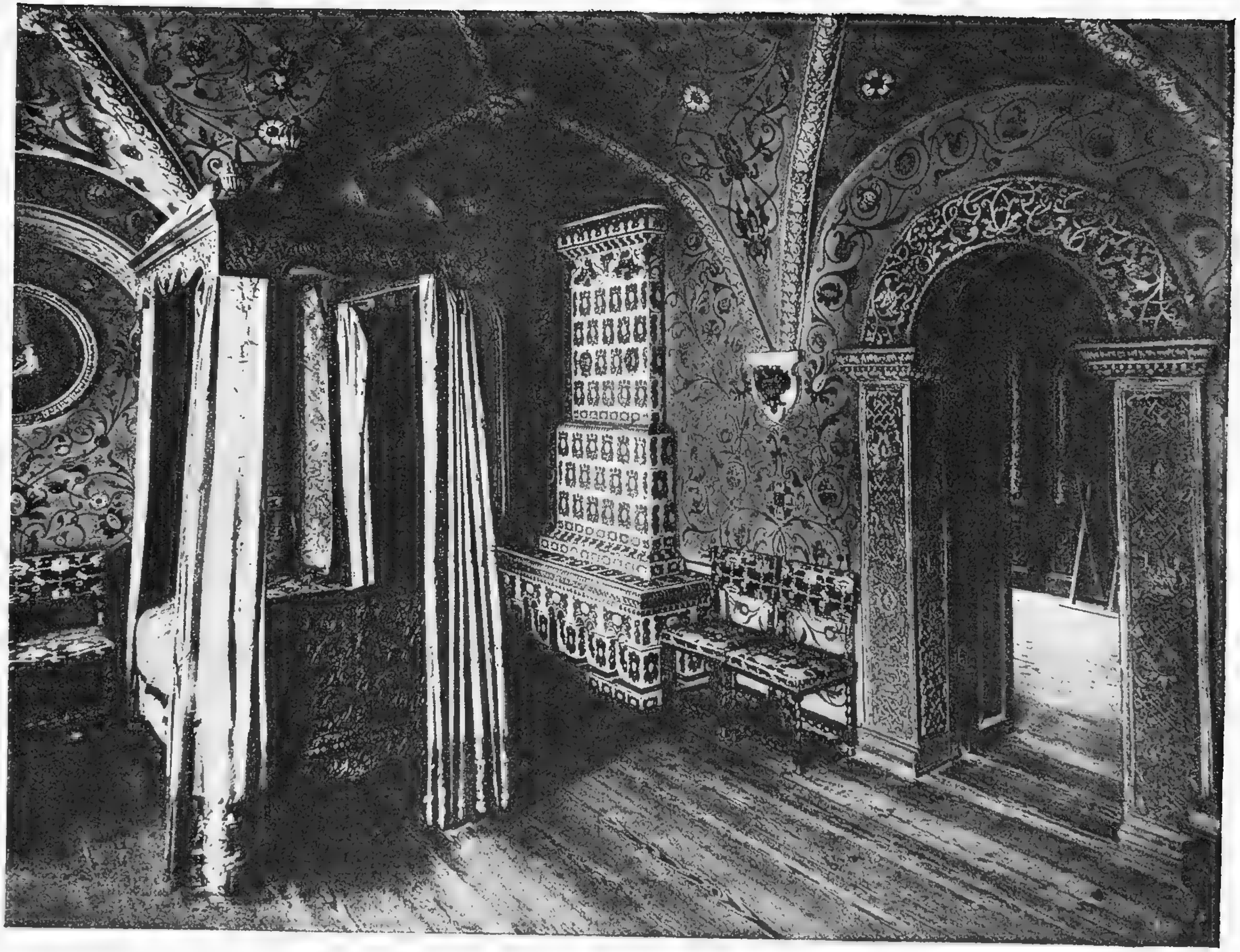
Тѣмъ не менѣе боярство никакъ не могло примириться съ своимъ исчезновеніемъ какъ правящаго съ царемъ сословія, и не наученное опытами рубежа XVI и XVII вѣковъ, до царя Михаила включительно, въ концѣ XVII столѣтія опять сдѣлало рѣшительный натискъ: оно попыталось создать въ Московскомъ царствѣ наканунѣ появленія Петровскаго абсолютизма своего рода аристократическую табель о рангахъ, вѣчно наслѣдственныхъ и, стало-быть, изъятыхъ изъ круга самовольныхъ распоряженій царя. Боярству и въ данномъ случаѣ не повезло; неуспѣхъ его новой попытки нетрудно было заранѣе предсказать. Попытка эта относится къ 1681 году, и нельзя утверждать, чтобы она достаточно хорошо была изучена въ русской исторической литературѣ. Любопытно, что эта новая боярская попытка стоитъ въ какой-то связи съ аналогичнымъ начинаніемъ въ области церкви. 27 ноября 1681 г. царь по совѣщанію съ патріархомъ Іоакимомъ „изволихъ для украшенія святыя церкви и для спасенія и просвѣщенія христіанъ быти и именоватись архіереомъ по степени... и по тому его царскому возвѣщенію святѣйшій патріархъ вкупѣ со Освященнымъ соборомъ начало тому учинили, преосвященнымъ митрополитомъ и архіепископомъ по степени быти такъ, какъ въ томъ его царскомъ возвѣщеніи написано, соизволили, а чтобъ для подобающей архіерейской чести на умноженіе хвалы Божія именоватися имъ архіереомъ тѣми грады, которые въ его царской державѣ имяниты суть, того не исполнено“. По степенямъ же (всего 34) предположено было распредѣлить и весь наличный составъ думныхъ людей. Такъ, въ 1-й степени долженъ былъ быть боярин, а съ нимъ 12 думныхъ людей. Любопытны функціи этой коллегіи. „И тіи всѣ двенадесять засѣ-

дателей въ нашей царскаго величества къ тому устроенной полатѣ должны всегда пребывати и испытно вѣдати, чтобъ всякій судья исполнялъ нашего царскаго величества повелѣніе и грацкой судъ праведно и разсудительно; аще ли бъ кого неповинно осудили, и той боляринъ съ товарыщи своими долженъ того дѣла розсмотрити и безпомощного избавити отъ неправды по правдѣ его отъ руки сильнаго; а судіи чинить указъ смотря по его винѣ, дабы всякъ неправдою обидимыій избавлялся ихъ прилежнымъ въ полатѣ розсмотрѣніемъ и никто бъ обидимъ силою не былъ". Далѣе по порядку степеней слѣдовали: боляринъ и дворовый воевода, боляринъ и намѣстникъ владимірскій, боляринъ и воевода сѣверскаго разряда, боляринъ и намѣстникъ новгородскій, боляринъ и воевода владимірскаго разряда, боляринъ и намѣстникъ казанскій, боляринъ надъ пѣхотою, боляринъ надъ конной ратью, боляринъ и дворецкій, боляринъ и намѣстникъ астраханскій, боляринъ и воевода астраханскій, боляринъ и воевода новгородскаго разряда, боляринъ и намѣстникъ псковскій, боляринъ и воевода казанскаго разряда, боляринъ и намѣстникъ смоленскій, боляринъ и воевода астрахапскаго разряда, боляринъ и оружейничій, боляринъ и воевода сибирскаго разряда, боляринъ и воевода смоленскаго разряда, боляринъ и намѣстникъ тверской, боляринъ и воевода рязанскаго разряда, боляринъ и намѣстникъ югорской, боляринъ и воевода бѣлгородскаго полка, боляринъ и намѣстникъ великопермскій; въ 25-й степени „нашего царского величества вѣрной подданной, обопхъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичь со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, пребываніе свое имѣетъ нашего царскаго величества малороссійскихъ городовъ въ городѣ Батуринѣ"; далѣе опять слѣдуютъ: боляринъ и намѣстникъ елецкій, боляринъ и воевода тамбовскаго разряда, боляринъ и намѣстникъ болгарскій; въ 29-й степени намѣстники боляре (9 лицъ съ напменованіями по городамъ); кравчій; начальникъ надъ чашниками; въ 32-й степени окольничіе и намѣстники (20 лицъ съ наименованіями по городамъ); постельничій; наконецъ, въ 34-й степени думные дворяне и намѣстники (20 лицъ съ наименованіями по городамъ), при чемъ въ ту же 34-ю степень включены печатникъ (печатаетъ грамоты, чтобъ „въ нихъ не было ничего противно нашимъ царскимъ законамъ") и думный дьякъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ. Надо терпѣливо и внимательно еще разъ перечитать этотъ скучный перечень, чтобы возможно конкретнѣе представить себѣ тотъ жизненный его смыслъ, который онъ долженъ былъ получить согласно боярскимъ предположеніямъ, а равно, чтобъ сопоставить его съ дальнѣйшими проектами эпохи Петра I о раздѣленіи русской территоріи на губерніи и, быть-можетъ, съ „Пропозиціями" Ѳ. С. Солтыкова. Списокъ этотъ раздѣлилъ на 34 степени наличную Боярскую думу и включилъ въ себя всего только одного думнаго дьяка, вѣдавшаго иностранныя сношенія, присоединивъ еще гетмапа обѣихъ сторонъ Днѣпра Ивана Самойловича; это

единственное имя, которое встрѣчается въ росписи. Роспись предполагаетъ функціонированіе Боярской думы и, что еще любопытнѣе, наличность мѣстнической традиціи, ибо разсаживаетъ членовъ думы по опредѣленнымъ разъ навсегда мѣстамъ, при чемъ нѣкоторыя лица, повидимому, или присутствуютъ въ думѣ безъ мѣстъ, или же вовсе въ нее не входятъ. Такъ о боляринѣ и намѣстникѣ владимирскомъ сказано: „Сіе намѣстничество имѣетъ для того, когда мы, великій государь, наше царское величество изволимъ быти въ своихъ царскихъ полатахъ, а боляромъ и думнымъ людемъ для совѣту нашихъ государственныхъ дѣлъ быти къ себѣ, и тогда сей намѣстникъ между иными намѣстники имѣетъ первосѣданіе“. Намѣстникъ владимирскій значится въ третьей степени, а боляринъ и дворовой воевода—во второй степени; но о послѣднемъ ничего не сказано въ его отношеніяхъ къ Боярской думѣ, а ему вмѣняется только въ обязанность „обидимыхъ избавляти отъ руки сильнаго и даже всякому воину здравое о всемъ разсужденіе и о недостаточныхъ во изобильствѣ попеченіе, чтобъ всякой воинъ былъ въ призрѣніе“.

Трудно себѣ представить, чтобъ этотъ дворовый воевода не сидѣлъ въ думѣ: вѣдь это военный министръ, а какъ же безъ такого лица обсуждать въ думѣ военные вопросы? Второе, третье и т. д. мѣста въ думѣ занимаютъ намѣстникъ новгородскій (5-й степени), казанскій (7-й степени), астраханскій (11-й степени), псковскій (13-й степени), смоленскій (15-й степени), тверской (20-й степени), югорскій (22-й степени), великопермскій (24-й степени), вятскій (26-й степени), болгарскій (28-й степени). Это — первыя одиннадцать мѣстъ въ думѣ. Въ 30-ю степень помѣщенъ кравчій: роспись говоритъ о немъ глухо, что „по нашей государской милости въ нашихъ царскихъ полатахъ имѣетъ мѣсто свое между бояръ и окольничихъ“. Ничего не говоритъ роспись также о мѣстахъ въ думѣ девяти намѣстниковъ-бояръ, входящихъ въ составъ 29-й степени. Надо предположить, что въ думѣ они занимаютъ 12—20-е мѣста, кравчій занималъ 21-е мѣсто, дальше шли 32-я степень 20 человѣкъ окольничихъ и намѣстниковъ, занимавшихъ 22—41-е мѣста („всего окольничихъ и намѣстниковъ 20 степеней по нашей государской милости при нашемъ царскомъ величествѣ въ полатахъ садятца по степенямъ“), и 34-я степень 20 человѣкъ думныхъ дворянъ и намѣстниковъ, занимавшихъ 42—61-е мѣста („сей чинъ намѣстничества то, что они по нашей государской милости при нашемъ царскомъ величествѣ въ полатахъ садятца въ думѣ“). Мы видимъ въ этой росписи чины военные, гражданскіе и придворные; видимъ, что одни изъ этихъ чиновъ живутъ въ Москвѣ и присутствуютъ въ Боярской думѣ и что на обязанность другихъ возложено жить въ провинціи. Такъ, бояре и воеводы разрядовъ сѣверскаго, владимирскаго, новгородскаго, казанскаго, астраханскаго, сибирскаго, смоленскаго, рязанскаго, бѣлгородскаго и тамбовскаго обязаны были жить въ

Сѣвскѣ, Владимирѣ, Новгородѣ-Великомъ, Казани, Астрахани, Сибири, Смоленскѣ, Рязани, Бѣлгородѣ и Тамбовѣ. Всѣ другіе намѣстники-бояре, окольничіе и дворяне думные не имѣли никакого служебнаго отношенія къ городамъ, по которымъ они были номинально расписаны. Въ данномъ случаѣ роспись попросту запмствовала и возрождала въ широкихъ размѣрахъ глубокую старину. Московскіе думные люди, назначавшіеся для переговоровъ съ иностранными послами въ XV и XVI в., писались въ дипломатическихъ бумагахъ воеводами и намѣстниками московскимъ, коломенскимъ и т. п. Ключевскій думаетъ, что эти званія уже при великомъ князѣ Иванѣ III были только почетными титулами. Въ Москвѣ велись въ теченіе всего XVII вѣка особыя книги о намѣстничествахъ, которыми бояре и думные люди именовались при сношеніяхъ съ чужестранными послами и государствами. Такимъ образомъ, боярство, выступившее съ проектомъ, вводившимъ новизну, пользовалось старыми формами и наканунѣ отмѣны мѣстничества пыталось закрѣпить таковое очень прочными узами за кругомъ фамилій 1681 года, сидѣвшихъ въ думѣ или бывшихъ въ великихъ чинахъ при царѣ. Для этого нуженъ былъ союзъ съ церковью, съ одной стороны, и проявленіе заботъ о воинскомъ чинѣ (дворянствѣ)—съ другой. Все это имѣется налицо въ проектѣ: рядомъ съ нимъ идутъ извѣстія о распредѣленіи архіереевъ по степенямъ и городамъ, а въ самой росписи боярство проявляетъ удивительную заботливость о правосудіи и положеніи воинскаго чина. Эту заботливость о правосудіи было тѣмъ легче проявить, что упомянутая выше коллегія бояръ въ первой степени росписи не есть какая-либо новая выдумка послѣдней: это—судная комиссія старой Боярской думы, оформленная при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ подъ названіемъ расправной золотой или разрядной палаты. Изученный нами проектъ умиравшаго боярства не былъ бы настолько поразительно яснымъ, еслибъ въ архивахъ Москвы и Петербурга историкъ не могъ съ интересомъ изучать рукописный сборникъ, дошедшій до насъ отъ 1700 г. и носящій своеобразное именованіе Икона, т.-е. какъ поясняетъ самъ сборникъ, изображеніе великой соборной церкви всероссійскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріаршаго престола приключившихся дѣлъ въ разныя времена и лѣта. По своему содержанію Икона представляетъ собою собраніе документовъ управленія московскихъ патріарховъ Іоакима и Адріана отдаленными епархіями и сношеній ихъ съ восточными патріархами. Среди довольно спеціальной переписки о церковныхъ дѣлахъ мы вдругъ встрѣчаемъ въ Иконѣ запись, что въ 7189 и 7190 году (т.-е. въ 1681 г.) у царя Ѳедора явилось „хотѣніе“ устроить „въ его державѣ подъ патріаршимъ всероссійскимъ престоломъ 12 митрополитовъ по царственнымъ градомъ и великимъ княженіямъ и 70 епископовъ“. Согласно этому неизвѣстно чѣмъ навѣянному „хотѣнію“ юнаго царя, во главѣ церкви долженъ былъ стоять патріархъ московскій, а подъ нимъ 82 сановника, въ томъ



Терема. Опочивальня царя Алексѣя Михайловича.

числѣ 12 митрополитовъ, какъ своего рода святѣйшій Синодъ съ патріархомъ — предсѣдателемъ. Дѣйствительно ли хотѣлъ такъ юный царь, или то была мечта суроваго патріарха, но только Икона, разсказавъ объ этомъ „хотѣніи“ царя Ѳедора, который будто бы написалъ по этому случаю патріарху Іоакиму письмо „изъ похода своею рукою“, рѣзко переходитъ къ повѣсти о возникшемъ въ то же время „хотѣніи“ думныхъ людей и о томъ, какъ патріархъ, не щадя своихъ силъ, постарался разбить „изволеніе“ царя на боярскую затѣю. Вотъ что пишетъ Икона. Въ то же лѣто и время (т.-е. въ 1681 г.) „палатстіи бояре“ совѣтовали царю Ѳедору, чтобы „въ его царской державѣ по подчиненнымъ единой власти государствамъ и царствамъ, въ Новгородѣ-Великомъ, въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири и индѣ, быть царскимъ намѣстникамъ, великороднымъ болярамъ, вѣчно, и титлы имъ тѣхъ царствъ, кто гдѣ будетъ, имѣть и писатися во всякихъ письмахъ боляринъ и намѣстникъ князь (имярекъ) всего царства Казанскаго, или всего царства Сибирскаго и прочее, такожде и митрополитамъ— митрополитъ новгородскій и всего Поморія, митрополитъ казанскій и всего Казанскаго царства“. Царь внялъ совѣту „палатскихъ бояръ“, предположивъ учрежденіе 94 чиновъ по степенямъ, не считая главы государства — царя, при чемъ любопытно, что если при патріархѣ предполагался совѣтъ 12 митрополитовъ, то при боляринѣ, представителѣ и разсмотрителѣ надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы, проектировалась палата изъ 12 бояръ и думныхъ людей, какъ будто бы параллельно своего рода святѣйшему Синоду мечтался правительствующій Сенатъ съ высшими судебными функціями. „И на сіе дѣло онъ великій государь,—продолжаетъ Икона,—и изволилъ, и тому всему, гдѣ кому быти и творити что, написанная тетрадь, за помѣтою думнаго дьяка, къ святѣйшему патріарху прислана, чтобы онъ на оное дѣло далъ благословеніе и въ состояніе того помогалъ“. Патріархъ, однако, съ упорной рѣшимостью пошелъ противъ боярскаго совѣта, усмотрѣвъ въ немъ, если говорить нашимъ языкомъ, попытку феодально-аристократическаго раздробленія Московскаго государства. Патріархъ, „аще и многую трудность имѣлъ отъ хотящихъ тому быти палатскихъ подустителей, но никакоже попусти и возбрани всеконечно сіе творити для того, чтобы учиненные *вѣчные* намѣстники, великородные люди, спустя нѣсколько лѣтъ обогатясь и возгордѣвъ самодержавствомъ, не отступили и единовластія, многими лѣтами въ Россійскомъ государствѣ содержаннаго, не разорили и себѣ въ особность не раздѣлили, ибо, по евангельскому слову, раздѣлившееся царство не станетъ, отъ чего и въ древняя лѣта, когда были въ россійской землѣ разныя княженія, несказанныя бѣды, войны, и нестроенія, и погубленіе людямъ было, яко о томъ въ исторіяхъ и лѣтописныхъ книгахъ обрѣтается всюду“.

Очевидно, что оба проекта, касавшіеся церкви и боярства, исходили отъ послѣдняго. Это былъ несомнѣнный опытъ гальванизаціи трупа нака-

нунѣ его окончательныхъ похоронъ буйнымъ натискомъ Петровской реформы, плотно опиравшейся на сдѣланныя пріобрѣтенія въ московскомъ быту за время отца и дѣда преобразователя. Воиновъ пробовали привлечь заботами, но съ церковью боярству не удалось сторговаться. Въ рѣшительный моментъ патріархъ Іоакимъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ повліять на молодого и хилаго царя, раскрылъ ужасы боярскихъ замысловъ, и столь искусно и невинно слаженный проектъ росписи вѣчности боярской погибъ, оставшись только анекдотомъ въ исторіи русской правительственной аристократіи.

Намъ неизвѣстны подробности этого анекдота, этого вторичнаго формальнаго пораженія боярства, но у патріарха, несомнѣнно, были властные союзники изъ неродословныхъ, враги „палатскихъ подустителей“ 1681 г. Московская церковь издавна сдѣлалась сторонницей московскаго самодержавія, ибо отъ послѣдняго она вела свое экономическое развитіе, попустительствомъ послѣдняго соединяла въ своихъ рукахъ земельныя богатства; въ старое время она кормилась изъ рукъ боярства, и послѣ несчастныхъ попытокъ митрополита Филиппа и патріарха Никона сдѣлалась всецѣло орудіемъ верховной власти, ея канцеляріей по дѣламъ религіозной совѣсти. Въ своей жизни и хозяйственной дѣятельности она могла опираться исключительно на царя; ея бюрократизація шла такъ же быстро, успѣшно и безконечно, какъ и бюрократизація дворянства. Патріархъ Іоакимъ не захотѣлъ связать своей судьбы съ боярской росписью 1681 г., ибо не могъ не замѣтить, что все зданіе политическаго возрожденія сословія думныхъ людей строилось на пескѣ, и куда онъ могъ преклонить голову, еслибъ разорвалъ традиціонную связь съ короной, отъ которой и безъ того церкви пришлось такъ много потерпѣть уже при Петрѣ I, прежде чѣмъ она успѣла окончательно превратиться въ безсловесную исполнительницу единой воли верховной власти? За проваломъ проекта росписи 1681 г. послѣдовала немедленная расплата; корона тотчасъ же сосчиталась съ боярствомъ отмѣною мѣстничества, которое становилось ей теперь особенно ненавистнымъ. Первоисточники, правда, настроены нѣсколько болѣе радужно. Они рисуютъ намъ идиллическую картинку якобы трогательнаго единенія царя съ боярствомъ, царь изъявляетъ свою милость, отмѣняетъ братоненавистническое мѣстничество 12 января 1682 года по просьбѣ и моленіямъ тѣхъ, которымъ безъ этой неписаной гарантіи смерть, по собственному же ихъ признанію. Царь и патріархъ произнесли рѣчи противъ мѣстничества; особенно краснорѣчивымъ долженъ былъ быть патріархъ, замѣшанный въ тяжелую исторію съ проектомъ боярской росписи 1681 г. Думные люди, по предложенію царя, должны были высказать чистосердечно свою мысль безъ всякаго зазора, и несчастнымъ авторамъ проекта о вѣчныхъ намѣстничествахъ и установленіи мѣстническаго распорядка въ Боярской думѣ на вѣчныя времена пришлось

сказать, чтобъ „великій государь указалъ учинить по прошенію патріарха“ и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ (т.-е. мѣстническихъ) случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованіе, а между ними было противное дѣло — великія, продолжительныя вражды“. Царь внялъ выраженію чистосердечной мысли думнаго чина, мѣстничество отмѣнилъ, книги сжегъ. Патріархъ съ архіереями зорко слѣдили за ихъ сожженіемъ. Смертный приговоръ сословію былъ произнесенъ имъ самимъ. Первоисточникъ какъ будто трунитъ и издѣвается надъ развѣяннымъ прахомъ удѣльныхъ княжья и боярства, воспоминаніе о которыхъ было противно и государству, и церкви. Эта идиллическая картинка, конечно, далека отъ дѣйствительнаго смысла событія, въ которомъ приняли участіе далеко не одни родословные люди... Мѣстничество было учрежденіемъ чисто аристократическимъ; оно допускалось только между членами родословныхъ фамилій; неродословнымъ людямъ съ родословными „суда и счета въ отечествѣ не давалось“. Комиссія изъ выборныхъ служилыхъ людей всѣхъ чиновъ Московскаго государства была созвана подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицына „для лучшаго ратей устроенія и управленія“: въ этой комиссіи и должны были сосчитаться другъ съ другомъ люди родословные и люди неродословные; для послѣднихъ мѣстничество не только не представляло интереса, но обидно подчеркивало ихъ отличіе отъ людей родословныхъ, съ которыми они давно уже не церемонились, отбивая у нихъ и чины, и земли, и положеніе. Оставалось нанести послѣдній ударъ, и дворянство не замедлило его нанести; оно было теперь силой, къ которой прислушивались, ибо въ ней нуждались; учитывалъ эту силу, повидимому, и патріархъ Іоакимъ, протестовавшій противъ изложеннаго выше проекта росписи 1681 г. Въ комиссіи поставили и сумѣли довести до слуха московскаго престола общій вопросъ: „для совершенной въ его государскихъ ратныхъ, и въ посольскихъ, и во всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія, указалъ бы государь всѣмъ бояромъ, и окольничимъ, и думнымъ людемъ, и всѣмъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказахъ, и въ полкѣхъ у ратныхъ, и у посольскихъ, и у всякихъ дѣлъ, и въ городѣхъ межъ себя *безъ мѣстъ*, гдѣ кому государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь розрядомъ и мѣсты не считаться и розрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было“. Нельзя не признать всего блеска приведенной мотивировки, между строкъ которой мелькаетъ соціальная рознь родословнаго съ неродословнымъ. Чего не сдѣлаетъ государство въ интересахъ своей военной охраны, оно пойдетъ на все и легко заставитъ умолкнуть всякій голосъ во имя патріотизма и тяжелой необходимости.

Но въ данномъ случаѣ дѣло обстояло гораздо проще: мѣстничество, дѣйствительно, отдавало архаизмомъ въ концѣ XVII вѣка, а его отмѣна, открытая, формальная, развязывала руки царскому правительству. Такъ пало мѣстничество, пало вслѣдствіе упадка боярской знати. Будь послѣдняя сколько-нибудь сильна, она не отказалась бы отъ него такъ легко и скоро. Въ концѣ XVII столѣтія мѣстническія притязанія многихъ представителей немногихъ уцѣлѣвшихъ знатныхъ родовъ не имѣли уже никакой опоры ни въ служебномъ, ни въ матеріальномъ ихъ положеніи. Нельзя не привести здѣсь краснорѣчивую отходную, которую прочиталъ надъ мѣстничествомъ въ послѣднихъ строкахъ своей Боярской Думы Ключевскій, такъ любовно изучавшій московскую старину; эта отходная вмѣстѣ съ тѣмъ хоронила и Боярскую думу, какъ учрежденіе, созданное боярствомъ и безъ него не имѣвшее возможности жить.

„Такъ какъ мѣстничество,—писалъ Ключевскій въ 1882 году,—основано было на связи политическаго положенія родовитаго человѣка съ значеніемъ его предковъ, слѣдовательно, на преданіи, и это преданіе часто не имѣло никакой опоры ни въ экономическомъ положеніи, ни въ личномъ значеніи родовитыхъ потомковъ, то московское боярство царя Алексѣя можно назвать въ полномъ смыслѣ слова аристократіей воспоминаній. Но эта аристократія понесла столько потерь въ своемъ генеалогическомъ составѣ, такъ разбилась, растворяясь въ массѣ дворянства, что стало трудно поддерживать мѣстническій порядокъ, высчитывать отечество каждаго, и въ концѣ вѣка сами наличные остатки боярства принуждены были согласиться на отмѣну того, за что, какъ выразился одинъ боярин царя Алексѣя, прежде наши братія помирали. Такъ не боярство умерло потому, что осталось безъ мѣстъ, чего оно боялось въ XVI в., а мѣста исчезли потому, что умерло боярство и некому стало сидѣть на нихъ“. Попытка 1681 г. создать вновь и притомъ вѣчныя мѣста не удалась; въ бурной соціальной схваткѣ съ дворянствомъ, которое принялъ подъ свою защиту святѣйшій патріархъ, боярство окончательно потеряло голову... Надвигалась эпоха Петра, успленно заработалъ застѣнокъ, чаще и чаще опускался топоръ палача на головы супротивниковъ новыхъ теченій, и вотъ въ одномъ изъ разыскныхъ дѣлъ эпохи, начатомъ 8 августа 1689 года, въ дѣлѣ объ окольничемъ Ѳедорѣ Леонтьевичѣ Шакловитомъ съ товарищами, мы встрѣчаемъ замѣчательную характеристику боярства конца XVII в. Окольничій Шакловитый, какъ извѣстно, стоялъ въ оппозиціи Петру и говорилъ про него: „Пьетъ де и на Кокуй ѣздитъ, и своими руками потѣшныхъ конюховъ кнутомъ бьетъ, и никоими де мѣры въ соединеніе и въ миръ привесть нельзя для того, что пьетъ до пьяна“. Изъ розыска о немъ и вскрывается очень опредѣленная точка зрѣнія на боярство, повидимому, довольно ходячая. Поддерживая сторону царевны Софьи, Шакловитый старался располагать умы въ ея пользу.

Десятникъ Мишка Чечотка въ компаніи съ другими лицами скептически относился къ мыслямъ Шакловитаго и, какъ небольшой человѣкъ, питалъ сомнѣніе въ возможности что-либо сдѣлать вопреки волѣ патріарха и бояръ. Шакловитый не унимался, и въ дѣлѣ мы читаемъ такія строки: „И при нихъ де онъ Ѳедка Шакловитой говорилъ: мочно де патріарха перемѣнить, а взять бы де изо властей, которой на нашу руку для того, что отъ него многое преніе бываетъ. И они де противъ тѣхъ его Ѳедкиныхъ словъ задумались, и онъ, Ѳедка, имъ говорилъ, что де вы ничего мнѣ не скажете? И они де ему сказали: вѣдаютъ ли де про то великіе государи и бояре? И онъ де, Ѳедка, имъ сказалъ: вѣдаетъ де одинъ государь, а другой де въ малыхъ лѣтѣхъ; а про бояръ де онъ сказалъ: всѣ де отпадшіе, зяблое дерево“.

Итакъ, патріарха, какъ чиновника, перемѣнить можно, а на бояръ и смотрѣть нечего: вѣдь это все „отпадшіе, зяблое дерево“. Такова формула, въ какую облекли тогда боярство люди, хорошо знавшіе послѣднее и сами бывшіе у дѣлъ вмѣсто отошедшихъ въ сторону представителей „сильнѣйшихъ во Израилѣ“. 11 сентября 1689 года по указу царей бояре въ Троицкомъ-Сергіевомъ монастырѣ, слушавъ дѣло, приговорили Шакловитаго „за ево злые воровскіе умыслы и дѣла казнить смертью“. „Не тотъ де патріархъ, инъ де иной будетъ“—эта фраза казненнаго смертью Шакловитаго не была забыта Петромъ, который нисколько не считался съ боярствомъ, впервые надлежащимъ образомъ ему представленнымъ тѣмъ же Шакловитымъ. Петръ сталъ на своего рода демократическую почву; онъ уже имѣлъ полную возможность жаловать, какъ хотѣлъ, и родовое дворянство, получившее прозваніе шляхетства, и разночинца, для возведенія котораго во дворяне достаточно было ссылки на изданную Петромъ табель о рангахъ. Бюрократическій принципъ, который пришелся ко двору при новой династіи, въ началѣ XVIII столѣтія представлялъ изъ себя уже нѣчто самодовлѣющее. Отошли въ область преданія тѣ времена, о которыхъ еще подьячій Котошихинъ писалъ: „А исъ посадцкихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, изъ боярскихъ людей, дворянство не даетца никому“. Уже Котошихинъ примѣтилъ, что брешь въ этомъ сословномъ строѣ до нѣкоторой степени пробита при помощи полковъ иноземнаго строя или, иначе говоря, при помощи постоянной военной службы, а также приказной, съ удачей получить помѣстье или вотчину. „А кто посадцкой человѣкъ,—примѣтилъ Котошихинъ,—или крестьянинъ, или кто-нибудь отпуститъ сына своего на службу въ салдаты и въ рейтары, или въ приказѣ подьячимъ и инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малыя чести дослужатся повыше, и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины,—и отъ того пойдетъ дворянской родъ“.

Такъ Петровская табель о рангахъ въ сущности не поражаетъ насъ особенною новизной. Какъ доживало боярство послѣдніе свои дни, когда

вознеслось высоко шляхетское знамя, можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ сужденій современниковъ. Князь Б. И. Куракинъ (1676—1727 гг.), внимательный наблюдатель современной ему русской дѣйствительности, и человѣкъ, бывалый на Западѣ, въ своей „Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“, писанной имъ незадолго до смерти, умѣетъ явственно отличать „бояръ“ и „палатныхъ людей“ отъ шляхетства, думу времепъ Софьи называетъ палатой и среди шляхетства видитъ три слоя: малое, среднее и доброе („токмо на площади знатное“). Но бояре и палатные люди времени Преобразователя въ значительной степени — воспоминаніе о быломъ, уцѣлѣвшія фигуры старины безъ власти и силы. Князь Куракинъ очень выразительно обрисовываетъ этотъ процессъ добиванія Преобразователемъ политической аристократіи старой Москвы.

Правда, пишетъ онъ, „бояре первыхъ домовъ были отчасти судьями и воеводами, однакожъ, безъ всякаго повоіре (pouvoir) въ консиліи или въ палатѣ были токмо спектакулеми. И въ томъ правленіи наибольшее начало паденія первыхъ фамилеій, а особливо имя князей было смертельно возненавидѣно и уничтожено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ тѣхъ правительствующихъ, которыя кругомъ его были для того, что всѣ оные господа, какъ Нарышкины, Стрешневы, Головкинъ были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу велпкихъ фамплей. Къ тому жъ и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ опыхъ отнять у нихъ повоіръ весь и учинить бы себя наибольшимъ сувреномъ“. Это превосходное описаніе Куракина завершаетъ протестъ, не менѣе выразительно начатый Курбскимъ. Тамъ мы видѣли „суврена“ просыпающагося, еще вполнѣ закутаннаго въ тяжелую феодальную тогу, здѣсь „сувренъ“ налицо; тамъ пробиваютъ бреши въ боярствѣ „Божіей милостью“, здѣсь оперируютъ шляхетствомъ „милостью короля“, пренебрегая археологическимъ остаткомъ бояръ по названію, утерявшихъ всякій „пувуаръ“ и превратившихся въ „спектакулей“ палаты. Людямъ практическаго дѣла всякіе археологическіе остатки противны, какъ воспоминаніе о ихъ быломъ значеніи, и Куракинъ идетъ дальше въ указанномъ направленіи, разсказывая о „придворныхъ дуракахъ“ и святочныхъ играхъ царя Петра, ко времени которыхъ „многіе пріуготовливалпся какъ бы къ смерти“, и не напрасно. „Отъ того начала ругательство началось знатнымъ персонамъ и велпкимъ домомъ, а особливо княжескимъ домомъ многпхъ и старыхъ бояръ: людей толстыхъ протаскивали сквозь стула, гдѣ невозможно статься; на многихъ платье дирали и оставляли нагишемъ... инымъ многія другія ругательства чинили“. Такъ Преобразователь XVIII вѣка заканчивалъ дѣло, начатое Грознымъ въ XVI столѣтіи, ничуть не измѣнивъ внѣшнихъ пріемовъ послѣдняго.

„Сувренъ“ in spe сошелся въ этомъ послѣднемъ случаѣ съ „сувреномъ“ de facto, но съ измѣненіемъ существа позиціи представителей власти измѣнился въ корнѣ и самый классъ, сплошною стѣной окружавшій престолъ. Нѣкоторые остатки все-таки пережили время Петра, и въ 1730 году сдѣлали послѣднюю отчаянную попытку сыграть въ политическую аристократію, предложивъ племянницѣ Петра знаменитые пункты или кондиціи. И опять дорогу перебило шляхетство, цѣпко державшееся за владѣніе крѣпостными душами и не дожившее еще до момента, когда даровой крестьянскій трудъ сталъ невыгоднымъ.

Василій Сторожевъ.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ. (Оружейная палата).

Крѣпостное право въ Россіи въ XVII в.

Уже въ XVII вѣкѣ опредѣлились главныя силы и намѣтились основные процессы, приведшіе въ слѣдующемъ столѣтіи значительную часть русскаго крестьянства въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ. Развитіе помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнія отчасти непосредственно за счетъ землевладѣнія черныхъ волостей, переводъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей на денежныя и разразившійся отчасти въ зависимости отъ этихъ явленій сельско-хозяйственный кризисъ, — все это легло непосильнымъ экономическимъ гнетомъ на крестьянство и поставило слабѣйшіе его элементы въ тяжелую экономическую зависимость отъ землевладѣльцевъ по долговымъ, ссуднымъ, пожилымъ (квартирнымъ) и другимъ обязательствамъ, при чемъ обезпеченіемъ этихъ обязательствъ являлся трудъ крестьянина на землѣ помѣщика. Обязательства эти, добровольно принятыя крестьянами-арендаторами по „заемнымъ кабаламъ“, „порядными“ и „поручными“, юридически не вели еще крестьянина къ безысходной зависимости отъ землевладѣльца-кредитора: зависимость эта могла быть порвана немедленно по выполненіи условій займа, долговыхъ обязательствъ и неустойки; но разоренному и стѣсненному ростомъ тягла крестьянству рѣдко представлялась возможность разорвать свою зависимость по гражданскимъ обязательствамъ, не прибѣгая къ новому займу у другого кредитора-землевладѣльца. Но это значило перемѣнить одного господина на другого, и самая операція эта стала называться „вывозомъ“ (крестьянина отъ одного помѣщика къ другому). Впрочемъ, безнадежному должнику представлялся еще одинъ способъ порвать свои обязан-

ности къ кредитору, а именно, тайнымъ уходомъ съ его участка, въ надеждѣ, что кредиторъ его не найдетъ и не заставитъ выполнить долговыя обязательства, тѣмъ болѣе, что государство пока не оказывало содѣйствія разыскамъ бѣглыхъ крестьянъ, видя въ бѣгствѣ не государственное, а гражданское правонарушеніе. Но это не избавляло должника-крестьянина отъ возвращенія по судебному приговору на землю своего кредитора для отбыванія принятыхъ на себя обязательствъ, если крестьянинъ сыскивался землевладѣльцемъ и суду кредиторъ доставлялъ надлежащія доказательства обязательствъ крестьянина.

Усилившіеся къ концу XVI в. побѣги наводнили московскіе суды исками о возвратѣ бѣглыхъ; обиліе этого рода тяжбъ побудило правительство царя Ѳедора Ивановича принять мѣры къ ихъ сокращенію: указомъ 1597 г. было ограничено право иска на бѣглыхъ пятилѣтнимъ срокомъ давности. Мѣра эта, облегчая судебное дѣлопроизводство московскихъ приказовъ, была куплена цѣною обоюдныхъ потерь должниковъ и кредиторовъ. Землевладѣлецъ-кредиторъ, не найдя въ теченіе пяти лѣтъ бѣглаго должника, терялъ право возвратить его на свою землю и взыскать съ него долги. Повидимому, выигрывалъ должникъ-крестьянинъ; но зато проигрывалъ цѣлый классъ крестьянъ, сидѣвшихъ на частновладѣльческихъ земляхъ. Проигрывалъ потому, что указъ этотъ молчаливо возводитъ въ законъ то, что было выработано практикой гражданскихъ отношеній, а именно, неразрывное сліяніе долговыхъ обязательствъ съ поземельными отношеніями. Раньше задолжавшій крестьянинъ могъ оставлять участокъ кредитора, не расплатившись съ нимъ и продолжая быть его должникомъ на чужой землѣ, до условленнаго срока; теперь оставленіе участка земли до расплаты дѣлало должника бѣглымъ и давало право кредитору возвращать его на покинутый участокъ и держать на немъ по тогдашнему обязательству. — Такимъ образомъ, указъ 1597 г., съ одной стороны, давалъ возможность безнадежнымъ должникамъ пятилѣтнимъ уклоненіемъ отъ обязательствъ разрывать ихъ навсегда на законномъ основаніи срока давности, съ другой стороны, пребываніе на землѣ кредитора до расплаты съ нимъ признавалось теперь законной гарантіей исполненія крестьяниномъ принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ землевладѣльцу за аренду земли, пользованіе избой, ссудой и льготой. Указъ объ „урочныхъ лѣтахъ“ 1597 г. не былъ косвеннымъ указателемъ на состоявшійся будто бы въ 1592 г. законъ объ отмѣнѣ права крестьянскаго выхода („Юрьева дня“), какъ думали многіе изслѣдователи; но онъ былъ прямымъ началомъ прикрѣпленія неоплатно задолжавшихъ крестьянъ, такъ какъ начало возвращенія таковыхъ на покинутыя земли было узаконено; самый же пятилѣтній срокъ иска былъ преходящею случайностью и могъ удлиняться по чисто-техническимъ соображеніямъ до 10, 15 лѣтъ и далѣе, возрастая при благопріятномъ случаѣ до совершенной его отмѣны. Такъ и было, какъ увидимъ, въ дѣйствительности.

Въ XVI же вѣкѣ намѣчается и третій источникъ развитія крѣпостного права: сближеніе состоянія крестьянъ-земледѣльцевъ съ кабальными холопами, не только вслѣдствіе общаго происхожденія изъ долговыхъ обязательствъ холопской кабалы и крестьянской „крѣпости“, но и вслѣдствіе сближенія крестьянъ и нѣкоторыхъ разрядовъ холоповъ въ хозяйственно-бытовомъ отношеніи. Уже въ XVI вѣкѣ нуждающіеся въ распашкѣ своихъ пустошей землевладѣльцы выдѣляютъ изъ числа своей челяди „задворныхъ людей“, сажая ихъ на самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, съ которыхъ задворные люди кормятся съ своими семьями и даютъ доходы своему господину, наряду съ свободными крестьянами-арендаторами, но съ тою выгодною для землевладѣльца разницей, что ему не приходилось изъ этихъ доходовъ выдѣлять доли государственной подати, такъ какъ задворные люди были несвободными и государственнаго тягла не тянули. Съ другой стороны, и изъ рядовъ крестьянства выдѣлялись хозяйственно-слабые элементы, которые выходили изъ строя тяглецовъ полчостью или отчасти и по своему хозяйственно-бытовому положенію приближались къ типу „дѣловыхъ и страдныхъ людей“ — холоповъ, жившихъ на господскихъ дворахъ и работавшихъ на барской запашкѣ, получая отъ господина „мѣсячину“—жалованье кормомъ, одеждою, а иногда деньгами. Я разумѣю свободныхъ батраковъ, „захребетниковъ“, а отчасти бобылей, являвшихся переходнымъ слоемъ отъ свободнаго крестьянства къ невольному холопству и пополнявшихъ кадры послѣдняго. Этотъ фактъ сближенія крестьянъ и „людей“ имѣлъ не столько юридическое, сколько практическое вліяніе на развитіе крѣпостного права, поскольку онъ давалъ психологическое основаніе переносить рабовладѣльческіе навыки въ обращеніе съ крестьянами.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ. Изъ альбома Солнцева.

Но отмѣченные три способа развитія крестьянской крѣпости въ XVI в. являлись еще въ зачаточной формѣ, вытекали изъ гражданской зависимости, основанной на свободномъ договорѣ. Зависимость эта была всегда расторжима на законномъ основаніи.

Долговыя обязательства, привязывавшія трудъ земледѣльца къ пашнѣ землевладѣльца, могли быть устранены въ любое время естественнымъ путемъ расплаты крестьянина съ землевладѣльцемъ. Съ другой стороны, законъ призналъ побѣгъ, какъ законное средство погашать обязательства неплатежеспособнаго должника-крестьянина его кредитору, если проходила пятилѣтняя давность побѣга, при чемъ бѣгство не считалось злостнымъ уклоненіемъ отъ обязательствъ, караемымъ уголовнымъ взысканіемъ; сыскъ бѣглаго былъ частнымъ дѣломъ кредитора, а возвращеніе найденнаго зависѣло не отъ воли кредитора, а отъ рѣшенія суда, разсматривавшаго основательность притязаній землевладѣльца на того крестьянина, который въ челобитной трактовался, какъ бѣглый. Наконецъ, сближеніе нѣкоторыхъ разрядовъ холопства съ крестьянами и обратно въ хозяйственно-бытовомъ отношеніи было не столько преднамѣренной соціальной тактикой землевладѣльцевъ, сколько ихъ стремленіемъ обсчитать государство подъ предлогомъ приложенія къ обработкѣ тяглой земли нетяглаго холопскаго труда.

Но, несмотря на эти обстоятельства, повидимому, смягчающія тяжесть надвигавшагося крѣпостного права, сущность послѣдняго къ концу XVI в. настолько была очевидна для крѣпостниковъ и закрѣпляемыхъ, что крѣпостной вопросъ сталъ однимъ изъ вопросовъ борьбы въ Смуту,— вопросомъ теоретическихъ домогательствъ землевладѣльцевъ и стимуломъ соціально-революціонныхъ выступленій закрѣпощаемыхъ.

Правительство Годунова, опиравшееся на средніе слои служилаго класса землевладѣльцевъ, переноситъ законодательное опредѣленіе крѣпостныхъ отношеній въ сферу интересовъ этого именно класса. Указы 1601 и 1602 гг. явно не считаются съ крестьянами, когда ограничиваютъ право вывоза крестьянъ только между мелкими землевладѣльцами, да и то въ количествѣ не болѣе двухъ крестьянъ. Рѣчь, значитъ, идетъ даже не о свободномъ переходѣ крестьянъ, а о перевозѣ ихъ землевладѣльцами; что съ волей крестьянъ въ данномъ случаѣ не считались, видно изъ того, что болѣе двухъ крестьянъ нельзя было вывозить, хотя бы находилось желающихъ между ними и болѣе двухъ; „а трехъ или четырехъ одному (землевладѣльцу) изъ-за одного (т.-е. другого) никому не возити“.

Правительство боярскаго „потаковника“ царя В. И. Шуйскаго идетъ еще дальше въ сторону командующихъ классовъ, закономъ опредѣляя начало крестьянской крѣпости. Указомъ 9 марта 1607 года было постановлено, что крестьяне отнынѣ являются крѣпкими тому владѣльцу, за которымъ ихъ зарегистрировали писцовыя книги; что крестьянскій выходъ впредь запрещается, а право иска бѣглыхъ („урочные годы“) удлиняется съ 5 лѣтъ до 15; при чемъ законъ впервые грозитъ штрафомъ за принятіе бѣглыхъ, перенося, такимъ образомъ, побѣги крестьянъ изъ области гражданскихъ правонарушеній въ сферу нарушеній государственнаго порядка.

Проявившись такимъ образомъ въ законодательствѣ сословныхъ правительствъ, крѣпостническая тенденція еще опредѣленнѣе отразилась въ актахъ творчества служилаго сословія въ Смуту. И здѣсь на первую очередь слѣдуетъ поставить договоръ 1610 г. 4 февр., въ которомъ средніе слои дворянства, при выраженномъ впослѣдствіи согласіи бояръ, редактировавшихъ договоръ съ своей точки зрѣнія, ставили Владиславу, между прочимъ, въ обязательство, чтобы онъ въ качествѣ русскаго царя не дозволялъ „мужикамъ-хрестьянамъ“ перехода ни изъ Руси въ Литву, ни обратно, а также между всѣми русскими землевладѣльцами. Подобными же тенденціями проникнутъ приговоръ Ляпуновскаго ополченія отъ 30 іюня 1611 г., постановившій возвратить бѣжавшихъ въ Смуту крестьянъ къ старымъ помѣщикамъ.

Если въ перечисленныхъ указахъ, проектахъ и приговорахъ мы встрѣчаемся съ вожделѣніями землевладѣльцевъ, далеко опередившими дѣйствительныя отношенія, то и крестьянство въ Смуту, въ свою очередь, не одинъ разъ откровенно проявляло свое отношеніе къ порядкамъ и классамъ, ихъ закрѣпощавшимъ. Мы не говоримъ уже о составѣ казачества, „воровавшаго“ въ Смуту: оно до и послѣ Смуты пополнялось, главнымъ образомъ, бѣглыми крестьянами. Не будемъ останавливаться также на участіи крестьянъ въ движеніи Лжедимитрія I, такъ какъ выступленія въ этомъ движеніи крестьянъ наиболѣе закрѣпощенныхъ въ XVI в. областей было скорѣе актомъ лойяльности по отношенію къ мнимому вотчиннику всея Руси, чѣмъ революціоннымъ выступленіемъ противъ опиравшагося на средніе землевладѣльческіе классы царя Бориса.

Царица Прасковья Ѳедоровна (Салтыкова). Романовская галлерея.

Гораздо опредѣленнѣе въ этомъ отношеніи было выступленіе крестьянъ подъ знаменами Болотникова и Вора Тушинскаго. Намъ извѣстны лозунги этихъ выступленій. Въ „листахъ“ (прокламаціяхъ) Болотникова внушались „людямъ боярскимъ и людямъ дѣтей боярскихъ и всякимъ ворамъ всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ“: „велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и женъ ихъ, и вотчины и помѣстья ихъ сулятъ, и безыменнымъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы

ихъ грабити, и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ, и хотятъ имъ давать боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество". Но не одни „люди" и „холопы" были въ числѣ откликнувшихся на призывъ Болотникова. „Собрахуся,—говоритъ лѣтопись,—боярскіе люди и крестьяне, съ ними же пристаху украинскіе люди и стрѣльцы, и казаки, и начаша по градамъ воеводы имати и сажати по темницамъ; бояры же свои домы разоряху и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху".

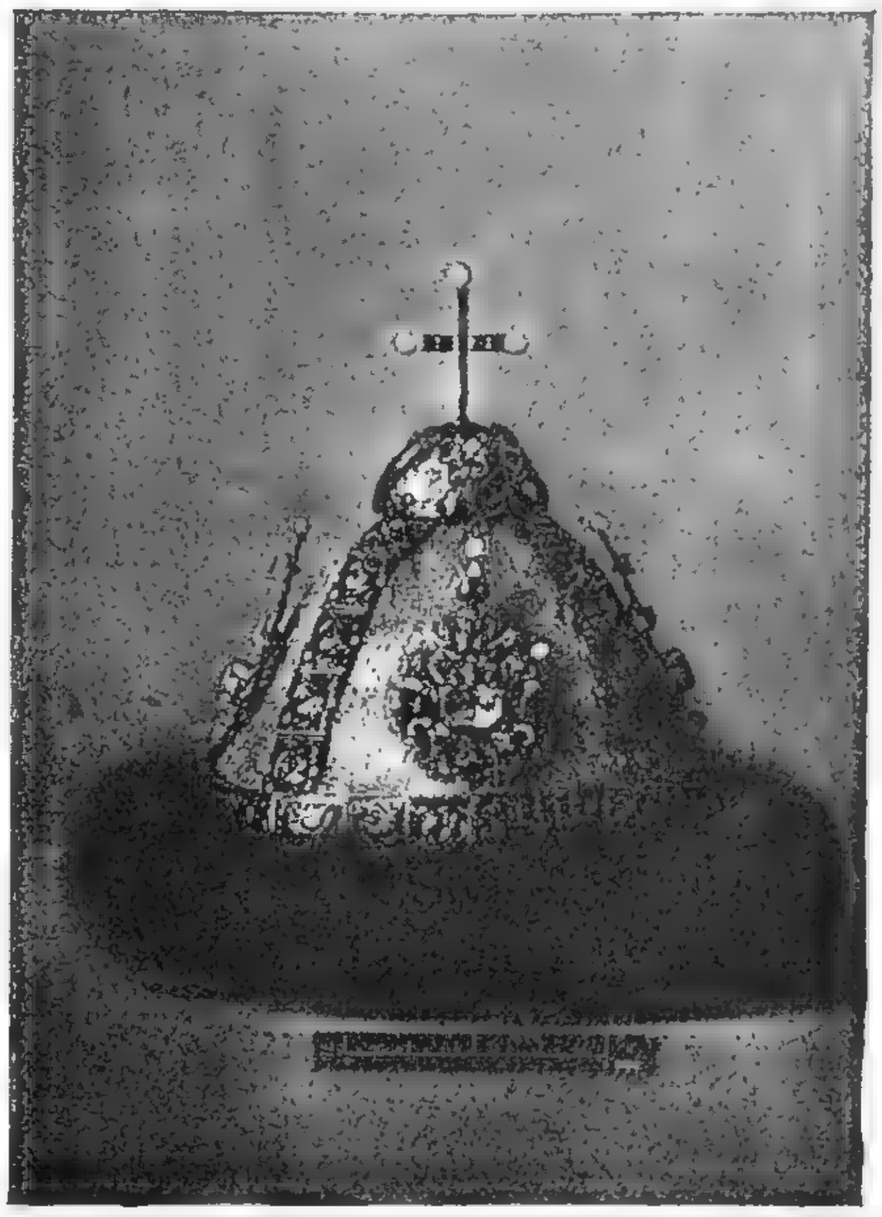
Но Смута была не только временемъ уясненія классовыхъ противорѣчій и выраженіемъ сословной ненависти угнетаемыхъ по отношенію къ угнетеннымъ. Во время Смуты не столько страшны были разореніе и грабежи, сколько застой въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ. Производительный трудъ замеръ на долгіе годы въ парализованныхъ Смутой областяхъ. Поля не засѣвались. Отъ бѣдственныхъ послѣдствій сельско-хозяйственнаго застоя должны были сильнѣе всего пострадать элементы, вступившіе въ Смуту наиболѣе ослабленными. И дѣйствительно, деревня была разорена. Всѣмъ извѣстны страшныя картины „разрухи". Какъ ни были звучны лозунги и грозны дѣйствія закабаленныхъ и закрѣпощаемыхъ элементовъ русскаго общества, выйти изъ борьбы побѣдителями они не могли. Надъ гордыми мечтами сторонниковъ Болотникова стать изъ холоповъ и крестьянъ воеводами, боярами и дьяками зло посмѣялись современные Смутѣ карикатуристы, остроумно изображавшіе соціальныя отношенія на Руси въ видѣ мясной лавки, а попытку угнетенныхъ классовъ освободиться отъ тяжелой зависимости—въ сценкѣ, на которой изображена висящая „туша" мясника, а передъ нею быкъ съ топоромъ въ копытахъ, въ фартукѣ и въ обычной позѣ мясника, собирающагося рубить тушу.

Въ конецъ разоренное Смутой крестьянство южныхъ и западныхъ и центральныхъ уѣздовъ было приведено къ необходимости добровольно „закладываться за сильныхъ людей", „избывая" податной тяжести, насилія и голода. Результатами Смуты воспользовались наиболѣе организованные, обезпеченные запасами и наименѣе пострадавшіе элементы русскаго общества. Мининъ, Діонисій и Пожарскіе заняли господствующее положеніе на земскихъ соборахъ, взявши подъ свою опеку и молодого царя, и возстановленіе государственнаго порядка, и приведеніе въ обычную колею народнаго хозяйства, и распредѣленіе между общественными классами тяжести государственныхъ повинностей. Міры свободнаго сѣвернаго крестьянства, много силъ и средствъ потратившаго на устраненіе Смуты, должны были ограничиться на земскихъ соборахъ однимъ только почетнымъ участіемъ въ возстановленіи царской власти, которая затѣмъ санкціонировала раздачу свободныхъ черныхъ волостей служилому классу.

Разсматривая дѣятельность земскихъ соборовъ при первыхъ Романовыхъ, мы не удивимся поэтому, что опредѣлившіеся уже въ XVI в. процессы за-

крѣпощенія стали развиваться съ новой силой, при благосклонномъ содѣйствіи земскихъ соборовъ, отражавшихъ интересы господствующихъ классовъ въ предѣлахъ государственныхъ интересовъ.

Развитію крѣпостныхъ процессовъ въ XVII в. содѣйствовалъ прежде всего усиленный ростъ служилаго землевладѣнія за счетъ свободныхъ черныхъ волостей и крестьянскихъ общинъ на дворцовыхъ земляхъ. Правительство царя Михаила производитъ до 1627 г. крупныя раздачи изъ дворцовыхъ и черныхъ земель военнослужилому классу, во-первыхъ, въ награду за участіе въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, во-вторыхъ, для усиленія военнаго элемента, разореннаго въ Смуту и нуждавшагося въ заселенныхъ крестьянами земляхъ. Въ первые мѣсяцы царствованія Михаила Ѳедоровича было роздано одной дворцовой земли около 45.000 десятинъ. Въ первой четверти XVII в. раздачи ея продолжались, и было роздано служилымъ людямъ множество земли въ 22 центральныхъ уѣздахъ, при чемъ нѣкоторыя очень большія волости шли въ крупныя дачи или разбивались на мелкія испомѣщенія. Послѣ 1627 г. масштабъ раздачи дворцовыхъ земель какъ будто сокращается, чтобы подняться съ новой силой послѣ Уложенія 1649 г. и достигнуть своего апогея къ концу столѣтія, когда въ одномъ „Замосковномъ краѣ за 18 лѣтъ было роздано 16.120 дворовъ и болѣе 167.000 десятинъ пахотной земли, не считая сѣнокосовъ и лѣсовъ, придававшихся иногда въ огромномъ количествѣ къ жалуемымъ вотчинамъ“ [1]). Подобной же участи подверглись и свободныя черныя земли въ обширномъ Галицкомъ уѣздѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ южныхъ волостяхъ и станахъ Вологодскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. „Можно, кажется, безошибочно признать, — говоритъ Ю. В. Готье,—что уже во второй четверти XVII в. черныхъ земель не осталось вовсе въ этомъ краѣ“ [2]). Свободнымъ отъ раздачъ служилымъ людямъ осталось черное крестьянство только сѣверныхъ „поморскихъ“ уѣздовъ.



Алтабасная шапка царя Іоанна Алексѣевича. (Оружейная палата).

---

1) Ю. Готье, „Замосковный край въ XVII в.“, стр. 333.
2) Ibid., 344 стр.

Этому географическому расширенію служилаго землевладѣнія за счетъ землевладѣнія крестьянскихъ міровъ вполнѣ отвѣчалъ ростъ зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ.

Крестьянство было разорено Смутой настолько, что многіе крестьяне не могли вести самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства и превратились въ тотъ переходный классъ, который уже въ XVI в. стоялъ на границѣ между свободнымъ земледѣльцемъ и зависимымъ холопомъ.

Лучшіе изслѣдователи по исторіи крестьянства согласны между собой въ томъ, что однимъ изъ нагляднѣйшихъ послѣдствій смутнаго времени является увеличеніе безхозяйственнаго и несамостоятельнаго бобыльскаго элемента за счетъ хозяйственнаго крестьянства [1]).

Во второй половинѣ XVII в. % бобылей падаетъ и замѣтно возрастаетъ % крестьянъ, но вмѣстѣ съ ними увеличивается число „задворныхъ людей“, составлявшихъ главный контингентъ холопскаго населенія. Обнаруживающійся въ этихъ явленіяхъ упадокъ самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ вслѣдствіе разоренія Смутнаго времени еще ярче сказывается на растущемъ упадкѣ крестьянской душевой запашки на частновладѣльческихъ земляхъ. Такъ, въ первой половинѣ XVII в. на душу частновладѣльческаго крестьянина приходилось въ замосковныхъ уѣздахъ въ среднемъ 2, 9 десятинъ пашни; во второй половинѣ столѣтія запашка понизилась до 2, 3 десятинъ [2]).

Упадокъ крестьянскаго хозяйства не приводитъ къ облегченію подобнаго бремени. Выше мы имѣли случай указывать [3]) непрерывный ростъ тяглыхъ повинностей, экстренныхъ сборовъ и недоимокъ, которые въ буквальномъ смыслѣ слова приходилось „выбивать“ изъ тяглаго населенія сборщикамъ и воеводамъ.

Уже сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ — роста повинностей и упадка крестьянскаго хозяйства въ XVII в. наводитъ на мысль, что начавшійся еще въ XVI в. процессъ безнадежной задолженности крестьянъ долженъ былъ возрастать въ XVII в. съ особою силой со всѣми вытекавшими изъ него послѣдствіями для закрѣпощенія крестьянъ. Что крестьяне теперь являются не просто арендаторами частновладѣльческой земли на условіяхъ обычной „порядной“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и должниками землевладѣльца, яснѣе всего видно изъ того, что прежнія „порядныя“ арендныя условія уступаютъ мѣсто „ссуднымъ“. „Только распространенностью ссуды, — замѣчаетъ г.

---

[1]) М. Дьяконовъ, „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 224—225.
А. Лаппо-Данилевскій, „Разысканія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ“, въ Отчетѣ о 41-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 99.
Ю. В. Готье, „Замосковный край“, стр. 135, 503.

[2]) Ю. Готье, Op. cit., 503—514 стр.

[3]) См. въ первомъ томѣ настоящ. изданія статьи: „Финансовыя реформы“, „Разиновщина“.

Суриковъ. Утро стрѣлецкой казни.

Третьяковская галлерея.

Сувенирное. Улица спортсменов казни.

Третьяковская галерея.

Шереметевъ. Посольскій приказъ XVII вѣка.
Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Дьяконовъ, — обыденностью такого явленія и можно объяснить, почему крестьянскія порядныя записи въ XVII в. все чаще и чаще стали называться ссудными записями, пока, наконецъ, это послѣднее названіе не сдѣлалось господствующимъ“ [1]).

Въ самыхъ порядныхъ XVII в. отражается безнадежный отказъ крестьянина когда-либо уйти съ земли кредитора, разорвавши долговую зависимость отъ него путемъ расплаты по обязательствамъ своими ли средствами, или при содѣйствіи другого землевладѣльца-кредитора. Во второмъ десятилѣтіи XVII в. крестьянинъ въ своей ссудной обязуется „на сторону не рядиться“. Въ порядной 1628 г. вольный человѣкъ обязуется „за государемъ своимъ жить въ крестьянахъ по свой животъ (пожизненно) безвыходно“. Сами крестьяне стали смотрѣть на свою ссудную грамату, какъ на гражданскій добровольно выданный на себя актъ прикрѣпленія: „А впредь я государю своему по сей записи крѣпокъ безвыходно“, читаемъ мы въ одной изъ „ссудныхъ“. Почти тѣми же словами выражалось это обязательство въ жилыхъ холопьихъ записяхъ. Теперь крестьянинъ сталъ звать своего владѣльца государемъ, какъ называли холопы своего господина. Не раньше 1630-хъ годовъ появляется въ актахъ и для владѣльческихъ крестьянъ названіе крѣпостныхъ. Въ этомъ смыслѣ владѣльческое крестьянство еще до Уложенія обозначалось, какъ „особый видъ крѣпостного состоянія, параллельный холопству“, замѣчаетъ В. О. Ключевскій въ статьѣ, доказывающей тѣсную связь и громадное вліяніе холопства кабальнаго на развитіе крѣпостного права на крестьянъ [2]).

Но, по всѣмъ видимостямъ, крестьянинъ, давая на себя обѣщаніе „жить за государемъ безвыходно“, дѣлалъ это, чтобы успокоить недовѣріе землевладѣльца, и подъ его давленіемъ, въ душѣ тая надежду при случаѣ испытать средство побѣга и еще не отмѣненные „урочные годы“. Этимъ объясняется, что землевладѣлецъ не ограничивается одною ссудной крѣпостью, а требуетъ въ первой половинѣ XVII в. „поручной“ со стороны другихъ лицъ, которыя ручались за выполненіе крестьяниномъ принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ.

Но все это не помогало. Тяжесть государственныхъ налоговъ, гнетъ крѣпостной зависимости, произволъ администраціи, — все это часто толкало крестьянина бѣгствомъ въ Поволжье или въ привольныя донскія степи покончить съ невыносимыми тягостями жизни и, отбывъ въ казакахъ или въ вольныхъ бобыляхъ „урочные годы“, снова зажить свободнымъ крестьяниномъ, не озираясь боязливо по сторонамъ, изъ опасенія попасться на глаза сыщику своего господина. Въ статьѣ о „Разиновщинѣ“ мы уже гово-

---

[1]) Дьяконовъ, „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, 124 стр.
[2]) „Происхожденіе крѣп. права въ Россіи“. „Русск. М.“, 1885 г., окт., стр. 28.

рили о размѣрахъ побѣговъ которые наблюдаются въ это время по результатамъ колонизаціи Поволжья и Дона. Конечно, землевладѣльцы не могли спокойно смотрѣть на это явленіе, разорявшее ихъ, и вполнѣ естественно стали указывать правительству на „урочные годы“, какъ главную причину разорительныхъ для нихъ побѣговъ.

Но правительство не сразу рѣшается отмѣнить „урочные годы“: оно сначала удлиняетъ срокъ на право иска бѣглыхъ, по инициативѣ самихъ землевладѣльцевъ, при чемъ примѣняетъ эту мѣру осторожно, сначала въ частномъ приложеніи къ наиболѣе настойчивымъ землевладѣльцамъ. Первымъ получилъ право искать своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 9 лѣтъ (вмѣсто 5 законныхъ) Троицко-Сергіевъ монастырь въ 1613—1614 гг. Эта привилегія монастыря, повидимому, была невыгодна для дворянъ и дѣтей боярскихъ украинскихъ и замосковныхъ городовъ: нарушалось равновѣсіе интересовъ служилаго и монастырскаго права на крестьянъ, и служилые люди названныхъ областей почтительно напомнили государю объ общемъ законѣ, „что бѣглымъ крестьянамъ указано было урочныхъ пять лѣтъ“. Вмѣсто того, чтобъ возстановить равновѣсіе интересовъ путемъ уничтоженія монастырской привилегіи, государь распространилъ эту привилегію на протестующихъ, можетъ-быть, не безъ давленія послѣднихъ. На повторную просьбу собравшихся въ 1636—1638 гг. на соборъ представителей украинскихъ и замосковныхъ городовъ царь „по ихъ челобитью велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ въ крестьянствѣ давать судъ, противъ Троицко-Сергіева монастыря властей“ (т.-е. 9 урочныхъ лѣтъ). Вскорѣ по примѣру дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцы (поляки, нѣмцы) подали государю челобитье о томъ же. Въ отвѣтъ государь указалъ „судъ давать иноземцамъ на бѣглыхъ крестьянъ въ крестьянствѣ противъ того, какъ указано дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ за 9 лѣтъ“. Въ 1641 г. происходитъ новый нажимъ на правительство уже со стороны дворянъ разныхъ городовъ, стоявшихъ ополченіемъ подъ Тулой, при чемъ вопросъ ставится уже не объ удлиненіи „урочныхъ лѣтъ“, а объ ихъ отмѣнѣ. Въ отвѣтъ государь указомъ 1642 г. нашелъ возможнымъ только увеличить „урочные годы“ до 10 лѣтъ не только для бѣглыхъ крестьянъ названныхъ группъ, но и для крестьянъ всѣхъ землевладѣльцевъ, при чемъ указъ и тутъ ссылался на прецедентъ аналогичнаго указа 1629 г. по частному случаю. Но служилые люди не переставали толкать правительство въ сторону своихъ вожделѣній, и дѣлаютъ новый натискъ въ 1645 г. на правительство молодого царя Алексѣя Михайловича. На этотъ разъ правительство отвѣтило принципіальнымъ согласіемъ. Въ наказѣ, данномъ писцамъ въ 1646 г., царь указывалъ „писать (бѣглыхъ) крестьянъ, бобылей и ихъ дѣтей, и братью, и племянниковъ съ отцы, и кто въ которомъ году выбѣжалъ въ указные десять лѣтъ, а далѣе десяти лѣтъ не писать... А какъ крестьянъ и бобылей, и дворы

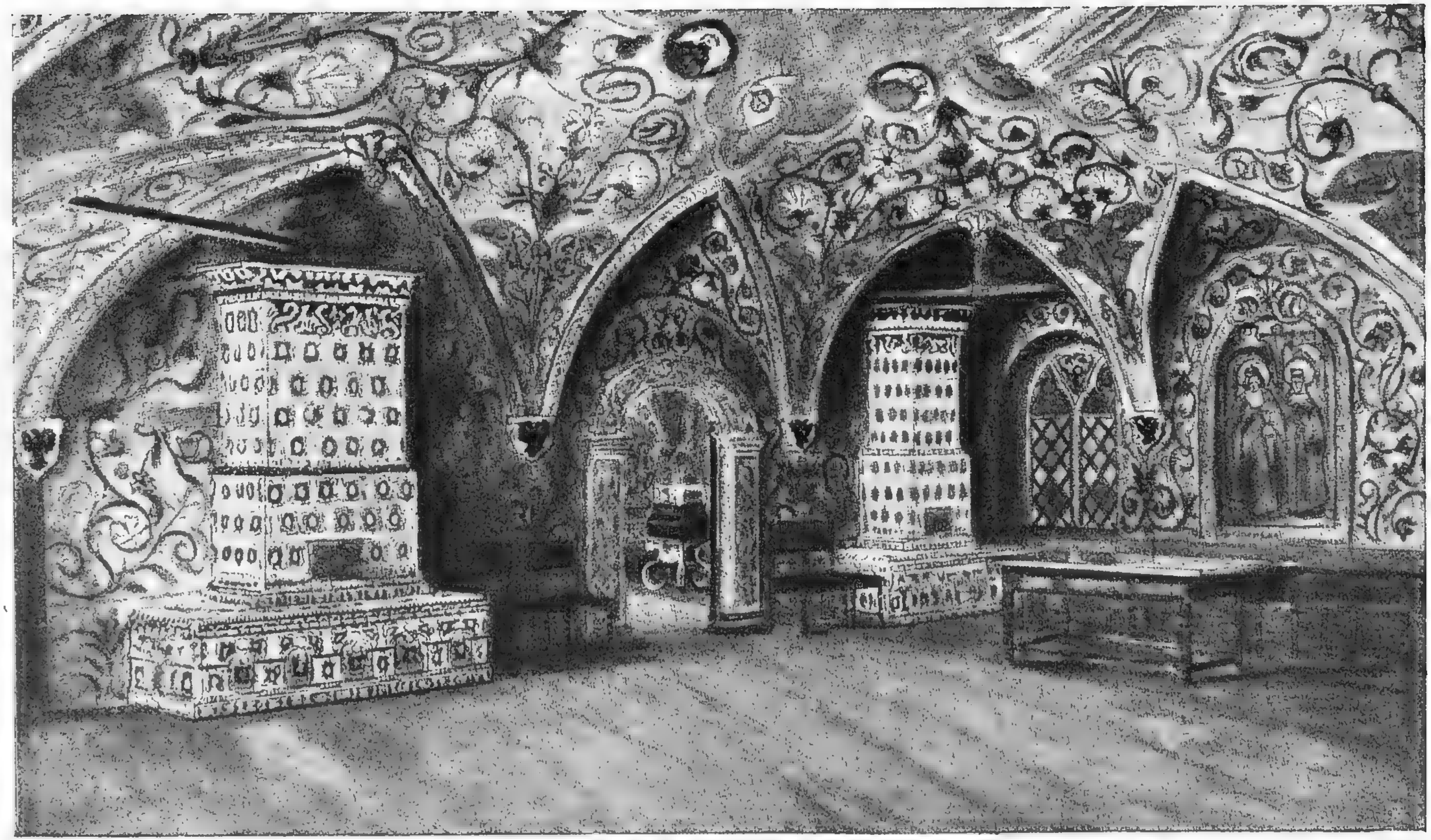
ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ,—доводилъ наказъ черезъ писцовъ, очевидно, къ свѣдѣнію землевладѣльцевъ,—крестьяне и бобыли, и ихъ дѣти, и братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“... Тѣмъ не менѣе, правительство дѣлаетъ еще одинъ шагъ по удлиненію „урочныхъ лѣтъ“, чтобы превратить ихъ въ глазахъ заинтересованныхъ сторонъ въ полнѣйшую фикцію и тѣмъ устранить рѣзкій переходъ къ рѣшительной ихъ отмѣнѣ. Въ 1647 г. „велѣно вывозить всякихъ крестьянъ по государеву указу за пятнадцать лѣтъ, а больше 15 лѣтъ не вывозить“ [1]). Наконецъ, Уложеніе 1649 г. закономъ положило конецъ „урочнымъ годамъ“, а съ ними и призраку надежды крестьянъ когда-либо на законномъ основаніи разорвать связь съ помѣщиками, за которыми они числились „по переписнымъ и писцовымъ книгамъ, по вотчиннымъ и по мѣстнымъ дачамъ и по выписямъ, кто кому чѣмъ крѣпокъ“ [2]). Въ Уложеніи предписывалось всѣхъ крестьянъ, кому бы они ни принадлежали, возвращать на старыя мѣста безсрочно; начальнымъ моментомъ, съ котораго предписывалось считать ихъ принадлежащими тому или другому землевладѣльцу, предписывалось считать писцовыя книги, составленныя послѣ пожара 1626 г. Кто, гдѣ и за кѣмъ записанъ по этимъ книгамъ, тотъ туда и долженъ быть возвращенъ вмѣстѣ съ дѣтьми, хотя бы послѣднія и не были записаны въ писцовыхъ книгахъ. Это постановленіе Уложенія разъ навсегда прикрѣпляло крестьянъ безвыходно и потомственно къ ихъ тяглу по мѣсту жительства на черныхъ, дворцовыхъ и помѣстныхъ земляхъ или по принадлежности владѣльцу обрабатываемой ими земли (на вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ).

При узаконеніи этой мѣры правительство, несомнѣнно, находилось подъ давленіемъ служилыхъ (военныхъ и духовныхъ) классовъ, взявшихъ перевѣсъ на земскихъ соборахъ и вліятельныхъ своею военною мощью и капиталами (монастыри). Игнорировать интересы служилаго землевладѣнія правительство не могло еще и потому, что побѣги крестьянъ, разоряя помѣщиковъ, въ ихъ лицѣ подрывали и военную мощь государства. Кромѣ того, домогательства землевладѣльцевъ закрѣпить крестьянъ безвыходно и на вѣчныя времена шли навстрѣчу финансовымъ соображеніямъ правительства.

Послѣ Смуты почувствовалась потребность реформы податного обложенія. Соха (отъ 800 до 1200 десятинъ земли), какъ земельная единица обложенія, оказалась неудовлетворительною и для казенныхъ интересовъ, и для развитія народнаго хозяйства. Усиливавшіеся налоги обезсиливали и безъ того подорванныя Смутой платежныя силы сохи: населеніе покидало

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист., т. II, № 32 и 33. Ср. Бѣляевъ, „Крестьяне на Руси“. М., 1860 г., 143 стр.
[2]) Улож. XI гл., А. И., т. III, стр. 110 Срав. Бѣляевъ. Op. cit., 144 стр.



Терема.

наиболѣе разоренныя сохи и переходило въ бобыли, захребетники и подсусѣдки,— словомъ, въ несамостоятельные сельско-хозяйственные элементы, становившіеся за спиной болѣе крѣпкихъ хозяевъ: отсюда развивавшееся запустѣніе сохи приводило казну къ потерѣ множества платежныхъ единицъ, а сельское хозяйство—къ сокращенію. Выходомъ изъ этого положенія былъ переходъ отъ посошнаго обложенія къ подворному, сначала въ видѣ четнаго обложенія, когда за окладную единицу была признана четь, равнявшаяся 10 или 16 самостоятельнымъ крестьянскимъ дворамъ или двоїному количеству бобыльскихъ (т.-е. если четь была въ 10 дворовъ, но въ этой чети самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ было, положимъ, 6, то недостающіе 4 крестьянскихъ двора могли быть замѣнены восемью бобыльскими). Впослѣдствіи за единицу обложенія былъ признанъ просто тяглый дворъ. Смыслъ реформы былъ ясенъ: дробленіемъ единицы обложенія правительство хотѣло уловить податные элементы, ускользавшіе изъ рукъ писцовъ и сборщиковъ на обширной окладной площади; съ другоїї стороны, перенося окладъ съ земли на рабочій дворъ, косвенно вліяли на большую интенсивность труда и на распашку большей площади земли, къ которой теперь должны были въ большей степени прилагать свой трудъ и бобыли, чтобъ достать свою долю податей. Больше того, впослѣдствіи правительство вводитъ въ государственное тягло даже тѣ несвободные холопскіе элементы, которые распахивали землю, но не платили правительству податей, какъ несвободные элементы. — Въ исторической литературѣ установленъ несомнѣнный ростъ „задворныхъ людей“ за счетъ еще свободныхъ бобылей, что явно было убыточно для казны. Указомъ 1679 г. эти несвободные сельско-хозяйственные элементы были привлечены къ тяглу, ихъ дворы были занесены въ платежные списки наряду съ государственными тяглецами, и такимъ путемъ правительство устранило маневръ землевладѣльцевъ, стремившихся обратить государственное тягло въ свою пользу.

Но связанныя съ этими податными реформами измѣненія имѣли свои важныя послѣдствія для закрѣпощенія крестьянъ. Прежде всего уравненіе передъ тягломъ холоповъ съ крестьянами въ глазахъ землевладѣльцевъ должно было уравнять крестьянъ съ холопами, и побудить на первыхъ выжимать потерю, понесенную отъ выдѣленія изъ холопскихъ заработковъ части въ пользу казны; но главное состояло въ томъ, что переходъ отъ посошнаго письма къ подворному могъ имѣть свою выгоду для казны только въ томъ случаѣ, если дворъ окрѣпнетъ въ своемъ составѣ, не будетъ текучею, неуловимою для окладчика и сборщика единицей. Соха, какъ громадная площадь распахиваемой земли, не могла такъ скоро растаять, сбѣжать отъ тягла, какъ тяглый дворъ. Поэтому, если при посошномъ письмѣ не было особой необходимости прикрѣплять населеніе къ сохѣ, то необходи-

мость эта сдѣлалась весьма существенною при подворномъ обложеніи. Въ этомъ смыслѣ побѣги населенія были для казны не менѣе разорительны, чѣмъ для землевладѣльцевъ, и вполнѣ понятна послѣ этого та уступчивость, съ какою правительство пошло навстрѣчу просьбѣ помѣщиковъ отмѣнить „урочные годы“. Вполнѣ понятна также та связь, въ какую правительство ставило эту отмѣну „урочныхъ лѣтъ“ съ переписью. По заключенію проф. Лаппо-Данилевскаго, установленіе пятилѣтней давности въ 1597 г. давало возможность обосновывать иски о бѣглыхъ крестьянахъ на данныхъ писцовыхъ книгъ 1592 г.; пятнадцатилѣтняя давность 1607 г., вѣроятно, основывалась на той же переписи 1592 г., которая потеряла свое значеніе послѣ того, когда правительство Михаила Ѳеодоровича произвело новыя переписи въ концѣ 20 и въ началѣ 30 годовъ XVII в. Зато новая перепись 30-хъ годовъ, можетъ-быть, доставила возможность лицамъ, заинтересованнымъ въ сокращеніи срока давности, юридически обосновать свои притязанія и вызвать указъ 1642 г., установлявшій пятнадцатилѣтнюю давность для вывезенныхъ насильно и десятилѣтнюю для самовольно бѣжавшихъ крестьянъ. Наконецъ, общая перепись 1646 г. и слѣдующихъ годовъ повела къ возможности повсемѣстнаго и единовременнаго прикрѣпленія всего тяглаго населенія къ мѣсту жительства, на которомъ засталъ ихъ указъ 1646 г. Уложеніе подтвердило полное закрѣпощеніе крестьянъ, распространивши его на бобылей, крестьянскихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ [1]).

Такимъ образомъ, экономическая зависимость крестьянина отъ землевладѣльца, съ одной стороны, съ другой совпаденіе финансовыхъ интересовъ правительства съ хозяйственными интересами командующихъ классовъ придали крѣпостному праву санкцію закона, превратили его изъ вопроса частнаго права въ вопросъ государственнаго учрежденія. Съ этого момента рѣчь можетъ идти не о регулированіи крестьянскихъ и землевладѣльческихъ интересовъ, а о полицейскихъ мѣрахъ борьбы правительства съ попытками крестьянъ разорвать узаконенную крѣпость. Эти попытки теперь разсматриваются, какъ преступленіе противъ государственнаго порядка, и караются, какъ государственное правонарушеніе, съ привлеченіемъ къ отвѣтственности не только бѣглыхъ крестьянъ, но и ихъ пріемщиковъ. На выработкѣ мѣръ къ пресѣченію побѣговъ и сосредоточивается въ дальнѣйшемъ главное вниманіе законодателя. Въ этомъ отношеніи много сдѣлало уже Уложеніе.

Въ увлеченіи выработкой мѣръ для предотвращенія побѣговъ правительство не замѣтило, какъ лишило крестьянина даже той относительной самостоятельности, которая предоставлена была ему прикрѣпленіемъ по мѣсту записи переписными книгами. Въ видѣ кары за принятіе бѣглаго правительство поста-

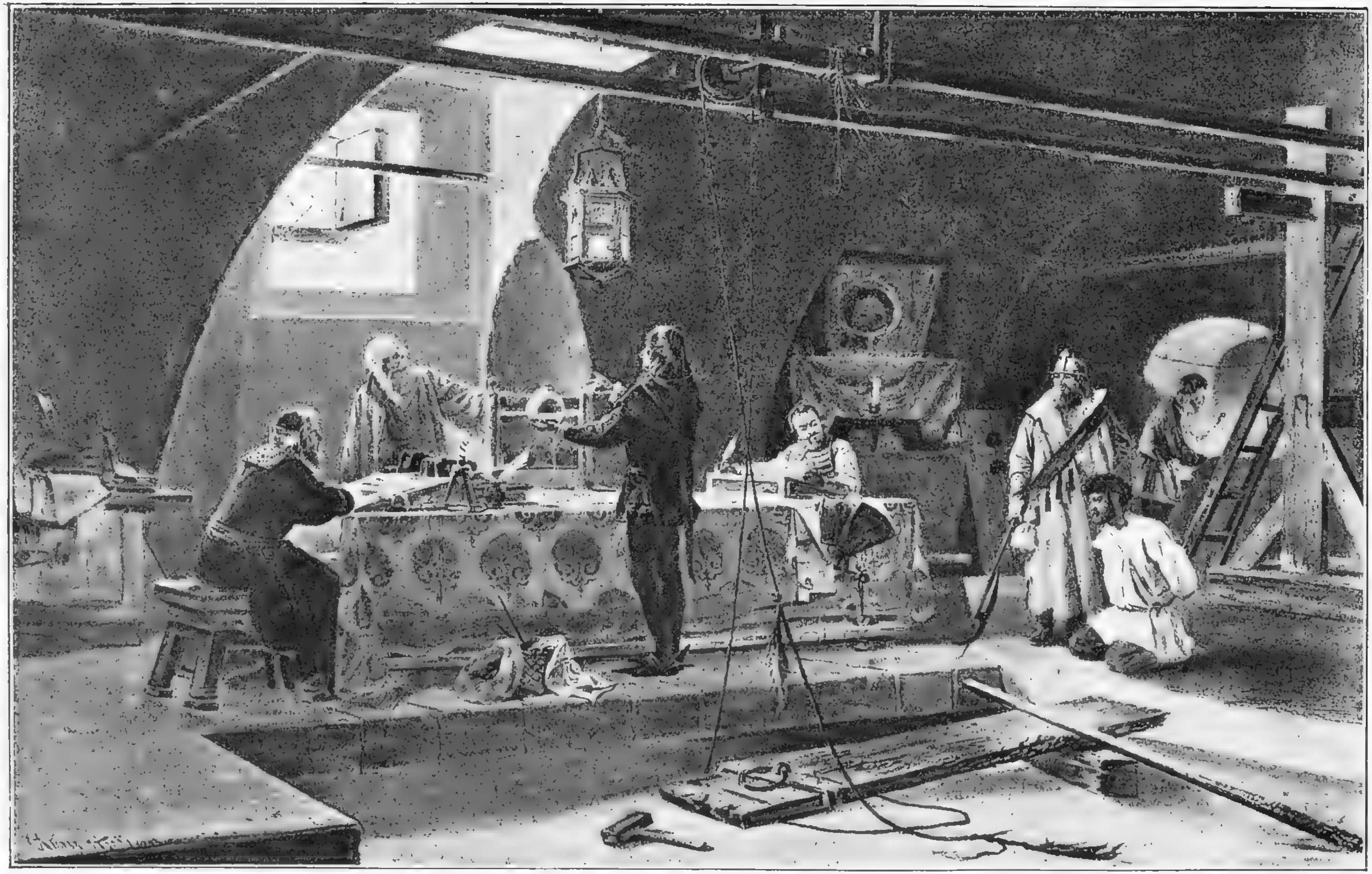
---

[1]) А. Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія“, стр. 136—137.

новило, чтобы пріемщикъ, помимо возвращенія бѣглаго къ прежнему владѣльцу, отдалъ бы послѣднему еще своего крестьянина, „который ему крѣпокъ“, а указъ 1661 г. предписывалъ отдавать за всякаго бѣглаго по 4 крестьянина съ женами, дѣтьми и хлѣбомъ. „Уложеніе“ гарантируетъ неразрывность крестьянъ съ землею, на которой онъ записанъ, постольку, поскольку это выгодно государству. Вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаетъ отвѣтственнымъ крестьянина за вину и неисправность господина. Когда владѣлецъ убивалъ въ дракѣ крестьянина другого владѣльца, послѣдній бралъ изъ имѣнія убійцы лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, независимо отъ воли послѣдняго. Дворянинъ или боярскій сынъ имѣлъ право ставить вмѣсто себя на правежъ своихъ крестьянъ. Постановлено было хватать и сажать въ тюрьму крестьянъ, чтобы тѣмъ понудить ихъ владѣльца явиться къ сроку на службу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ явно выражался взглядъ на крестьянъ, какъ на гражданскую собственность владѣльца. Личная зависимость крестьянъ отъ ихъ господъ развивается еще отъ возложенной на помѣщика отвѣтственности за податную исправность его крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ получаетъ право суда и надзора за поведеніемъ своего крестьянина, какъ средство предотвратить неисправность крѣпостного. Это обстоятельство особенно содѣйствовало обезличиванію крѣпостныхъ.

Патріархъ Іосифъ (1642—1652).

Олеарій отмѣчаетъ, что помѣщикъ обыкновенно безъ всякаго суда и слѣдствія подвергалъ крестьянъ тѣлесному наказанію; о томъ же свидѣтельствуютъ и наказы монастырей управителямъ ихъ вотчинъ. Правда, законъ еще не выключилъ крестьянъ изъ-подъ государственной защиты, не лишилъ ихъ права обращаться къ общему суду по гражданскимъ и уголовнымъ искамъ, не отнялъ у нихъ правъ собственности и гражданскихъ сдѣлокъ; но въ то же время не оградилъ крестьянскихъ интересовъ строгимъ опредѣленіемъ отъ развивающагося произвола владѣльцевъ, и въ этомъ отсутствіи гарантій еще оставшихся за крестьянами правъ состоялъ



Яновъ. Застѣнокъ. Румянцевскій музей.

главный источникъ дальнѣйшаго закрѣпощенія крестьянъ въ сторону сближенія ихъ съ рабами.

Уже въ послѣдней четверти XVII в. сближеніе это стало на практикѣ доходить до тождества: дворяне свободно переводили крестьянъ въ дворовые слуги (челядь), а дворовыхъ сажали на пашенные участки, отпускали крестьянъ на волю, продавали ихъ и мѣнялись ими, а приказы утверждали эти сдѣлки, какъ законные гражданскіе акты. Практика эта, наконецъ, нашла свое юридическое выраженіе въ указѣ царя Алексѣя отъ 13 октября 1675 г., когда разрѣшено было утвердить „сдѣлочную запись“ боярина Морозова съ пріобрѣтенными имъ крестьянами, и на основаніи этого прецедента въ 1681 г. владѣльцамъ было повелѣно записывать за собою крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ въ „приказѣ холопьяго суда“, а въ 1682 г. брать съ нихъ такія же пошлины, какими оплачивались холопьи кабалы. Уравненіе холоповъ съ крестьянами при Петрѣ Великомъ было законодательнымъ опредѣленіемъ уже сложившихся въ концѣ XVII в. отношеній.

В. Улановъ.

Экономическій бытъ Россіи XVII вѣка.

Московское государство XVII в. далеко не было страной исключительно земледѣльческой. „Достаточно всѣмъ извѣстно,—пишетъ Де-Родесъ, бывшій въ Москвѣ въ 1653 г.,—что всѣ постановленія этой страны направлены на коммерцію и на торгъ, въ чемъ удостовѣряетъ ежедневный опытъ, потому что здѣсь, отъ высшаго до низшаго, только и думаютъ, только и стараются, какъ бы въ чемъ-либо нажиться... Въ этомъ отношеніи русская нація гораздо дѣятельнѣе всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ“. По словамъ другого иностранца Мейерберга, „русскіе сановники продаютъ, покупаютъ и мѣняютъ, не замѣчая, что унижаютъ этимъ свое достоинство“. На распространенность торговыхъ занятій среди русскихъ XVII в. указываетъ и такой внимательный наблюдатель, какъ Кильбургеръ. „Всѣ жители Московіи,—говоритъ онъ,—начиная отъ знатнѣйшихъ до послѣднихъ, любятъ торговлю, отчего въ Москвѣ болѣе лавокъ, нежели въ Амстердамѣ или даже въ цѣломъ иномъ государствѣ. Правда,—спѣшитъ оговориться Кильбургеръ,—эти лавки малы и скудны, изъ одной амстердамской выйдетъ десять и болѣе московскихъ, но все это доказываетъ лишь то, что русскіе любятъ торговлю“.

Иностранцы, особенно англичане и голландцы, еще въ XVI в. оцѣнили неисчерпаемыя природныя богатства Московскаго государства и его выгодное срединное положеніе между Западомъ и Востокомъ для захвата въ свои руки транзитной торговли. Они стремились сосредоточить въ своихъ рукахъ весь русскій вывозъ. При незначительномъ развитіи русской внѣшней торговли и при слабой корпоративной связи русскихъ торговцевъ между собою имъ легко удалось получить отъ правительства рядъ льготъ, вплоть до права безпошлиннаго торга. „Да и само правительство,—говоритъ одинъ изслѣдователь русской торговли XVII в.,—старалось усиленно вывозить сырье, такъ

какъ, помимо нужды въ деньгахъ для удовлетворенія потребностей арміи и двора, оно было заинтересовано въ возможно большемъ привлеченіи къ намъ иностраннаго серебра, котораго у насъ не было и которое могло дать нѣкоторую устойчивость нашей безпорядочной денежной системѣ XVII в.“. Въ погонѣ за выгодами отъ азіатскаго торга иностранныя торговыя компаніи стремились создать для себя прочное положеніе въ Россіи, укрѣпивъ за собой царскими граматами водный путь по Волгѣ и Сѣверной Двинѣ. Эти притязанія иностранныхъ капиталистовъ на монопольное пользованіе транзитной торговлей Запада съ Востокомъ черезъ Московское государство особенно усилились послѣ Смуты, когда правительство, ослабленное хозяйственными и политическими потрясеніями, готово было за минутныя фискальныя выгоды предоставить иностранцамъ новыя торговыя привилегіи.

Въ августѣ 1614 г. англійскій посолъ Джонъ-Мерикъ, отъ имени короля Іакова I, добивался передъ новымъ правительствомъ царя Михаила предоставленія англійскимъ купцамъ повольной торговли и открытаго пути по Волгѣ въ Персію. Кромѣ того, Мерикъ ходатайствовалъ о позволеніи для англичанъ ѣздить Обью въ восточную Индію. „Станутъ англійскіе и русскіе люди въ Индію ходить, — говорилъ онъ, — и такія прибыли царской казнѣ будутъ, какихъ прежде не бывало“. Въ интересахъ англійской торговли было скорѣйшее замиреніе Московскаго государства, и Джонъ-Мерикъ поэтому предлагалъ новому правительству свое посредничество по заключенію мира со Швеціей и Польшей. Послѣ заключенія Столбовскаго мира Мерикъ продолжалъ настаивать на своихъ предложеніяхъ, обѣщая ссужать русскихъ купцовъ англійскимъ товаромъ на тысячу—шесть тысячъ рублей и даже больше безъ росту, „а гдѣ больше съѣзду торговымъ людямъ, — прибавлялъ онъ, — тутъ больше товаровъ и таможенныхъ пошлинъ и все дешевле“. Въ силу этого ходатайства англійскіе купцы получили въ 1619 г. подтвержденіе своихъ привилегій на безпошлинную торговлю, съ уговоромъ доставлять въ царскую казну сукна, матеріи и прочія рукодѣльныя произведенія непремѣнно по той цѣнѣ, по какой они продаются въ собственномъ ихъ отечествѣ. Голландцамъ, постоянно конкурпровавшимъ съ англичанами въ Россіи, дана была въ 1614 г. жалованная грамата, подтверждавшая прежнія права голландской компаніи на торговлю въ Архангельскѣ и Колѣ всякими товарами по вольной цѣнѣ. Въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ голландской компаніей въ Смуту, ей разрѣшена была на три года безпошлинная торговля, а затѣмъ она должна была уплачивать пошлины только въ половинномъ размѣрѣ. Такъ какъ Смута пагубно отразилась и на англійской торговлѣ въ Россіи, то Мерикъ въ 1620 г. снова просилъ о свободномъ пути въ Персію, обѣщая дать въ помощь казнѣ, „что будетъ пригоже“. Правительство совѣщалось по этому поводу съ гостями и торговыми людьми, которые хотя и относились отрицательно къ предложенію англичанъ, но, принимая во вни-

маніе стѣсненное финансовое положеніе правительства, говорили: „Если только отъ того государю будетъ помощь большая, англичане станутъ платить пошлину большую, то воленъ Богъ да Государь, а имъ для собранія государской казны на время и потерпѣть можно, хотя и убыточно“. Однако правительство дало Мерику отрицательный отвѣтъ на его предложеніе, признавъ транзитный торгъ англичанъ черезъ Россію невыгоднымъ какъ для казны, такъ и для московскаго купечества.

Но въ 1629 г., въ цѣляхъ полученія тѣхъ же самыхъ льготъ, прибыло въ Москву французское посольство. Добиваясь пропуска въ Персію, французы говорили: „Отъ того царю и его подданнымъ будетъ прибыль большая“, такъ какъ „французане станутъ товары привозить самые добрые и продавать по своей прямой цѣнѣ“. Бояре отклонили просьбу французскаго посла Курменена, указавъ, что французы могутъ покупать персидскіе товары у русскихъ купцовъ. Въ 1630 году явились послы отъ Голландскихъ Штатовъ съ просьбой разрѣшить голландскимъ купцамъ пріѣзжать въ Архангельскъ и Москву „и съ русскими торговыми людьми торговать повольной торговлей и пошлину брать умѣренную, какъ съ другихъ иноземцевъ берутъ“. „За что Штаты позволятъ царскимъ подданнымъ вывозить изъ Нидерландской земли всякіе товары, деньги и военные запасы и всякую помощь царскому величеству оказывать“. Сверхъ того, послы ходатайствовали о дозволеніи голландскимъ торговымъ людямъ распахивать пустыя земли въ Московскомъ государствѣ „и товары всякіе готовить, какъ у нихъ ведется; отъ этого царской казнѣ будетъ многая прибыль въ пошлинахъ, а московскимъ торговымъ людямъ будутъ барыши добрые“. Но въ Боярской думѣ рѣшено было „въ пашнѣ отказать“ и разрѣшить пріѣздъ только тѣмъ изъ голландскихъ торговцевъ, списокъ которыхъ будетъ заранѣе представленъ. Наконецъ, послы просили, чтобъ позволено было голландцу Эрнесту Филипсу съ компаніей производить въ теченіе 30 лѣтъ безпошлинную торговлю съ Персіей черезъ Московское государство, за что компанія будетъ вносить ежегодно въ царскую казну по 15.000 рублей. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что „быть тому невозможно: англійскому королю отказано по челобитью торговыхъ людей Московскаго государства“. Въ слѣдующемъ году явился въ Москву полномочный датскій посолъ, ходатайствовавшій, между прочимъ, о томъ, чтобы между обоими государствами была безпошлинная торговля и чтобы дана была дорога датскимъ купцамъ въ Персію. И на эти предложенія послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Однако въ 1634 г. была основана голштинская компанія спеціально для торговли съ Персіей, но она особыхъ привилегій не получила. Ей разрѣшено было производить торговыя операціи въ теченіе 10 лѣтъ съ платой ежегодно по 600 ефимковъ, и было запрещено вывозить всѣ шелковыя, бумажныя и металлическія издѣлія, служившія главными предметами русской торговли. Всѣ эти посольства, вереницей тянувшіяся изъ

Западной Европы въ Россію времени царя Михаила, доказываютъ, какія громадныя выгоды видѣли для себя иностранные промышленники въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Московскимъ государствомъ.

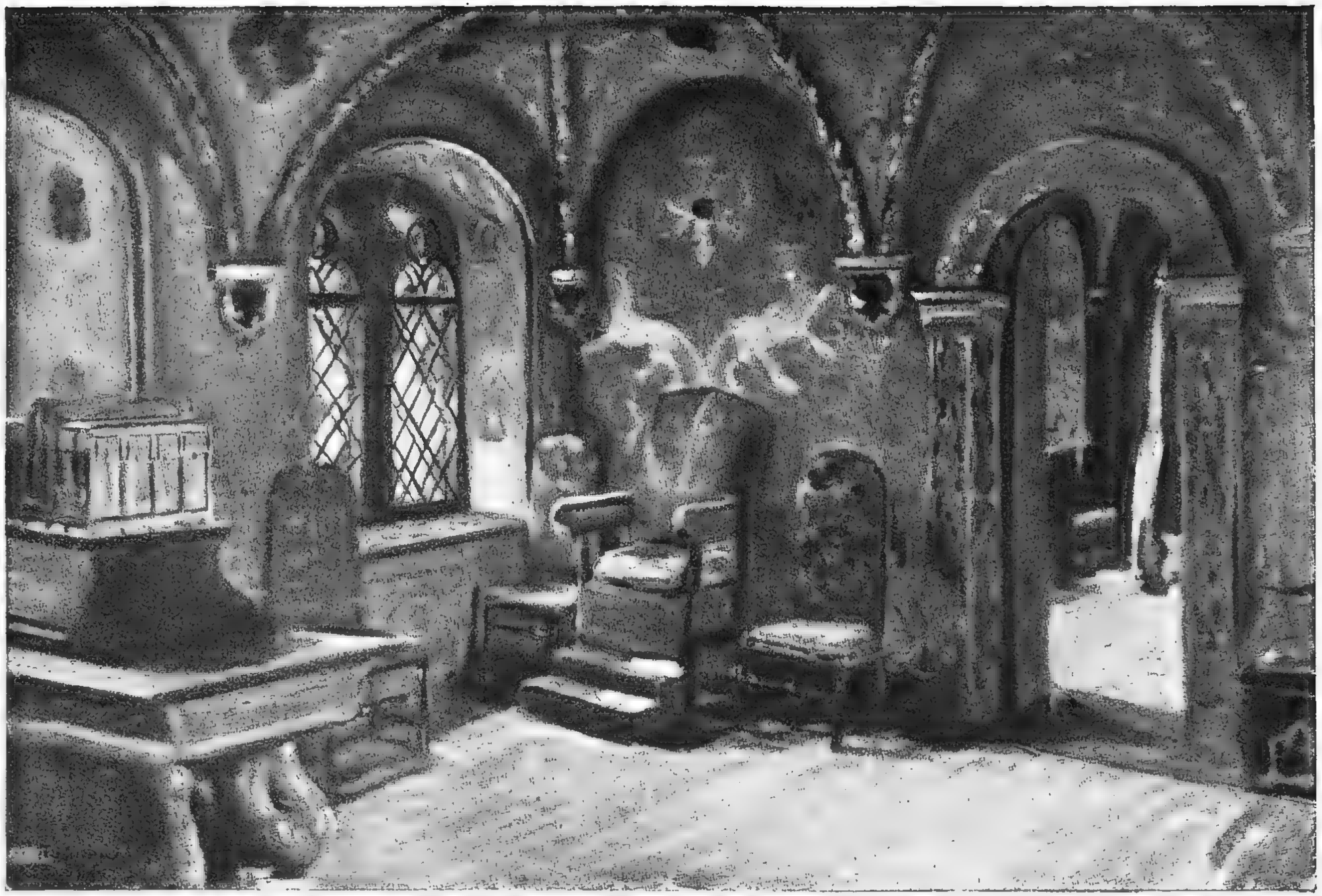
Однако первенствующую роль въ русскомъ торговомъ оборотѣ первой половины XVII в. продолжали попрежнему играть англичане съ своей торговой компаніей. Они, правда, не успѣли добиться права на исключительную торговлю въ Россіи, но скоро поняли, что торговая конкуренція другихъ національностей для нихъ не опасна. Закупая русскіе товары внутри страны, англичане съ большимъ барышомъ продавали ихъ въ Архангельскъ другимъ иностранцамъ и, скупая въ Архангельскѣ привозные товары, перепродавали ихъ русскимъ купцамъ съ большой для себя выгодой. „Такимъ образомъ,—говоритъ Костомаровъ,—русскіе купцы никакъ не въ силахъ были тягаться съ ними и не могли ничего ни купить у иностранцевъ, ни продать имъ безъ посредства англичанъ“. Англійскую компанію по тѣмъ громаднымъ привилегіямъ, какія она имѣла въ сферѣ торговли, г. Фирсовъ называетъ „законодательницей цѣнъ на русскомъ рынкѣ“. „Какъ извѣстно,—говоритъ тотъ же изслѣдователь,—господство компаніи было основано на правѣ безпошлиннаго торга; отсюда ясно, что компанія могла предложить другимъ иностраннымъ фирмамъ достаточно выгодныя условія купли-продажи, чтобы онѣ, во-первыхъ, ей не мѣшали; а во-вторыхъ, поняли, что, дѣйствуя солидарно съ компаніей, онѣ лучше воспользуются выгодами туземнаго рынка, чѣмъ конкурируя съ ней“.

При слабомъ развитіи русской индустріи европейскіе фабрикаты должны были естественно господствовать на русскомъ рынкѣ, и все стремленіе англійской торговой компаніи состояло въ томъ, чтобы поддерживать на высокомъ уровнѣ цѣну своихъ товаровъ и искусственно понижать цѣны на вывозимое изъ Россіи сырье. Все это раздражало крупныхъ московскихъ капиталистовъ, и они на Земскомъ соборѣ 1642 г. подали правительству „сказку“, въ которой говорили, что „черезъ то въ городѣхъ всякіе люди обнищали“. Кромѣ того, англичане черезъ своихъ агентовъ скупали у мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ различнаго рода сырые продукты на чистыя деньги, обязывая ихъ при этомъ не вступать ни съ кѣмъ въ сдѣлки, помимо англійской торговой компаніи. Эта кабальная зависимость мѣстныхъ производителей отъ иноземныхъ скупщиковъ особенно сильно сказывалась въ промышленномъ Поморьѣ, и, при царѣ Алексѣѣ, жители сѣверныхъ посадовъ били челомъ на иноземцевъ въ томъ, что они „завладѣли“ ихъ „тяглыми дворами“, не платя съ нихъ податей. „Да они же, иноземцы, разъѣзжаютъ по волостямъ и покупаютъ у волостныхъ крестьянъ скотъ, рыбу и всякій харчъ, пошлины не платятъ, а у насъ, сиротъ твоихъ, не покупаютъ“... „И отъ того мы, сироты твои, отъ нихъ, иноземцевъ, совсѣмъ погибли“. Своей предпріимчивостью и тѣсной солидарностью другъ съ другомъ

англійскіе купцы совершенно убивали торговлю русскихъ гостей. Доведенные до отчаянія этимъ господствующимъ положеніемъ иностранныхъ капиталистовъ въ русскомъ торговомъ оборотѣ, гости подали въ 1646 г. челобитную, въ которой, между прочимъ, говорили, что „англичане засѣли на на Москвѣ безъ съѣзду“, и русскимъ купцамъ приходится у нихъ покупать „худые товары по высокой цѣнѣ“. Отстаивая интересы національной промышленности и торговли, челобитчики ставили на видъ правительству, что англичане скупаютъ всякіе товары „сами своимъ заговоромъ и разсылаютъ покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей“. Эти товары англичане безпошлинно вывозятъ за границу, чѣмъ подрываютъ интересы русскихъ капиталистовъ. Въ заключеніе челобитчики просили сосредоточить всю вывозную торговлю въ рукахъ русскихъ купцовъ.

Подъ вліяніемъ этой челобитной правительство, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ убыточность безпошлинной торговли англичанъ, лишило ихъ въ 1649 г. права торговли въ Московскомъ государствѣ повсюду, за исключеніемъ Архангельска. Мотивомъ этого рѣшенія выставлены были революціонныя событія, совершавшіяся въ Англіи. „Да и потому вамъ, англичанамъ, въ Московскомъ государствѣ быть не довелось,—говоритъ царскій указъ,—что прежде торговали вы по государевымъ жалованнымъ грамотамъ, которыя даны вамъ по прошенію государя вашего англійскаго Карлуса короля для братской дружбы и любви. А теперь великому государю нашему вѣдомо учинилось, что англичане всею землею совершили большое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили до смерти: за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось“. По возстановленіи Стюартовъ прибылъ для переговоровъ о возобновленіи торговыхъ привилегій графъ Карлейль. Его миссія не увѣнчалась успѣхомъ, и прежнихъ правъ англичанамъ не вернули. Хотя въ челобитной 1646 г. московскіе гости жаловались также и на голландцевъ, не желавшихъ допускать русскихъ купцовъ къ непосредственной заграничной торговлѣ, однако ихъ положеніе въ Московскомъ государствѣ осталось довольно прочнымъ, и Самуилъ Коллинсъ въ своихъ запискахъ говоритъ о томъ, что голландцевъ принимаютъ въ Москвѣ лучше, чѣмъ англичанъ, такъ какъ они, подкупая подарками бояръ, располагаютъ правительство въ свою пользу.

Вообще, вторая половина XVII в. является моментомъ, когда русская торговля и промышленность начала постепенно выходить изъ-подъ опеки иностраннаго капитала. Въ своемъ стремленіи къ національной самостоятельности московскіе гости и торговые люди добиваются того, что въ 1653 г. пошлина на иностранные товары доводится до 2-хъ алтынъ съ рубля, а съ 1667 г. со всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію и вывозимыхъ изъ нея, сверхъ того уплачивалась проѣздная пошлина по гривнѣ съ рубля. Наивыс-



Терема, Тронный залъ.

шей точки напряженія русскій торгово промышленный національнизмъ достигъ въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г., составителю котораго ясна была вся невыгода существующаго товарообмѣна и его вліянія на денежную систему. Онъ совѣтуетъ накладывать большія пошлины на дорогіе фабрикаты, „чѣмъ отъ напраснаго убожества своихъ людей охраняютъ“. Самъ уставъ ознаменовалъ собою крупную побѣду гостей и торговыхъ людей надъ иностранными торговыми компаніями. Онъ изданъ былъ по ихъ челобитью, потому что отъ иностранной торговли „русскимъ торговымъ людемъ въ заповѣдѣхъ въ промытѣхъ многіе убытки и домовыя разоренья учинились“. Розничная торговля иностранцевъ въ предѣлахъ Московскаго государства окончательно была воспрещена подъ страхомъ отобранія товаровъ въ казну. Привозимые же въ Архангельскъ заграничные товары должны были подвергаться строгому таможенному осмотру, съ записью всего привезеннаго въ таможенныя книги. Этимъ хотѣли обезпечить русскій рынокъ отъ привоза „худыхъ воровскихъ и поддѣльныхъ“ товаровъ. „А за такимъ береженьемъ и крѣпкой запиской по клеймамъ и по печатемъ сыщется воровство поддѣлкою товаровъ,—говоритъ составитель Новоторговаго устава,—вѣдомо бъ было въ то государство писати, чтобъ впредь худыхъ товаровъ въ отпускъ въ Московское государство заказъ учинили подъ жестокою заповѣдью и посылать перестали бъ; а тѣ худые товары обличивъ и во весь свѣтъ огласивъ, отослать съ безчестьемъ съ ярманки, чтобъ впредь такихъ худыхъ не возили и добрымъ товаромъ цѣны не портили“. Всѣ привезенные товары иностранные торговцы могли продавать только жителямъ того города, въ которомъ имъ разрѣшенъ былъ торгъ; торговыя же сдѣлки иностранцевъ съ купцами другихъ городовъ или съ другими иностранными торговцами были воспрещены, „понеже великому государю въ таможняхъ въ сборѣхъ его великаго государя казнѣ чинятся большіе недоборы, а русскимъ людямъ въ торгахъ ихъ помѣшка и изнищеніе чинится“. Въ Москву допускались только тѣ изъ иностранныхъ торговцевъ, которымъ выданы были царскія жалованныя граматы. Такимъ образомъ, весь торговый обмѣнъ съ иностранными государствами могъ происходить только въ Архангельскѣ и другихъ порубежныхъ городахъ. „А московскимъ купецкимъ людемъ,—читаемъ въ томъ же уставѣ,—въ порубежныхъ во всѣхъ городѣхъ и на ярманкахъ торговать съ иноземцы всякими товары вольно“.

Послѣ изданія Новоторговаго устава правительство старалось устранить иностранцевъ не только отъ торговли Россіи съ Западомъ, но и отъ ея торговыхъ сношеній съ Востокомъ. Гости стремились удержать въ своихъ рукахъ всѣ выгоды отъ транзитной торговли съ азіатскими странами, и когда въ 1667 г. учреждена была армянская компанія для торговли съ Персіей, то они подали царю жалобу, говоря, что армяне отбиваютъ у нихъ хлѣбъ. Вслѣдствіе этого въ 1673 г. ограничены были данныя компаніи привилегіи:

стѣсненъ былъ отпускъ товаровъ компаніи за границу и отмѣнена была выдача вознагражденія за потопленныя суда и пограбленные товары.

Вся торговая политика Московскаго правительства второй половины XVII в. была направлена на то, чтобы, съ одной стороны, упорядочить торговыя сношенія съ своими непосредственными западными сосѣдями—Швеціей и Польшей, а съ другой—завязать прочныя торговыя связи съ государствами азіатскаго Востока. Уже по Столбовскому договору шведскіе купцы получили право безпрепятственной торговли въ Новгородѣ; при заключеніи же Кардисскаго мира 1661 г. имъ разрѣшено было торговать по всей Россіи, взамѣнъ чего русскимъ купцамъ выговорено было право пріѣзжать для торговыхъ дѣлъ въ шведскіе города, при чемъ въ Стокгольмѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Ругодивѣ (Нарвѣ) они могли даже строить торговые дворы. Что касается Польши, то при постоянныхъ войнахъ торговыя сношенія съ ней не отличались устойчивостью. По Андрусовскому договору 1667 г. русскимъ и польскимъ купцамъ дозволялось торговать въ пограничныхъ городахъ обоихъ государствъ. Въ 1678 г. послѣдовало разрѣшеніе польскимъ купцамъ пріѣзжать въ Москву, а русскимъ—доставлять свои товары въ Варшаву, Вильну и Краковъ; но и тѣ, и другіе должны были уплачивать пошлины и имѣть „проѣзжія памяти“. Эти условія цѣликомъ были подтверждены въ 1686 г. при заключеніи вѣчнаго мира.

Что касается восточной торговли, то еще съ XVI в. шли оживленныя торговыя сношенія съ греками, центромъ которыхъ былъ Путивль; но въ XVII ст. этотъ греческій торгъ сталъ упадать вслѣдствіе того, что греки начали заниматься контрабандой и привозили „худые“ товары. Зато расширяется торговля съ азіатскимъ Востокомъ. Начиная съ царствованія Михаила, поддерживаются дружескія торговыя сношенія съ Персіей, гдѣ русскіе послы закупали для царя шелкъ и другіе товары, а персіяне имѣли въ Астрахани особый гостиный дворъ, называемый Гилянскимъ. Нѣкоторые изъ персидскихъ купцовъ пріѣзжали даже въ Москву, гдѣ имъ давался поденный кормъ, отбирались отъ нихъ въ казну лучшіе товары, за которые выдавалось вознагражденіе мѣхами. Въ 1646 г. отправлена была торговая экспедиція въ Индію для закупки тамъ товаровъ и изслѣдованія путей сообщенія. Хотя она и потерпѣла неудачу, но въ 1651 г., по просьбѣ русскихъ гостей, разрѣшена была отправка новой, снабженной царскими граматами къ персидскому шаху и великому Моголу; но и это торговое посольство не достигло своей цѣли. Однако въ 1663 г. мы видимъ въ Москвѣ индійскихъ армянъ, привезшихъ различныя драгоцѣнности и благовонія и получившихъ отъ правительства разрѣшеніе доставлять въ аптекарскій приказъ „чипучиный корень“. Въ 1675 г., послѣ тщательныхъ развѣдокъ, отправленъ былъ въ Индію первый торговый караванъ. Но индійское правительство недружелюбно отнеслось къ этому предпріятію и, забравъ привезенные товары

по принудительной цѣнѣ, выслало русскихъ купцовъ изъ предѣловъ Индіи Черезъ 20 лѣтъ была сдѣлана новая попытка завязать торговлю съ Индіей, увѣнчавшаяся на сей разъ успѣхомъ. Въ 1668 г. была дана привилегія хивинскимъ и бухарскимъ купцамъ на свободный пріѣздъ въ Астрахань. Черезъ ихъ посредство въ Россію доставлялись пряности, благовонія и москательные товары. Съ царствованія Алексѣя Михайловича завязываются торговыя сношенія съ Китаемъ, которыя принимаютъ постоянный характеръ послѣ посольства Головина въ 1689 г. Средоточіемъ китайской торговли былъ Нерчинскъ, откуда китайскіе товары, доставляемые караваннымъ путемъ, направлялись въ Москву и къ Архангельскому порту.

При все расширявшихся торговыхъ операціяхъ, въ московскихъ правительственныхъ промышленныхъ кругахъ возникаетъ мысль о созданіи собственнаго торговаго флота. Жившій долгое время въ Россіи голландскій купецъ Виніусъ предлагалъ построить гребной флотъ на Каспійскомъ морѣ, а другой иностранецъ Густавъ фонъ-Кемпенъ въ 1666 г. вошелъ въ правительственныя сферы съ предложеніемъ построить торговый флотъ для оживленія товарнаго обмѣна съ Западомъ. Само правительство возымѣло въ 1662 г. мысль заарендовать одну изъ курляндскихъ гаваней, на что, однако, отъ курляндскаго канцлера послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ съ указаніемъ, что „великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска“. Втянутые въ международныя торговыя отношенія, русскіе купцы были довольно хорошо знакомы съ требованіями заграничнаго рынка. Торговыя книги XVII в., въ которыхъ давались свѣдѣнія о цѣнахъ на товары и о лучшемъ способѣ ихъ доставки, знаютъ, напримѣръ, какіе соболи носятъ нѣмецкія жены, какіе мѣха идутъ въ португальскую землю и какіе—къ кизилбашамъ и т. п.; онѣ освѣдомлены о томъ, какое ворванное бѣлое сало любятъ нѣмцы и какъ это сало надо приготовить для того, чтобы оно соотвѣтствовало потребностямъ рынка. Хотя при участившихся торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ образовалось нѣсколько купеческихъ компаній, которыя отправлялись цѣлыми артелями въ Хиву, и въ Бухару, и даже въ Индію, однако правительство далеко не поощряло подобныхъ поѣздокъ русскихъ купцовъ за границу. Только со времени изданія Соборнаго уложенія 1649 г. сдѣлано было въ этомъ отношеніи исключеніе для жителей порубежныхъ городовъ. Торговцевъ же всѣхъ остальныхъ мѣстностей Московскаго государства, по свидѣтельству Котошихина и Кильбургера, отпускали съ товарами за границу не иначе, какъ съ крѣпкою порукой и особымъ дозволеніемъ, которое получить было нелегко. У лицъ же, самовольно отправлявшихся за границу, отбиралось все имущество, ихъ родственниковъ подвергали пыткѣ и затѣмъ ссылали.

Торговый оборотъ Московской Руси XVII в. съ Западомъ шелъ преимущественно черезъ Архангельскій портъ и отчасти черезъ Новгородъ и

Царь Алексѣй Михайловичъ.

По старинной гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцевскій музей).

Смоленскъ, а со странами Востока—черезъ Астрахань и нѣкоторые сибирскіе города. Русскій экспортъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ продуктовъ сельскаго хозяйства и природныхъ богатствъ страны. Такъ, въ Швецію въ большомъ количествѣ вывозился хлѣбъ, что было воспрещено въ 1649 г., однако и послѣ этого продолжалась контрабандная торговля хлѣбомъ. Англичане закупали около Вологды ленъ, который они считали главнымъ предметомъ русскаго экспорта. Моржовая кость, или, какъ ее называли въ XVII вѣкѣ, „рыбій зубъ“, добываемая преимущественно по берегамъ Ледовитаго океана, шла въ большомъ количествѣ и на Западъ, и въ Турцію, и съ средины XVII в. торговля ею была объявлена казенной монополіей. Къ предметамъ вывоза относились говяжье и свиное сало, ворвань, конскій волосъ, свиная щетина, гусиный пухъ, кожи разныхъ сортовъ, лиственничная губка, капъ, медъ и воскъ (котораго ежегодно въ XVII в. вывозили до 35.000 пуд.). За границу шелъ также солодковый корень, собираемый по берегамъ Волги, и ревень, получаемый изъ Бухары. Съ XVII ст. начинается оживленный торгъ марено̀й, произраставшей около Терека, на которую былъ большой спросъ въ Персіи. Нѣкоторые сорта русской рыбы, особенно соленая семга, находили себѣ большой сбытъ въ Голландіи и Франціи, а икра, которую чрезвычайно высоко ставили за границей, отправлялась съ царскихъ волжскихъ „учуговъ“ въ Англію, Нидерланды, Францію и Италію. Кромѣ того, за границу шли заповѣдные царскіе товары, первое мѣсто среди которыхъ занимали цѣнные сибирскіе мѣха. Однако наряду съ сырьемъ въ иностранныя государства стали сбываться въ XVII в. и продукты русской обрабатывающей промышленности. Такъ, по словамъ Кильбургера, во время его пребыванія въ Россіи, вывезено было за одинъ только годъ 30.000 арш. холста и 168.500 арш. грубаго сукна, продававшагося по 5—6 коп. аршинъ.

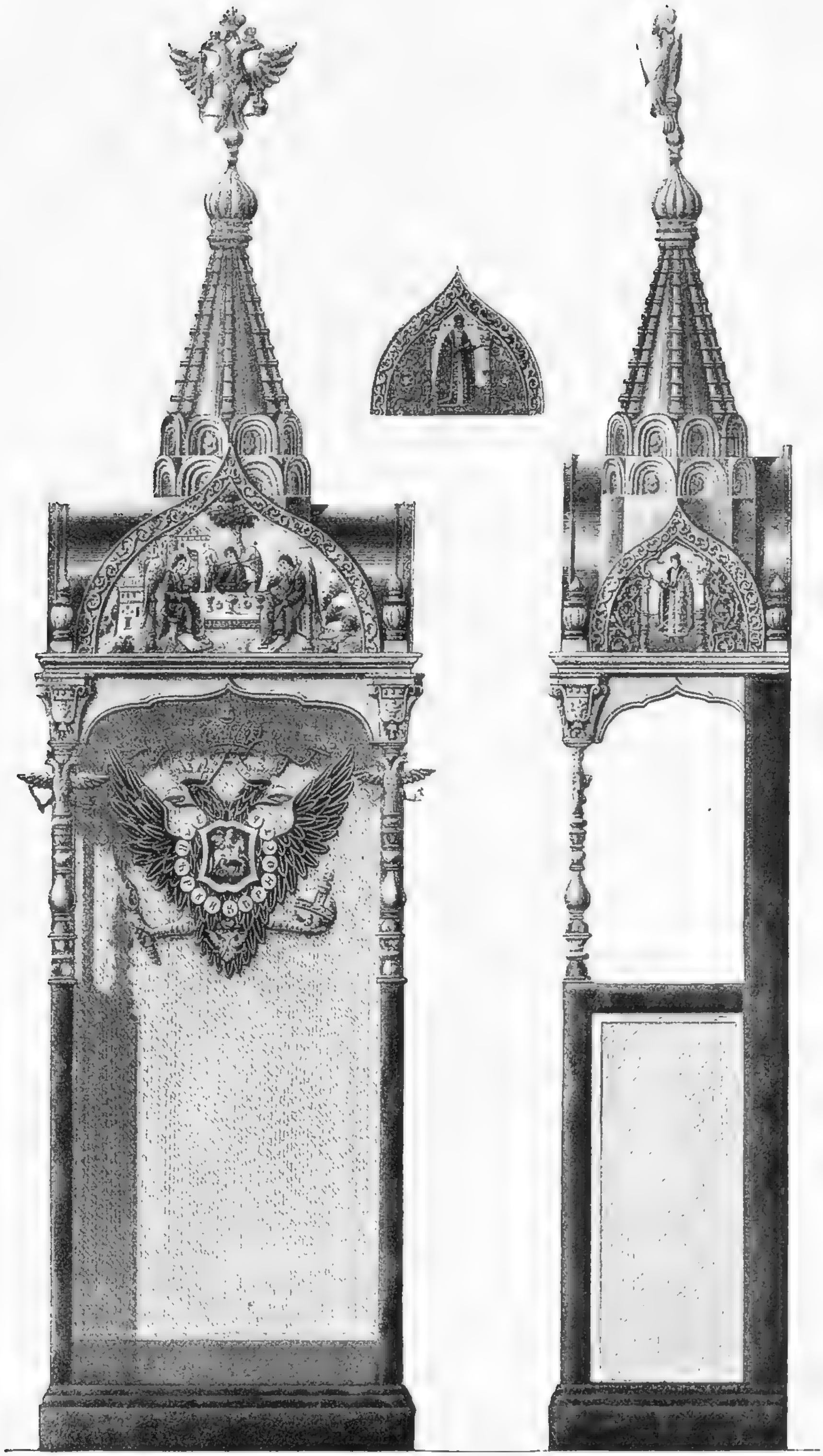
Что касается русскаго ввоза, то онъ, главнымъ образомъ, заключался въ различнаго рода тканяхъ и матеріяхъ, металлическихъ вещахъ, предметахъ роскоши и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, пряностяхъ, винѣ и другихъ товарахъ. Сукна привозились преимущественно англичанами и голландцами, а болѣе легкія ткани, главнымъ образомъ, шелковыя, доставлялись изъ Турціи, Персіи, Индіи, а также изъ Китая. Что касается металловъ, то желѣзо въ большомъ количествѣ поступало изъ Швеціи. Остальные металлы также шли въ Россію изъ другихъ государствъ: мѣдь и олово привозилось англичанами и датчанами, золото и серебро, какъ въ слиткахъ и монетѣ, такъ и въ издѣліяхъ, доставлялось торговцами самыхъ различныхъ національностей. Изъ-за границы черезъ Архангельскъ поступали различные минералы, въ родѣ киновари, купороса, также румяна и бѣлила, на которыя былъ громадный спросъ на русскомъ рынкѣ. Восточные народы, преимущественно греки и персіяне, вели оживленную торговлю драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, а изъ Китая съ средины XVII в. начинаютъ доставлять чай. Изъ-за гра-

ницы привозилось и виноградное вино, но съ 1614 г. иностранцамъ разрѣшена была его продажа только бочками и куфами, но отнюдь не въ мелкой посудѣ. Въ Новоторговомъ уставѣ замѣтно стремленіе ограничить привозъ иностраннаго вина, котораго „много не нужно надобно, потому что на государевыхъ кружечныхъ дворѣхъ чинятся отъ того убытки и недоборы большіе“. Подтверждая въ болѣе категорической формѣ запрещеніе розничной продажи иностраннаго вина, Уставъ мотивируетъ это тѣмъ, „чтобъ отъ того на кружечныхъ дворѣхъ въ сборѣ государевѣ казнѣ порухи не было“. Наиболѣе дорогія вина попадали на рынокъ черезъ руки дворцовыхъ приказовъ, такъ какъ завѣдывавшій архангельской таможней московскій гость скупалъ ихъ для царскаго двора. Для иностранцевъ торговля съ Россіей доставляла громадныя выгоды: на нѣкоторые товары, по ихъ собственному признанію, они получали прибыль въ 100%.

Наиболѣе промышленнымъ райономъ въ XVII в. было Поморье съ его громадными лѣсами, обильными пушнымъ звѣремъ, богатыми рыбными ловлями и цѣнными соляными варницами. На Бѣлоозерѣ былъ значительный оптовый торгъ солью, рыбой и хлѣбомъ. Недалеко отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ Тихвинѣ и вблизи Александро-Свирской пустыни собирались весьма оживленныя ярмарки. Въ Кеми происходила торговля съ лопарями, отъ которыхъ въ обмѣнъ на хлѣбъ и сукно получали ворвань, рыбу и мѣха. Богатыя соляныя варницы были во владѣніяхъ Соловецкаго монастыря, который ежегодно добывалъ до 100.000 пудовъ соли. Ее отправляли въ Вологду и Устюгъ для обмѣна на хлѣбъ и другіе предметы, въ которыхъ нуждалась монастырская братія. Большое значеніе въ торговомъ оборотѣ Сѣвера имѣла Вологда, являвшаяся центромъ льняного района. Въ зимнее время Вологда была главнымъ складочнымъ мѣстомъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ товаровъ, которые съ открытіемъ навигаціи на насадахъ и досчаникахъ отправлялись къ Бѣлому морю и въ центральныя области государства. Но доминирующее положеніе въ Поморскомъ краѣ занималъ Архангельскъ съ Холмогорами, какъ важная морская пристань и мѣсто самой оживленной ярмарки. Здѣсь былъ главный складъ привозныхъ иностранныхъ товаровъ. Архангельская ярмарка, продолжавшаяся обыкновенно съ 1 іюня по 1 сентября, съ 1670 г. по просьбѣ русскаго купечества была объявлена безсрочной. Эта ярмарка способствовала торговому оживленію Архангельска и доставляла вмѣстѣ съ тѣмъ въ казну, во второй половинѣ XVII вѣка, до 70.000 рублей ежегодно различныхъ таможенныхъ сборовъ. Во главѣ архангельской таможни, въ виду ея крупнаго значенія, стоялъ московскій гость съ двумя товарищами или таможенными головами изъ торговыхъ людей гостиной сотни и нѣсколькихъ цѣловальниковъ, „сколько человѣкъ пригоже“, выбираемыхъ какъ изъ московскаго, такъ и изъ мѣстнаго архангелогородскаго купечества.

Что касается нѣкогда богатаго и населеннаго Сѣверо-западнаго края, съ Новгородомъ и Псковомъ во главѣ, то его торговое значеніе въ началѣ XVII в. сильно падаетъ, въ связи съ разореніемъ эпохи Смуты и закрытіемъ Ганзейскаго союза въ 1630 г. О степени упадка торговаго значенія Новгорода могутъ дать яркое представленіе слѣдующія цифровыя данныя: въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVII в. въ немъ насчитывалось всего $472^1/_2$ двора, тогда какъ 100 лѣтъ назадъ ихъ числилось около $4^1/_2$ тысячъ. Въ 1623 г. новгородскіе гости, пятиконецкіе старосты и всѣ посадскіе люди рисуютъ самую мрачную картину положенія Новгородскаго посада: „въ Великомъ Новѣгородѣ Софѣйская сторона вся пуста и разорена до основанія, а на Торговой сторонѣ также многіе улицы и ряды пусты; а въ которыхъ улицахъ и есть жильчишка, и тѣхъ немного въ улицѣ человѣкъ по осми и по десяти, да и тѣ бѣдны и должны“. Присоединенный отъ Швеціи, по Столбовскому договору, Новгородъ получаетъ значительныя торговыя льготы, которыми правительство хотѣло оживить промышленную дѣятельность всего края. Всѣмъ русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ изъ внутреннихъ областей, и даже иностранцамъ, разрѣшено было невозбранно торговать въ Новгородѣ во всякое время. Иностранцы получили позволеніе разъѣзжать по всѣмъ новгородскимъ и псковскимъ пригородамъ. Другой крупный посадъ этого края, Псковъ, вскорѣ послѣ Смуты становится важнымъ мѣстомъ закупки иностранцами русскихъ товаровъ; отсюда они направлялись въ Ревель, Ригу и Митаву. Къ концу XVII в., благодаря усиленію торговыхъ сношеній съ Западной Европой и Литвою, населеніе снова приливаетъ въ запустѣлыя новгородскія и псковскія мѣстности. Въ Старой Русѣ, гдѣ въ 1620-хъ гг. насчитывалось всего 68 дворовъ, по переписи 1678 г. ихъ уже было 528; въ самомъ Новгородѣ съ его ближайшими пригородами, въ которыхъ послѣ московскаго разоренія было едва 540 дворовъ, къ концу вѣка населеніе почти удвоилось, такъ какъ количество дворовъ достигло цифры 909, а во Псковѣ безъ пригородовъ за 50 лѣтъ, протекшихъ между составленіемъ писцовыхъ книгъ 1620-хъ годовъ и переписью 1670-хъ гг., количество дворовъ увеличилось на 143.

Если старые торгово-промышленные центры сѣверо-запада только къ концу XVII в. успѣли оправиться отъ хозяйственныхъ и политическихъ потрясеній эпохи Смуты, то среднее и нижнее Поволжье въ первой половинѣ столѣтія, съ приливомъ сюда населенія изъ сѣверныхъ и центральныхъ областей, стало играть наиболѣе важную роль въ хозяйственномъ оборотѣ страны. Торговое и промышленное населеніе сдвинулось сюда изъ прежнихъ густозаселенныхъ мѣстностей, расположенныхъ по линіи Москва—Новгородъ, и въ 20-хъ годахъ XVII в. Поволжье является наиболѣе промышленнымъ райономъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ крупныхъ посадовъ, какъ-то: Казань (1408 дв.), Ярославль (1330 дв.), Кострома (1219 дв.), Ниж-



Царское мѣсто въ Успенскомъ соборѣ.

ній-Новгородъ (1066 дв.), уступавшихъ первое мѣсто по численности населенія только одной столицѣ. Изъ городовъ средне-волжскаго плеса наибольшее торговое значеніе имѣлъ Ярославль. Онъ являлся складочнымъ пунктомъ для товаровъ, перевозимыхъ между Москвой и Вологдой. Кромѣ того, здѣсь грузились на волжскія суда большіе транспорты иностранныхъ товаровъ, направляемыхъ въ Персію черезъ Архангельскій портъ. Нижній-Новгородъ, благодаря своему выгодному расположенію при сліяніи двухъ самыхъ крупныхъ рѣкъ Московской Руси, сдѣлался въ XVII в. очень важнымъ раздѣлительнымъ пунктомъ торговаго оборота между южными и восточными областями, съ одной стороны, и московскимъ рынкомъ, съ другой. Здѣсь находилась главная таможня для взиманія торговыхъ и проѣзжихъ пошлинъ со всѣхъ товаровъ, шедшихъ по Волгѣ. Самъ Нижній являлся крупнымъ центромъ хлѣбной торговли какъ для Поволжья, такъ и для южныхъ заоцкихъ областей. Въ половинѣ XVII в. рязанская украйна продолжала считаться, какъ и во времена Герберштейна, наиболѣе хлѣбородной мѣстностью, и по Окѣ было много пристаней для нагрузки хлѣба. Невдалекѣ отъ Нижняго, подъ стѣнами Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, ежегодно въ іюлѣ собиралась ярмарка, на которую отовсюду съѣзжались торговцы. Монастырскія власти собирали торговыя пошлины въ свою пользу, а съ 1662 г. получили право разбирать всякаго рода дѣла между пріѣзжими торговцами, за исключеніемъ воровства и душегубства. Караванная торговля по Волгѣ шла подъ охраной стрѣльцовъ, въ виду большого количества хозяйничавшихъ на ней разбойничьихъ шаекъ. Исходнымъ пунктомъ этого торговаго движенія была Астрахань, черезъ которую шелъ весь европейскій торгъ съ Востокомъ. Здѣсь было нѣсколько гостиныхъ дворовъ, въ которыхъ размѣщались восточные купцы по ихъ національностямъ. Уже въ 20-хъ гг. XVII в. правительство съ этихъ торговыхъ помѣщеній получало оброчныхъ денегъ около 340 рублей. Складочнымъ мѣстомъ астраханскихъ товаровъ, а также рыбы и соли, направляемыхъ въ центральныя и сѣверныя области, была Казань, куда шло также товарное движеніе изъ Вятки и Пермскаго края. На Яикѣ были крупные рыбные промыслы, въ 1659 г. устроенные московскимъ гостемъ Гурьевымъ, откуда сбывалась рыба на Волгу, преимущественно въ Самару. Въ тѣсной связи съ рыбными и икряными промыслами находилось добываніе соли. Въ Пермскомъ краю крупными солепромышленниками были Строгановы, но, конечно, первое мѣсто занимали волжскія усолья. Нѣсколько ниже Симбирска были значительныя соляныя залежи, гдѣ ломали соль и высушивали ее на солнцѣ. Около Астрахани находились большія казенныя соляныя озера.

Къ югу отъ Оки въ XVII в. также замѣчается развитіе торговли и промышленности. Сюда вслѣдъ за правительственной военной и вольной земледѣльческой колонизаціей направляется капиталистъ предприниматель,

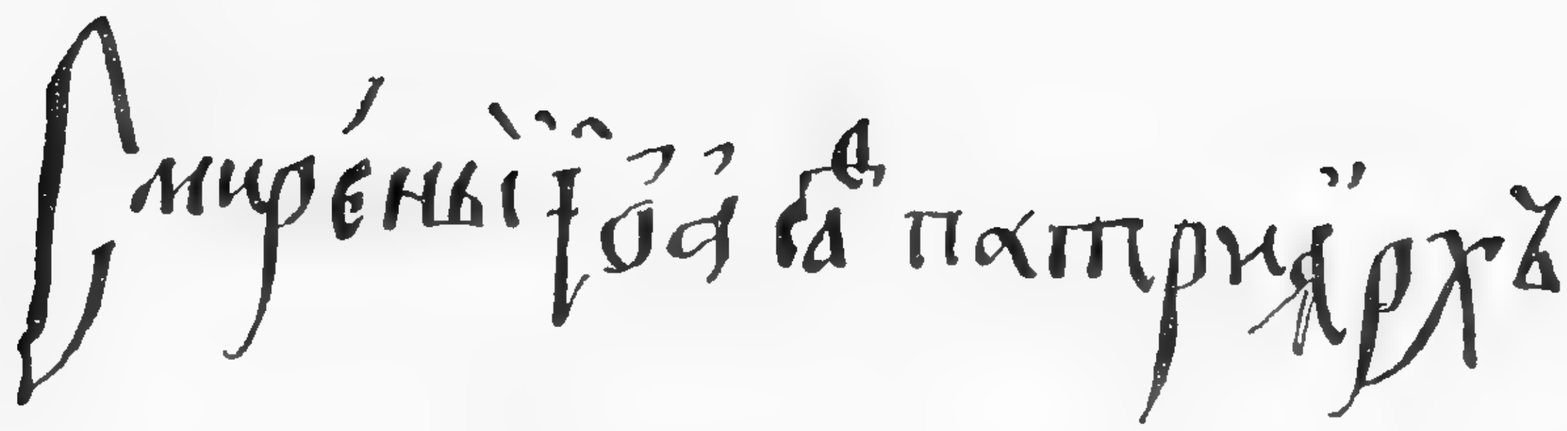
стремящійся связать промышленными нитями эту недавно пріобрѣтенную окрайну съ Москвою, какъ торговымъ центромъ. Прекрасныя климатическія и почвенныя условія привлекаютъ сюда населеніе въ значительномъ количествѣ, и ко второй половинѣ XVII в. здѣсь вытягиваются двѣ линіи городовъ: одна черезъ Курскъ и Бѣлгородъ къ Малороссійской Украйнѣ, а другая отъ Москвы черезъ Воронежъ и далѣе къ Азову, гдѣ татары и турки обмѣнивали на мѣха шелковыя и шерстяныя матеріи и драгоцѣнные каменья. Въ этомъ южномъ заоцкомъ районѣ славилась своимъ торговымъ оборотомъ Свинская ярмарка въ Брянскомъ уѣздѣ, вѣсовыя пошлины съ которой въ 1683 г. пожалованы были Кіево-Печерскому монастырю. Съ середины XVII в. Воронежскія, Тамбовскія и Рязанскія мѣстности становятся центрами хлѣбной закупки. Торговому оживленію этого края способствовали также льготы, данныя кіевскимъ купцамъ, получившимъ (вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи) право на безпошлинную торговлю въ предѣлахъ всего Московскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается приливъ населенія въ старые города, покинутые жителями въ началѣ XVII ст.: въ Курскѣ, напримѣръ, за 30-лѣтній промежутокъ прибыло 163 двора, а въ Калугѣ за 50 лѣтъ увеличеніе выразилось въ количесткѣ 874 дв. Такъ широко развернулась въ Московской Руси XVII в. торговая и промышленная дѣятельность. Почти въ каждомъ посадѣ были торговые ряды и лавки, а нерѣдко торгъ производился и по дворамъ посадскихъ людей. Для пріѣзжихъ купцовъ и крестьянъ, привозившихъ въ городъ свои издѣлія, строились гостиные дворы, около которыхъ обычно помѣщались таможенныя избы для взиманія проѣзжихъ, вѣсчихъ и торговыхъ пошлинъ. О торговомъ оживленіи нѣкоторыхъ посадовъ могутъ дать представленіе слѣдующія цифровыя данныя: въ Нижнемъ-Новгородѣ, напримѣръ, въ 1620 г. было 574 лавки; въ Ростовѣ Великомъ (въ 1661 г.)—388 торговыхъ помѣщеній, въ Тулѣ (въ 1625 г.)—386; въ Устюгѣ (въ 1670-хъ гг.)—260; въ Суздалѣ (въ 1628 г.)—236.

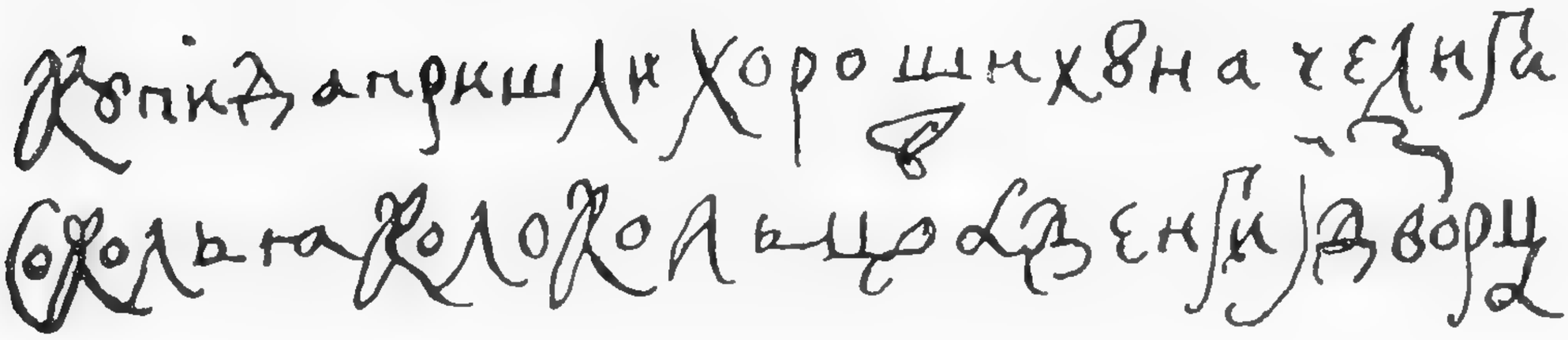
Но центральное мѣсто въ торговомъ оборотѣ страны занимала, естественно, Москва, къ которой сходились со всѣхъ сторонъ и рѣчныя и сухопутныя дороги. „Хотя она (т.-е. Москва),—говоритъ Меіерберггъ,—лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но, благодаря множеству рѣкъ, имѣетъ торговыя сношенія съ отдаленными областями“. Изъ Москвы, какъ изъ единаго центра, радіусами во всѣ стороны шли торговые пути черезъ Ярославль и Вологду. Направлялось торговое движеніе и къ Архангельску по Двинѣ, и къ Бѣлоозеру по верхней Волгѣ и ея притокомъ, и въ Пермскій край по Вычегдѣ. Въ отдаленную Вятку и Сибирь велъ путь черезъ Кострому и Галичъ; въ Новгородъ Великій и Псковъ надо было ѣхать изъ Москвы на Тверь, Торжокъ и Вышній-Волочокъ. Съ Литвою Москву соединялъ Смоленскій путь чрезъ Вязьму и Дорогобужъ; черезъ Тулу на Кіевъ шелъ торговый путь въ Украйну, въ южныя области Речи Посполитой и въ Крымъ; черезъ Дан-

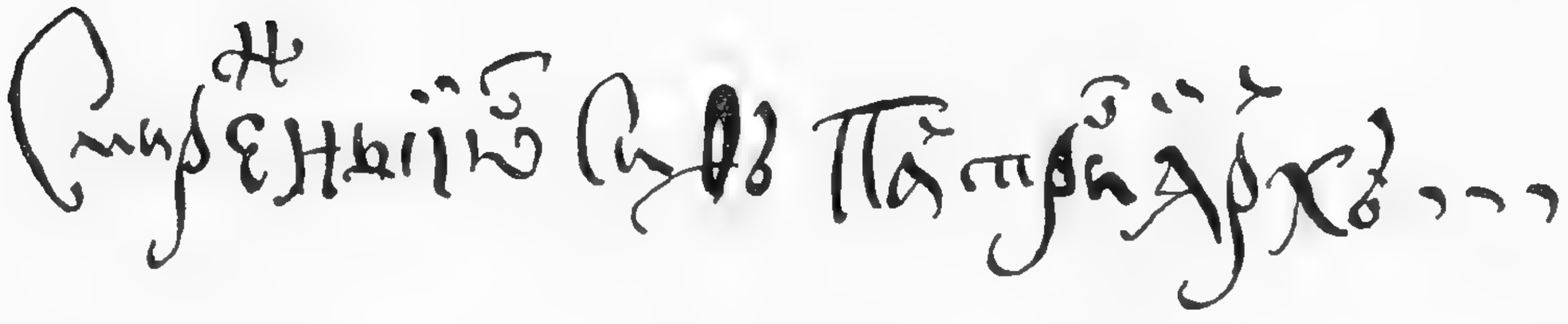
ковъ Дономъ въ высокую воду Москва сообщалась съ Азовомъ, а черезъ Серпуховъ и Боровскъ издавна ѣздили изъ Москвы на Оку и Поволжье, куда велъ также и рѣчной путь черезъ Коломну. По этимъ рѣчнымъ и сухопутнымъ дорогамъ въ Москву отовсюду стекались товары. По словамъ одного иностранца, „все, чего простой народъ не можетъ сбыть мѣстнымъ купцамъ, то привозится въ Москву для продажи иностраннымъ купцамъ“. Наиболѣе цѣнные товары, минуя мѣстные рынки, прямо направлялись въ столицу, иногда по спеціальнымъ царскимъ указамъ. Изъ Сибири въ нее шли цѣнные мѣха, изъ Бѣлоозера доставляли живую рыбу въ садкахъ, съ нижняго Поволжья привозили паюсную икру, а изъ Ногайскихъ степей, послѣ покоренія Астрахани, пригонялось, по свидѣтельству Котошихина, на продажу до 50.000 лошадей ежегодно. Изъ той же отдаленной Астрахани направлялись въ столицу овчины, которыя, по словамъ Таннера, очень цѣнились въ Москвѣ. Въ 1636 г. Олеарій видѣлъ на Москвѣ-рѣкѣ много большихъ судовъ, шедшихъ изъ Астрахани къ столицѣ съ медомъ, солью и соленой рыбой.

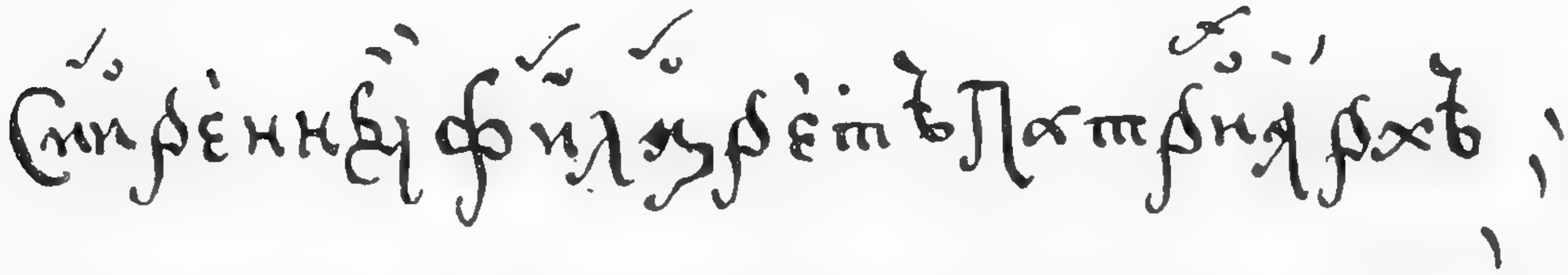
Иностранные купцы въ значительномъ количествѣ посѣщали Москву, нѣкоторые изъ нихъ даже прочно въ ней осѣдали. Въ своихъ запискахъ они называютъ ее счастливѣйшимъ мѣстомъ въ мірѣ, такъ какъ вслѣдствіе того, что русская торговля была по преимуществу мѣновая, въ Москвѣ XVII в. можно было купить произведенія Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи почти за ту же цѣну, какъ въ ихъ отечествѣ. Мейербергъ въ восхищеніи отъ торговаго оживленія Москвы. „Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей,—говоритъ онъ,—необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хоть бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей“.

Мѣстомъ наиболѣе оживленной торговли въ Москвѣ былъ Китай-городъ. Здѣсь находились обширные торговые ряды и множество лавокъ, погребовъ, шалашей, харчевыхъ избъ, скамей, бочечныхъ, кувшинныхъ и другихъ торговыхъ мѣстъ, которыхъ по переписи 1626 г. насчитано было 1368. О торговомъ значеніи всего московскаго посада даетъ наиболѣе полное представленіе перепись 1701 г. Въ Китай-городѣ насчитано было 614 лавочныхъ владѣній да 402 мѣста мелочного торга. Въ Бѣломъ-городѣ—501 лавка да 195 мѣстъ мелочного торга. Въ Земляномъ городѣ внесено было въ перепись всего 1666 торговыхъ мѣстъ, изъ которыхъ мелочному торгу отведено было 899. Казна принимала довольно дѣятельное участіе въ торговыхъ операціяхъ столицы: однѣхъ казенныхъ мясныхъ лавокъ, по переписи 1701 г., разбросано было по Москвѣ $298^1/_2$, да сверхъ того 15 бойницъ, $26^1/_2$ скамей и 37 шалашей. Что являлось значительной особенностью московской торговли, это сильно развитая спеціализація, въ силу которой лавки, занимавшіяся









Факсимиле подписей: патріарха Іоасафа, царя Алексѣя Михайловича, патріарховъ: Никона, Іосифа и Филарета.

продажей какого-либо одного товара, группировались обычно на одномъ мѣстѣ, образуя торговый рядъ. Полякъ Маскѣвичъ, заброшенный въ Москву тревожными событіями Смуты въ 1611 г., пораженъ былъ множествомъ лавокъ въ Китай-городѣ, которыхъ, по его словамъ, было до 40.000. „Такой вездѣ порядокъ,—удивляется онъ,—для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особый рядъ лавокъ, даже цырульники бреютъ въ своемъ ряду“ По словамъ другого иностраннаго наблюдателя конца XVII в. Кильбургера, „самое замѣчательное и главное въ Москвѣ то, что всякій сортъ товаровъ отъ низшихъ до высшихъ имѣетъ свою улицу и рынокъ. Торговцы шелкомъ имѣютъ свой, пряностями свой, паяльщики и колокольники, мѣховщики, сапожники, шорники, русскіе аптекари, продавцы чеснока и т. д. свой. Даже старьемъ и лоскутьями торгуютъ на базарѣ передъ замкомъ (Кремлемъ) непремѣнно въ опредѣленномъ мѣстѣ, почему и не стоитъ никакого труда найти нужный товаръ“. Если спеціализація торговли по отдѣльнымъ рядамъ поражала иностранцевъ въ Москвѣ, то она попадалась также и въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Новгородѣ Великомъ и въ Астрахани. Даже въ Суздалѣ, какъ видно изъ писцовой книги 1617 г., торговля различными товарами была пріурочена къ отдѣльнымъ лавкамъ: продажей сапогъ занимались въ 12 лавкахъ, рукавицъ и колпаковъ въ 7-ми, шубами торговали въ двухъ, сермяжными кафтанами въ одной и лаптями также въ одной. Правительство строго регламентировало торговлю по рядамъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы не было лавокъ, торговавшихъ смѣшаннымъ товаромъ. Указомъ 1626 г. вмѣнялось въ обязанность „смотрѣть накрѣпко, чтобы въ рядахъ торговые люди сидѣли со своими товарами и торговали бы только тѣми товарами, которыми торговать въ данномъ ряду указано“, походячимъ торговцамъ строго воспрещалось мѣнять свои мѣста и торговать въ разносъ. Воспрещая торговать „мимо извычайныхъ рядовъ и лавокъ“, составитель Новоторговаго устава 1667 г. мотивируетъ слѣдующимъ образомъ изданіе этихъ ограничительныхъ мѣръ: „И тѣмъ бы ряды не оскужали и лавочные люди въ убожествѣ не были бъ“. Однако впослѣдствіи правительству приходилось не разъ издавать подтвердительные указы, изъ чего ясно, что эти постановленія далеко не всегда исполнялись. Такъ, въ 1676 г. подтверждено было, чтобы нигдѣ не было торговли помимо рядовъ, а въ 1681 г. новымъ указомъ царя Ѳеодора вмѣнялось въ обязанность всякихъ чиновъ людямъ не въ указныхъ мѣстахъ не торговать, „чтобы отъ того его великаго государя казнѣ напрасной истери и недобора не было“.

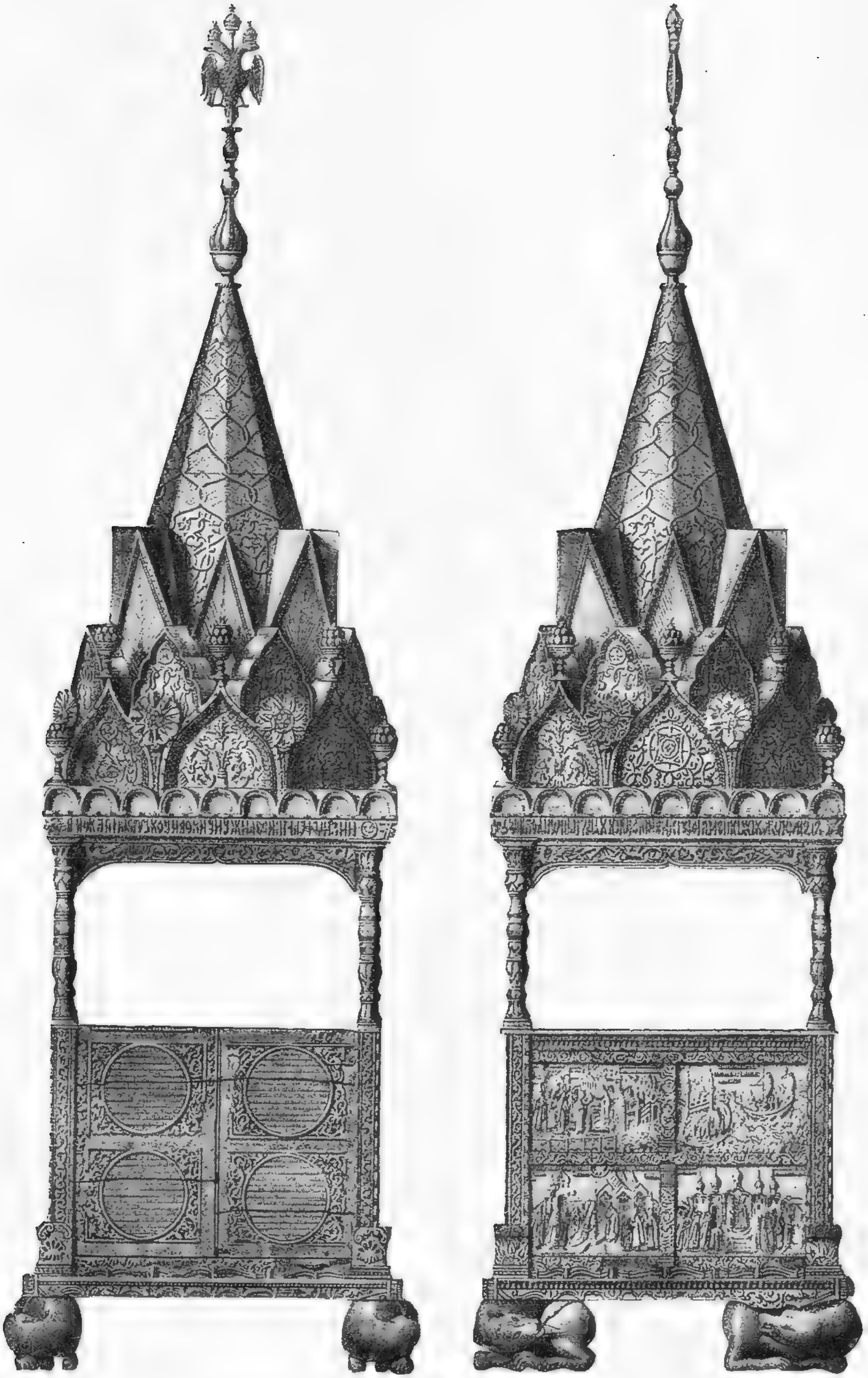
Хотя правительство и старалось раздробить торговую дѣятельность въ странѣ по отдѣльнымъ спеціальностямъ, однако жизнь брала свое, и купцы въ Московскомъ государствѣ XVII в. торговали не какимъ-либо однимъ видомъ товаровъ, а, учитывая положеніе рынка, промышляли тѣмъ, что давало большій барышъ. Хлѣботорговцы, напримѣръ, очень искусно достигали по-

вышенія цѣнъ; они скупали у крестьянъ привозимый изъ деревень хлѣбъ, а затѣмъ перепродавали его съ большими барышами. Особенно большой скупкой хлѣба занимались столичные торговцы, образовавшіе между собою какъ бы товарищества, или компаніи. Одинъ документъ XVII в. объ этихъ скупщикахъ или „вязчикахъ“ говоритъ: „Гдѣ купятъ, вяжутъ вязку и вязкою многую цѣну на все прибавляютъ“. Въ виду высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, правительство въ 1660 г., на совѣщаніи съ московскими торговыми людьми, рѣшило, что въ утренніе часы хлѣбъ въ Москвѣ, въ небольшомъ количествѣ, могутъ покупать только бѣдные люди, а затѣмъ, съ 6-ти часовъ, къ покупкѣ допускались уже скупщики и крупные хлѣботорговцы. При плохихъ путяхъ сообщенія цѣны на рынкѣ, особенно на предметы первой необходимости, сильно колебались за какіе-нибудь нѣсколько дней, въ зависимости отъ подвоза. По словамъ Кильбургера, въ теченіе мѣсяца колебаніе товарныхъ цѣнъ на отдѣльные предметы иногда бывало сто на сто. Этимъ обстоятельствомъ пользовались предпріимчивые торговцы, пріѣзжая на торги и ярмарки какъ можно раньше и продавая наиболѣе выгодно свой товаръ, пока не успѣли другіе купцы привезти тѣ же самые предметы.

Ловкость и оборотливость русскихъ купцовъ бросались въ глаза иностранцамъ, и они съ восхищеніемъ отмѣчаютъ, какъ въ Московскомъ государствѣ торговцы успѣвали въ теченіе года сдѣлать съ однимъ и тѣмъ же капиталомъ нѣсколько торговыхъ операцій. По свидѣтельству такого правдиваго наблюдателя, какъ Олеарій, московскіе купцы покупаютъ обыкновенно у англійскихъ сукно по 4 талера за локоть и перепродаютъ тотъ же локоть по $3^1/_2$ или 4 талера и все-таки не остаются безъ барыша. Этотъ барышъ, по его словамъ, происходитъ оттого, что, купивъ одинъ или нѣсколько кусковъ сукна съ тѣмъ, чтобы произвести расплату черезъ полгода и годъ, они затѣмъ продаютъ его лавочникамъ по локтямъ, но уже за наличныя деньги, которыя потомъ помѣщаютъ въ другіе товары. „Такимъ образомъ,—говоритъ Олеарій,—московскіе купцы могутъ съ теченіемъ времени съ барышомъ три раза совершить оборотъ своими деньгами“. Однако, въ купечествѣ XVII в. было не мало несимпатичныхъ чертъ. Оно отличалось хитростью и было слишкомъ падко на наживу. Ловкость и изворотливость, по словамъ Олеарія, русскіе торговцы ставили всего выше въ купцѣ, говоря, что „это даръ Божій, безъ котораго не слѣдуетъ приниматься за торговлю“. По его же словамъ, одинъ голландскій купецъ самымъ грубымъ образомъ обманулъ многихъ изъ московскихъ торговыхъ людей, и этимъ онъ пріобрѣлъ такое уваженіе среди московскихъ купцовъ за свое искусство, что они нисколько не обижались и просили принять ихъ въ товарищи, въ надеждѣ поучиться его искусству.

Доминирующее положеніе въ торговомъ оборотѣ страны занимало, безспорно, столичное купечество, среди котораго, какъ „видно по отбираемымъ

на совѣщаніяхъ“ сказкамъ за руками, неграмотныхъ было не болѣе 10, 12 %. Московская посадская община привлекала къ себѣ торгово-промышленные элементы изъ другихъ городовъ, благодаря своему выгодному центральному положенію. Кромѣ того, широко практиковался и принудительный переводъ иногородныхъ купцовъ въ Москву для записи ихъ въ составъ гостей и торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ. Особенно сильно пострадало столичное купечество въ смутное время, послѣ котораго въ гостиной сотнѣ оставалось только 158 семей изъ 350, числившихся въ концѣ XVI в. Гостиная сотня поэтому просила „прибавочныхъ“ людей, говоря, что „многіе люди обѣдняли отъ государевыхъ службъ, и служить стало некому“. Такъ, въ 1630 г. велѣно было взять изъ Чердыни въ Москву двоихъ посадскихъ людей съ братьею для помѣщенія въ суконную сотню; при этомъ чердынскій воевода получилъ приказъ, въ случаѣ „если посадскіе люди скроются, то дать для отысканія ихъ пушкарей и разсыльщиковъ“. Такъ какъ этимъ разрядамъ привилегированнаго купечества приходилось нести тяжесть государевыхъ службъ, связанныхъ со сборомъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ и другихъ косвенныхъ налоговъ, то вполнѣ понятно, что они иногда по собственной иниціативѣ ходатайствовали передъ правительствомъ о пополненіи ихъ состава богатыми капиталистами изъ провинціальныхъ посадовъ. Такъ, въ 1675 г. торговые люди гостиной и суконной сотенъ докладываютъ правительству, что въ Двинской землѣ на посадахъ и въ уѣздахъ знающихъ, и прожиточныхъ, и богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей много, почему и просятъ о переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москву. Гости, которыхъ Кильбургеръ называетъ „царскими коммерціи совѣтниками“, занимали самое привилегированное положеніе: въ должности они не выбирались своими товарищами, какъ-то было въ гостиной и суконной сотняхъ, а назначались по царскому указу. Въ качествѣ главныхъ торговыхъ уполномоченныхъ московскаго правительства, гости, по словамъ Кильбургера, имѣли право „покупать первыми“ не только для государя, но и для себя. Они неограниченно управляли торговлей во всемъ государствѣ, ихъ монопольное положеніе такъ раздражало остальные разряды торгово-промышленнаго класса, что, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же иностранный наблюдатель, „въ случаѣ какого возмущенія опасаться надобно, чтобы народъ не сломалъ шеи всѣмъ гостямъ“. Во время мятежа 1648 г. довольно ярко проявился антагонизмъ между провинціальнымъ и московскимъ купечествомъ. Городовые посадскіе люди, указывая на то, что взяты изъ городовъ для московскихъ и отъѣзжихъ службъ торговые посадскіе люди, просили государя „не велѣть тѣхъ людей изъ городовъ въ гостиную и суконную сотни имать“. Городовые посадскіе люди настаивали даже на томъ, чтобы имъ отдать назадъ ихъ братью, взятую въ гостиную сотню; государь согласился, а гостиная сотня, какъ сама призналась, бить челомъ не посмѣла въ то смутное время за боязнью.



Царское мѣсто въ Успенскомъ соборѣ.

Изъ альбома Солнцева.

Однако, какъ только волненія по городамъ улеглись и „міръ пересталъ колебаться“, московскія сотни стали вновь ходатайствовать о „прибавочныхъ людяхъ“. Сильное и сплоченное московское купечество раздражало городовые посадскіе міры еще и тѣмъ, что захватывало въ свои руки почти всѣ наиболѣе доходныя торговыя операціи въ странѣ. Такъ, напримѣръ, за 25 лѣтъ (съ 1651 г. по 1675 г.) всѣ откупа и рыбныя ловли по г. Саратову находились въ рукахъ московскихъ кадашевцевъ и торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ. Московскіе гости дѣлали крупныя земельныя пріобрѣтенія въ промышленныхъ поморскихъ уѣздахъ, конечно, съ цѣлью эксплуатаціи мѣстныхъ природныхъ богатствъ. За гостями Усовыми числилось такихъ пріобрѣтеній на 7.000 р., за Ревякиными—на 2.400 р., а за Груздцынымъ записано въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ 12 деревень, въ Устюжскомъ уѣздѣ—29 деревень.

Тѣснимая верхними слоями столичнаго купечества, тяглая посадская община терпѣла, пожалуй, еще больше отъ конкуренціи такъ называемыхъ „слободжанъ“, т.-е. жителей прилегающихъ къ чертѣ городской осѣдлости государевыхъ и частновладѣльческихъ слободъ, не несшихъ посадскаго тягла. Эти „бѣломѣстные“ элементы, торговавшіе и промышлявшіе на посадѣ, были втянуты въ составъ посадской общины Уложенной реформой 1649 г., послѣ цѣлаго ряда челобитенъ городскихъ посадскихъ людей. Въ одномъ только московскомъ посадѣ прибавлено было изъ частновладѣльческихъ слободъ 1894 двора; а по всѣмъ городамъ за три года послѣ изданія Соборнаго уложенія было отписано въ посадское тягло изъ состава слободъ и отдѣльныхъ „бѣломѣстныхъ“ дворовъ всего 10.000 дворовъ съ населеніемъ въ 21.000 душъ. Монополизируя въ своихъ рукахъ городской торгъ и промыселъ, посадская тяглая община все-таки не могла избавиться отъ конкуренціи другихъ сословныхъ группъ, такъ какъ Уложеніе 1649 г. разрѣшало стрѣльцамъ, казакамъ и драгунамъ заниматься торговлей и промыслами, уплачивая пошлины со своихъ торговъ и оброкъ со своихъ лавокъ.

Тяжелымъ гнетомъ ложилась на торгово-промышленный людъ XVII в. московская приказная волокита. Торговые люди вѣдались судомъ въ самыхъ разнообразныхъ приказахъ, что при дороговизнѣ тогдашняго судопроизводства и при лихоимствѣ дьяковъ и подьячихъ было крайне неудобно для купцовъ и промышленниковъ. Въ Новоторговомъ уставѣ 1667 года Ординымъ-Нащокинымъ была сдѣлана первая попытка создать „единый пристойный приказъ“ для завѣдыванія всѣми „купецкими“ людьми. Такимъ образомъ учрежденъ былъ приказъ купецкихъ дѣлъ. Съ 1680 г. гости и посадскіе люди поступили въ вѣдѣніе Приказа большой казны, а иноземные купцы подчинены были юрисдикціи Посольскаго приказа. Страдая отъ московской приказной волокиты, торговые люди имѣли не меньше поводовъ жаловаться и на таможенныя притѣсненія. Можно сказать, на каждомъ шагу купецъ

Рѣпинъ. Уничтоженіе стрѣлецкаго войска.

Свѣшниковская галлерея. Румянцовскій музей.

Рѣшила. Умчитоженіе стрѣлецкаго войска.

Сѣшинковская галлерея. Румянцовскій музей.

долженъ былъ уплачивать какой-либо сборъ: при провозѣ по рѣкамъ и дорогамъ взималось „мыто“, съ судовъ бралось „посаженное“, съ саней „полозовье“, съ телѣгъ и съ людей—„головщины“ и т. д. Въ Уставной граматѣ 1654 г. превосходно изображены вредныя послѣдствія отъ сбора проѣзжихъ пошлинъ, особенно частными владѣльцами и откупщиками: „Торговымъ людямъ отъ несправедливыхъ и лишнихъ проѣзжихъ пошлинъ въ торгахъ ихъ чинится безторжища и убытки великіе, торговые люди торговыхъ промысловъ отбыли, и иные многіе обѣднѣли, межъ дворовъ скитаются, а податей взять стало не на комъ и службъ служить некому, а откупщики и мытники тѣми откупы прибытки себѣ чинятъ многіе, и міръ въ томъ ихъ промыслѣ погибаетъ“. Кромѣ поборовъ, установленныхъ закономъ, практиковались еще въ самыхъ широкихъ размѣрахъ всякаго рода вымогательства со стороны таможенныхъ сборщиковъ. Русскій купецъ,—говоритъ Флетчеръ, характеризуя русскую торговлю конца XVI в., но его слова могутъ быть отнесены и къ болѣе позднему времени—„раскладывая свои товары, боязливо осматривается на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобы взять у него что получше и притомъ даромъ“. Въ 1654 г. послѣдовало запрещеніе отдавать на откупъ взиманіе проѣзжихъ пошлинъ, изъ которыхъ громадное большинство было отмѣнено, за исключеніемъ „мостовщины“ и „перевоза“. Вмѣсто всѣхъ прежнихъ мелкихъ сборовъ велѣно было сбирать одну рублевую пошлину „съ вѣсчихъ и невѣсчихъ товаровъ, и съ хлѣба, съ продавца по 10 денегъ съ рубля съ продажной цѣны“, съ покупщиковъ по 5 денегъ съ рубля „съ явки денегъ на покупку товара“, въ чемъ имъ давались выписи; такимъ образомъ, рублевая пошлина взималась въ размѣрѣ 15 денегъ или 7,5%. Однако лучшіе люди XVII в. сознавали весь вредъ, наносимый торговлѣ тяжелымъ таможеннымъ обложеніемъ. Извѣстный реформаторъ времени царя Алексѣя, Ординъ-Нащокинъ, постоянно твердилъ, что „во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги, которые безъ пошлинъ учинены“. Въ бытность свою псковскимъ воеводой въ 1665 году Нащокинъ предлагалъ установить два безпошлинныхъ торга съ иностранцами: одинъ съ 6-го января на 2 недѣли, другой съ 9-го мая на 2 недѣли, при чемъ „мимо посадскихъ людей псковичей иныхъ чиновъ людямъ съ иностранцами не торговать“. Новоторговый уставъ, подъ вліяніемъ того же Нащокина, окончательно отмѣнилъ уцѣлѣвшіе еще по нѣкоторымъ городамъ мелкіе сборы, какъ-то: подушное, мытые, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейныя, мостовое, гостиное, и положилъ ихъ въ рублевую пошлину. Въ 1680 г. все таможенное дѣло сосредоточено было во вновь учрежденномъ Приказѣ Большой Казны.

Въ торговыхъ операціяхъ страны правительство заинтересовано было не однимъ только полученіемъ таможенныхъ сборовъ. „Самъ царь“, какъ выразился одинъ англичанинъ, „былъ первымъ купцомъ въ Россіи“. Наиболѣе

цѣнные товары, вывозимые изъ Россіи, казна монополизировала въ своихъ рукахъ. Такъ, напримѣръ, сибирскіе мѣха, которые получались съ инородцевъ въ видѣ „ясака“, иностранцы могли пріобрѣтать не иначе, какъ черезъ посредство правительства. При Алексѣѣ Михайловичѣ купцамъ запрещалось имѣть и продавать мѣха высокаго достоинства, и для купеческихъ мѣховъ была назначена невысокая цѣна. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что сибирскіе мѣха доставляли казнѣ „приходу“ болѣе чѣмъ на 600.000 руб. По словамъ Таннера, бывшаго въ Россіи въ 1670-хъ годахъ, „какъ по достоинству, такъ и по цѣнности главное мѣсто занимаютъ собольи мѣха, превосходное качество которыхъ извѣстно всему свѣту“. При Сибирскомъ приказѣ для завѣдыванія преимущественно торговлей мѣхами существовалъ даже „Приказъ купецкихъ дѣлъ“, называвшійся также „Государевой соболиной палатой“. Имъ завѣдывалъ одинъ изъ гостей съ нѣсколькими выборными цѣловальниками изъ другихъ разрядовъ торговыхъ людей. Съ царствованія Алексѣя Михайловича казна взяла въ свои руки, кромѣ собольихъ мѣховъ, торговлю поташомъ, смольчугомъ, пенькою, нефтью и говяжьимъ саломъ. Это были тѣ заповѣдные товары, которые, по словамъ Костомарова, запрещалось частнымъ торговцамъ сбывать прямо иностранцамъ, но слѣдовало доставлять въ казну, въ Приказъ Большого Прихода, черезъ выборныхъ людей, скупавшихъ ихъ повсюду. Къ казеннымъ товарамъ принадлежалъ также и шелкъ-сырецъ, привозимый изъ Персіи. Въ 1667 г. это дѣло перешло въ руки армянской компаніи, учрежденной съ согласія русскаго и персидскаго правительствъ двумя персидскими подданными—армянами Стефаномъ Ромодамскимъ и Григоріемъ Лусиковымъ. Всѣ лучшіе товары, привозимые иностранцами, прежде всего закупала казна, желая воспользоваться барышомъ при перепродажѣ ихъ на внутреннемъ рынкѣ. Такимъ образомъ, правительство старалось быть посредникомъ между русскими промышленниками и иностранными купцами. Желая удержать въ своихъ рукахъ выгоды отъ торга съ Сибирью, главнымъ мѣстомъ котораго была ярмарка въ Ирбитской слободѣ, правительство въ 1694 г. постановило, чтобы торговцы во время ярмарки торговали не иначе, какъ въ государевыхъ амбарахъ и лавкахъ, а не въ собственныхъ, и велѣло всѣ частныя лавки, какія были построены въ слободѣ, описать и запечатать впредь до государева указа. Казна принимала непосредственное участіе не только въ торговыхъ операціяхъ, но и въ разработкѣ наиболѣе доходныхъ промышленныхъ статей. Такъ, астраханскія рыбныя ловли, самыя богатыя въ странѣ, находились въ рукахъ казны, которая то сдавала ихъ на откупъ или оброкъ, то эксплуатировала ихъ сама хозяйственнымъ способомъ чрезъ посредство вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ.

Параллельно съ торговымъ капитализмомъ въ Московскомъ государствѣ XVII в. развивалось мелкое производство. „Нашъ старинный капиталисти-

ческій классъ—купечество,—говоритъ профессоръ Туганъ-Барановскій,—не обнаруживалъ никакой наклонности захватить въ свои руки производство. Купецъ предпочиталъ скупать, владѣя рынкомъ, продукты труда мелкаго производителя и держать послѣдняго въ полной зависимости отъ себя, не обращая его въ наемнаго рабочаго". Не затрачивая капитала на организацію производства, торговцы скупали издѣлія, которыя мелкіе кустари-ремесленники изготовляли на рынокъ. „Каждый ремесленникъ-земледѣлецъ,—по словамъ г. Корсака,—былъ лицо самостоятельное, по крайней мѣрѣ, работалъ изъ своихъ матеріаловъ, домашними средствами, и каждый порознь продавалъ свои издѣлія проѣзжимъ купцамъ". Конечно, такое примитивное ремесленное производство не могло принимать сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Кустарь работалъ по давно установившимся образцамъ, руководствуясь навыкомъ и рутиной и стремясь удовлетворить потребности ближайшаго рынка. Среди промышленнаго населенія Суздальскаго посада въ 60 хъ гг. XVII в. было, напримѣръ, нѣсколько крестьянъ Покровскаго Дѣвичьяго монастыря, занимавшихся торгомъ и промыслами. Одинъ изъ нихъ „Ѳедька Андреевъ кормится рукодѣльемъ своимъ скорняжнымъ товаромъ и дѣлаетъ заячинишка"; другой „Евстафейко Митрофановъ кормится шапочнымъ своимъ рукодѣльемъ, тоже дѣлаетъ и Плюшка Остафьевъ, Шибанко Никитинъ сидитъ за сапожонками, Васька Брагинъ дѣлаетъ въ своей лавкѣ ветчаное платьишко"; одна вдова съ двумя своими родственниками краситъ крашенины, среди остальныхъ—одни „кормятся сыромятнымъ промыслишкомъ", другіе льютъ восковыя свѣчи, третьи шьютъ сапоги и т. д. Почти ту же картину полуземледѣльческой, полуремесленной дѣятельности встрѣчаемъ, по одному акту второй половины XVII в., въ селеніяхъ и деревняхъ, принадлежавшихъ Макарьевской пустыни. Одни изъ монастырскихъ крестьянъ „работали всякою работою и приторговывали", другіе „торговали въ городѣ всякими товарами", третьи „работали въ полѣ и извозничали зимой".

Конечно, уже и въ XVII в. бывали мѣстности, въ которыхъ по разнымъ причинамъ кустарные промыслы успѣвали пустить такіе глубокіе корни въ народно-хозяйственной жизни, что онѣ далеко славились тѣми или другими отраслями производства. Такъ, напримѣръ, слобода Халуй нынѣшней Владимирской губерніи и городъ Кострома извѣстны были своимъ иконнымъ мастерствомъ, которое составляло наслѣдственное занятіе ихъ жителей. Около Тулы занимались выплавкой чугуна въ примитивно-устроенныхъ небольшихъ горнахъ, добывая его изъ открытыхъ по сосѣдству желѣзныхъ рудъ. Наряду съ различными мелкими издѣліями изъ желѣза здѣсь приготовляли даже огнестрѣльное оружіе. По писцовымъ книгамъ и другимъ документамъ видно, что металлургическій промыселъ издавна развивался и вблизи великаго Новгорода, и въ Тихвинѣ, и въ районѣ Устюжны Желѣзнопольской, и около Каширы. Село Павлово на рѣкѣ Окѣ, деревни Работники и Безродная на

Волгѣ, по словамъ Кильбургера, славились своими маленькими замками, которые продавались по полтинѣ за дюжину. Въ Бѣжецкомъ Верху работали косы и серпы, а въ Ярославлѣ дѣлались разныя стальныя вещи и въ томъ числѣ висячіе замки, сходные по внѣшнему виду съ персидскими. Всѣ эти предметы кустарной желѣзнодѣлательной промышленности стоили на рынкѣ весьма дешево, такъ что съ ними не могли конкурировать металлическія издѣлія заводскаго производства. „Такъ, отъ 1674 г. имѣется показаніе,— говоритъ профессоръ Ѳирсовъ,—что существовавшіе около Москвы три желѣзныхъ завода не приготовляли стали по той простой причинѣ, что въ сбытѣ именно этого произведенія заводы не выдерживали конкуренціи съ крестьянами, дѣлавшими сталь при помощи небольшихъ ручныхъ мѣховъ". Желѣзные заводы принуждены были также прекратить ковку гвоздей, потому что ихъ ковали дешевле тѣ же крестьяне. На далекомъ юго-востокѣ въ Астрахани выдѣлывались панцыри и булатныя сабли. Въ связи съ постройкой каменныхъ церквей и домовъ во многихъ городахъ, особенно въ Вологдѣ, Псковѣ, Переяславлѣ и Бѣлоозерѣ, занимались приготовленіемъ извести и кирпича. Вмѣсто оконныхъ стеколъ, какъ извѣстно, употребляли въ то время слюду; главнымъ мѣстомъ ея добычи была Керецкая волость, принадлежавшая Соловецкому монастырю. Въ городахъ верхняго Поволжья развивалось въ XVII в. своеобразное русское зодчество, быть-можетъ, въ непосредственной связи съ каменнымъ и кирпичнымъ дѣломъ, сильно распространившимся среди мѣстныхъ жителей. Въ Ярославлѣ, какъ въ одномъ изъ наиболѣе важныхъ торгово-промышленныхъ центровъ верхняго и средняго Поволжья, процвѣталъ судовый промыселъ. Въ городахъ, расположенныхъ по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, часто встрѣчались лѣсныя пристани, откуда производился сплавъ бревенъ, брусьевъ, досокъ и другихъ строительныхъ матеріаловъ. На рынкахъ, около этихъ пристаней, можно было купить готовыя деревянныя избы, которыя, при обиліи лѣса, въ то время стоили довольно дешево. Старыя хвойныя деревья, сплавлявшіяся по Двинѣ къ Бѣлому морю, покупались для корабельныхъ мачтъ, а изъ мелкаго лѣса, въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по Окѣ и Волгѣ, изготовлялись ложки, блюда, солонки, чашки, деревянная мебель, лапти, рогожи и другіе предметы. Въ нѣкоторыхъ районахъ плотничій и столярный промыслы пріобрѣтали большую извѣстность, и деревянныя издѣлія, изготовляемыя въ этихъ мѣстностяхъ, пользовались широкимъ распространеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ Козьмодемьянскѣ и Холмогорахъ работали ящики и сундуки; въ Калугѣ и Каргополѣ дѣлали красивыя ложки, а Вязьма славилась производствомъ саней.

Въ томъ же сѣверномъ районѣ, главнымъ образомъ, около Вологды, а также въ Валдайскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ по рр. Двинѣ и Вагѣ занимались приготовленіемъ холста и полотна, что вызывало въ этой мѣстно-

сти большіе посѣвы техническихъ растеній въ родѣ льна и конопли. Однако, несмотря на широкое распространеніе ткацкаго промысла, въ Россію XVII в. въ большомъ количествѣ привозили голландскія полотна, а когда строился знаменитый корабль „Орелъ“ при царѣ Алексѣѣ, то, за неимѣніемъ русской парусины, для его оснастки пришлось выписать ее изъ Голландіи въ количествѣ 5.000 аршинъ. Наряду съ полотнами по селамъ и деревнямъ кустарнымъ способомъ приготовляли грубое сукно, называемое сермяжнымъ или однорядочнымъ. Кромѣ суконъ, выдѣлывались шерстяныя полости и войлоки. Сукна нерѣдко окрашивались; подобнаго рода красильными работами извѣстно было село Тейково, недалеко отъ Владимира. Въ среднемъ Поволжьѣ, между Ярославлемъ и Казанью, а также въ областяхъ Новгорода и Пскова, сильно развитъ былъ кожевенный промыселъ. Кожи выдѣлывались самыхъ разнообразныхъ размѣровъ—и лошадиныя, и бычачьи, и яловичныя, или телячьи. Изъ послѣднихъ приготовлялась юфть, которая цѣнилась тѣмъ дороже, чѣмъ была чернѣе. Самой высокой по качеству считалась юфть казанская.

Москва и въ отношеніи ремеслъ занимала такое же центральное положеніе, какимъ она пользовалась въ сферѣ внутренней и внѣшней торговли. Въ ней стягивались нити самыхъ разнообразныхъ производствъ, и нерѣдко въ Москву, по царскому указу, производились переселенія ремесленниковъ-спеціалистовъ изъ различныхъ мѣстностей государства. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ вытребованы были изъ Астрахани черкесы, славившіеся выдѣлкою булатныхъ сабель и панцырей. Въ 1663 г. велѣно было собрать въ Вологодскихъ монастырскихъ вотчинахъ скорняковъ и портныхъ мастеровъ съ десяти человѣкъ по два и выслать ихъ въ Москву съ женами и дѣтьми. Въ 1678 г. указано было выслать къ Москвѣ всѣхъ замочныхъ мастеровъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ приказѣ. Въ 1680 г. изъ Бѣлоозера должны были быть отправлены въ Москву каменьщики и кирпичники съ дѣтьми, братьями, сосѣдями и захребетниками; въ слѣдующемъ году царскій указъ былъ подтвержденъ, при чемъ если эти каменщики не захотятъ ѣхать къ Москвѣ, то ихъ приказано было штрафовать. Отрываемые отъ своихъ насиженныхъ мѣстъ и переносимые по царской волѣ въ столицу, кустари-ремесленники XVII в. должны были получать подможныя деньги отъ своихъ однообщинниковъ. Такъ, когда при царѣ Алексѣѣ изъ Переяславля нѣсколько портныхъ мастеровъ вытребовано было въ Москву, то на каждаго дана была подмога мѣстными портными по 225 рублей. Мы имѣемъ нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія и о томъ вознагражденіи, которое получали переводимые въ Москву на государево дѣло различные мастера. Изъ одной докладной приказной выписи начала 60-годовъ XVII в. видно, что „скорнякамъ платили по 9 денегъ, портнымъ по 6 денегъ человѣку на день, бѣлошникамъ отъ бѣлки за дѣло по 4 рубля отъ тысячи серебряными деньгами“.

Конечно, всѣ эти переселенія вызывались, преимущественно, потребностями царскаго дворца, который, раскинувшись большой усадьбой въ центрѣ столицы, старался обставить себя множествомъ слободъ, разбросанныхъ и въ самой Москвѣ, и поблизости отъ нея, заселенныхъ работными и ремесленными людьми. Такъ, хамовнымъ дѣломъ, т.-е. выдѣлкой полотенъ на государевъ обиходъ, должны были заниматься слободы Хамовническая, Кадашевская и Тверская. Каждый хамовникъ работалъ „на дѣло“, т.-е. опредѣленное количество пряжи или нитей, при чемъ размѣры годового урока соотвѣтствовали количеству дворовой земли, высшая норма которой опредѣлена была въ 200 кв. саж. „Такимъ образомъ,—говоритъ профессоръ Довнаръ-Запольскій,—государевы хамовныя слободы представляли собой такія мануфактуры, въ которыхъ каждый рабочій работалъ у себя на дому“.

Благодаря изслѣдованію того же ученаго, передъ нами вскрывается, хотя еще и въ довольно общихъ чертахъ, картина организаціи мелкаго ремесленнаго производства въ XVII в. Такъ какъ цѣлый рядъ предметовъ нельзя было въ то время получить въ готовомъ видѣ на базарахъ или въ торговыхъ рядахъ, то существовало, очевидно, ремесленное производство по спеціальному заказу. Система непосредственныхъ отношеній между производителями и потребителями особенно преобладала въ первой половинѣ столѣтія, тогда какъ къ концу вѣка замѣтна смѣшанная система производства: работаютъ и на рынкѣ, и по личному заказу. „Мастеровой,—говоритъ профессоръ Довнаръ-Запольскій,—нерѣдко работаетъ въ домѣ заказчика. Даже мука не всегда покупалась въ готовомъ видѣ, но покупали рожь и мололи ее на мельницѣ. Въ концѣ же XVII в. начали считать, очевидно, болѣе выгоднымъ заказывать мастеру уже всю вещь цѣликомъ, которую онъ приносилъ на домъ къ заказчику въ вполнѣ готовомъ видѣ. На Олеарія московскіе ремесленники не производили впечатлѣнія сколько-нибудь „самостоятельнаго общественнаго класса“. „Для ихъ плохой жизни,—говоритъ онъ,—требуется немного, и они трудами рукъ своихъ добываютъ себѣ въ такой большой общинѣ, какъ Москва, денегъ на пищу и на чарку водки и могутъ пропитать себя и своихъ родныхъ“. Передача знаній извѣстнаго мастерства происходила при посредствѣ вступленія въ ученіе къ мастеру. Такимъ образомъ были мастера и ученики; сверхъ того, встрѣчается и терминъ „подмастерье“. Можно думать, что подмастерьями назывались помощники мастера, или даже старшіе ученики. Срокъ ученичества продолжался обычно 5 лѣтъ; мастеръ обязывался выучить ученика своему ремеслу, уплачивая иногда ему при этомъ „пожилое“, или наемную плату. По словамъ Посошкова, этотъ пятилѣтній срокъ при изученіи тѣхъ или иныхъ ремеслъ далеко не всегда соблюдался: поучится ученикъ годъ, другой, говоритъ онъ, и отходитъ отъ своего хозяина, начинаетъ работать самостоятельно, „и цѣну спуститъ и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ, ни онъ

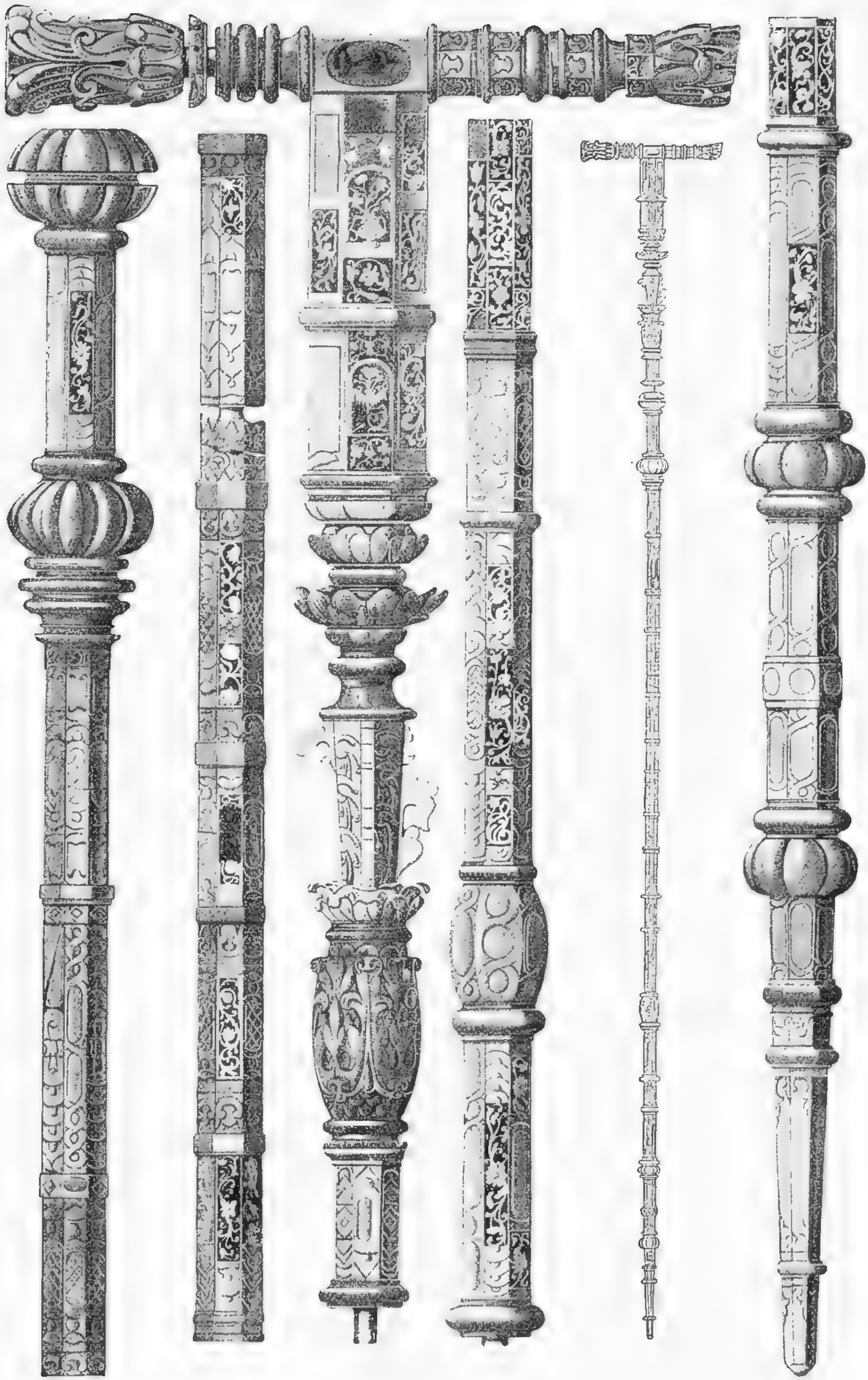
мастеръ, ни онъ работникъ". Кромѣ ученниковъ и подмастерьевъ, т.-е. наемныхъ работниковъ, среди ремесленниковъ попадается много такъ называемыхъ „захребетниковъ", т.-е. людей, не плативших посадскаго тягла и живших за чужимъ „хребтомъ" или тягломъ. Такъ, изъ документовъ, относящихся къ сбору въ Москвѣ пятинныхъ денегъ въ 1642 г., видно, что на 626 ремесленниковъ изъ числа посадскихъ людей приходилось 158 захребетниковъ, что составляло $25._2{}^0/_0$.

Центромъ объединенія ремесленниковъ какого-либо мастерства являлся торговый рядъ, а исполнительнымъ органомъ этой торгово-ремесленной корпораціи былъ торговый староста. Можно предполагать, что торговцы и мастеровые одного и того же товара связаны были поручными записями, которыя еще больше скрѣпляли ихъ корпоративныя отношенія. Въ 1641 г. всѣ скорняжнаго ряда торговые и мастеровые люди вмѣстѣ со своимъ старостою даютъ поручную запись по скорнякѣ Акимѣ Цибинѣ въ томъ, что онъ человѣкъ добрый и можетъ ѣхать съ государевой мягкой рухлядью въ Крымъ. По Новоторговому уставу 1667 г. дача поручной записи является необходимымъ условіемъ при поступленіи въ составъ ремесленниковъ: „А кто окажется, какимъ ремесломъ или торговымъ промысломъ захочетъ кормиться, и въ тотъ бы чинъ записался и далъ отъ себя на годъ поручную запись". Извѣстно, что въ Москвѣ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерствомъ могли заниматься только лица, на которыхъ будутъ взяты поруки. Въ вѣдѣніи старосты серебрянаго ряда въ Москвѣ находилось все пробирное дѣло, связанныя съ нимъ функціи полицейскаго надзора и наблюденіе за правильностью вѣсовъ у торговыхъ людей. Государевы кузнецы въ Москвѣ имѣли также своего старосту, а Уложеніе 1649 г. опредѣляетъ даже штрафъ за безчестье кузнечнаго старосты самопальнаго ряда. Не только въ столицѣ, но и въ уѣздныхъ городахъ мы видимъ корпоративныя организаціи ремесленныхъ людей; въ Коломнѣ, напримѣръ, въ 1632 г. было всего 21 дворъ кирпичниковъ, имѣвшихъ своего старосту и отстаивавшихъ свои интересы, когда ихъ хотѣли привлечь къ несенію посадскаго тягла члены такихъ рядовыхъ корпорацій; какъ для выбора старостъ, такъ и для обсужденія своихъ профессіональныхъ нуждъ сходились на совѣтъ, подобно тѣмъ сходкамъ, которыя имѣли мѣсто по сотнямъ и слободамъ. На этихъ совѣщаніяхъ вырабатывались челобитныя, въ которыхъ члены данной корпораціи ходатайствовали передъ правительствомъ о своихъ нуждахъ. Такъ, въ 1684 г. торговые люди котельнаго ряда обратились къ правительству съ просьбой о закрѣпленіи за ними исключительнаго права торга мѣдной и оловянной посудой. Ремесленники, стянутые въ слободы, имѣли также и свою мірскую казну, пополняемую мірскими сборами, изъ которой выплачивалось жалованье выборнымъ должностнымъ лицамъ. Такъ, извѣстно, что въ концѣ XVII в. староста Бронной слободы въ Москвѣ получалъ жалованья

12 рублей въ годъ изъ мірскихъ средствъ. Если Москва являлась центральнымъ пунктомъ ремесленнаго производства и стояла на первомъ мѣстѣ по количеству живущихъ въ ней ремесленниковъ,—въ 1638 г. ихъ насчитывалось въ ней 2.367, то и въ другихъ посадахъ, какъ можно видѣть изъ приводимыхъ статистическихъ данныхъ, ремесленники составляли довольно значительную по своей величинѣ группу. Такъ, въ Ростовѣ въ 1646 г. ремесленниковъ было 170 человѣкъ; въ Тулѣ (въ 1625 г.)—140; въ Суздалѣ (въ 1628 г.) — 65; въ Устюгѣ Великомъ (въ 1638 г.) — 457; въ Угличѣ (въ 1674 г.)—126; въ Симбирскѣ (въ 1678 г.)—137; въ Вяткѣ (въ 1628 г.)—90; въ Нижнемъ-Новгородѣ (въ 1620 г.)—520.

Правительство нерѣдко регламентировало отношенія между производителями и потребителями. Такъ, промыселъ хлѣбниковъ и калачниковъ, управлявшихся изъ особой помѣрной избы, обставленъ былъ въ XVII в. цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ условій. Правительство вело съ ними упорную борьбу, когда они, при царѣ Михаилѣ, не хотѣли подчиниться установленной таксѣ продажныхъ цѣнъ на хлѣбъ. За продажей питей, которая происходила въ овощномъ ряду, установленъ былъ также строгій надзоръ. Государевъ указъ 1625 г. вмѣняетъ въ обязанность старостамъ и десятскимъ этого ряда смотрѣть, „чтобы они у себя въ погребахъ водокъ и разносола и всякого краснаго питья въ стопы и полустопы, и въ малыя стопки въ алтынныя, и въ грошевыя, и въ двуденежныя не продавали, и питухомъ пити у себя въ погребахъ не давали, и табаку на продажу не держали, а продавали бъ всякое красное питье въ ведра, и въ полуведра, и въ четьведра, а въ полчети ведра на подворья и въ погребахъ бы у себя отнюдь никому пити не давали“. Правительство дозволяетъ только продавать вино исключительно на выносъ и въ посудѣ опредѣленнаго объема, угрожая въ противномъ случаѣ десятирублевымъ штрафомъ и торговою казнью.

Объединяясь въ торговые ряды и слободы, промышленники XVII в. усвоивали довольно прочно идею корпоративной солидарности и артельнаго начала. Они нерѣдко образовывали промышленныя компаніи, желая поставить производство на болѣе широкихъ основаніяхъ. Такъ, торговый человѣкъ Лазарко Плютовъ, Кадашевецъ, Ѳомка Билибинъ и гость Иванъ Булгаковъ составили компанію для выработки поташа и смольчуга на земляхъ стряпчаго Ѳедора Полтина въ Козьмодемьяновскомъ уѣздѣ. Это было своего рода товарищество на паяхъ. Въ 1632 г. образовалась другая компанія въ составѣ четырехъ членовъ, а именно: торговаго человѣка новгородской сотни Ивана Потапова, гостиной сотни Григорія Петрова и Анкиндина Кобылкина, и тяглеца конюшенной слободы Ивана Ипатьева. Она получила отъ правительства привилегію на разработку въ теченіе 6 лѣтъ сѣрной руды и на добычу краски „багоръ“.



Янтарный посохъ патріарха Филарета. (Изъ альбома Солнцева).

Нельзя, однако, говорить о Московской Руси XVII в., какъ о странѣ съ чисто-кустарной или мелко-ремесленной промышленностью. У насъ имѣется цѣлый рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что какъ разъ въ XVII в. въ Россіи появляются заводы и фабрики, устраиваемые какъ иностранцами, такъ и нѣкоторыми русскими людьми, часто при поддержкѣ правительства. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти крупныя промышленныя учрежденія основывались или въ столицѣ, вблизи отъ царскаго двора и московскаго городского торга, или въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ съ давнихъ поръ развивалась какая-нибудь спеціальная отрасль ремесленнаго производства. Такъ же какъ и въ организаціи внѣшней торговли, иностранный капиталъ и иностранная техника играютъ видную роль въ насажденіи въ Россіи XVII в. фабрично-заводской промышленности. По словамъ Рейтенфельса, въ Московскомъ государствѣ начала 60-годовъ XVII в. количество разнаго рода художниковъ со дня на день увеличивается, между тѣмъ какъ раньше ихъ было мало. Эти иностранные мастера приглашались на русскую службу съ однимъ непремѣннымъ условіемъ: „Нашего бъ государства люди то ремесло переняли“. Это условіе можно было легко выполнить, такъ какъ, по свидѣтельству иностранныхъ наблюдателей, русскіе люди отличались большой смышленностью и переимчивостью. Олеарій, напримѣръ, отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ ту быстроту, съ которой русскіе все перенимали у иностранцевъ, а, по словамъ Рейтенфельса, „сами русскіе такъ понятливы во всѣхъ родахъ искусства, что часто превосходятъ своихъ учителей-иностранцевъ“.

Всего больше вниманія московское правительство обращало на развитіе металлургической промышленности, что вытекало, естественно, изъ потребностей военнаго характера. Уже въ 1626 г. разрѣшенъ былъ свободный пріѣздъ въ Россію англійскому инженеру Бульмеру, который „своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находить руду золотую, и серебряную, и мѣдную, и дорогое каменье и мѣста такія знаетъ достаточно“. Еще при царѣ Михаилѣ нѣсколькими саксонскими мастерами оборудованъ былъ въ 7 верстахъ отъ Тулы большой горнъ, гдѣ выдѣлывалось прутовое желѣзо. Въ 1632 г. голландскому купцу Андрею Виніусу дана была концессія на устройство желѣзодѣлательныхъ заводовъ близъ Тулы съ обязательствомъ приготовлять для казны по удешевленнымъ цѣнамъ „пушки, ядра, ружейные стволы и всякое желѣзо“. Позднѣе эти заводы отданы были двумъ иностранцамъ, Петру Марселису и Тильману Окаму, съ условіемъ пользоваться ими безоброчно въ теченіе двадцати лѣтъ, а затѣмъ концессіонеры обязаны были уплачивать правительству по 100 рублей съ каждой плавильной печи. Заводъ долженъ былъ доставлять въ казну по установленной цѣнѣ оружейное и ядерное желѣзо. При царѣ Алексѣѣ на заводахъ Марселиса лили пушки и огромные колокола; такіе же пушки и колокола отливались иностранными мастерами въ самой Москвѣ на заводѣ, построенномъ еще въ первой поло-

винѣ XVII в. на Поганомъ прудѣ при рѣкѣ Неглинной. По словамъ Олеарія, этимъ московскимъ заводомъ завѣдывалъ Гансъ Фплькенъ изъ Нюренберга. Въ 1644 г. иностранной компаніи съ гамбургскимъ купцомъ Марселисомъ во главѣ дано было разрѣшеніе на постройку желѣзодѣлательныхъ заводовъ по рѣкамъ Вагѣ, Шекснѣ и Костромѣ, съ тѣмъ, чтобы часть приготовляемаго желѣза по дешевой цѣнѣ доставлялась въ казну. Въ Олонцѣ и недалеко отъ Мезени въ значительномъ количествѣ выплавлялась мѣдь. Во второй половинѣ XVII ст. были еще желѣзодѣлательные заводы въ Тулѣ и Петрозаводскѣ, устроенные Миллеромъ и Розенбушемъ. Въ самой Москвѣ было три серебряныхъ и одинъ мѣдный денежный дворъ, на которыхъ, въ концѣ столѣтія, работало до 264 мастеровъ.

Еще при царѣ Борисѣ правительство задумало ввести въ Московскомъ государствѣ фабричное производство сукна и поручило нѣмцу Бекману достать въ Любекѣ суконныхъ мастеровъ. Нѣсколько позже одинъ иностранецъ Фонъ-Шведенъ завелъ первую суконную фабрику, но потерпѣлъ на ней значительный убытокъ Въ 1684 г. по правительственному почину возникаетъ нѣсколько фабрикъ для выдѣлки различныхъ матерій: такъ, иноземцу Ильѣ Тарбету разрѣшено было завести въ Москвѣ и Московскомъ государствѣ суконные и шерстяные заводы; тогда же разрѣшено было другому иностранному предпринимателю устроить бумажную и хлѣбную мельницы, а также стеклянный и суконный заводы, а какому-то русскому промышленнику Павлову—бархатную фабрику. Въ половинѣ XVII в. возникаютъ въ Россіи мыловаренные заводы, куда сбывали въ большомъ количествѣ поташъ. Близкій къ царю Алексѣю боярпнъ Б. И. Морозовъ основалъ въ Сибири нѣсколько поташныхъ заводовъ. Въ первой половинѣ XVII в. началась въ Россіи выработка стекла. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ существовало два стеклянныхъ завода, Измайловскій и Духанинскій. Въ 1634 г. иностранный капиталъ проникаетъ и въ кожевенное производство: одному нѣмцу дается привилегія на выдѣлку лосиныхъ кожъ, съ запрещеніемъ рус-

Дѣтскіе доспѣхи царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная палата).

скимъ промышленникамъ выдѣлывать въ теченіе десяти лѣтъ лосиныя кожи на разстояніи 50 верстъ отъ завода. Вокругъ столицы въ XVII в. было много пороховыхъ мельницъ. Въ самой Москвѣ, быть-можетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ двора, на Дѣвичьемъ полѣ, за Хамовниками, устроенъ былъ соляной заводъ, а въ 1666 г. на бечевномъ дворѣ—сафьянный заводъ. Впослѣдствіи на этомъ сафьянномъ дворѣ мастера изъ грузинъ дѣлали пробу окрашиванія миткаля и холста „на кумашное дѣло“. Въ 1658 г. построенъ былъ царемъ Алексѣемъ Кадашевскій хамовный дворъ (нѣчто въ родѣ большой полотняной мануфактуры). Въ запискахъ царскаго врача Самупла Коллинса находимъ указанія еще на другую полотняную фабрику, находящуюся въ вѣдѣніи царицы. „Царь,—по его словамъ,—построилъ въ семи верстахъ отъ Москвы для обработки пеньки и льна красивые домы, очень обширные, въ которыхъ будетъ доставляема работа всѣмъ бѣднымъ въ государствѣ“.

Правительство не только само организовывало фабрики и заводы, но и было озабочено тѣмъ, чтобы промышленники-концессіонеры имѣли въ достаточномъ количествѣ рабочія руки. Такъ, къ тульскимъ желѣзодѣлательнымъ заводамъ Виніуса была приписана цѣлая волость дворцовыхъ крестьянъ, къ соликамскому, костромскому и тульскому заводамъ Марселиса 400 душъ, а къ заводамъ Окама—200 душъ. Стремясь расширить промышленную дѣятельность въ странѣ, правительство организовывало рядъ экспедицій для разысканія мѣстонахожденій тѣхъ или другихъ природныхъ богатствъ. Такъ, въ 1666 г. отправленъ былъ на Двину полковникъ Кемпенъ для обозрѣнія алебастровыхъ горъ, слюды, золота, серебра и изысканія средствъ для удобнѣйшей выварки соли изъ морской воды. Въ то же время на Мезень были отправлены „рудознатцы“ князья Милорадовы для отысканія серебряныхъ и золотыхъ рудъ. Дьяку Шпилкину поручено было отыскать серебряную руду въ 1661 г. на Каниномъ Носу, Югорскомъ Шарѣ и рѣкѣ Косвѣ; сверхъ того, отправлены были искатели руды на Уралъ, на Тоболъ, въ Кузнецкъ, Красноярскъ и въ Томскую область. Разработка рудныхъ залежей привлекала къ себѣ вниманіе иностранныхъ предпринимателей. Англійская торговая компанія ходатайствовала передъ царемъ Алексѣемъ о дарованіи ей права на разработку желѣзной руды. Правительство по этому поводу совѣщалось съ гостями, которые высказались въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ велѣть искать англійскимъ людямъ желѣзную руду въ пустыхъ мѣстахъ. Интересны мотивы, которыми гости подкрѣпляли свое рѣшеніе: „отъ такого-де позволенія не будетъ убытка ни великому государю, ни имъ, гостямъ, потому что, если англичане не найдутъ, то они одни и убытки потерпятъ; а если найдутъ, то русскимъ людямъ кормленіе отъ того будетъ и желѣзо будетъ дешевле, потому что изъ государевой земли за море желѣзо нейдетъ, а идетъ желѣзо въ государеву землю отъ нихъ изъ-за моря, да и самая

находка желѣза въ московскомъ государствѣ будетъ диковинкой". Изъ тѣхъ же „сказокъ", отобранныхъ отъ гостей при обсужденіи предложенія англійской компаніи, видно, что русскіе капиталисты, старавшіеся монополизировать въ своихъ рукахъ торговый оборотъ внутри страны, не считали убыточнымъ для себя допущеніе иностранныхъ предпринимателей къ разработкѣ природныхъ богатствъ Россіи. Англійскіе же люди, по словамъ гостей, завели канатное дѣло, и отъ того было кормленіе многимъ русскимъ людямъ бѣднымъ, которые у нихъ работали, да и научились у нихъ русскіе люди канаты дѣлать.

Такимъ образомъ XVII в. въ экономической жизни московскаго государства былъ переходнымъ моментомъ, когда прежнія натурально-хозяйственныя отношенія постепенно замѣнялись мѣновыми или денежными. Съ увеличеніемъ плотности населенія въ странѣ началъ оживляться внутренній обмѣнъ, а съ установленіемъ болѣе правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ Западной Европой и государствами Азіатскаго Востока возникла болѣе тѣсная торговая связь съ заграничными рынками. Въ такой почти исключительно земледѣльческой странѣ, какой была Московская Русь до средины XVI в., денежный капиталъ былъ явленіемъ крайне рѣдкимъ и случайнымъ. Необходимы были иностранные капиталы и иностранная предпріимчивость для удовлетворенія цѣлаго ряда новыхъ хозяйственныхъ потребностей. Ихъ-то и старается привлечь въ страну московское правительство XVII в., чтобы насадить у насъ фабрично-заводскій индустріализмъ. Мелкое кустарное производство не могло доставить новымъ полкамъ иноземнаго строя хорошее оружіе и военные снаряды. Только иностранный техникъ могъ организовать необходимые для правительства фабрики и заводы—вотъ почему такъ много концессій, на крайне льготныхъ условіяхъ, получаютъ въ это время иностранные предприниматели. Только къ концу XVII в., когда въ странѣ въ достаточной степени успѣлъ окрѣпнуть торговый капитализмъ, возникаетъ стремленіе націонализировать русскую промышленность, и правительство, рука объ руку съ московскими гостями, вступаетъ въ борьбу съ иностранными торговыми и промышленными компаніями. Однако, лишивъ иностранныхъ капиталистовъ ихъ привилегированнаго положенія на русскомъ внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ, новая экономическая политика не могла вытѣснить иноземнаго предпринимателя изъ зарождающейся индустріальной промышленности, такъ какъ среди русскихъ людей почти не было лицъ, способныхъ двинуть впередъ наше фабрично-заводское производство.

В. Бочкаревъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОТДѢЛЪ Фундаментальная Библиотека 269

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ II ТОМА.

А) на отдѣльныхъ листахъ.

А) геліогравюры:

Стр.

1. Литовченко. Сокольничьи царя Алексѣя Михайловича 16
2. Степановъ. Медвѣжья охота царя Алексѣя Михайловича . . . 32
3. Рѣпинъ. Царевна Софья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ . . . 64
4. Суриковъ. Утро стрѣлецкой казни 224
5. Рѣпинъ. Уничтоженіе стрѣлецкаго войска. 256

Б) цвѣтныя, въ нѣсколько красокъ:

1. Легенда о протопопѣ Аввакумѣ. 48
2. Держава царя Алексѣя Михайловича. 144
3. Кресло царя Михаила Ѳеодоровича. 150
4. Саадакъ царя Алексѣя Михайловича. 176
5. Тарелка царя Алексѣя Михайловича. 192
6. Царскіе щиты XVII вѣка 240

Б) дуплексъ и одноцвѣтныя:

1. Никонъ съ клиромъ 8
2. Мясоѣдовъ. Самосожженіе . . 24
3. Рябушкинъ. Московскія женщины XVII вѣка 40
4. Крестовая палата въ теремахъ . 56
5. Булатный щитъ царя Алексѣя Михайловича 72
6. Шварцъ. Вешній поѣздъ царицы. 80
7. Шереметевъ. Посольскій дворъ XVII вѣка 96
8. Шварцъ. Нареченіе царской невѣсты 112
9. Письмо царя Ѳеодора Алексѣевича. 128
10. Лебедевъ. Боярская свадьба . 192
11. Яновъ. Застѣнокъ 232

Б) въ текстѣ.

1. Протопопъ Аввакумъ 1
2. Русское богослуженіе. 5
3. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ 9
4. Лебедевъ и Богатовъ. Морозова и протопопъ Аввакумъ . . 11
5. Милорадовичъ. Аввакумъ въ Дауріи. 15
6. Казни старообрядческихъ иноковъ. 19
7. Милорадовичъ. Черный соборъ. 23
8. Иноки Корнилій и Виталій . . . 25
9. Суриковъ. Боярыня Морозова. 27
10. Нѣмецкая слобода 32
11. Царь Алексѣй Михайловичъ. . . 34
12. Аудіенція иностраннымъ посламъ. 36

	Стр.
13. Посольскій дворъ.	37
14. Въ царскихъ палатахъ	41
15. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . .	43
16. Царь Алексѣй Михайловичъ. . .	46
17. Ивановъ. Пріѣздъ иностранцевъ.	49
18. Пасторъ Грегори	51
19. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . .	54
20. „ „ „ . .	62
21. Выѣздъ царицы	64
22. Нѣмецкая слобода	66
23. Патріархъ Іоакимъ	72
24. Шествіе на осляти	77
25. Выходъ царицы	81
26. Выходъ царицы	87
27. П. И. Потемкинъ	95
28. Богданъ Хмельницкій	97
29. Царь Алексѣй Михайловичъ. . .	101
30. Шарлеманъ. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи.	105
31. Гетманъ Дорошенко.	113
32. Гетманъ Скоропадскій	119
33. Гетманъ Даніилъ Апостолъ . . .	121
34. Гетманъ Дорошенко.	123
35. Гетманъ Мазепа	125
36. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. . .	129
37. Верещагинъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ	131
38. Бояринъ А. С. Матвѣевъ	135
39. Царица Марѳа (Апраксина) . . .	137
40. Лебедевъ. Кончина царя Ѳедора Алексѣевича	139
41. Царевна Софья.	143
42. Кн. В. В. Голицынъ.	147
43. „ „ „ „	149
44. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ. . . .	153
45. Царица Прасковья Ѳедоровна .	157
46. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ. . . .	159
47. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. . .	163
48. Царевна Маргарита Алексѣевна .	169
49. Шарлеманъ. Сожженіе разрядныхъ книгъ	173
50. Верещагинъ. Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи.	179
51. Пренія о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ.	183
52. Тронъ Іоанна V и Петра I . . .	185
53. Лебедевъ. Сокольничіе царя Алексѣя Михайловича.	191
54. Бояринъ В. С. Волынскій	195
55. Держава Михаила Ѳедоровича .	199
56. Царь Алексѣй Михайловичъ, царица Наталья Кирилловна и патріархъ Никонъ	203
57. Терема. Опочивальня царя Алексѣя Михайловича	209
58. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ. . .	216
59. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ. . . .	219
60. Царица Прасковья Ѳедоровна .	221
61. Алтабасная шапка царя Іоанна Алексѣевича.	223
62. Шереметевъ. Посольскій приказъ XVII вѣка	225
63. Терема.	229
64. Патріархъ Іосифъ.	232
65. Терема. Тронный залъ	239
66. Царь Алексѣй Михайловичъ. . .	243
67. Царское мѣсто	247
68. Факсимиле подписей	251
69. Царское мѣсто	255
70. Посохъ патр. Филарета	265
71. Дѣтскіе доспѣхи царя Алексѣя Михайловича	267

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Реформа Никона и происхожденіе раскола *Н. М. Никольскаго*	1
Западное вліяніе въ Московскомъ государствѣ *В. Я. Уланова*	32
Малорусск.-польское вліяніе въ Москвѣ и русская школа XVII вѣка *В. В. Нечаева.*	67
Внѣшняя политика Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ *В. И. Пичета*	94
Царствованіе Ѳедора Алексѣевича и правленіе царевны Софьи *В. В. Нечаева.*	126
Боярство и дворянство въ XVII вѣкѣ *В. Н. Сторожева*	186
Крѣпостное право въ Россіи въ XVII вѣкѣ *В. Я. Уланова*	217
Экономическій бытъ Россіи въ XVII вѣкѣ *В. Н. Бочкарева*	234

ИЗДАНІЕ
Т-ВА
И. Д. СЫТИНА